

Костромской
государственный
университет

«ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»

Сборник трудов
Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции

22–23 апреля 2022 года, г. Кострома

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Костромской государственный университет
Следственное управление Следственного комитета России
по Костромской области
Управление федеральной службы исполнения наказаний России
по Костромской области

**«ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»**

**Сборник трудов
Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции**

22–23 апреля 2022 года, г. Кострома

Текстовый электронный сборник

Кострома
КГУ
2022

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

УДК 343(0.034)+347(0.034)+351(0.034)

ББК 67.7я04+67.5я04+67.4я04

П781

Издается по решению редакционно-издательского совета
Костромского государственного университета

Р е ц е н з е н т ы :

А. В. Бухарев, заместитель прокурора Сусанинского района
Костромской области, канд. юрид. наук;

А. А. Лукоянова, мировой судья судебного участка № 48
Буйского судебного района Костромской области;

Е. А. Суманеева, заведующая правовым отделом администрации
Сусанинского муниципального района Костромской области

П781 Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе :
сборник трудов Всероссийской (с международным участием) научно-практи-
ческой конференции (22–23 апреля 2022 года, г. Кострома) / сост. Н. В. Ган-
жа, Д. Н. Лукоянов, А. С. Евстегнеев, И. Н. Мельников, О. В. Плюснина,
А. В. Сироткин, Н. В. Кузьмина, И. В. Орловская ; отв. ред. В. В. Груздев,
Г. Г. Бриль. – Электронные текстовые, граф. дан. (4,23 Мб). – Кострома : Ко-
стромской государственный университет, 2022. – 1 CD-ROM: цв. – Систем.
требования: ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на
HDD 1,5 Гб; Windows XP с пакетом обновления 3(SP3) и выше; Adobe Acro-
bat reader; интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 Мб: CD или
DVD привод оптических дисков; экран с разрешением не менее 1024×768
пикс.; клавиатура; мышь. – Загл. с тит. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-8285-1204-1

Настоящий сборник составлен по итогам Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции «Проблемы правоохранительной деятельности на совре-
менном этапе», состоявшейся 22–23 апреля 2022 года в Костроме. В сборнике трудов рас-
сматриваются наиболее актуальные вопросы правоохранительной деятельности на современ-
ном этапе.

Предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов,
магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

УДК 343(0.034)+347(0.034)+351(0.034)

ББК 67.7я04+67.5я04+67.4я04

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений,
а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуе-
мых материалов.

При перепечатке материалов сборника ссылка на сборник трудов обязательна.

ISBN 978-5-8285-1204-1

16+

© Костромской государственный
университет, 2022

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	10
Валов С. В.	
«Подводные камни» цифровизации деятельности следователя.....	10
Милич И.	
Роль тюремных властей и прокурора в процессе условного освобождения осужденного.....	16
Ищук Я. Г.	
Общая превенция уголовного закона.....	20
Корж П. А. Некоторые итоги реформирования правоохранительных органов России	25
Леонов Н. И.	
Понятие и сущность нормативно регулируемых отношений в сфере государственных и муниципальных закупок как объекта преступлений	30
Поликарпова И. В.	
Понятие и структура профилактических правоотношений.....	35
Сергеева А. А., Питулько К. В.	
Новые формы дискриминации в спорте: способы определения и политика противодействия.....	40
СЕКЦИЯ 2. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СВЕТЕ НОВЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	45
Аносов А. В.	
Предупреждение преступлений, совершаемых с помощью интернета вещей	45
Верещагина А. В.	
К истории развития российского законодательства о преступлениях против правосудия.....	50
Гилинский Я. И.	
Уголовная политика в современном обществе	54
Грузинская Е. И.	
Охрана половой неприкосновенности в свете новеллизации российского уголовного законодательства.....	58
Давыдова Е. Ю.	
К вопросу о необходимости уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере «похоронного дела»	63
Дворянсков И. В.	
О концептуальных аспектах реформирования российского уголовного законодательства.....	69

Денисович В. В.	
Понятие и сущность уголовной ответственности военнослужащих	73
Евстегнеев А. С.	
Современное состояние преступности в Костромском регионе	80
Зацепин А. М., Пермяков М. В.	
Криминологическая доктрина противодействия криминальному элементу	84
Зацепин М. Н., Глушкова Е. М.	
Криминологическая политика в роли социальных мер правового характера	90
Казанцев П. В., Шишкин Р. В.	
К вопросу об особенностях предупреждения преступлений экстремистской направленности в Российской Федерации в современных реалиях	95
Кузьмина Е. Н.	
К вопросу о совершении самовольных уходов несовершеннолетними из социозащитных учреждений (на примере города Костромы Костромской области)	99
Кузнецова И. Ф.	
Коррупция: понятие и состояние противодействия	107
Мартыненко И. Э.	
Белорусский опыт правоохранительной деятельности по противодействию реабилитации нацизма	111
Мартыненко Н. Э.	
Реализация уголовной политики в сфере охраны прав и законных интересов личности	115
Мартыненко Э. В.	
Реализация уголовной политики в положениях УК РФ об иных мерах уголовно-правового характера	122
Мозина А. В.	
Органы внутренних дел в системе предупреждения преступлений и иных правонарушений	128
Поляков А. М.	
Профилактика как основное направление предупреждения преступлений и иных правонарушений	133
Семенцова И. А., Шулякова М. В.	
Трансплантационный туризм: уголовно-правовой взгляд на проблему	140
Стукалова Т. В.	
Актуальные проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за пытку	145
Титушкина Е. Ю., Цепелев В. Ф.	
Правовое обеспечение предупреждения преступлений: проблемы законодательного регулирования и пути решения	150

Тихонова С. С.	
Перспективы отражения уголовной политики и принципов уголовного закона в концепциях законопроектов	154
Трунцевский Ю. В.	
Предпосылки создания специализированных антикоррупционных судов.....	160
Усачева Е. А.	
К вопросу о потерпевшем от преступления, предусмотренного ст. 320 УК РФ.....	165
Хилюта В. В.	
Назначение штрафа за преступления с признаками административной преюдиции по законодательству Республики Беларусь	169
Черков В. А., Грон В. В.	
Социальная адаптация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, и ее значение в предупреждении рецидивной преступности	176
СЕКЦИЯ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ И ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	181
Васильева А. В.	
Вопросы методики участия прокурора в рассмотрении судами гражданских дел по защите трудовых прав женщин	181
Гончарова Т. С.	
Ресурсное обеспечение правозащитной функции адвокатуры: материально-финансовые вопросы	187
Емельянов А. А.	
Постановления Пленума Верховного Суда как источник права.....	192
Зайцев Л. Н.	
Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: теория и практика.....	197
Захарян А. А.	
Об участии суда и прокурора в доказывании при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ	202
Кукеев А. К.	
Стратегия и тактика консультативной работы адвоката.....	206
Макашова Т. П., Яцынич Я. Я.	
К вопросу о закреплении института адвокатуры в Конституции Российской Федерации	212
Меркулов С. Н., Базака В. В.	
Проблемы эффективного противодействия коррупции.....	217

Олифиренко Е. П.	
Проблемные аспекты совершенствования прокурорского надзора за законностью в сфере оплаты труда.....	222
Россоловский П. А.	
Концептуальные вопросы совершенствования деятельности органов прокуратуры как составляющая организации работы и управления.....	227
Рошко Н. В.	
Актуальные вопросы изучения прокурором материалов уголовного дела и оценка содержащихся в нем доказательств в судебном производстве (в рамках особого производства).....	231
СЕКЦИЯ 4. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	239
Александров А. С., Александрова И. А.	
Уголовно-процессуальные формы разрешения бесспорных уголовных дел мировым соглашением.....	239
Костерин В. В.	
Субсидиарное частное обвинение потерпевшего по уголовным делам частно-публичного обвинения о преступлениях в сфере экономической деятельности	243
Лучинкин Ф. М.	
Использование в судебном следствии по уголовному делу вещественных доказательств, содержащих результаты оперативно-розыскной деятельности	247
Ряполова Я. П.	
Обеспечение эффективности законодательного регулирования уголовно-процессуальной деятельности на этапе рассмотрения сообщений о преступлении: общетеоретические и прикладные аспекты.....	251
Сергеева С. Н., Олейник Н. А., Медведчук А. А.	
Международный опыт применения мер пресечения правоохранительными органами внутренних дел	254
Степушов М. Ю.	
К вопросу об особенностях расследования и раскрытия преступлений, связанных с незаконной банковской деятельностью	261
Ярошенко О. Н.	
Проблемы информационной безопасности в судебной деятельности на современном этапе	265
СЕКЦИЯ 5. ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ.....	270
Мельников И. Н., Морозов А. С.	
Длящиеся правоотношения в сфере охотничьего хозяйства и проблемы их законодательного регулирования.....	270

Мельников И. Н., Ширина Т. В.	
Правовое регулирование нотариальной деятельности в условиях цифровой трансформации: проблемы и перспективы	273
Хвалыгина Н. Л., Гарбер Э. А., Груздев Д. В.	
Ненадлежащее извещение лиц, участвующих в деле.....	279
СЕКЦИЯ 6. МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ПРОБЛЕМАХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	285
Байтурин М. Ш.	
Проблемы правоприменения ст. 165 УК РФ на примере уголовного дела о причинении имущественного ущерба Департаменту агропромышленного комплекса Костромской области.....	285
Белякова Е. С., Яснева Е. В.	
Некоторые проблемные вопросы при регулировании охраны средств индивидуализации юридических лиц	290
Безрукавая П. П.	
Страхование предпринимательских рисков	294
Васильева О. Р.	
Выход Генеральной Прокуратуры РФ из МАП: причины и последствия	299
Войцеховская А. М.	
Понятие конфликта интересов на государственной службе в международном праве и отечественном законодательстве	303
Гатаева А. З.	
Особенности расследования киберпреступлений.....	308
Глотов Н. В.	
«Девальвация» прав человека: особенности внешнегосударственной защиты прав в уголовном процессе в условиях внешнеполитической напряженности	312
Готин А. А., Кузьмина Н. В.	
К вопросу о продаже алкоголесодержащей продукции несовершеннолетним дистанционным способом	316
Грибова С. Л.	
Научные подходы к понятию дискриминации в трудовом праве России...	320
Гуляев М. И.	
Правовое регулирование принципа недопустимости отчуждения территорий Российской Федерации	325
Гурко А. К.	
К вопросу о квалификации «самовознаграждения» посредника	327
Гусева О. С.	
Административная ответственность за нарушение ограничений, направленных на предупреждение распространения COVID-19.....	333

Джафарова Г. Ш. к., Ганжа Н. В., Яснева Е. В. Прокурорский надзор за соблюдением жилищных прав несовершеннолетних.....	339
Жибарева А. М., Евстегнеев А. С. О соотношении преступлений, запрещенных статьями 264 и 264.1 УК РФ	342
Жижина А. Р. Актуальные проблемы финансирования деятельности мировых судей в Российской Федерации	348
Иванчей В. В. Актуальные проблемы несоблюдения добросовестности страховщиком на первой стадии страхового правоотношения.....	354
Калинина Е. А., Орловская И. В. Экоцид в контексте зарубежного и российского уголовного права: сравнительно-правовой анализ	360
Липская Е. Ю., Ищук Я. Г. Современные тенденции мер борьбы с преступлениями экстремистской направленности	364
Макаров Э. Д., Евстегнеев А. С. Анализ отдельных положений смертной казни как вида уголовного наказания в Российской Федерации.....	370
Маянцева А. А. Актуальные проблемы административной ответственности за жестокое обращение с животными в России	374
Медведев И. Э., Хлестакова Л. А. Проблема определения малозначительности административных правонарушений при привлечении к административной ответственности юридических лиц	378
Мишнева Д. А. Фишинг как новый способ мошенничества в Интернете: проблемы квалификации и методы защиты	382
Панфилова А. С., Конардов С. Б. Актуальные проблемы ресоциализации осужденных	386
Петухова В. Н. Проблемы доказывания по гражданским делам о защите прав потребителей при приобретении некачественного товара	390
Подтесова Ю. А. Условия повышения эффективности мировой юстиции в России.....	393
Скудаева А. А. Административная ответственность за нарушение законодательства, регулирующего деятельность «иностранцев» в Российской Федерации	395
Солдатова Д. А. Проблемы защиты прав потребителей при дистанционной торговле	401

Соловьев В. О., Евстегнеев А. С.	
К вопросу о совершенствовании законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за доведение до самоубийства	405
Соловьёва А. Д., Хвалыгина Н. Л.	
Проблемы гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации в социальных сетях (Интернет)	410
Тихомиров А. В.	
Вопросы правового регулирования деятельности общественных советов при органах внутренних дел в Российской Федерации.....	415
Тупицына О. В.	
Гарантии осуществления деятельности судей как важнейший элемент правового статуса	418
Ушаков С. Д.	
Разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами.....	422
Хамзин Р. Х., Ганжа Н. В., Кузьмина Н. В.	
Особенности назначения наказания несовершеннолетним	425
Шигарев И. Н.	
Проблемы защиты прав потребителей при заключении договора розничной купли-продажи, осуществляемой дистанционным способом при использовании сети Интернет	429

Титул	Сведения об издании	Выпускные данные	Содержание
-------	------------------------	---------------------	------------

СЕКЦИЯ 1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.131

Валов Сергей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
valov-s@rambler.ru

«Подводные камни» цифровизации деятельности следователя

Стремление цифровизировать и модернизировать на этой основе следственную деятельность без учета обстоятельств, лежащих вне сферы уголовного судопроизводства, может оказать существенное и негативное влияние на достижение поставленных целей. Единству процессуальной основы деятельности следователей, потребности применения «сквозных» технологий для следственных органов противостоят их ведомственная разобщенность, склонность к изолированному поиску уникальных вариантов решения сходных проблем. Изложены результаты критического анализа предшествующего опыта и современных решений проблем цифровизации следственной деятельности, предложены авторские решения.

Ключевые слова: следственный орган, цифровизация, информатизация, компьютеризация, следственная деятельность, уголовная юстиция.

Valov Sergey Vladimirovich,
candidate of sciences, associate professor
Senior Researcher at the Scientific Research Department,
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

“Pitfalls” of digitalization of the investigator's activities

The desire to digitalize and modernize investigative activities on this basis without taking into account the circumstances outside the scope of criminal proceedings can have a significant and negative impact on the achievement of the set goals. The unity of the procedural basis for the activities of investigators, the need for the use of “end-to-end” technologies for investigative authorities are opposed by their departmental disunity, a tendency to isolate the search for unique options for solving similar problems. The results of a critical analysis of previous experience and modern solutions to the problems of digitalization of investigative activities are presented, author's solutions are proposed.

Keywords: *investigative body, digitalization, informatization, computerization, investigative activities, criminal justice.*

Повсеместное распространение информационно-телекоммуникационных технологий не могло не затронуть сферу деятельности следственных органов.

Во-первых, следственные органы погружены в тренд цифровизации государственного управления, определенного документами стратегического планирования. С одной стороны, следственные органы (вне зависимости от их ведомственной принадлежности) по всем направлениям своей деятельности тесно взаимодействуют со многими государственными органами, реализующими масштабные программы цифровой трансформации. С другой – большая часть следственных органов выступают частью мега-систем (МВД России, ФСБ России), в организационных пределах которых намечены мероприятия ведомственных программ цифровой трансформации [6].

Во-вторых, в настоящее время реализуется федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», нацеленная на внедрение современных информационно-телекоммуникационных технологий в деятельность судов, рассматривающих по существу оконченные следователями уголовные дела [5], а также Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года, предусматривающая модернизацию подсистем осуществления прокурорского надзора и координации деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью [7].

В-третьих, реализация проекта «Цифровая экономика» [8], наряду со стихийными рыночными регуляторными механизмами, способствует целенаправленному преобразованию социального пространства, в котором помимо служебного времени пребывают сотрудники следственных органов, и в обстановке которого они выполняют свои процессуальные и служебные обязанности.

В-четвертых, информационные технологии изменяют содержание и формы уголовного судопроизводства. Учтены особенности изъятия, осмотра и обеспечения сохранности информации на электронных носителях (ст. 164.1 УПК) [3]. Принято решение о возможности использования систем видеоконференц-связи при производстве допроса, очной ставки и опознания (ст. 189.1 УПК) [4].

Вместе с тем, указанные изменения носят фрагментарный характер, влекущие спорадический эффект в разных социальных пространствах, в пределах которых протекает деятельность следователя. Деятельность следователя не тождественна его уголовно-процессуальной деятельности в уголовном судопроизводстве. Субъектом такого рода деятельности выступает должностное лицо федерального государственного органа или органа предварительного следствия в составе федерального органа исполнительной власти, замещающее должность следователя (вне зависимости от иных дополнений к ней). Деятельность следователя – это форма выполнения следователем и процессуальных, и служебных обязанностей. Она основа уголовно-процессуальных и служебных отношений следователя, с одной стороны, с любым и каждым субъектом уголовного судопроизводства (как имеющим статус участника, так и не имеющим такового, на-

пример, с лицами, чьи интересы затронуты в ходе производства по уголовному делу), а с другой – с субъектами одного с ним ведомства и других государственных органов, а также общественными организациями (объединениями), населением вне непосредственной связи с уголовным судопроизводством.

Модели цифровизации деятельности следователя должны охватывать своими конструкциями оба выделенных нами компонента, сопрягать и согласовывать их между собой. Модель цифровизации должна адекватно (а не фрагментарно) отражать весь компонентный состав деятельности следователя. Только при отсутствии диссонансов в построении цифровых образов компонентов деятельности следователь будет предрасположен к использованию предлагаемого ему программного продукта. В противном случае принцип ориентации продукта на потребности пользователя его возможностей не будет соблюден.

Одним из негативных проявлений дисбаланса, сопровождающего процессы цифровой трансформации, выступает несовпадение технологических сред бытовой и служебной (не говоря уже о процессуальной) социальной активности следователя (человека и сотрудника ведомства). Отставание требований к технической оснащенности рабочего места следователя и тем более несоответствие им реальной обстановки в служебном кабинете приводит к тому, что сотрудники следственных органов вынуждены использовать в служебных целях собственные персональные электронные вычислительные машины. Получившие распространение в бизнес-среде различные модели консьюмеризации (BYOC или BYOD)¹ не пригодны для государственных органов, сотрудники которых обрабатывают сведения, отнесенные к конфиденциальной информации [9].

При этом примерно половина погруженных в цифровой мир пользователей воспринимают информацию посредством мобильных устройств [10]. С учетом этого служебные отношения между руководителем следственного органа и его подчиненными, а также между следователями опосредованы техническими возможностями мобильных девайсов и установленных на них мессенджерами. Официально определенные организационные коммуникации дополняются цифровыми дублерами в средах, не контролируемых работодателем. Иерархическая пирамида следственного органа под воздействием стохастических процессов превращается в сетевую структуру.

Помимо компьютеризации деятельности следователей предпринимались попытки автоматизировать их рутинные трудовые процессы. Начиная с середины 90-х гг. XX в., они были реализованы путем опытного внедрения разрозненных автоматизированных рабочих мест следователя (далее – АРМ):

а) специализированных («Кража», «Грабеж», «Разбой», «Культура», «Взрыв», «Наркотики», «Эксперт» и др. в органах предварительного следствия в системе МВД России; «Процессуальные следственные акты» для следственных подразделений органов прокуратуры);

¹ BYOC (Bring Your Own Computer) – принесите свой собственный компьютер; BYOD (Bring Your Own Device) – принесите свое собственное устройство.

б) комплексных (АРМ «Следователь» в составе информационной системы «Ракурс» и АРМ следователя в составе автоматизированной информационной системы органов предварительного следствия в системе МВД России).

Ни один из указанных информационных продуктов в настоящее время на практике следователи не применяют в силу различных (технических, организационных, правовых, кадровых) причин [1].

Попытки реанимировать содержание указанных АРМ на новых платформах (Android, продукт CrimLib.info) [2] решают только задачу контекстного поиска информации в ограниченном банке данных методических пособий (рекомендаций). Их нельзя в полной мере назвать продуктами автоматизации следственной деятельности или деятельности следователя.

Перспективным видится алгоритм, заложенный в разрозненные АРМ методического типа («Кража», «Грабеж», «Культура», «Фальшивка» и др.), которые вели диалог с пользователем. На основе ответов следователя о ситуации по делу, программное обеспечение подбирало наиболее типичный набор следственных и иных процессуальных действий и предоставляло пользователю полную их характеристику. В настоящее время программное обеспечение не может быть применено в связи с устаревшей программной оболочкой (MS-DOS или Windows'95).

Из опыта внедрения АРМ и автоматизированных информационных систем в деятельность следователя следует еще один, на наш взгляд, очень важный вывод. Внедряемое программное обеспечение необходимо приобретать и внедрять только на основании договоров постоянного жизненного цикла, обязывающих разработчиков адаптировать предоставляемый продукт под требования потребителей, устранять выявленные в ходе эксплуатации недостатки, обеспечивать его адаптацию к более совершенным операционным системам, технической начинке и видам компьютеров. Для минимизации затрат опытно-конструкторские работы могут быть проведены на базе одной из ведомственных научных организаций с участием представителей всех следственных органов. К существенным рискам аутсорсинговой модели следует отнести риск прекращения предпринимательской деятельности разработчиком программного продукта.

Отсутствие у следователей доступной, хорошо структурированной и в достаточной степени полной базы методической литературы приводит к тому, что они обращают свои вопросы в социальные сети, формируют на их основе группы по интересам. Профессиональное сотрудничество происходит в открытом доступе только потому, что за рабочим местом у следователя нет возможности получить ответы на возникающие в ходе своей деятельности вопросы. Спектр таких вопросов достаточно широк. Он затрагивает не только сферу их уголовно-процессуальной деятельности.

Следственные органы, выполняя одинаковую функцию в системе уголовной юстиции, сталкиваются со схожими проблемами в цифровизации деятельности своих сотрудников. Но при этом каждый ищет варианты решения схожих проблем обособленно друг от друга. Не способствует изменению такой схеме решения проблем и «вертикально-туннельная» модель бюджетирования про-

грамм цифровой трансформации государственных органов. Целесообразно изменить реализуемую модель посредством применения программно-целевого метода реформирования системы уголовной юстиции. Предлагаемая модель учитывает однонаправленный (при нормальном выполнении функций) поток информации об уголовно-наказуемом противоправном деянии, получаемой исполнителями взаимосвязанных государственных функций в системе уголовной юстиции и неоднократно проверяемой на последующих стадиях уголовного судопроизводства. В этой модели следственные органы предстают единым образованием, стремящимся к одинаковому уровню «цифровой зрелости», диктуемому как спецификой их уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве, так и существующими связями между собой, а также с системами прокурорского надзора и правосудия по уголовным делам, институтами гражданского общества и населением.

В настоящее время ведомственные системы, соприкасающиеся друг с другом в системе уголовной юстиции, разрозненно проходят стадии цифровой трансформации. Как могут быть реализованы программные мероприятия Генеральной прокуратуры Российской Федерации по переходу на безбумажное делопроизводство на основе внедрения электронного документооборота, если следователь, действуя в соответствии с УПК и применяя имеющиеся у него технические средства, будет направлять прокурору копии своих многочисленных процессуальных решений на бумажных носителях? Наверное, только при условии, как написано в программных документах цифровой трансформации органов прокуратуры, использования возможностей модуля «Скан», входящего в автоматизированный информационный комплекс «Надзор», для поточного сканирования документов на организационных границах системы прокуратуры.

В модели поставлена еще одна амбициозная задача внедрения системы мониторинга и учета цепочки всех возможных решений, принятых по сообщению о происшествии (преступлении), начиная с его регистрации до вынесения приговора суда, а также контроля передачи уголовных дел между субъектами Российской Федерации. Возникает вопрос: почему из формулировки задачи исчезли многочисленные факты передачи уголовных дел по другим видам подследственности, а также по уровням управления в системах управления следственными органами и органами дознания? Исключение приведет к неполноте в базе данных.

Все обозначенные проблемы обуславливают необходимость создания единой инфраструктуры системы уголовной юстиции, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие ведомственных («туннельных») информационных систем, используемых государственными органами при выполнении функций в системе уголовной юстиции. Каркас системы целесообразно привязать к территориально-дифференцированным по федеральным округам центрам обработки данных с возможностью резервного автоматического копирования содержащейся в них информации и применения технологий распределенного реестра.

Таким образом, целевая установка на цифровизацию деятельности следователя должна учитывать незавершенные процессы компьютеризации и информатизации, негативный опыт разработки и внедрения автоматизированных рабочих мест, их интеграции в отраслевые автоматизированные информационные системы. Современный тренд на цифровую трансформацию еще более удаляет реальный уровень «цифровой» зрелости от заявленных ориентиров, поскольку преобладает модель «вертикально-туннельных» обособленных изменений ведомственно разобобщенных следственных органов. Выход видится в применении программно-целевого метода цифровой трансформации системы уголовной юстиции, который позволит гармонизировать технологические и инфраструктурные процессы в функционально взаимосвязанных органах государства, разрабатывать и внедрять «сквозные» технологии для сходных проблем в деятельности следователей вне зависимости от их ведомственной принадлежности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Валов С. В. Информационные технологии управления органами предварительного следствия // Теория активных систем – 50 лет : материалы Международн. науч.-практ. конф. – М. : Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, 2019. – С. 537–547.

2. Мобильное приложение «CrimLib.info – Справочник следователя». – URL : <https://app.crimlib.info/> (дата обращения: 7.04.2022).

3. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53. – Ст. 8459.

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ // Собрание законодательства РФ – 2022. – № 1. – Ч. 1. – Ст. 70.

5. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы : постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

6. Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы : распоряжение МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

7. Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. № 627 // Законность. – 2017. – № 12.

8. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» : утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

9. Перечень сведений конфиденциального характера : утв. Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении Пе-

речня сведений конфиденциального характера», п. 2 // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 10. – Ст. 1127.

10. IT GOVERNMENT DAY 2022 : конференция. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Конференция:Конференция_IT_Government_Day_2022 (дата обращения: 7.04.2022).

УДК 347.963

Милич Иван,

доктор юридических наук, ассистент,

Нови Садский государственный университет

г. Нови Сад, Республика Сербия

I.Milic@pf.uns.ac.rs

Роль тюремных властей и прокурора в процессе условного освобождения осужденного

Условное освобождение является важнейшим правом осужденного лица. Не каждый осужденный может воспользоваться этим правом. Несмотря на то, что освободить осужденного условно-досрочно может только суд, тюремное управление и прокурор играют значительную роль в процессе условно-досрочного освобождения. В статье автором рассматривается их роль в данной процедуре, а также акцентируется внимание на то, что представители администрации тюрьмы играют в этом важную роль, так как предоставляют суду характеристику на осужденных. Значительная роль в данном процессе отводится прокурору, в связи с тем, что может выступать за или против условно-досрочного освобождения осужденного.

Ключевые слова: закон, осужденный, условно-досрочное освобождение, администрация, пенитенциарное учреждение, суд, прокурор.

Milić Ivan,

doctor of law, assistant

University of Novi Sad

Faculty of Law Novi Sad

Novi Sad, Republic of Serbia

The role of prison authorities and the public prosecutor in the procedure for release of convicts on parole

The release on parole is the most significant right of a convict. This right may not be granted to any convict. Although the court may grant parole to a convict, prison authorities and the public prosecutor play an important part in the procedure for release on parole. The subject of this paper is their role during this procedure. The goal of the paper is to demonstrate that the most significant role in the procedure is played by the prison authorities, taking into account that they are responsible for submitting the report on the convict's conduct. The role of the public prosecutor is also vital as he may declare that he is for or against granting parole.

Keywords: parole, prison authorities, court, public prosecutor.

По правилу, наказание в виде лишения свободы в Сербии исполняется в пенитенциарных учреждениях, которых более 30 [1]. Вместе с тем осужденный может отбывать наказание в виде лишения свободы в помещении, где он живет (так называемый домашний арест). Но, независимо от того, где осужденный отбывает наказание, он имеет право на условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания наказания. Но этим правом наделены не все осужденные к наказанию в виде лишения свободы. По закону отдельные категории осужденных не могут быть освобождены условно-досрочно – это осужденные, совершившие конкретные тяжкие преступления, а также осужденные, которым налагались взыскания за нарушения порядка отбывания наказания в виде лишения свободы [2].

Для того чтобы осужденный был условно-досрочно освобожден, ему необходимо отбыть 2/3 назначенного судом наказания. Это правило не распространяется на лицо, приговоренное к пожизненному лишению свободы. Такое лицо также имеет право на условно-досрочное освобождение, если оно отбыло двадцать семь лет. Кроме того, необходимо, чтобы своим хорошим поведением во время отбывания наказания осужденный доказал свое исправление и от него можно было бы ожидать, что в дальнейшем он, находясь на свободе, будет вести себя хорошо и не будет совершать преступления. Условно-досрочное освобождение – это возможность индивидуализировать наказание в виде лишения свободы в порядке его исполнения [3].

Согласно действующему уголовному законодательству Республики Сербии, осужденный вправе ходатайствовать перед судом о своем условно-досрочном освобождении. Решение по его ходатайству об условно-досрочном освобождении принимает суд. Суд, в судебном заседании, рассматривая ходатайство осужденного, вправе принимать решение в отсутствие осужденного [4]. Вопрос о приглашении осужденного в судебное заседание, посвященное рассмотрению ходатайства об условно-досрочном освобождении, решается судом [5]. Такое предписание закона, представляется не совсем верным, так как суд принимает решение, не видя осужденного. При принятии решения об условно-досрочном освобождении осужденного суд, как правило, опирается на характеристику осужденного, представленную администрацией пенитенциарного учреждения. В связи с тем, что судебное заседание обычно проводится без участия осужденного, то в разрешении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного, особое внимание уделяется характеристике осужденного, подготовленной администрацией пенитенциарного учреждения и выступлению прокурора

После получения ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении, суд истребует характеристику из пенитенциарного учреждения, в котором осужденный отбывает наказание в виде лишения свободы, а также отчет о его поведении и других обстоятельствах, свидетельствующих о достижении цели наказания. В данном случае, роль администрации пенитен-

циарного учреждения заключается в том, что они готовят и представляют суду характеристику на осужденного и соответствующие документы, которые потребуются суду при рассмотрении ходатайства об условно-досрочном освобождении. В представляемой характеристике администрация учреждения высказывает свое мнение, достоин ли осужденный условно-досрочного освобождения [6]. В характеристике подробно и объективно описывается поведение осужденного, имелись ли поощрения и взыскания, если имелись, то об этом в ней также должно быть указано, а также излагается вывод администрации пенитенциарного учреждения о возможности или невозможности применения условно-досрочного освобождения для этого осужденного. При изложении вывода о невозможности применения условно-досрочного освобождения приводится обоснование такому выводу. Администрация пенитенциарного учреждения – это понятие, используемое в данной статье для сотрудников тюрем, которые готовят характеристику на осужденного, а это, в первую очередь, сотрудники психологической службы, службы безопасности и начальник учреждения.

Если осужденный в процессе отбывания наказания допускает нарушения установленного порядка, совершает дисциплинарные проступки, то по каждому случаю таких нарушений, представителями администрации учреждения составляется протокол, в котором должно быть указано, в чем именно выразилось нарушение установленного порядка или, при каких обстоятельствах совершен дисциплинарный проступок, какие меры к осужденному были предприняты, а также в чем причины его такого поведения. В качестве доказательства тому, что осужденный подвергался мерам воздействия за допущенные правонарушения могут служить протоколы и решения представителей администрации о наложении того или иного взыскания либо наказания. Однако для суда эти материалы не играют решающую роль и, при принятии решения об условно-досрочном освобождении осужденного, могут быть не учтены.

Действующее законодательство Республики Сербии не устанавливает срок, в течение которого администрация пенитенциарного учреждения должно представить характеристику на осужденного, однако, это должно быть сделано в кратчайшие сроки, так как без этой характеристики суд не может принять решение об удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении осужденного, либо об отказе в его удовлетворении. В случаях, когда представители администрации пенитенциарного учреждения задерживают предоставление в суд требуемых материалов, то судом это может быть расценено как затягивание процесса рассмотрения и разрешения ходатайства осужденного к лишению свободы об условно-досрочном освобождении. В тех случаях, когда представители администрации пенитенциарного учреждения предоставят характеристику, которая содержит недостаточно фактов о поведении осужденного, то суд обязан запросить у администрации дополнительный отчет – характеристику. В данном случае суд, также может посчитать, что происходит затягивание судебного процесса. В случаях, когда суду предоставляются все необходимые материалы, то в судебное заседание о рассмотрении ходатайства об условно-досрочном освобождении осужденного приглашаются представитель ад-

министрации пенитенциарного учреждения, в котором осужденный отбывает наказание и прокурор. Представитель пенитенциарного учреждения, в ходе судебного разбирательства, обязан устно рассказать суду о поведении осужденного. Тем самым администрации пенитенциарного учреждения предоставляется возможность высказать свое мнение об осужденном, которое в данном случае должно быть положительным.

Обязанность прокурора – преследовать лиц, совершивших преступления (либо административные и экономические правонарушения). Как уже было отмечено выше, он играет важную роль в процессе принятия решения об условно-досрочном освобождении. Прокурора приглашают в судебное заседание, на котором разрешается вопрос об условно-досрочном освобождении осужденного, обратившегося в суд с ходатайством. В процессе судебного заседания прокурор излагает свое мнение о ходатайстве осужденного. Учитывая то, что прокурор не посещает осужденного во время отбывания наказания, не общался с ним ранее и не имеет возможности пообщаться с осужденным перед началом судебного заседания – он не может знать, как осужденный вел себя в соответствующем пенитенциарном учреждении. Поэтому, как показывает практика, он строит свое выступление только на основании, представленной в суд характеристики на осужденного представителями администрации пенитенциарного учреждения.

Мнение прокурора важно для принятия решения судом, но возникает справедливый вопрос, а является ли такое решение справедливым и оправданным? Ведь прокурор излагает свое мнение лишь на основании той информации о поведении осужденного, которая изложена в характеристике на осужденного, выданной администрацией пенитенциарного учреждения. Безусловно, прокурор может сделать свой вывод о том, достоин ли осужденный условно-досрочного освобождения, на основании иных, имеющихся в его распоряжении, сведений, например, учитывая вид и тяжесть совершенного осужденным преступления, за которое он осужден.

Прокурор вправе ознакомиться с приговором или иным решением суда, на основании которого осужденный отбывает наказание в виде лишения свободы. Таким образом, изучив эти документы, он формирует мнение об осужденном. Однако представляется не верным обосновывать свой вывод лишь теми материалами, которые характеризуют личность осужденного до его осуждения, а также в процессе судебного разбирательства уголовного дела по обвинению в преступлении или преступлениях, за которые он осужден и отбывает настоящее наказание. Прокурор, чье мнение особо учитывается судом, для изложения своего объективного мнения, должен основываться не только теми материалами, которые ему предоставит суд и администрация пенитенциарного учреждения, но и мнением осужденного. В связи с этим, для выяснения фактического поведения осужденного во время отбывания наказания прокурор должен побеседовать с ним. В этой связи, представляется целесообразным, на законодательном уровне, обязать суд, обеспечивать явку осужденного, чье ходатайство подлежит рассмотрению, для его участия в процессе рассмотрения и разрешения этого ходатайства. Данное обстоятельство позволит прокурору и суду, вы-

слушав мнение осужденного, и с учетом мнения представителя администрации пенитенциарного учреждения, самого осужденного, а также на основании изучения представленных материалов сделать объективный вывод о возможности или невозможности применения условно-досрочного освобождения к этому осужденному. Наряду с этим, роль прокурора выражается и в том, что он вправе обжаловать решение суда об условно-досрочном освобождении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Закон об исполнении уголовных санкций, ст. 47 абз. 2 // Службени гласник Республики Сербия. – 2014. – № 55; – 2019. – № 35.

2. Милич И. Где исполняется наказание в виде лишения свободы в Республике Сербия? // Союз криминалистов и криминологов. – 2020. – № 3. – С. 168–174

3. Уголовный кодекс Республики Сербия. Ст. 46 // Службени гласник Республики Сербия. № 5/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009, 111/2009, 121/2012, 104/2013, 108/2014, 94/2016, 35/2019.

4. Милич И. Индивидуализация тюремного заключения – криминологические, уголовно-правовые аспекты и аспекты наказания : докт. дис. – Нови-Сад, 2017. – С. 404–410.

5. Милич И. Об одной возможности улучшения осуществления права на условно-досрочное освобождение // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации : сб. ст. XIX Междунар. науч.-практ. конф. «Уголовно-процессуальные и криминологические чтения на Алтае», посвященной памяти Вениамина Константиновича Гавло. – Вып. XVII / отв. ред. С. И. Давыдов, В. В. Поляков. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. – С. 358–363.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Сербия. Ст. 563-567 // Службени гласник Республики Сербия. – № 72/2011, 101/2011, 121/2012, 32/2013, 45/2013, 55/2014, 35/2019, 27/2021, 62/2021 (Решение Конституционного суда Республики Сербия).

УДК 343.211

Ищук Ярослав Григорьевич,

кандидат юридических наук, доцент

Академии управления МВД России

г. Москва, Российская Федерация

yar-vyatka@yandex.ru

Общая превенция уголовного закона

Изложенный материал носит теоретический характер, в статье определяется роль и механизм воздействия общей превенции уголовного закона предупреждения преступлений на общество.

Ключевые слова: превенция, предупреждение преступлений, профилактика.

Ischuk Yaroslav Grigorievich,

candidate of legal sciences, associate professor
of the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

General prevention of criminal law

The presented material is of a theoretical nature, the article defines the role and mechanism of the impact of the general prevention of the criminal law on the prevention of crimes on society.

Keywords: *prevention, crime prevention, prophylaxis.*

Общая превенция является фундаментальной основой предупреждения преступлений, известной с древнейших времен человечества. Она заключается в превентивной угрозе наказания тому, кто решит достигать своих целей преступным путем. Так, Библия, будучи общепризнанным источником священных социальных норм, является оригинальным источником древнейших, но по сей день формирующих правосознание миллионов людей во всем мире представлений о преступности и наказуемости деяний, отраженных в нормах уголовного права [2].

Устрашающий характер факта наступления наказания за совершение преступное деяние, его превентивное воздействие на преступников и лиц, склонных к совершению преступлений, есть объективное свойство самого существующего института наказания в уголовном законе. Исполняя наказание, в том числе ограничивая удовлетворение материальных потребностей осужденных, исправительные учреждения реализует угрозу его применения и, в известном смысле, воспроизводит ее как реальный феномен общественного сознания.

Издание и доведение уголовного закона с соответствующими санкциями за преступления представляет собой профилактическую форму воздействия. Государство, публикуя и всячески афишируя изданный уголовный закон, можно сказать, создает этакий жупел, призванный вселять страх в неустойчивых граждан и заставлять всех остальных соблюдать правила общежития под угрозой негативных последствий в виде возможного наказания [4].

Общая превенция подразумевает осознание гражданами двух постулатов: безусловное применение наказания за совершенное преступное деяние и наступление, в связи с этим, таких последствий, которые будут делать преступный вред не выгодным, по сравнению с примененным наказанием или мерой уголовно-правового воздействия. В итоге, такое осознание, должно приводить к минимизации преступной активности криминально-неустойчивой части общества.

Еще в советское время были высказаны мнения, которые указывают на определенную тенденцию отождествлять общепредупредительное воздействие самого наказания с понятием «угроза наказанием», «устрашение наказанием»,

т. е. сводить к страху – отрицательному эмоциональному переживанию [5, с. 147–149]. Развивая данную тему, можно добавить еще один вид воздействия – стимулирование законопослушного поведения. И. Анденес, указывал, что воздействие наказания включает в себя не только мотивирующее воздействие страха перед наказанием, но также и моральное (или воспитательное) воздействие уголовного права [1, с. 22].

Действительно, определенная часть граждан, склонных к совершению преступлений, не совершает их из страха перед уголовной ответственностью, неизбежностью в случае совершения преступления претерпеть определенные тяготы, лишения, в том числе и в сфере удовлетворения своих материальных потребностей. Более того, страх потерять именно материальные блага, возможность пользоваться ими для удовлетворения своих материальных потребностей может явиться доминирующим фактором в сознании таких граждан, удерживать их тем самым от совершения преступлений. Вместе с тем, как верно обозначил В. Г. Швыдкий [9, с. 65], предупредительную функцию наказания определяет не только страх – «сильная эмоция типа аффекта, чаще всего возникающая в ситуациях реальной или мнимой опасности для жизни человека и сопровождаемая чувством боязни, тревоги, а также стремлением человека избежать или устранить соответствующую угрозу» [6], но и другие отрицательные, неприятные эмоциональные переживания и чувства.

Процесс выбора поведения обуславливается в том числе общими жизненными ожиданиями, установками и опытом. Жизненные установки зависят от того, что для лица важнее всего, а, следовательно, от мотивации, которая является наиболее существенной в системе побуждений. Движущей силой принятия определенных решений являются внутренние противоречия между постоянно растущими потребностями и возможностями их удовлетворения, а также возможными последствиями такого выбора. Выбор противоправного поведения личности характеризуется тем, что ее установки обусловлены, в основном, утилитарными, меркантильными, эгоистичными интересами формирующиеся в среде, в которой проходит свой жизненный путь человек. Такая среда неизбежно накладывает своей отпечаток на его развитие как индивида, как личности, и как субъекта деятельности. В условиях взаимодействия внутренней и внешней среды могут формироваться такие установки, которые могут либо приводить к совершению преступления, либо, наоборот, останавливать от противоправного деяния. Во внутреннем мире человека постоянно идут процессы формирования и переформирования ценностных ориентаций, складываются и перестраиваются образы и эти процессы в конечном счете влияют на выбор того или иного поведения. Здесь интегрируются все его впечатления, обобщаются и систематизируются индивидуальные переживания, оцениваются поведение, поступки и последствия. Именно предвиденная осознанность нежелательного образа тех неблагоприятных последствий, которые могут наступить после совершения преступления и последующего наказания останавливают определенную часть лиц от совершения преступного деяния.

Таким образом, поведение людей, в частности, лиц, склонных к совершению преступлений, определяется отнюдь не только эмоциями и чувствами, а в огромной степени благодаря рациональному постижению, осмыслению различных явлений, фактов, в том числе и наказания. Информация о наказании, его содержании дает лицам, склонным к совершению преступлений, возможность рационально осмыслить его как негативное, нежелательное следствие преступления и отказаться от преступного замысла, а мотивация страхом может и не играть в принятии такого решения существенного значения или вообще отсутствовать.

В связи со сказанным очевидно, какое чрезвычайно важное значение в предупреждении преступлений имеют, с одной стороны, правильная информация населения о содержательной стороне наказания, с другой – достаточная репрессивность самого наказания. «Преступник должен знать, – писал А. Л. Ременсон, – что он не только будет наказан за совершенное им преступление, но и обязательно должен будет фактически отбыть это наказание, т. е. претерпеть все карательные ограничения... При этом существенное значение имеет не только срок заключения, но и характер и содержание карательных ограничений» [7, с. 26–27]. Добавим, что это и есть один из обозначенных ранее постулатов – преступный результат не должен быть «выгоднее» преступнику, чем наказание.

Вместе с тем определить предел репрессии, который необходим для достижения общепредупредительных задач весьма непросто. Стремление к справедливости, ее установление и поддержание – одна из вечных идей и желаний человечества. Несмотря на множество научных исследований в этой области, данная проблема и в наши дни продолжает оставаться весьма актуальной. Это обусловлено тем, что справедливость выступает составной частью нравственной и правовой культуры и является залогом нормального существования человеческого сообщества.

Истории известна практика появления таких способов социальной реакции, как причинение равного вреда обидчику, кровная месть виновному и его родственникам. Из всех античных мыслителей Аристотель создал наиболее возвышенную концепцию справедливости. Основой ее выступает нравственность, представляющая собой равноправие, умеренность и законопослушные действия. Центральным понятием, характеризующим справедливость, является соразмерность. При этом социальная ценность справедливости заключается не только во влиянии на мировоззрение, социальные установки, систему ценностных представлений общества, но также и на индивидуальное поведение граждан.

Традиционным стереотипом во многих цивилизациях является мнение, что чем суровее предусмотрено законом наказание за преступление, тем больше шансов упредить совершение преступлений в будущем. Однако законодательный опыт установления наказаний свидетельствует, что далеко не всегда жесткость наказания гарантирует достижение целей уголовной ответственности, в том числе и общей превенции. Невыгодность преступного результата должна определяться совокупностью применяемых уголовно-правовых средств воздействия на преступника. Например, применение института конфискации, или штрафа к осуж-

денному за преступления, коррупционной направленности, либо доведение приговора суда до публичного сведения применительно к преступлениям против здоровья населения или общественной нравственности и т. д.

Еще в 1764 г. Ч. Беккариа писал, что «...следует применять такие наказания и такие способы их использования, которые, будучи адекватны совершенному преступлению, производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на души людей...» и «если бы даже удалось доказать, что жестокость наказаний не противоречит непосредственно общественному благу и самой цели предупреждения преступлений, то и в этом случае жестокость не только явилась бы отрицанием завоеваний в области морали просвещенного разума, но и справедливости, и самой сути общественного договора» [2, с. 304].

Кроме того, Ч. Беккариа указывал и на необходимость учета справедливости при применении наказания. Он определял справедливость как «результат соотношения между деятельностью в обществе и его постоянно меняющимся состоянием», он утверждал, что наказание будет справедливым только в том случае, если оно является «гласным, незамедлительным, неотвратимым, минимальным из всех возможных при данных обстоятельствах, соразмерным преступлению и предусмотренным в законах» [2, с. 60]. В развитии данных взглядов исследователи предложили следующие принципы:

- регулирующие условия ответственности (равенство граждан перед законом, законности);
- регулирующие обязанность ответственности (стимулировании предупреждения преступлений и неотвратимость наступления ответственности);
- регулирующие основание и содержание (гуманизм, справедливость) [3, с. 15].

Необходимо подчеркнуть, что общепредупредительная функция наказания, в первую очередь, заключается в воздействии на лиц, склонных к совершению преступлений, а не на всех граждан. Субъективно общее предупреждение оказывает воздействие на лиц с антиобщественной направленностью, а объективно на всех граждан, т. е., как верно заметил Б. В. Яценко, в воспитательном аспекте [8, с. 211], а И. Анденес по этому поводу сказал, что наказание «может стимулировать привычное законопослушное поведение» [1, с. 31].

Представляется, во-первых, что вне субъекта, именно склонного к совершению преступления, общее предупреждение как функция соответствующих средств (в данном случае наказания) не может существовать, а объективность общего предупреждения заключается в том, что несовершенство преступлений той или иной частью общества, склонной к ним, есть факт действительности.

Во-вторых, правовые знания, в частности, представления об уголовной ответственности, являются важным средством воспитания тех лиц, которые не способны по своим моральным качествам совершить преступление. Правовые знания укрепляют чувство уважения к закону, способствуют повышению бдительности, активности общественности в пресечении правонарушений.

Суть общей превенции (общего предупреждения преступлений), состоит в профилактике совершения преступлений со стороны определенной части об-

щества, а именно лиц, склонных к совершению преступления, которых от его совершения удерживает реальное наказание и его последствия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений / под ред. Б. С. Никифорова ; пер. с англ. В. М. Когана = Punishment and deterrence / J. Andenaes. – М. : Прогресс, 1979. – 264 с.
2. Беспалько В. Г. Учение о преступлении и наказании в Пятикнижии Моисея : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 2017. – URL: <http://www.dslib.net/teoria-prava/uchenie-o-prestuplenii-i-nakazanii-v-pjatiknizhii-moiseja.html> (дата обращения: 25.05.2022).
3. Галактионов С. А. Принцип справедливости (уголовно-правовой аспект) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2004. – 32 с.
4. Иванов Н. Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник для вузов. – М. : Экзамен, 2003. – 768 с.
5. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. – Саратов, 1973. – 193 с.
6. Немов Р. С. Психологический словарь. – М. : ВЛАДОС, 2007. – URL: <https://vocabulary.ru/slovari/psihologicheskie-slovar-m-vladoc-2007.html> (дата обращения: 25.05.2022).
7. Ременсон А. Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Томск, 1965. – 68 с.
8. Уголовное право России. Общая часть : учебник / А. В. Наумов, С. И. Никулин, А. И. Рарог и др. ; под ред. А. И. Рарога. – 2-е изд. – М., 1998. – 895 с.
9. Швыдкий В. Г. О значении материально-бытового обеспечения в решении задач исправительно-трудовых учреждений // Предупреждение рецидивной преступности. – Томск, 1978. – С. 50–67.

УДК 34

Корж Павел Анатольевич,

старший преподаватель

Западно-Уральский институт экономики и права

г. Пермь, Российская Федерация

korzh2006@gmail.com

Некоторые итоги реформирования правоохранительных органов России

В статье анализируются некоторые результаты реформы правоохранительных органов 2010-х годов. Прежде всего, организации Следственного комитета и Войск национальной гвардии России. Делается вывод, что вновь образованные органы не занимают са-

мостоятельного места, в значительной степени дублируют полномочия других правоохранительных органов. Предлагается вывод о целесообразности создания специализированных органов с самостоятельным следственным, оперативно-розыскным и экспертно-криминалистическим аппаратом.

Ключевые слова: реформа правоохранительных органов, Следственный комитет России, Войска национальной гвардии России, МВД России.

Korzh Pavel Anatolyevich,
senior lecturer, West Ural
Institute of Economics and Law
Perm, Russian Federation

Some results of the reform law enforcement of Russia

In the article analyzes some results of the law enforcement reform in the 2010s. First of all, the organizations of the Investigative Committee and the Russian National Guard Troops. It is concluded that the newly formed bodies do not occupy an independent place, largely duplicate the powers of other law enforcement agencies. A conclusion is proposed about the expediency of creating specialized bodies with an independent investigative, operational-search and forensic apparatus.

Keywords: reform of law enforcement agencies, Investigative Committee of Russia, Troops of the National Guard of Russia, Ministry of internal affairs of Russia.

В 2010-х гг. были проведены две крупные реформы правоохранительных органов нашей страны. Как следствие, наступило время оценить их результаты, пути дальнейшего развития.

В 2011 г. был создан самостоятельный орган следствия – Следственный комитет России. Он был создан на основе отделения от Прокуратуры РФ. Ранее в системе прокуратур были свои следственные подразделения, что несколько нарушало логику субординации: прокурор, с одной стороны, руководил следствием, а с другой – осуществлял надзор за этим же следствием. В итоге было решено создать самостоятельный орган следствия, выведенный из-под руководства Прокуратуры РФ. При этом организационно Следственный комитет унаследовал от Прокуратуры место в иерархии федеральных органов власти в качестве самостоятельного органа вне какой-либо ветви власти (прежде всего, исполнительной). В итоге, в настоящий момент существует три самостоятельных органа следствия – СК РФ, МВД РФ и ФСБ РФ.

Подследственность СК РФ определена ст. 151 УПК РФ. СК РФ расследует тяжкие и особо тяжкие преступления, преступления, совершенные несовершеннолетними, или в отношении несовершеннолетних, экономические и должностные преступления. При этом именно Следственный комитет расследует преступления, совершенные государственными служащими. При этом к компетенции СК РФ относятся и преступления, совершенные должностными лицами самого Следственного комитета, что кажется неверным, учитывая возможность конфликта интересов. Несмотря на определенную компетенцию, полагаем, что

Следственный комитет не занял самостоятельного места в системе органов борьбы с преступностью, а лишь дублирует полномочия других органов.

В первую очередь, это связано с отсутствием самостоятельного оперативно-розыскного аппарата в системе СК РФ. Таким образом, Следственный комитет может лишь реагировать на уже совершенные преступления, но не является органом профилактики. Максимум, профилактика может заключаться в установлении причин и условий преступлений. А основой борьбы с преступностью является именно профилактика (а также предотвращение и пресечение) преступлений, что составляет главную задачу именно оперативно-розыскной деятельности. Да и само расследование преступлений не может обойтись без оперативно-розыскного аппарата, соответственно, Следственный комитет может лишь пользоваться оперативным сопровождением соответствующих органов, что требует очень хорошего межведомственного взаимодействия. А, учитывая некоторую конкуренцию правоохранительных органов и существующую между ними систему сдержек и противовесов, такое стороннее оперативное сопровождение не всегда может быть эффективным.

Полагаем, что возможно было бы говорить о Следственном комитете, как о специализированном органе борьбы с экономическими и должностными преступлениями. Этаким антикоррупционным комитетом. Что, учитывая социальную значимость и широкое распространение этих преступлений, кажется интересным. Но это потребует перестройки вопросов подследственности и придания такому ведомству дополнительных полномочий в сфере противодействия коррупции. Возможно, в этом случае, и создание собственного оперативно-розыскного подразделения. Но современная очень широкая подследственность снижает эффективность Следственного комитета РФ именно в этих вопросах. Хотя именно такое специализированное разделение правоохранительных органов кажется вполне целесообразным.

Возможно, что еще одной причиной формирования самостоятельного Следственного комитета явилось давно дискутируемая возможность создания института судебных следователей. Но, полагаем, что для современного подхода к борьбе с преступностью и сложившегося правоохранительного аппарата, это не актуально и излишне.

Также, возможно, что Следственный комитет предназначался для концентрации в нем всего следствия, по аналогии, например, с американским ФБР. Но это потребует серьезной системной перестройки всей системы борьбы с преступностью, что объективно не требуется. По крайней мере, в настоящее время.

Таким образом, полагаем, что Следственный комитет РФ пока не занял своего самостоятельного места в системе правоохранительных органов, что, очевидно, потребует в дальнейшем его самостоятельной компетенции. Или упразднения за ненадобностью и передачи следственного и экспертно-криминалистического аппарата в другие правоохранительные органы.

Второй крупной правоохранительной реформой 2010-х годов стала реформа МВД РФ 2016 г. С одной стороны, в МВД были переданы ранее самостоятельные федеральные службы по вопросам миграции и по борьбе с неза-

конным оборотом наркотиков. С другой стороны, из МВД были выведены ряд подразделений, из которых была организована самостоятельная Федеральная служба войск национальной гвардии.

ФМС России, ранее созданная на основе выделения из МВД (в 2012 г.), в 2016 г. вернулась обратно. С одной стороны, это логично, поскольку миграционные процессы неразрывно связаны и с преступностью (как со стороны мигрантов, так и со стороны их незаконного проникновения и использования), что требует в т.ч. самостоятельного оперативного и силового аппарата. С другой стороны, миграционные процессы неразрывно связаны с внешне- и внутриполитическими процессами, в связи с чем, федеральная власть может нуждаться в более быстром и гибком (а, значит, и самостоятельном) механизме, чем действовать через систему МВД РФ. Также, наверное, будет полезно разделить функции собственно регистрационных действий для граждан России (выдача паспортов, регистрация по месту жительства) и вопросы миграционной политики и учета мигрантов.

В 2003 г. на базе Государственного комитета МВД РФ по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ и упраздненной Федеральной службы налоговой полиции была создана ФСКН РФ, к компетенции которой отошли вопросы борьбы с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ. В 2016 г., было решено передать ФСКН обратно в подчинение МВД РФ. Как и с ФМС, с одной стороны, это оправдано. Борьба с наркотиками является составной частью борьбы с преступностью, сама наркомания формирует значительный пласт уличной преступности. С другой стороны, ФСКН был узко специализированным органом, обладающий собственным специализированным оперативно-розыскным, следственным и экспертно-криминалистическим аппаратом, что позволяло эффективно и гибко подходить к вопросам борьбы с наркотической преступностью. Передача в МВД, по нашему мнению, лишила эти вопросы необходимой гибкости и скорости принятия решений.

По сути, МВД РФ превратилось в излишне громоздкую структуру, сочетающую разноплановые полномочия, характеризующуюся высокой инерционностью. Очевидно, в этих целях в том же 2016 г. было принято решение о создании на основе некоторых подразделений и служб МВД Федеральной службы войск национальной гвардии.

Одной из причин создания Войск национальной гвардии (далее – ВНГ) заявлялась борьба с незаконным оборотом оружия и контроль за частной детективной и охранной деятельностью, в связи с чем в ВНГ перешли подразделения лицензионно-разрешительной работы. Но этой работой ВНГ полноценно заниматься не могут по причине отсутствия инструмента – оперативно-розыскных подразделений. Без оперативного сопровождения эта деятельность сокращается лишь до оформления соответствующих лицензий и разрешений. При этом вся профилактическая работа сохраняется за уголовным розыском и службой участковых инспекторов полиции МВД и соответствующими подразделениями ФСБ России. Напомним, что одним из самостоятельных оснований ОРД является

сбор сведений по вопросам лицензирования частной охранной и детективной деятельности (ст. 7 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). А своего оперативно-розыскного аппарата у Войск национальной гвардии, повторимся, нет. Таким образом, эта задача ВНГ, как собственно и другие, установленные ст. 2 ФЗ «О Войсках национальной гвардии Российской Федерации», дублируются другими правоохранительными органами России.

С другой стороны, основной костяк Войск национальной гвардии составили бывшие Внутренние войска МВД и спецподразделения ОМОН и СОБР.

Вообще, наличие Внутренних войск всегда вызывало ряд вопросов. В советское время они занимались в т.ч. охраной мест лишения свободы. Эта функция сейчас перешла к ФСИН России, но Внутренние войска не передавались в эту структуру, а продолжали оставаться в системе МВД. В настоящее время это военная организация, более близкая по своей структуре, вооружению и порядку прохождения службы к Министерству обороны, чем к правоохранительным органам. Что вообще вызывает вопросы по поводу ее существования, наряду с Вооруженными Силами России. Или мы так боимся каких-то внутренних эксцессов, настолько значительных, что правоохранительные органы с ними не справятся, а армию, по какой-то причине, подключать будет нельзя? И что это за эксцессы, которые требуют 300-тысячной группировки войск?

С другой стороны, считаем нецелесообразным передачу Войскам национальной гвардии подразделений ОМОН и СОБР. Это боевые и оперативно-боевые подразделения полиции, предназначенные для физической поддержки органов внутренних дел при проведении различных мероприятий, а также для охраны общественного порядка. Эти функции они и сейчас выполняют, но, опять же, требуется межведомственное взаимодействие и взаимное согласование при их применении, что не всегда удобно, особенно при экстренной необходимости. В связи с чем МВД России вынуждено создавать новые спецподразделения силовой поддержки.

Таким образом, можно сделать вывод, что реформирование правоохранительных органов 2010-х годов проводилось путем создания новых органов, без четкой специализации, с дублированием функций уже существующих. При этом, новые органы не наделяются полномочиями проведения оперативно-розыскных мероприятий, что не позволяет им заниматься именно профилактикой преступности, как основной целью деятельности органов правопорядка. Наверное, причиной можно назвать недостаточную научную проработку этих вопросов, келейное и, зачастую, ведомственно-заинтересованное принятие управленческих решений.

На наш взгляд, более эффективным выглядит создание узкоспециализированных правоохранительных органов (возможно, по примеру ФСКН) с наделянием их необходимой следственной, оперативно-розыскной и экспертно-криминалистической базами. И без серьезного дублирования функций иных правоохранительных структур.

УДК 343.23

Леонов Николай Иванович,
заместитель начальника подразделения
ГУ МВД России по Нижегородской области
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
leon_nick@mail.ru

Понятие и сущность нормативно регулируемых отношений в сфере государственных и муниципальных закупок как объекта преступлений

В работе рассматриваются подходы к раскрытию объекта преступления и подчеркивается тенденция увеличения количества диспозиций с описательно-бланкетным характером построения уголовно-правовых норм. Автором, через описание общественных отношений, образующихся в сфере государственных и муниципальных закупок, раскрывается содержание соответствующих элементов некоторых составов преступлений. В заключении предлагается определение объекта анализируемой категории преступлений.

Ключевые слова: законодательство, объект преступления, государственные и муниципальные закупки, контроль в сфере государственных закупок, общественные отношения, сфера закупок.

Leonov Nikolay Ivanovich,
deputy head of the department
of the Ministry of internal affairs
of Russia for the Nizhny Novgorod region
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Regulatory relations in the field of state and municipal as an object of crime

In the work considers approaches to the disclosure of the object of the crime and emphasizes the tendency to increase the number of disposition with a descriptive – blank character of the construction of criminal law norms. The author, through the description of public relations formed in the sphere of state and municipal procurement, reveals the content of the relevant elements of some elements of crimes. In conclusion, the definition of the object of crimes of the analyzed category of crimes is proposed.

Keywords: legislation, object of the crime, state and municipal procurement, control in the field of public procurement, public relations, field of public procurement.

Характеристика объекта преступления, как обязательная составляющая состава уголовно-наказуемого деяния, постоянно видоизменялась. Существование разноплановых подходов к раскрытию содержания рассматриваемой категории свидетельствует как об ее сложности, так и о ключевой значимости для науки Уголовного права в целом.

При формальном подходе к описанию объекта его содержание раскрывается через призму нарушения соответствующей нормы права, под угрозой наказания [1, т. 1, с. 207]. То есть, к примеру, при совершении преступления либо административного правонарушения, ответственность наступает по соответствующей части или статье кодифицированного акта: Уголовного кодекса или Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Данная позиция была подвергнута критике Н. С. Таганцевым, как не учитывающая сущности преступления: «Норма права сама по себе есть формула, понятие, созданное жизнью, но затем получившее самостоятельное, отвлеченное бытие... Всякая юридическая норма, как отвлеченное положение, может быть оспариваема, критикуема, непризнаваема... Если мы будем в преступлении видеть только посягательство на норму, то преступление делается жизненно непригодным понятием» [2, т. 1, с. 29, 31].

Согласно другой точки зрения, в результате совершения общественно опасного деяния причиняется вред субъективному праву лица. Придерживаясь данных взглядов, В. Д. Спасович писал, что «преступление есть посягательство столь существенное, что государство, считая это право одним из необходимых условий общежития, при недостаточности других средств охранительных, ограждает ненарушимость его наказанием» [3, с. 84].

Исследования столь значимой категории как объект преступления являются фундаментальными для науки Уголовного права, но представляется, что в каждой из приведенных походов к описанию данной дефиниции есть некоторые спорные моменты.

К примеру, не каждые общественные отношения в Российской Федерации регулируются Законом, а только значимые для человека, общества или государства. И даже те из них, которые закреплены в нормативных документах, не всегда подлежат охране уголовно-правовыми средствами. Поэтому вопрос об отвлеченности и самостоятельности норм права от бытия, приведенных в ранг Закона, по большей степени вопрос их актуальности. И если регулируемые нормой отношения уже кардинально видоизменились, то, в первую очередь, необходимо дать оценку потребности корректировки или отмены такой нормы.

Традиционный подход для отечественного уголовного права к раскрытию содержания объекта преступления выражается через общественные отношения, состоящие из следующих элементов: субъектов, их связей и предмета, по поводу которого они возникли. Однако в последнее время наметилась тенденция, когда все чаще терминология и понятия других отраслей права, используются при построении норм в Уголовном кодексе. Описательно-бланкетный характер диспозиций норм позволяет их толкование с одинаковой позиции как при регулировании общественных отношений, так и при государственной организации их охраны. В настоящее время уже больше половины статей особенной части Уголовного кодекса сформулированы именно по такому принципу и уменьшение их количества не предвидится.

С отрицательной стороны можно отметить сложность построения подобных норм, и, как следствие, юридически-технические ошибки, допускаемые

при их конструкции. Поэтому правоприменительная практика строится зачастую крайне неоднозначно, а в существующих спорах зачастую точку вынужден ставить только Верховный суд Российской Федерации. К примеру, в следственно-судебной практике при определении дохода, как обязательного элемента состава преступления, предусмотренного ст. 171 Уголовного кодекса, в свое время вызывало не мало сложностей. При процессуальной проверки, избегая даже потенциальной возможности прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям, следственные органы отождествляли доход с чистой прибылью. И только после разъяснений высшей судебной инстанции практика приобрела единообразный подход [5].

Описание объекта преступлений, связанных с закупками для государственных и муниципальных нужд, аналогичным образом целесообразно осуществлять через категории иных отраслей права. В первую очередь, необходимо обратиться к административным и гражданско-правовым предписаниям, закрепленным в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [6, ст. 1652]. Основопологающей целью Закона является регулирование закупочной деятельности, где в качестве заказчиков выступают строго определенные субъекты – бюджетные учреждения. Приобретение определенных товаров, работ и услуг необходимого количества и по оптимальной цене – главная задача при реализации положений этого Закона.

Для характеристики объекта преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок необходимо остановиться на рассмотрении самой процедуры заключения данных контрактов. Совершение уголовно-наказуемых деяний возможно на каждом из этапов реализации положений вышеназванного Закона.

Первоначально следует выбрать способа определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей). Законодатель предусмотрел немногочисленное их количество, только две группы: конкурентные и закупки у единственного поставщика. Для каждого метода установлены свои особенности и ограничения, выявлением нарушений которых только в 2020 году занималась 3661 организация. Ошибочный выбор процедуры определения поставщика влечет привлечение заказчика к установленной ответственности, как правило, административной. Вместе с тем, не исключены случаи коррупционных связей должностных лиц и предпринимателей, когда за подобными ошибками скрываются, например, факты взяточничества и лоббирования интересов конкретных хозяйствующих субъектов.

Первостепенного внимания заслуживают конкурентные способы определения поставщика, поскольку их количество занимает несравненно большую долю в общей массе государственных и муниципальных контрактов. Самый распространенный метод выбора поставщика, из рассматриваемой категории, принадлежит аукциону. Например, в рамках мониторинга, проведенного Минфином России за 2020–2021 гг., он занимает первую строчку и составляет более 50 %. Подобные решения очевидны, поскольку главным критерием отбора ис-

полнителей при аукционе является только цена, а максимальная прозрачность позволяет эффективно экономить бюджетные средства [7].

Другой разновидностью конкурентного способа является конкурс, проведение которого позволяет получить максимальный объем информации о потенциальных исполнителях [8]. В данном случае, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 32 Закона, принципиальную роль для заключения сделки могут играть квалификация участников закупки, в том числе наличие у них финансовых или материальных ресурсов, опыта работы и др. Как представляется, возможность коррупционных проявлений и лоббирование интересов конкретных предпринимателей при конкурсе несравненно выше.

Перечисленные способы определения поставщика, при наличии законных оснований, могут проводиться в закрытой форме. Следует согласиться с позицией, которая подчеркивает схожесть данного метода с закупками у единственного поставщика [9]. Действительно, приглашения принять участие направляются только определенным хозяйствующим субъектам и перечень последних крайне ограничен наличием у них специальных разрешений для работы со сведениями, составляющими государственную тайну.

В качестве неконкурентного способа отбора исполнителей государственных и муниципальных контрактов законодатель предусмотрел только закупки у единственного поставщика. Перечень оснований заключения подобных сделок является достаточно обширным и составляет несколько десятков. Но главного внимания заслуживает реализация на практике ч. 12 ст. 93 Закона, позволяющая закупать товары с использованием электронной площадки. Безусловно, данный способ имеет некоторые схожие черты с конкурентными методами, что является ярким примером переплетения положений анализируемого Закона [10].

После многоэтапной процедуры определения поставщика следует заключение контракта и его исполнение как самостоятельных стадий приобретения товарно-материальных ценностей. Вместе с тем, именно процедура приема товаров, работ или услуг является наиболее криминогенной и в большей степени подвержено коррупционным проявлениям. Соккрытие фактов несвоевременной поставки предмета контракта, полная оплата некачественно оказанных услуг или непредъявление претензионных требований – вот только короткий перечень возможных злоупотреблений.

Отдельного внимания заслуживает институт проверок за всем процессом закупок. Рассмотрим только некоторые из них, с которыми наиболее часто приходится сталкиваться в практической деятельности.

Одним из органов исполнительной власти, уполномоченным на осуществление контроля в сфере закупок и государственного оборонного заказа, является Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации (ФАС России). В ходе проводимых мероприятий представители данного ведомства составляют протоколы, рассматривают дела, выписывают предписания, обращаются в правоохранительные органы и (или) в суд. Проверки, как правило, проводятся на внеплановой основе, поскольку количество поступающих обращений и жалоб только растет.

В частности, в 2019 году из общего количества проведенных проверок (9941), только 166 плановые; в 2020 году – 10 000 и 114 соответственно.

Любое ведомство стремится к надлежащей организации работы подчиненных, или, как иногда высказываются, «низовых» подразделений. Иерархическая система федеральных государственных ведомств либо структурированное построение муниципальных властей требуют организации ведомственного контроля за использованием бюджетных средств. Предметом подобных ревизий могут выступать любые вопросы, обозначенные в служебном задании и любые этапы закупок [11]. Вместе с тем, не искоренены случаи сокрытия выявленных в ходе проверок злоупотреблений, где мотивом подобных деяний могут выступать личные отношения с проверяемыми, указания руководства и, конечно же, «вознаграждения».

Раскрытие настоящего вопроса будет не полным, если не отметить роль закупок в экономике России. Исследователи сходятся во мнениях, что данный институт переоценить очень сложно, поскольку именно он выступает главным элементом системы поддержки стабильности в развитии рынка. Благодаря разнообразию использования различных типов контрактных соглашений государство поддерживает бизнес, включая малые предприятия, реализует комплексные социальные программы [12, с. 271–273, 269–271]. Безусловно, общественные отношения, которые образуются на всех этапах заключения, исполнения, контроля за государственными и муниципальными контрактами находят защиту во всех плоскостях соответствующих отраслей права, где уголовно-правовым методам также отводится необходимая роль.

Описание всех тонкостей закупочной деятельности, ее место в финансовых потоках и влияние на стратегическое развитие, должно быть предметом отдельного научного исследования. Однако, в контексте рассматриваемой темы, можно определить объект рассматриваемых преступлений следующим образом: общественные отношения, которые обеспечивают, как установленный процесс закупочной деятельности, так и систему контроля за расходованием данных бюджетных средств, а также направленные на неукоснительное соблюдение соответствующих нормативных предписаний при закупке необходимых товаров, работ и услуг.

В качестве дополнительного объекта выступает наступательное и эффективное развитие экономической системы Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курс уголовного права. Общая часть. В 5 т. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. – М., 2002. – 611 с.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. М., 1994. Т. 1. – 419 с.
3. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Часть Общая. – СПб. : тип. И. Огризко, 1863. – 178 с.
4. Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1960. – 229 с.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Российская газета. – 2004. – № 271; Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 1.

6. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

7. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 49.

8. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 48.

9. Щербаков В. А. Закрытые процедуры отбора исполнителей государственных заказов: прошлое и современность. – URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=16&art=5951> (дата обращения: 01.04.2022).

10. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 93.

11. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 100.

12. Порошина А. А. Понятие и сущность государственных закупок в Российской Федерации // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2020. – № 1 – URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2020/01/16957> (дата обращения: 24.01.2022).

УДК 343.85

Поликарпова Ирина Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

ir-polikarpova@mail.ru

Понятие и структура профилактических правоотношений*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00194 «Теоретико-методологическая модель профилактического права как новой отрасли законодательства».

Статья посвящена исследованию состава профилактического правоотношения. Впервые проведен системный анализ структурных элементов такого правоотношения. Автор приходит к выводу, что круг субъектов профилактических правоотношений необ-

ходимо расширить за счет включения лиц, участвующих в превентивной деятельности. Отмечается, что правовой статус отдельных субъектов-участников рассматриваемых правоотношений недостаточно определен в действующем профилактическом законодательстве. С целью устранения имеющихся пробелов и недостатков предлагаются пути дальнейшего совершенствования превентивного законодательства в части регламентации объема прав и обязанностей таких лиц. На основании проведенного исследования выделены характерные особенности и сформулирована оригинальная дефиниция профилактического правоотношения.

Ключевые слова: профилактические правоотношения, структура правоотношения, субъекты профилактической деятельности, права и обязанности, превентивное законодательство.

Polikarpova Irina Vladimirovna,
candidate of legal sciences, associate professor,
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Concept and structure of preventive legal relationships

The article is devoted to the study of the composition of the preventive relationship. For the first time, a systematic analysis of the structural elements of such a legal relationship has been carried out. The author comes to the conclusion that the circle of subjects of preventive legal relations should be expanded by including persons involved in preventive activities. It is noted that the legal status of individual subjects-participants of the considered legal relations is not sufficiently defined in the current preventive legislation. In order to eliminate existing gaps and shortcomings, ways are proposed for further improvement of preventive legislation in terms of regulating the scope of the rights and obligations of such persons. On the basis of the study, characteristic features and the original definition of the preventive legal relationship is formulated.

Keywords: preventive legal relations, structure of legal relations, subjects of preventive activity, rights and obligations, preventive legislation.

Для всестороннего исследования механизма правового регулирования в сфере профилактической деятельности по выявлению и предотвращению правонарушений, представляется необходимым проанализировать признаки и структурные элементы состава правоотношений при осуществлении профилактической деятельности соответствующих субъектов.

В общей теории права традиционно структурными элементами правоотношения называются субъект, объект и содержание правоотношения [1, т. 2, с. 82; 3, с. 185]. Следовательно, структура профилактического правоотношения, как и любого другого, также включает в себя три вышеназванных взаимосвязанных элемента. При этом под субъектами понимаются участники правоотношений, имеющие взаимные субъективные права и обязанности [7, с. 202; 2, с. 19]. Согласно ст. 5 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (2016 г.) (далее – ФЗ о профилактике правонарушений) к числу субъектов профилактики правонарушений относятся «федеральные органы исполнительной власти, государственные органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, органы прокуратуры РФ, следственные органы Следственного комитета РФ» [6]. Субъектив-

ные права и юридические обязанности указанных субъектов достаточно подробно регламентируются в соответствующих нормативных актах профилактической направленности.

Однако, как представляется, данный перечень субъектов является неполным и в него необходимо включить также лиц, участвующих в профилактической деятельности, к которым законодатель относит граждан, общественные объединения и иные организации, поскольку, на наш взгляд, они так же, как и вышеперечисленные субъекты, являются самостоятельными участниками профилактических правоотношений. Так, например, 2 апреля 2014 года был принят ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» [5], которым установлены основные формы участия граждан в ООП, порядок и особенности создания и деятельности народных дружин, а также правовой статус народных дружинников. Таким образом, на сегодняшний день мы видим, что создана определенная правовая основа участия общественности в деятельности по профилактике и предупреждению правонарушений, которой определяется правовой статус этих субъектов, их права и обязанности, что еще раз подтверждает самостоятельность данных участников, как субъектов профилактических правоотношений.

К участникам профилактических правоотношений также следует отнести лиц, в отношении которых осуществляется профилактическая деятельность, так называемые профилактируемые лица, к числу которых можно причислить, например, безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних; лиц, отбывающих уголовное наказание, не связанное с лишением свободы; а также другие категории лиц, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Представляется также необходимым и обоснованным включение в число субъектов профилактических отношений, хотя и прямо не поименованных в Законе о профилактике правонарушений, но являющимися таковыми исходя из предусмотренных форм профилактического воздействия, иных граждан и организаций, в отношении которых осуществляется общая профилактическая деятельность.

Следующим основным элементом профилактических правоотношений выступает их объект. Рассматривая данный структурный элемент, мы исходим из того, что поскольку данные правоотношения формируются в процессе осуществления предупредительной деятельности соответствующих субъектов профилактики, то объект в данном случае: 1) складывающаяся криминологическая ситуация, в том числе явления и процессы, которые могут выступать факторами совершения противоправного поведения и служить причиной криминальной виктимизации граждан; 2) антисоциальное и противоправное поведение физических лиц и 3) определенные блага, связанные с обеспечением криминологической безопасности, например, общественная и личная безопасность, права и свободы граждан при осуществлении профилактической деятельности соответствующих субъектов.

Содержанием правоотношений, в том числе и профилактических, выступает совокупность субъективных прав и юридических обязанностей «как меры

возможного и дозволенного поведения участников данных правоотношений» [4, с. 57]. Обязывая одного и предоставляя права другому лицу, нормы профилактического права устанавливают между ними определенные взаимосвязи, носящие двусторонний характер. Если норма профилактического права предоставляет одному субъекту правоотношения определенные правомочия, то на другой субъект возлагаются корреспондирующие им обязанности, а именно обязанность совершить конкретные действия, направленные на осуществление профилактики правонарушений в соответствии с предписаниями превентивного законодательства РФ и другими нормативно-правыми актами, а также обязанность понести определенный вид ответственности за неисполнение предписанных действий в соответствии с законодательством РФ. Так, например, указанный ранее ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» наделяет народных дружинников правом требовать от граждан прекратить противоправные действия. У граждан соответственно возникает обязанность подчиняться законным требованиям народных дружинников.

В случае воспрепятствования деятельности народных дружинников, а равно неисполнение их законных требований ответственность наступает по ст. 19.35 КоАП РФ. Подобные права и обязанности образуют в профилактическом правоотношении некое единство. Однако изучение профилактического законодательства позволило нам выявить ряд проблем, связанных с недостаточной полнотой определения правового статуса отдельных субъектов профилактических правоотношений.

Выше мы писали, что в число субъектов профилактических правоотношений необходимо включить представителей общественности, принимающих участие в осуществлении профилактической деятельности. Проведенный же нами анализ нормативных актов профилактической направленности показал, что правовой статус данных участников на сегодняшний день четко не определен. В ч. 1 ст. 13 ФЗ О профилактике правонарушений лишь указывается, что данные лица «вправе участвовать в профилактике правонарушений в соответствии с законодательством РФ». Из общего правового статуса, например, общественных объединений, вытекает, что они могут организовывать различные мероприятия, направленные на индивидуальную профилактику правонарушений, проводить среди граждан правовую пропаганду с целью повысить юридическую грамотность населения, обсуждать информацию о состоянии преступности в данном регионе и т. д. Полномочия же этих объединений, объем их прав и обязанностей в сфере осуществления превентивной деятельности не нашли должной регламентации ни в одном законодательном акте, регламентирующем деятельность общественных объединений. Между тем профилактическая деятельность – это особая деятельность государства, связанная с определенным вторжением в объем прав и обязанностей граждан, поэтому полномочия субъектов профилактики должны быть четко определены в соответствующих законодательных актах. ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» в п. 4 ст. 5 устанавливает, что внештатные сотрудники имеют право оказывать содействие органам полиции при исполнении ими обязанностей по охране об-

ществленного порядка, однако формы этого содействия нигде не определяются. При этом совершенно очевидно, что ФЗ в этой части нуждается в серьезной доработке, поскольку столь неопределенный правовой статус внештатных сотрудников полиции значительно нивелирует эффективность их деятельности в плане охраны общественного порядка. Правовой статус профилактируемых лиц определен еще в меньшем объеме. В самом общем виде права данных лиц определены ст. 28 ФЗ О профилактике правонарушений.

Итак, на основании исследования структурных элементов можно выделить следующие характерные особенности рассматриваемых правоотношений:

1 – это отношения, которые складываются в сфере осуществления превентивной деятельности соответствующих субъектов, направленной на недопущение совершения противоправных действий в будущем;

2 – специфичный круг субъектов данных правоотношений. При этом, профилактическая деятельность в основном осуществляется правоохранительными и иными государственными органами, чей правовой статус нашел наиболее четкую регламентацию в различных законах профилактической направленности. Общественным же организациям, гражданам, принимающим активное участие в профилактической деятельности и способным внести существенный вклад в осуществление эффективной профилактической деятельности, должного внимания не уделяется, в том числе и в плане координации их деятельности, установлении необходимого объема их прав и обязанностей;

3 – в качестве же юридических фактов, порождающих превентивные правоотношения, следует назвать действия и события, которые под воздействием криминогенных факторов, некорректно развиваясь, способны привести к совершению правонарушения.

Таким образом, все вышеизложенное, объективно доказывает, что в настоящее время сложились специфические общественные отношения, урегулированные нормами профилактического права, складывающиеся в процессе осуществления деятельности по профилактике преступлений и правонарушений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. – М. : Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 360 с.

2. Кабанов А. А., Чижов С. В. О структуре и содержании правоотношения // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 4 (42). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-i-soderzhanii-pravootnocheniya> (дата обращения: 25.12.2021).

3. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. – М. : Юрист, 2004. – 512 с.

4. Новикова Ю. С. Некоторые особенности структуры правоотношений. // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 3(10). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-struktury-pravootnosheniy> (дата обращения: 12.12.2021).

5. Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102060520> (дата обращения: 12.12.2021).

6. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102060520> (дата обращения: 01.04.2022).

7. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. – М. : Юрид. лит., 1974. – 352 с.

УДК 34.01

Сергеева Анжелика Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт
(филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
Санкт-Петербург, Российская Федерация
anzh-sergeeva@yandex.ru

Питулько Ксения Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт
(филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
Санкт-Петербург, Российская Федерация
lokhi@yandex.ru

Новые формы дискриминации в спорте: способы определения и политика противодействия

В статье рассматриваются новые формы дискриминации в спортивных отношениях. В современный период в дополнение к «классической» дискриминации, основанной на нетерпимом отношении к людям по этническим, религиозным и социальным признакам, появились негативные явления, снижающие спортивную конкуренцию и препятствующие формированию состава участников спортивных состязаний с соблюдением принципа равенства. Правовое регулирование условий допуска к участию в состязаниях таких рисков не учитывает, вследствие чего они могут быть рассмотрены как имеющие дискриминационный характер. На основе проведенного в статье анализа авторами предложены пути противодействия формам дискриминации в спортивных отношениях, основанных на предоставлении номинального преимущества небинарным спортсменам.

Ключевые слова: спорт, спортивные отношения, дискриминация, спортивные соревнования, допуск к участию в соревнованиях.

Sergeyeva Angelika Anatolyevna,
candidate of Legal Sciences, associate professor,
Saint Petersburg' Institute of the All-Russian
State University of Justice Russian Law
Academy of the Ministry of Justice of Russia
St. Peterburg, Russian Federation

Pitulko Ksenia Viktorovna,
candidate of legal sciences, associate professor,
Saint Petersburg' Institute of the All-Russian
State University of Justice Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of Russia
St. Peterburg, Russian Federation

New forms of discrimination in sports: ways to define and counteract

The article deals with new forms of discrimination in sports relations. In the modern period, in addition to the "classical" discrimination based on intolerant attitude towards people on ethnic, religious and social grounds, negative phenomena have appeared that reduce sports competition and prevent the formation of the composition of sports participants in compliance with the principle of equality. The legal regulation of the conditions for admission to participation in competitions does not take into account such risks, as a result of which they can be considered as having a discriminatory nature. Based on the analysis carried out in the article, the authors propose ways to counteract forms of discrimination in sports relations based on the provision of a nominal advantage to non-binary athletes.

Keywords: sports, sports relations, discrimination, sports competitions, admission to participation in competitions.

Правовая природа спортивных отношений презюмирует недопустимость любых проявлений дискриминации как формы нарушения равноправия участников спортивных соревнований. В то же время дискриминационные акты наблюдаются не только со стороны болельщиков, но и со стороны участников спортивных состязаний (спортсменов, тренеров и судей). В отечественном законодательстве запрет дискриминации основан на конституционном принципе юридического равенства, а его соблюдение гарантировано положениями трудового (ст. 3 Трудового кодекса РФ), административного (ст. 5.62 КоАП РФ) и уголовного (ст. 136 УК РФ) законодательства. Применительно к сфере спортивных отношений запрет дискриминации сложился на основании олимпийского принципа о недопустимости ее проявлений по признакам расы, религии, половой, политической, гендерной или иной принадлежности.

Дискриминация в ее сложившемся понимании основана на нетерпимом отношении по отличительным признакам, характеризующим расу, пол, этническую, религиозную или иную принадлежность. Иными словами, как социальное явление дискриминация обладает выраженным умышленным и твердо сформированным неприязненным отношением к человеку или группе лиц, в основе которого лежат эти отличительные признаки.

«Классическая» дискриминация проявляется в негативной конфликтной форме, унижающей и оскорбляющей спортсменов, а необходимость противодействия ей не вызывает особой сложности в принятии юридически значимых решений. Относительно противодействию проявлений расизма и ксенофобии со стороны зрителей спортивных мероприятий заслуживает одобрения практика ФИФА, в соответствии с которой при проведении футбольных матчей присутствуют специальные наблюдатели, задачи которых – выявление и пресечение подобного поведения. В условиях достаточно серьезного внимания к действиям болельщиков и наличия специальных правовых инструментов, позволяющих лишать права посещения спортивных мероприятий в связи с совершением административного правонарушения (ст. 3.14 КоАП РФ). В соответствии со ст. 53 Дисциплинарного регламента РФС основанием для возбуждения производства по делу о дисциплинарном правонарушении является обращение Офицера РФС по борьбе с дискриминацией и расизмом, на основании которого контрольно-дисциплинарный комитет РФС может применить санкции к игроку или клубу. Одной из санкций является проведение нескольких матчей без зрителей, и это обладает серьезным профилактическим потенциалом, поскольку футбол – это один из самых зрелищных видов спорта, достаточно популярный в России и в мире.

В то же время в современных спортивных отношениях появляются новые особенности, требующие оценки и возможной правовой реакции.

Как известно, в преддверии летней олимпиады-2020 в Токио (Япония) высокий общественный резонанс получила информация о том, что Международный олимпийский комитет изменил олимпийскую клятву, дополнив ее обязанностью заниматься спортом без какой-либо дискриминации, и процедуру ее принесения, обеспечив гендерно равную базу. На олимпиаде в Токио гендерный состав участников отличался практически равным удельным весом мужчин (51,2 %) и женщин (48,8 %). МОК значительно расширил количество смешанных соревнований (до 18) по сравнению с предыдущей олимпиадой в Рио-де-Жанейро. К участию в некоторых соревнованиях женщины на олимпиаде в Токио были допущены впервые. В то же время проблема сексизма в спорте остается актуальной даже в XXI веке. Но во время олимпиады в Токио наиболее обсуждаемой стала ситуация, связанная с выступлением спортсменки-трансгендера из Новой Зеландии Л. Хаббард, допущенной МОК к участию в олимпиаде. В своем решении МОК руководствовался нормативами измерения уровня тестостерона, а также признанием права участия в олимпийских соревнованиях трансгендеров-мужчин даже в тех случаях, когда они не прибегали к хирургическим манипуляциям [4, с. 304–311]. Эта практика вызвала множество споров, в том числе в медицинском профессиональном сообществе, исходящем из физиологических и биологических параметров, ставящих в таком случае в уязвимое положение представителей стандартного физиологического генотипа, а также осуждение со стороны спортивных правозащитных организаций (например, Save Women's Sport, прямо обвинившей МОК в непоследовательности и отсутствии твердых критериев отбора небинарных спортсменов

для участия в играх). Сложившаяся практика МОК, апробированная на «казусе Хаббард» и некоторых других прецедентах аналогичного содержания, не имеет в данный момент юридической базы и основывается на провозглашении равных возможностей небинарных спортсменов. Ответ на этот вопрос не может быть простым. Тому подтверждение – выдвигаемые обвинения в попытках обойти основные принципы соревнований в адрес Эдинанси Фернандес да Силва, именитой бразильской дзюдоистки, обладавшей с рождения признаками, не позволяющими однозначно определить пол, сменившей пол на женский в период участия в соревнованиях, Фэллона Фокса, американского бойца ММА, сменившего пол на женский, и многих других спортсменов. Однако в контексте их допуска к соревнованиям в женском спорте возникает вопрос о том, не нарушаются ли в таких случаях права и законные интересы спортсменок, однозначно определяющих свой биологический пол.

Аналогично возникает вопрос о равных возможностях спортсменов, добросовестно соблюдающих антидопинговые правила (в современный период в России полностью сформирована правовая основа противодействия применению запрещенных субстанций и методов в спорте [3, с. 69–75], и в большинстве случаев установленные правила неукоснительно соблюдаются [2, с. 108–111]), и атлетов, использующих лекарственные средства, назначенные в связи с выявленным заболеванием (например, астмой), но по химическому составу содержащие компоненты, близкие по своей структуре к препаратам, находящимся под запретом. Если относительно выявленных случаев употребления допинга в российском и международном механизме правового регулирования спортивных отношений сформирован единый негативный подход [1, с. 175–178], то названный казус пока еще не имеет решения. Хотя очевидно, что допуск атлетов, использующих подобные лекарственные препараты к участию в соревнованиях, нарушают конкуренцию в спорте и создают преимущества, не основанные на индивидуальных спортивных достижениях. Фактически спортсмены, не пользующиеся лекарственными средствами в терапевтических целях, оказываются в неравном положении, а опыт развития инклюзивных спортивных отношений в полном объеме оказывается невостребованным в этих целях [5, с. 7–12]. Поскольку уровень развития фармацевтики в странах мира различается, имеется риск появления новой завуалированной формы дискриминации.

Еще один проблемный аспект. Гендерная проблематика в спорте востребована сегодня в правовом поле и неминуемо оказывается в сфере правового регулирования. В то же время область спортивных правоотношений в данном случае не может быть единственным регулятором, посредством которого должен получить однозначное решение вопрос об участии в спортивных соревнованиях небинарных спортсменов и тех атлетов, которые не акцентируют трансгендерную принадлежность. Основанное исключительно на нормативном постулате о физическом преимуществе мужчин в спорте, правовое регулирование участия трансгендеров, в том числе небинарных спортсменов, в спортивных состязаниях дискриминационно по определению.

Требования спортивных норм не отличаются однозначностью, так как основаны на попытке использовать контаминацию вышеназванного постулата и элементов инклюзивной соревновательной политики в пределах от предоставления результатов гендерно-подтверждающей гормональной политики до подтверждения операции по смене пола, истечения определенного периода времени с момента ее проведения.

Аналогично пределы разрешенной лекарственной терапии не могут быть установлены нормами спортивного права. Для объективного разрешения сложившейся ситуации требуется проведение комплекса инструментальных медицинских и смежных исследований, результаты которых получают единое признание на уровне международных спортивных федераций и олимпийских структур.

До их завершения постановка проблемы о дискриминации спортсменов различных гендерных групп или же обладающих различными качествами, характеризующими состояние физического здоровья, сведена к манипулированию принципом равенства, а, следовательно, неуместна. По факту, может получить дальнейшее обсуждение проблематика обеспечения равных возможностей для участников спортивных состязаний. На примере олимпиады 2022 г. в Пекине (КНР) можно заключить, что зимние виды спорта в данный момент также не лишены специфической проблематики из-за участия небинарных спортсменов (например, Тимоти Ледук), а казусы, связанные с разными стандартами разрешенной лекарственной терапии, так и не утратили резонанса. Из этого можно заключить, что в целях обеспечения недискриминационного участия спортсменов в соревнованиях требуется разработка унифицированных правовых документов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Амиров И. М. Антидопинговый правопорядок в России // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 175–178.
2. Буянова М. О. Теория спортивного права : монография – М. : Юрайт, 2019. – 184 с.
3. Кутуев А. Р. Уголовная ответственность за организацию, распространение и применение субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2018. – № 1. – С. 69–75.
4. Олейник Е. А., Бугаевский, К. А. К вопросу о трансгендерности в современном спорте // Ученые записки Университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2020. – № 2. – С. 304–311.
5. Саввулиди М. П. Адаптивный спорт в современной России: идеология государственного управления // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – № 4. – С. 7–12.

СЕКЦИЯ 2

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СВЕТЕ НОВЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

УДК 343.85

Аносов Александр Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления МВД России
г. Москва, Российская Федерация
pdnrme@yandex.ru

Предупреждение преступлений, совершаемых с помощью интернета вещей

В статье рассматриваются проблемы, связанные с активным использованием устройств и систем, относящихся к понятию «интернет вещей», представлена краткая характеристика потенциальных угроз автономных сетевых объектов и предлагается комплекс предупредительных мер, направленных на противодействие преступлениям в сфере интернета вещей.

***Ключевые слова:** интернет вещей, преступления в сфере высоких технологий, киберпреступность, виктимологическая профилактика, предупреждение преступлений, компьютерная преступность, защита информации.*

Anosov Alexander Viktorovich,
candidate of legal sciences, associate professor,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Prevention of crimes committed through the Internet of Things

The article discusses the problems associated with the active use of devices and systems related to the concept of “Internet of things”, presents a brief description of the potential threats of autonomous network objects and proposes a set of preventive measures aimed at counteracting crimes in the field of the Internet of things.

***Keywords:** Internet of things, high-tech crimes, cybercrime, victimological prevention, crime prevention, computer crime, information security.*

Интернет вещей по праву относится к одной из самых быстроразвивающихся технологий, способных не только предложить большое количество различных бытовых удобств, но и оказать заметное влияние на повышение качест-

ва социальной жизни, а также продвижение новых бизнес-разработок, относящихся к современным информационным технологиям. Интернет вещей постепенно охватывает различные сферы человеческой деятельности, такие как здравоохранение, образование, маркетинг, сфера услуг и пр. Этому способствует большое количество подключенных в единую сеть Интернет цифровых устройств, но при этом создает и определенные требования к системе их функционирования с учетом обеспечения цифровой безопасности и конфиденциальности сведений в открытой среде обработки данных.

Криминологическая (точнее виктимологическая) особенность использования интернета вещей состоит в том, что большинство пользователей даже не задумываются о той потенциальной угрозе, которую могут нести подключенные в открытую информационно-телекоммуникационную сеть объекты. Как правило, с точки зрения обывателя меры безопасности нужны при использовании персональных компьютеров, относительно недавно к ним добавились смартфоны как потенциальные источники цифровой угрозы. В то же время большинство выпускаемых в настоящее время телевизоров и различных ТВ-приставок к ним, «умных» колонок, роутеров, современных радиоприемников с возможностью подключения интернет-радио представляют собой полноценное компьютерное устройство под управлением операционной системы и, соответственно, обладающей такими же (или даже большими) уязвимостями, как и ПК. Более того, потенциальный выход в Интернет могут иметь бытовые устройства, никак не ассоциирующиеся компьютерной техникой, например, холодильники, утюги, кофе-машины, роботы-пылесосы и пр., способные в аудио или даже видео форме следить за своим владельцем, что создает угрозу утечки конфиденциальной информации. Не стоит забывать, что интернет вещей не ограничивается бытовыми устройствами, под это понятие попадают и устройства автовозждения, системы «умного дома», охраны и сигнализации, поэтому потенциальных ущерб от противоправного дистанционного воздействия на них может быть значительным.

Ключевой особенностью интернета вещей является возможность автономного функционирования и взаимодействия между отдельными объектами в сети, минуя прямые команды оператора. Само понятие «интернет вещей» представляет собой кальку с английского “Internet of Things”. Данный перевод не в полной мере отражает его суть, поскольку интернет вещей подразумевает наличие отдельной сети для связи между бытовыми устройствами внутри нее, на самом деле обмен информацией происходит в общей сети Интернет, отсюда и проистекает его криминологическая опасность.

Преступления, совершаемые с помощью интернета вещей, могут быть весьма разнообразными как по предмету преступного посягательства, так и по механизму их совершения. Л. Р. Клебанов выделил несколько групп потенциальных рисков совершения подобных преступлений: преступления против личности, криминальные угрозы в адрес конкретного лица, преступления против общественной безопасности, распространение запрещенных материалов в сети Интернет, преступления против государственной власти, хищение конфиденци-

альной информации [4]. В целом соглашаясь с предложенной концепцией, добавим, что современная геополитическая обстановка расширяет перечень угроз, связанных с воздействиями на объекты в сети Интернет, поскольку мотивами совершения подобных деяний могут быть не только криминальные помыслы, но и политические аспекты воздействия на власть со стороны недружественных государств.

Предупреждение преступлений, совершаемых с помощью интернета вещей, представляет собой определенную сложность, поскольку должно сочетать в себе социальные, технические, организационные и криминологические аспекты. Процесс разработки мер безопасности требует глубокого понимания сетевых технологий с последующим определением различных уязвимостей и угроз, представляющих опасность для пользователей. При этом отдельные направления профилактического воздействия должны не существовать изолированно друг от друга, а представлять собой единый комплекс мер. Это накладывает определенные требования к квалификации специалистов, занимающихся профилактической деятельностью, в частности, сотрудники органов внутренних дел в ходе проведения виктимологических мероприятий с населением должны обладать определенными техническими познаниями, позволяющими реально оценить степень уязвимости объектов в сети Интернет и давать рекомендации не только в плане защиты от неправомерного воздействия путем социального инжинеринга или обычного телефонного мошенничества, но и рекомендовать способы защиты от компьютерных атак или краж конфиденциальных данных с использованием интернета вещей. Поэтому одним из наиболее актуальных направлений совершенствования системы профилактики данных преступлений является повышение уровня профессиональной подготовленности сотрудников правоохранительных органов, занимающихся виктимологической профилактикой среди населения. С этой целью целесообразно включить в программы подготовки и переподготовки данной категории специалистов специальные курсы по противодействию высокотехнологической преступности, включающие вопросы технической защиты от хакерских атак; активнее задействовать специалистов из специализированных структур, занимающихся вопросами обеспечения технической безопасности в сфере ИТ для проведения занятий в системе служебной подготовки; осуществлять совместную разработку методических рекомендаций для практических работников по данной тематике, а также активизировать обсуждение предложенной тематики на совещаниях и научных форумах.

Вторым важным направлением предупреждения рассматриваемых преступлений является выработка и внедрение единых требований по обеспечению технической защищенности со стороны производителей данных устройств. Устройства, относящиеся к интернету вещей, подразумевают упрощенное подключение к сети, без реализации возможности использования дополнительных антивирусных программ или сетевых экранов. При этом, как отмечает Ю. В. Гаврилин, программное обеспечение для таких устройств зачастую создается в ускоренном темпе, без каких-либо проверок качества по части инфор-

мационной безопасности, с упрощением методов безопасной разработки, внедрения компонентов и тестирования [2, с. 54]. Даже элементарные рекомендации пользователям, такие как необходимость смены пароля при первом подключении «умного» устройства к сети, зачастую не соблюдаются, тем самым становясь легкой добычей для злоумышленников в сети. Поэтому необходимым условием продажи подобных устройств должно стать соблюдение производителем требований технической защиты и ограничения сетевого доступа к ним. Это относится как к бытовым устройствам интернета вещей, так и используемым на предприятиях и в организациях.

Следующее направление деятельности по предупреждению преступлений в сфере интернета вещей связано с ее правовым и информационным обеспечением. Само понятие «интернет вещей» подразумевает сетевую коммуникацию между отдельными устройствами, минуя человека, что порождает новое направление юридических отношений с точки зрения права. По словам А. О. Иншаковой, в условиях информационного общества необходима модернизация системы государственного, нормативного и в целом правового регулирования социально-экономических процессов [3, с. 165]. В частности, пользователь может быть вообще не осведомлен, что с его устройства осуществляются так называемые DDOS атаки, что, в свою очередь, порождает проблемы ответственности и возмещения ущерба. Кроме того, при использовании интернета вещей неизбежно возникают вопросы аутентификации подключаемых к сети устройств, поскольку во многих случаях используется так называемое упрощенное подключение, не требующее авторизации, и, соответственно, не несущее правовых последствий для владельца при их удаленном использовании в преступных целях другими лицами. Появившийся в 2017 году Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [1] явился своевременной реакцией государства на новые вызовы, связанные с распространением киберугроз в отношении объектов сбора и хранения информации, однако даже он не охватывает правовые коллизии, возникающие при использовании для сетевых атак автономных сетевых устройств. Кроме того, объекты, относящиеся к обобщенному понятию «интернет вещей», настолько разнообразны по своему функционалу и возможностям, что требуется глубокая проработка правовых норм их использования и защиты.

Современные информационно-телекоммуникационные технологии развиваются стремительными темпами и охватывают все новые аспекты социальной жизни людей, при этом правовое регулирование данного процесса отстает от развития научно-технического прогресса. Кроме того, деятельность правоохранительных органов по предупреждению высокотехнологичных преступлений должна опираться на качественный анализ причин и условий, способствующих им, с учетом технологических особенностей и специфики данного вида преступных посягательств. Основой такого подхода является отбор и систематизация криминологически значимой информации; создание современных систем контроля и анализа подозрительного поведения устройств в сети, в том числе с использованием разработок в области искусственного интеллекта; выявление

виктимологических факторов, способствующих утрате контроля над объектами в сети; подготовка прогноза развития ситуации и своевременная разработка мер оперативного реагирования на ее изменение. Чтобы уменьшить потенциальные угрозы и их последствия, необходимы дополнительные научно-практические исследования, восполняющие пробелы в знаниях об угрозах и киберпреступности в целом, с учетом опыта противодействия им в других странах.

Отдельный аспект проведения профилактической работы по предупреждению рассматриваемой группы преступлений связан со средствами массовой информации. В настоящее время объекты интернета вещей активно рекламируются во многих изданиях, как печатных, так и сетевых, а также в социальных сетях, при этом широко освещаются вопросы, связанные с повышением комфорта и удобства использования подобных бытовых устройств и систем, однако информация о потенциальной угрозе, которые они несут для пользователя, как правило, умалчивается. В то же время одним из действенных способов виктимологической профилактики преступлений, в том числе связанных с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий, является донесение через СМИ информации о мерах безопасности при использовании объектов в сети Интернет. С этой целью представляется необходимым активнее использовать современные информационные средства с целью информирования населения о средствах и методах защиты от потенциальных угроз; организовать выпуск специальных памяток для покупателей подобных устройств; доводить информацию о совершаемых в данной сфере преступлениях и предпринимаемых мерах по их пресечению; в целом активизировать правовую пропаганду, направленную на формирование нетерпимости к криминальным проявлениям, а также осуществлять цифровое просвещение среди населения.

Таким образом, эффективность предупреждения преступлений, совершаемых с помощью интернета вещей, во многом зависит от скоординированности усилий государственных органов, коммерческих предприятий и организаций, профессиональных структур в сфере кибербезопасности, средств массовой информации, общества в целом и отдельных граждан, направленных как на развитие комплексной системы защиты от потенциальных угроз в сети Интернет, так и повышение информационной культуры населения как виктимологического аспекта системы противодействия им.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ // СЗ РФ от 31 июля 2017 г. № 31 (часть 1). – Ст. 4736.
2. Гаврилин Ю. В. О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях : науч.-практ. пособие. – М. : Академия управления МВД России, 2021. – 72 с.

3. Иншакова А. О. Повсеместные вычисления и интернет вещей: концепция цифровой модернизации правовое регулирование // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 154–166.

4. Клебанов Л. Р. Криминальные угрозы в сфере интернета вещей // Проблемы и пути совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в рамках IX конгресса ученых-юристов : сб. материалов круглого стола в рамках IX Пермского конгресса ученых-юристов. – Пермь, 2018. – С. 96–102.

УДК 343.979

Верещагина Алла Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса
г. Владивосток, Российская Федерация
vereschagina_alla@mail.ru

К истории развития российского законодательства о преступлениях против правосудия

С момента зарождения государственно-организованного общества появляются нормы, обеспечивающие авторитет агентов власти и результатов их деятельности. В развитии российского уголовного законодательства о преступлениях против правосудия можно выделить несколько вариантов регламентации. Наиболее удачная модель была закреплена в Уголовном уложении 1903 года. Эта модель в наибольшей степени соответствовала сути понятия «правосудие». Ретроспектива развития российского уголовного законодательства о преступлениях против правосудия подтверждает обусловленность нормативной регламентации социально-экономическим контекстом, включая идеологию государственного строительства.

Ключевые слова: преступления против правосудия; Русская Правда, Соборное уложение, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, Уголовное уложение.

Vereshchagina Alla Vasilyevna,
candidate of legal sciences, associate professor,
Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russian Federation

On the history of the development of Russian legislation on crimes against justice

Since the birth of a state-organized society, norms have appeared that ensure the authority of the agents of power and the results of their activities. In the development of Russian criminal legislation on crimes against justice, several options for regulation can be distinguished. The most successful model was enshrined in the Criminal Code of 1903. This model is the most consistent

with the essence of the concept of “justice”. A retrospective of the development of Russian criminal legislation on crimes against justice confirms the conditionality of normative regulation by the socio-economic context, including the ideology of state building.

Keywords: *crimes against justice; Russian Pravda, Cathedral Code, Code of Criminal and Correctional Punishments, Criminal Code.*

С момента появления писаных источников права формулируются уголовно-правовые запреты, направленные на ограждение государства и отдельных его институтов. Например, в Русской Правде устанавливались повышенные штрафы за убийство тиуна, дифференцировавшиеся в зависимости от занимаемого им места в судебной иерархии (ст. 9–11 Русской Правды по Карамзинскому списку) [2]. В древних государственных образованиях подобные уголовно-правовые запреты не увязывались исключительно с социальной ценностью суда для государственно организованного социума. Скорее эти запреты были направлены на укрепление авторитета правителя (у древних славян князя), отправление правосудия для которого было прерогативой наряду со сбором налогов, являвшимися двумя основными равноценными составляющими «...реальной, а не мнимой власти...» [1, с. 16].

Нормы, направленные на защиту правосудной деятельности, можно найти практически во всех памятниках русского права, принимавшихся после Русской Правды. Значительное внимание преступлениям против правосудия уделено в Главе X «О суде» Соборного уложения [3]. Однако не следует заблуждаться, несмотря на название, глава X эклектична, в ней содержатся не только уголовно-правовые запреты, обеспечивающие правосудные решения (например, статья 5 об ответственности судей за вынесение решения «...по посулом, или по дружбе, или по недружбе...» (орфография первоисточника. – А. В.), но и регламентирующие последствия необходимой обороны, угрозы уничтожения имущества поджогом и пр. (ст. 200, 202), процессуальные (недопустимость разрешения дел в воскресные дни – ст. 25), а также гражданско-правовые нормы о договорах займа, поручительства, хранения и пр. (ст. 197, 205, 206).

В первом кодифицированном уголовном законе самостоятельного раздела, посвященного преступлениям против правосудия, не было. Однако это не означает, что отсутствовала уголовно-правовая защита общественных отношений, возникающих при отправлении правосудия. В разделе 4 «О преступлениях и проступках против порядка управления» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [10] (далее в тексте Уложение 1845 г.) дореволюционный законодатель сосредоточил различные составы преступлений, в том числе против правосудия. Так, в главе 1 «О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от онога властям» раздела четвертого закреплялась ответственность за сопротивление исполнению судебных определений или иных постановлений и распоряжений властей (ст. 291), в главе 2 «О оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при определении должности» – явное неуважение к присутственному месту, побои, насильственные действия, оскорбление чиновника при исполнении обязанностей службы и др. (ст. 309, 312, 313).

Вероятно, такая группировка уголовно-правовых норм соответствовала основным началам организации власти в Российской империи, в которой до проведения судебной реформы 1864 года судебные органы не вычленились из системы органов исполнительной власти.

Впервые в истории российского уголовного права специальная глава седьмая «О противодействии правосудию» появилась в Уголовном уложении 1903 года [4]. Особенность главы седьмой заключается в том, что в ней закрепились только преступления, затрудняющие вынесение правосудного решения: заведомо ложное сообщение о совершении преступления; заведомо ложный донос; дача ложных показаний; фальсификация доказательств (ст. 156–159) и т. п. Помимо этого в главе шестой «О неповиновении власти» содержались преступления, направленные на защиту уважительного отнесения к присутственным местам и личности должностных лиц, включая магистратуру.

Таким образом, в начале XX века был апробирован дуалистический подход, сочетавший 1) поддержание авторитета власти и ее агентов вне зависимости от характера выполняемых функций и 2) обеспечивающий вынесение правосудных решений (соответственно главы шестая и седьмая Уголовного уложения 1903 года). Такая регламентация представляется оптимальной и практико-ориентированной, поскольку исключает тиражирование уголовно-правовых запретов в зависимости от того к какой ветви власти относится должностное лицо и облегчает квалификацию действий, и соответствующей содержанию понятия «правосудие» в узком смысле слова как деятельности по вынесению законных, обоснованных и мотивированных решений.

В советский период законодатель вернулся к модели регламентации, сложившейся в Уложении 1845 года, включив в главу I «Государственные преступления» часть 2 «Преступления против порядка управления», в которой зафиксировал как уголовно-правовые запреты умаляющие авторитет различных органов и должностных лиц, так и собственно преступления против правосудия в узком смысле слова [6]. Эта конструкция, на наш взгляд, в ухудшенном, но соответствовавшем идеологии государственного строительства и господства государственной собственности в СССР варианте содержится в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года (под нарушением порядка управления понимались даже такие, казалось бы, не имеющие отношение к управлению, преступления как рубка леса в пределах запретных полос, установленных в составе водоохранной зоны; производство промысла морских котиков и морских бобров в открытом море; производство охоты в запрещенных местах – ст. 85, 86, 86-1 и т. п.) [7].

Возврат к подходу, апробированному в Уголовном уложении 1903 года, фактически произошел с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1960 года [8], в котором восстановили самостоятельную главу «Преступления против правосудия», первоначальная редакция которой была подобна имевшейся в начале XX века.

С конца 80-х годов XX века происходит трансформация системы уголовно-правовых запретов главы «Преступления против правосудия» в УК РСФСР 1960 года, причинами, возможно, были процессы либерализации и обусловлен-

ные ими декларации о необходимости создания независимой судебной власти, а также достаточно сложная криминогенная обстановка. Как результат, в означенной главе появляются составы преступлений, в большей степени связанные не с вынесением правосудных решений, а с поддержанием авторитета судов и судей. Например, угроза или насильственные действия в отношении судьи, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа и их близких родственников; оскорбление судьи, народного или присяжного заседателя в связи с их деятельностью по осуществлению правосудия (ст. 176.2, 176.3 УК РСФСР) [9].

Сложившаяся в конце 80-х – начале 90-х годов XX века конструкция главы 8 «Преступления против правосудия» «перекочевала» в действующий уголовный закон (глава 31) [5]. Думается, обстоятельством, обусловившим содержание главы 31 и структуру Особенной части УК РФ, является попытка законодателя сгруппировать нормы о преступлениях против представителей государства сообразно принципу разделения властей, что привело к дублированию практически одинаковых уголовно-правовых запретов, например, предусмотренных статьями 277, 295, 317 УК РФ, закреплению конкурирующих составов (пункт «б» части 2 ст. 105 и 297 УК РФ) и др., к усложнению правоприменения при выборе верной нормы для квалификации действий лица и, в конечном итоге, искажению понятия «правосудие» как деятельности по вынесению законных, обоснованных и мотивированных решений.

Изложенная ретроспектива законодательства о преступлениях против правосудия, по нашему мнению, свидетельствует о взаимной связи социального контекста, идеологии государственного строительства и нормативной регламентации. Наиболее удачная, соответствующая содержанию понятия «правосудие» модель была закреплена в Уголовном уложении 1903 года, что, наверное, неслучайно, поскольку это был результат сочетанного поступательного и последовательного развития научной мысли, законодательного опыта и правоприменения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Верещагина А. В., Омеляненко М. Е. Институализация юстиции в нормах Русской Правды // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 1. – С. 11–23.
2. Калачов Н. В. Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций. – Изд. 4-е (без перемен). – М. : Тип. Августа Семена, 1846.
3. Соборное уложение 1649 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. 1. – СПб. : Типография II СЕИВ канцелярии, 1830. – № 1.
4. Уголовное уложение 22 марта 1903 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XXIII. – СПб. : Гос. типография, 1905. № 22704.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.04.2022).

6. Уголовный кодекс РСФСР от 01.06.1922 // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1922. – № 80. – Ст. 153.

7. Уголовный кодекс РСФСР от 22.11.1926 // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

8. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

9. Указ Президиума ВС РСФСР от 11.12.1989 № 13241-XI «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях». – URL: <https://base.garant.ru/5331935/> (дата обращения: 01.04.2022).

10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 15 августа 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Т. 1. – СПб. : Типография II СЕИВ канцелярии, 1846. – № 19283.

УДК 343.2

Гилинский Яков Ильич,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации
Санкт-Петербург, Российская Федерация
yakov.gilinsky@gmail.com

Уголовная политика в современном обществе

Уголовная политика государства включает правотворчество, правоприменение, профилактику преступлений. Особенности современного мира постмодерна влияют как на преступность, так и на уголовную политику. Развитие мировой криминологии и современной мировой уголовной политики свидетельствуют о следующих тенденциях: минимизация криминализации деяний; либерализация системы наказаний и их реализации; значимость профилактики при недопущении тотального контроля за людьми.

Ключевые слова: *уголовная политика, постмодерн, правотворчество, правоприменение, профилактика.*

Gilinsky Yakov Il'ych,
doctor of law, professor,
St. Peterburg's Juridical Institute
of the University of Prosecutor's Office RF
St. Peterburg, Russian Federation

Criminal policy in modern society

Criminal policy includes lawmaking, law enforcement, crime prevention. Features of the modern postmodern world affect both crime and criminal policy. The development of world criminology and modern world criminal policy testify to the following trends: minimization of criminalization of acts; liberalization of the system of punishments and their implementation; the importance of the prevention of crime.

Keywords: *criminal policy, postmodern, lawmaking, law enforcement, prevention.*

Об уголовной политике

Уголовная политика – элемент политики государства. Уголовная политика зависит от государственной политики в целом и, прежде всего, от политического режима. Но если в XX веке можно было достаточно четко разграничить уголовную политику авторитарных (тоталитарных) государств и демократических стран, то мир постмодерна обуславливает *неопределенность* уголовной политики многих государств, независимо от политического режима.

Последние годы проблема уголовной политики приобретает все большее значение. Это находит отражение и в фундаментальных трудах отечественных авторов, и в тематике международных конференций (так, на 19-й конференции Европейского общества криминологов – Гент, 2019 – вопросам уголовной политики были посвящены свыше 200 докладов). Это не удивительно: в обществе постмодерна постоянно меняются привычные условия бытия, изменяются представления о дозволенном/недозволенном, допустимом/недопустимом, возникают все новые проблемы, требующие, в том числе, уголовного-правового регулирования. Одно из главных противоречий современности – между возрастающими возможностями свободы человека (передвижения, информирования, творчества и др.) и возрастающими возможностями государства устанавливать тотальный контроль за жизнедеятельностью каждого гражданина. Как уголовная политика, уголовный закон, правоприменительная деятельность должны реагировать на вызовы времени? Надо раз и навсегда понять: нельзя управлять государством мерами запретов и наказаний.

О преступности

Преступность – нормальное явление, потому что общество без преступности совершенно невозможно.

Э. Дюркгейм

С конца прошлого века мы все живем в обществе постмодерна (постсовременном, постклассическом, пост-постмодерна). Его особенности (глобализация, массовая миграция, виртуализация, консьюмеризация, фрагментаризация и др.) влияют на все социальные процессы и явления, включая преступность и меры противодействия ей (уголовную политику) [1].

Одновременно с обществом постмодерна приходит осознание (проявляющееся и раньше [5, с. 62; 6, с. 664]), что «преступление», «преступность» суть социальные конструкты, а не реальные деяния по их содержанию. Так, умышленное причинение смерти другому человеку может быть страшным преступ-

лением (ст. 105 УК РФ), подвигом на войне, профессиональной деятельностью палача или же непроступным деянием (совершенным в состоянии необходимой обороны). А умышленное причинение смерти другому человеку по просьбе этого человека – или легальная эвтаназия (в Бельгии, Нидерландах, Швейцарии и др.), или страшное преступление (Россия и др.).

Таким образом, «термин *преступление* есть ярлык (*label*), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт – это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. *Преступление* как таковое не существует в природе; это выдумка (*invention*) людей» [9, с. 2].

Но тогда возникает вопрос: кто и почему криминализирует те или иные деяния? Тщательный анализ оснований криминализации приводит к выводу: «Главный миф криминализации – о возможности построения ее рациональной модели» [4, с. 212]. Нет объективных оснований криминализации тех или иных деяний. Криминализация – творение законодателя, который действует в интересах вождя, власти, режима. «Плодотворный» законодатель готов криминализовать все, что нежелательно власти, режиму. В результате каждый гражданин страны оказывается «преступником», человеком, совершившим то, что записано в уголовном законе. Воистину «был бы человек, статья найдется».

Да, преступность нормальное явление, не в смысле – хорошее, а обычное, естественное, распространенное. То, что общество (государство, власть) считает «преступным», совершалось, совершается и будет совершаться в едином процессе жизнедеятельности людей по удовлетворению потребностей – в пище, тепле, благополучии, сексе, самоутверждении, самореализации...

Не случайно поэтому мировая криминология настаивает на декриминализации большинства надуманных, придуманных «преступлений», на очистке уголовного закона от деяний, не представляющих действительной, реальной, значительной опасности для общества. В первом докладе на первом пленарном заседании 16-ой ежегодной конференции Европейского Общества Криминологов (ESC) в Мюнстере (21–24.09.2016) профессор Ф. Дюнкель провозгласил: «*Будущая стратегия – всемерная декриминализация!*». Это отражение общемировой тенденции, с которой нельзя не согласиться.

О наказании

Со времен Каина мир никогда
не удавалось ни исправить,
ни утратить наказанием.
Как раз наоборот!

К. Маркс

В различные времена в разных странах провозглашались различные цели уголовного наказания. Но лишь одна цель соответствовала действительному назначению наказания – *кара*, иначе – *месть*. Конечно, называлась только кара, месть – уж очень неприлично. Но реально кара – это и есть месть.

Иные провозглашаемые цели наказания никогда не бывают и не могут быть достигнуты. Наказание в России не достигает ни одной из целей, перечисленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Достижение *социальной справедливости*. Но что такое «социальная справедливость»? И с чьей точки зрения? *Исправление* кого бы

то ни было наказанием невозможно. Будь то наказание шаловливого ребенка, хулиганистого школьника, подчиненного по службе или лица, совершившего преступление. Как свидетельствует исторический опыт, не эффективно ни *общее предупреждение* (люди совершали, совершают, и будут совершать то, что именуется «преступлениями»), ни *специальное предупреждение*. В США – стране жесткой пенитенциарной системы – уровень рецидива среди всех осужденных достигает 50–60 %, а в либеральной Норвегии – менее 20 %.

Но современные государства не могут отказаться от уголовного закона и наказания за обозначенные в нем «преступления». Тогда встает задача оптимизации системы наказаний, минимизации их вредных последствий, *сокращения вреда от наказания*.

Смертная казнь – убийство государством. Совершенно недопустима и должна быть исключена из перечня наказаний в УК РФ (ст. 44, 59 УК РФ).

Лишение свободы – наиболее тяжкое из сохраняющихся мер наказания. «Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто «не видит», чем ее заменить. Она – отвратительное решение, без которого, очевидно, невозможно обойтись» [7, с. 339].

И вообще «наказание – это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойств уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения» [3, с. 56, 68].

Поэтому при сохранении наказания в виде лишения свободы следует применять ее как можно реже (в Японии к лишению свободы приговариваются 3,5–4,5 % всех осужденных); лишение свободы не должно применяться к несовершеннолетним (как во многих европейских странах); сроки лишения свободы не должны быть длительными (средний срок лишения свободы в европейских странах 1 год 8 месяцев); условия отбывания наказания в местах лишения свободы должны носить не репрессивный, а восстановительный характер (повышение квалификации, приобретение новой профессии, повышение образовательного уровня и т. п.).

Следует шире применять меры наказания не связанные с лишением свободы, например ограничение свободы с помощью электронных браслетов.

Что делать

Отсутствие деяний, «преступных» по своему содержанию, «нормальность» (обыденность, естественность) всего того, что делали, делают и будут делать люди, неэффективность наказаний привели крупнейшего представителя германской уголовно-правовой науки проф. Х.-Х. Йешека к предложению об отмене уголовного законодательства, несовместимого с правами человека и гражданина [8, с. 3]. (Подробнее обо всем вышесказанном см.: [2].)

Конечно, сегодня ни одно государство не откажется от уголовного закона и наказаний за обозначенные в нем «преступления». Но задуматься над проблемой стоит, и уже сейчас предпринимать меры по (1) существенному сокращению криминализированных деяний, очистке уголовного закона от псевдопреступлений и (2) уменьшению вреда от наказаний, путем либерализации сис-

темы наказаний (исключение смертной казни из перечня наказаний, отказ от пожизненного лишения свободы) и их исполнения. Самостоятельная задача – не допустить «оруэллизации» страны, тотального контроля за гражданами (по примеру китайского «цифрового концлагеря»).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гишинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. – СПб. : Алетейя, 2017.
2. Гишинский Я. Криминология постмодерна (неокриминология). – СПб. : Алетейя, 2021.
3. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд. – М. : Проспект, 2009.
4. Козаченко И., Сергеев Д. Новая криминализация. – Екатеринбург : Sapientia, 2020.
5. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
6. Спиноза Б. Избранные произведения. – М. : Госполитиздат, 1957. Т. 1.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М. : Ad Marginem, 1999.
8. Jescheck H.-H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. – Berlin : Duncker & Humblot, 1988.
9. Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. – N-J : Pearson. Prentice Hall, 2004.

УДК 343.3

Грузинская Екатерина Игоревна,
кандидат юридических наук, доцент,
Новороссийский филиал Кубанского университета,
г. Новороссийск, Российская Федерация
romirka@list.ru

Охрана половой неприкосновенности в свете новеллизации российского уголовного законодательства

В подготовленной статье предпринята попытка проанализировать процедуру реформирования норм уголовного законодательства, связанных с посягательством на половую неприкосновенность, которые произошли в начале текущего года. Сделан акцент на упущениях, допущенных законодательством при составлении первоначального текста законопроекта в части игнорирования положений Общей части УК РФ. По мнению автора, новая редакция ст. 131 и 132 УК РФ неизбежно может повлечь проблемы квалификации с иными составами преступлений против личности, разрешить которые, возможно, поможет разъяснение Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, уголовный кодекс, законопроект, преступления против личности.

Gruzinskaya Ekaterina Igorevna,
candidate of legal sciences, associate professor,
head of the department of the Novorossiysk
Branch of the Kuban University
Novorossiysk, Russian Federation

Protection of sexual inviolability in the light of novelization of Russian criminal legislation

In the prepared article, an attempt is made to analyze the procedure for reforming the norms of criminal legislation related to the encroachment on sexual integrity, which occurred at the beginning of this year. The emphasis is placed on the omissions made by the legislator when drafting the original text of the bill in terms of ignoring the provisions of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation. According to the author, the new edition of the art. 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation may inevitably lead to qualification problems with other elements of crimes against the person, which may be resolved by the clarification of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: *sexual inviolability, criminal code, draft law, crimes against the person.*

Законодательная политика в последние несколько лет не отличается системностью и продуманностью. Подтверждением этого служит и выступление на ежегодной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI века», прошедшей 20–21 января 2022 года в стенах Московском государственной юридическом университете им. О. Е. Кутафина, Ю. П. Сивельщикова, которой в своем докладе «Фетишизация уголовного права» отметил отсутствие какого-либо плана в работе законодательного органа. В связи с этим небезынтересным является изучение «рождения и становления» законопроекта, направленного на усиление ответственности лиц, совершивших преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних, о котором также шла речь в выше обозначенном выступлении [3, с. 208].

10 сентября 2021 года в Государственную думу Федерального Собрания РФ был внесен законопроект, направленный на усиление уголовной ответственности за совершение преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних старше 14 лет в случае совершения преступления ранее судимым за подобное деяние [4], в котором предлагалось изменить ч. 5 ст. 131, 132 УК РФ следующим образом:

«5. Деяния, предусмотренные пунктами "а" части третьей и пункта "б" части четвертой настоящей статьи, если они:

- а) совершены лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего;
- б) совершены в отношении двух или более лиц;
- в) сопряжены с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления».

13 сентября 2021 года данный законопроект был рассмотрен Советом ГД ФС РФ и было принято решение направить указанный проект федерального за-

кона в соответствующие инстанции для подготовки отзывов, предложений и замечаний.

Анализ поступивших изменений системного и юридико-технического характера сводился к следующему:

– расширение квалифицированных признаков части пятой данных статей без соответствующих изменений ст. 57 УК РФ может привести к противоречию положений Общей и Особенной части уголовного закона, так как в настоящее время пожизненное лишение свободы может назначаться лишь лицам, совершившим, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста;

– использование признака сопряженности с другим тяжким или особо тяжким преступлением повлечет коллизию предлагаемых норм с п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ:

– необходима конкретизация в том, что тяжкое или особо тяжкое преступление, с которым сопряжены изнасилование или насильственные действия сексуального характера, относится к преступлениям против личности.

В результате проделанной работы в статьи 57, 131 и 132 УК РФ были внесены следующие изменения (табл.):

– из ч. 1 ст. 57 УК «Пожизненное лишение свободы» было исключено указание на возраст потерпевших от преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних;

– часть 5 статей 131 и 132 УК РФ, продолжая носить ссылочный бланкетный характер, стали распространяться не только на п. «б» ч. 4 соответствующих статей, но и на п. «а» ч. 4 ст. 131 и 132 УК РФ, предусматривающих наступление уголовной ответственности за деяния, повлекшие смерть потерпевшей;

– статья дополнилась ранее отсутствующим квалифицированным признаком, связанным с количеством потерпевших;

– появилось указание на необходимость учета сопряженности с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за исключением случаев, предусмотренных п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Как показал анализ, некоторые замечания, высказанные по законопроекту, были учтены (противоречие со ст. 57 УК РФ, уточнение объекта сопряженных деяний); одновременно с этим был сужен круг потерпевших при одновременном расширении их количества.

Как представляется, наибольшие вопросы могут возникнуть все же при применении нового квалифицированного признака, предлагаемого в п. «в» частей 5 ст.ст. 131 и 132 УК РФ.

Данная часть содержит указание на сопряженность с другими тяжкими или особо тяжкими преступлениями против личности. К последним относятся деяния, предусмотренные ст. 105, ст. 110, ч. 4-6 ст. 110¹, ст. 110², ст. 111, ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 122, ч. 2-3 ст.126, ч. 3 ст. 127, ст. 127¹, ч. 2-3 ст. 127², ч. 2 ст. 128, ст. 131, ст. 132, ч. 2-6 ст. 134, ч. 2-5 ст. 135, ч. 2-4 ст. 150, ч. 3 ст. 151, что позволяет утверждать о бессмысленном распространении данного пункта на весь Раздел VII УК РФ.

Таблица

Действующая редакция диспозиции ч.5 ст. 131и 132 УК РФ	Промежуточные результаты законотворческой деятельности	Окончательные результаты законотворческой деятельности
5. Деяние, предусмотренное пунктом «б» части четвертой настоящей статьи, совершенное лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего	5. Деяния, предусмотренные пунктами «а» части третьей и пункта «б» части четвертой настоящей статьи, если они: а) совершены лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего; б) совершены в отношении двух или более лиц; в) сопряжены с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления	5. Деяния, предусмотренные пунктом «а» части третьей и пунктом «б» части четвертой настоящей статьи, если они: а) совершены лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего; б) совершены в отношении двух или более несовершеннолетних; в) сопряжены с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за исключением случаев, предусмотренных пунктом «к» части второй статьи 105 настоящего Кодекса

По мнению ученых, если вести речь о сопряженности, то данный признак как сам по себе, так и в контексте анализируемых составов вызывает немало самостоятельных вопросов, имея неоднозначную оценку, в том числе и на правоприменительном уровне.

Так, если следовать логике Верховного Суда [6], то под половыми преступлениями, сопряженными с другими тяжкими или особо тяжкими преступлениями, следует понимать изнасилование или насильственные действия сексуального характера совершенные в процессе выполнения объективной стороны «другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности», что представляется более чем странным.

Устанавливая повышенную ответственность за половые преступления, сопряженные с другими преступлениями, законодатель видимо, опирается на необходимость усиления ответственности за его совершение. Между тем подобное решение проблемы усиления ответственности за анализируемые преступления приведет лишь к появлению дополнительных сложностей в квалификации, связанной с возможностью необоснованного завышения оценки общественной опасности преступлений путем двойного учета их признаков, что

совершенно необъяснимо с позиции дифференциации уголовной ответственности [1, с. 16–18].

Многие авторы отмечают, что, например, убийство, сопряженное с деяниями, предусмотренными статьями 131 и 132 УК РФ является частным случаем убийства с целью скрыть изнасилование [2, с. 90]. Таким образом, получается, что, совершая насильственные действия сексуального характера, виновный пытается скрыть умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, как единственное деяние, которое логически можно выбрать из перечня тяжких и особо тяжких преступлений Раздела VII? Либо каким образом необходимо квалифицировать случаи, когда лицо последовательно совершает преступление, предусмотренное ст. 131 УК РФ, а потом 132 УК РФ (в данном случае мы исходим из той позиции, что в том случае, если сначала совершается изнасилование, а потом насильственные действия сексуального характера, совокупность возможна; в обратном порядке же – нет, так как изнасилование будет попадать под иные действия сексуального характера)? Возможна ли тут сопряженность?

Как видится, ответы на подобные вопросы должны найти отражение в соответствующем интерпретационном акте высшей судебной инстанции [5], тем более что в своем официальном отзыве о данном законопроекте Верховным Судом РФ обозначил, что «предложение об усилении уголовно-правовой охраны несовершеннолетних от насильственных преступлений против половой неприкосновенности в целом возражений не вызывает».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бавсун М., Векленко В. Влияние категории «сопряженность» на квалификацию преступлений // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 16–18.
2. Краев Д. Ю. Убийство при отягчающих обстоятельствах (п. п. «в», «г», «е¹», «к», «л», «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ) : монография. – М. : Юрлиинформ, 2012. – 256 с.
3. Маркунцов С. А. Новеллизация российского уголовного закона: цифры и факты : монография. – М. : Юриспруденция, 2019. – 208 с.
4. Паспорт проекта Федерального закона № 1248305-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс» (в части усиления ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних). – URL: www.sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 27.01.2022).
5. Постановление Пленума Верховного РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 34.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3.

УДК 343.3

Давыдова Елена Юрьевна,
заместитель начальника службы
земельно-имущественных отношений ГБУ «Ритуал»
Москва, Российская Федерация
89104574233@mail.ru

К вопросу о необходимости уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере «похоронного дела»

В статье рассматриваются вопросы необходимости уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере «похоронного дела». Дается анализ точек зрения относительно понятийного аппарата указанной сферы. Делаются выводы о достаточности урегулирования вопросов похоронного дела, его уголовно-правовой охране.

Ключевые слова: похоронное дело, уголовно-правовая охрана, общественные отношения, уголовное право, ритуально-похоронная деятельность.

Davydova Elena Your'evna,
deputy head of the land and iroperty relations
service of the State budgetary institution “Ritual”
Moscow, Russian Federation

The article deals with the issues of the need for criminal and legal protection of public relations in the field of “funeral business”. An analysis of points of view regarding the conceptual apparatus of the specified sphere is given. Conclusions are drawn about the sufficiency of the settlement of funeral issues, its criminal protection.

Keywords: funeral business, criminal law protection, social relations, criminal law, funeral activity.

С древних времен и до настоящего времени сфера «похоронного дела» являлась одной из социально важных и актуальных сфер жизнедеятельности общества.

Во-первых, на протяжении всей истории человечества «похоронное дело» затрагивало интересы всего населения [1, с. 19].

Именно поэтому охрана общественных отношений в сфере «похоронного дела» являлась и в настоящее время является одной из важных задач уголовного права России, как отрасли права, которая преследует своей целью, в том числе, охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств. Стоит отметить, что на сегодняшний день ряд составов преступлений обеспечивают уголовно-правовую охрану общественных отношений в сфере «похоронного дела» (в частности, «вандализм», «надругательство над телами умерших и местами их захоронений», «порча земли» и другие составы).

Во-вторых, в настоящее время существует определенная неразработанность понятийного аппарата сферы «похоронного дела». Стоит отметить, что ряд исследователей вопросов «похоронного дела» по-разному именуют сферу «похоронного дела». Так, например, можно встретить наименование «сфера похоронных услуг» [2, с. 29], «ритуально-похоронное дело» [3, с. 24], «сфера ритуальных услуг» [4, с. 167] и иные.

В науке существует мнение, что термины «ритуальные услуги», «ритуальное обслуживание», «похоронное обслуживание», «похоронное дело», «ритуально-похоронные услуги», «похоронные (ритуальные) услуги», «комплекс ритуального обслуживания населения», «ритуальная сфера» используются как синонимы [5, с. 31].

Интересным представляется мнение исследователя П. Е. Уланова по вопросу трактовки термина «похоронное дело». Термин «похоронное дело», используемый в законодательных актах Российской Федерации, является не совсем определенным по смысловому содержанию, что требует уточнения на законодательном уровне. Человеческая деятельность, связанная с погребением, обширна, часто выходит за рамки предпринимательства, правового регулирования. Поэтому «похоронное дело» представляется целесообразным рассматривать как ту ее часть, которая находится исключительно в зоне государственного управления и контроля.

Впервые закрепление термина «похоронное дело» произошло на нормативном уровне в Инструкции Госстроя Российской Федерации от 10.01.2000 № 3 «Об утверждении Инструкции о порядке похорон и содержания кладбищ РФ» [6].

Согласно вышеуказанному документу под похоронным делом понимается отрасль хозяйства Российской Федерации или ее субъекта, включающая в себя деятельность по оказанию ритуальных, юридических, производственных, обрядовых и иных сопутствующих услуг, связанных с созданием и эксплуатацией объектов похоронного назначения, а также организацией и проведением похорон.

В настоящее время под похоронным делом понимается самостоятельный вид деятельности, направленный на оказание похоронных и мемориальных услуг населению с учетом социальных, экономических, этико-моральных, историко-культурных, религиозных, экологических, технологических факторов, связанных с созданием и эксплуатацией объектов похоронного назначения (согласно трактовке Межгосударственного стандарта (ГОСТ 32609–2014. Услуги бытовые. Услуги ритуальные) [7].

Нормативно-правовое регулирование «похоронного дела» в настоящее время обладает рядом характерных черт:

1) нормативно-правовое регулирование не позволяет выявить состав, принципы, цели и функции «похоронного дела» как самостоятельного вида деятельности;

2) отсутствует понятийный аппарат и четкая трактовка всех существующих терминов «похоронного дела»;

- 3) недостаточно отражена социальная значимость «похоронного дела»;
- 4) не рассмотрена возможность и необходимость построения единой системы управления «похоронным делом»;
- 5) есть проблемные вопросы порядка создания и работы объектов похоронного назначения;
- 6) существует необходимость контроля качества в сфере «похоронного дела».

Таким образом, вышеуказанные проблемные вопросы нормативно-правового регулирования приводят к тому, что специфика уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере «похоронного дела» состоит в обеспечении сохранности наиболее важных составляющих «похоронного дела».

Для более детального понимания организации «похоронного дела», необходимости уголовно-правовой охраны данной сферы стоит рассмотреть базовые принципы организации «похоронного дела» и термины, которые используются в данной сфере.

Одним из основных терминов, который используется в «похоронном деле» является термин «погребение». Статья 3 Федерального закона Российской Федерации от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» [8] определяет «погребение» как обрядовые действия по захоронению тела (останков) человека после его смерти в соответствии с обычаями и традициями, не противоречащими санитарным и иным требованиям. Закон называет следующие способы погребения: путем предания тела умершего земле, огню, воде. Неразрывно связано с действием «погребение» место погребения.

Закон понимает под «местами погребения» отведенные в соответствии с этическими, санитарными и экологическими требованиями участки земли с сооружаемыми на них кладбищами для захоронения умерших, стенами скорби для захоронения урн с прахом скончавшихся, крематориями для предания останков умерших огню, а также иными зданиями и сооружениями, предназначенными для осуществления погребения умерших (статья 4 Федерального закона Российской Федерации от 12.01.1996 №8-ФЗ «О погребении и похоронном деле»).

Места погребения делятся по следующим признакам:

- 1) по принадлежности (государственные (создаются по решению органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов) и муниципальные (создаются по решению органов местного самоуправления);

- 2) по обычаям (общественные (предназначены для захоронения независимо от вероисповедания, национальных особенностей и иных факторов), вероисповедальные (предназначены для погребения умерших одного вероисповедания), воинские (предназначены для погребения умерших, либо погибших, военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, сотрудников органов внутренних дел, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, участников войны);

3) по историческому и культурному значению (историко-мемориальные (мемориальные кладбища, отдельные участки на общих кладбищах, отдельные захоронения, индивидуальные могилы на общих кладбищах, вне кладбищ и в часовнях, которые имеют как историческое, так и культурное значение, обусловленное значимостью вклада захороненных лиц в культуру, науку, искусство, духовную жизнь государства).

Уголовное законодательство охраняет место погребения (ст. 244 Уголовного кодекса Российской Федерации – далее УК РФ), а также воинские захоронения, памятники, стелы, иные мемориальные сооружения или объекты, увековечивающие память погибших при защите Отечества или его интересов, либо посвященных дням воинской славы России (статья 243.4 УК РФ).

Другим немаловажным предметом уголовно-правовой охраны является свобода общественных отношений в сфере реализации прав и законных интересов погребаемого лица. В настоящее время угрозу одному из важных принципов «похоронного дела» – такому как «волеизъявление лица о достойном отношении к его телу после смерти» – представляют коррупционные преступления.

Согласно статье 5 Федерального закона Российской Федерации от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле»: «Волеизъявление лица о достойном отношении к его телу после смерти – пожелание, выраженное в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме:

1. О согласии или несогласии быть подвергнутым патологоанатомическому вскрытию;
2. О согласии или несогласии на изъятие органов и (или) тканей из его тела;
3. Быть погребенным на том или ином месте, по тем или иным обычаям или традициям, рядом с теми или иными ранее умершими;
4. Быть подвергнутым кремации;
5. О доверии исполнить свое волеизъявление тому или иному лицу».

Действия по достойному отношению к телу умершего должны осуществляться в полном соответствии с волеизъявлением умершего, если не возникли обстоятельства, при которых исполнение волеизъявления скончавшегося невозможно, либо иное не установлено законодательством Российской Федерации.

Однако в настоящее время действия по достойному отношению к телу умершего нередко не могут быть совершены в силу ограниченного количества мест погребения. Ввиду чего, одной из главных задач «похоронного дела» стал поиск новых способов погребения умерших. В городах Европы места для погребения являются предметом аренды. Широкое распространение получает «лесной» способ захоронения, при котором урну с прахом захоранивают в специально отведенной части леса. В Китае строят многоэтажные кладбища; в США разработана технология вывода праха усопших на околоземную орбиту, проектируются подводные кладбища. Вместе с тем, вопрос о создании новых мест захоронений в ряде стран остается открытым. Ежегодный рост территорий, занятых под кладбища, и дефицит земельных ресурсов для создания

новых погостов поставили проблему организации новых мест захоронений в разряд наиболее острых [9, с. 144–149].

Учитывая вышеизложенное обстоятельство, нередко ограниченный земельный ресурс становится поводом для отказа о предоставлении места погребения лицам, взявшим на себя ответственность за погребение усопшего, что приводит к неблагоприятным последствиям – росту коррупционных преступлений в сфере выделения земельного участка под захоронение.

Для понимания данной категории преступлений обратимся к основным понятиям выделения земельного участка под захоронение (на примере города Москвы).

В настоящее время в городе Москве действует базовый нормативно-правовой акт, регулирующий организацию «похоронного дела» – постановление Правительства Москвы от 08.04.2006 «О состоянии и мерах по улучшению похоронного обслуживания в городе Москве». Вышеуказанный документ разработан в целях реализации Федерального законом от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» и Закона города Москвы от 04.06.1997 № 11 «О погребении и похоронном деле в городе Москве».

Все московские кладбища делятся на закрытые и открытые кладбища. Под закрытыми кладбищами понимаются кладбища, на которых осуществляются только родственные захоронения, а также захоронения на созданных семейных (родовых) и сервисных участках в существующих границах кладбищ. Остальные кладбища считаются закрытыми. Перечень кладбищ содержится в постановлении Правительства Москвы от 08.04.2006 «О состоянии и мерах по улучшению похоронного обслуживания в городе Москве». В настоящее время на территории города Москвы преобладают закрытые кладбища. Таким образом, вопрос свободного «волеизъявления погребение на том или ином месте, по тем или иным обычаям или традициям, рядом с теми или иными ранее умершим» является одним из актуальных и подлежит особой уголовно-правовой охране.

Немаловажным в организации «похоронного дела» является наличие и функционирование городской специализированной службы по вопросам захоронения.

Федеральная антимонопольная служба России (далее – ФАС России) не раз разъясняла, что законодательство об организации местного самоуправления не предоставляет органам местного самоуправления права делегировать сторонним организациям функции, которые отнесены законом к функциям, осуществляемым только организациями, создаваемыми органами местного самоуправления (например, оказание гарантированного перечня услуг по погребению за счет бюджета), в связи с чем органы местного самоуправления районов, поселений и городских округов не наделены правом присвоения статусов специализированных служб по вопросам похоронного дела хозяйствующим субъектам [9].

Данный вывод также подтвержден судебной практикой (определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21.07.2008 № 9352/08

по делу № А60-19144/07-С4, постановление ФАС Поволжского округа от 27.02.2014 по делу № А12-4365/2012, постановление ФАС Северо-Западного округа от 21.02.2013 по делу № А21-7662/2012, постановление ФАС Уральского округа от 19.03.2012 № Ф09-7288/10 по делу № А76-6041/2010, постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.05.2011 № 17206/10 по делу № А76-6041/2010-35-192).

ФАС России обращает внимание, что действующим законодательством допускается возможность осуществления деятельности по предоставлению услуг по погребению иными организациями, не являющимися специализированными службами по вопросам похоронного дела, что также подтверждается вышеуказанной судебной практикой.

Таким образом, учитывая спорную правовую позицию по данному вопросу, стоит особо отметить необходимость уголовно-правовой охраны интересов лица, которому городская специализированная служба по вопросам захоронения, предоставляет ритуальные услуги. Это необходимо для того, чтобы избежать роста негативных последствий для населения в целом.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, актуальность выбранной темы исследования уголовно-правовой охраны «похоронного дела» обусловлена прежде всего значимостью данной сферы для населения. Следовательно, уголовно-правовая защита как самая суровая из предусмотренных законодательством ответственность за совершение преступных посягательств – это необходимая мера охраны сферы «похоронного дела». Во-вторых, в настоящее время существует неопределенность понятийного аппарата «похоронного дела». В силу специфики терминов, применяемых в данной сфере, необходимо четко понимать их, уметь верно их толковать. В-третьих, уголовно-правовая охрана «похоронного дела» это комплексное понятие, поскольку она представлена не один составом преступления, а несколькими, расположенными в разных разделах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Филиппова С. В. Особенности институционального функционирования ритуально-похоронного дела в современном российском контексте : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2010. – 19 с.
2. Уланов П. Е. Организационно-экономические аспекты государственного управления сферой похоронных услуг : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2000. – 29 с.
3. Набиева Р. Г. Возмездное оказание ритуальных услуг в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2007. – 24 с.
4. Слияков Ю. В. Развитие сферы ритуальных услуг на территории муниципальных образований : дис. ... канд. экон. наук. – М., 2003. – 167 с.
5. Бондаренко С. В. Формирование комплекса ритуального обслуживания населения в условиях крупного города : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2008. – 31 с.

6. Приказ Госстроя РФ от 10.01.2000 № 3 «Об утверждении Инструкции о порядке похорон и содержания кладбищ РФ» // Бюллетень строительной техники. – 2000. – № 2. Нормирование в строительстве и ЖКХ.

7. ГОСТ 32609–2014. Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения» : введ. Приказом Росстандарта от 11.06.2014 № 551-ст. – М. : Стандартинформ, 2014.

8. Караваева Н. В. Предпосылки и последствия бесконтрольного функционирования «города мертвых» в «городе живых» // Современные проблемы региональной экономики, экологии и эколого-географического образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Сергиев Посад, 2003. – С. 144–149.

9. Можно ли наделять хозяйствующий субъект статусом специализированной службы по вопросам похоронного дела на конкурсной основе? – URL: https://fas.gov.ru/questions/question_categories/26 (дата обращения: 05.03.2022).

УДК 343

Дворянсков Иван Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний
г. Москва, Российская Федерация
diw@yandex.ru

О концептуальных аспектах реформирования российского уголовного законодательства

Dvoryanskov Ivan Vladimirovich,
doctor of law, professor,
chief researcher, Research Institute
of the Federal Penitentiary Service
Moscow, Russian Federation

Conceptual aspects of reforming the russian criminal legislation

The article deals with the problematic provisions of the current criminal legislation. The author analyzes his vision, the existing contradictions in criminal law and in criminal law, determines the expediency of reforming modern criminal legislation; the analysis of the subject of regulation of criminal law is a complex of social relations; his vision of the tasks of criminal law. In conclusion, the author determines the expediency of conceptual reform of criminal legislation.

Keywords: *criminal law, subject of criminal legal regulation, tasks of criminal legislation.*

Современное состояние российского уголовного закона характеризуется нестабильностью, нарушением требований системности, наличием доктринальных, правовых и юридико-технических дефектов. Отчасти это вызвано процессами чрезмерно интенсивной трансформации уголовного закона, наблюдаемого на всем протяжении его действия. Так, по словам профессора А. В. Наумова, только с 20 декабря 2010 г. по 20 июня 2011 г., внесенные в УК изменения затронули 126 статей кодекса (приблизительно треть всех его статей). За последнюю неделю 2010 г. в течение четырех дней были внесены изменения в четыре же статьи УК. По состоянию уже на начало 2015 г. изменения были внесены примерно в 300 статей кодекса (а в первоначальной редакции он насчитывал 360 статей)¹. Это негативно сказывается на системности изложения и качестве норм УК РФ.

Следует отметить противоречивое изложение даже основных положений уголовного права. Так, ст. 1 УК РФ, по сути, ограничивает предмет регулирования уголовного закона только уголовной ответственностью, фактически игнорируя регулируемые им отношения по поводу уголовно-правомерного повеления, освобождения от уголовной ответственности и наказания, назначения наказания (применения иных уголовно-правовых мер) и т. п.

Весьма противоречиво, а подчас и дискриминационно (ст. 4 УК РФ) изложены принципы уголовного права. Отсутствуют верификационные критерии целеполагания в институте наказания. Нарушены юридико-технические требования к построению санкций. Все это требует проведения доктринальной и правовой экспертизы УК РФ в целях его последующей переработки.

Конструктивное влияние на уголовное законодательство в целях его совершенствования, будь то изменение, дополнение, реформирование и пр. – должно опираться на концептуальные основы, т. е. господствующие в обществе, выработанные теорией и практикой фундаментальные положения, отражающие философские, научные, культурные, исторические, духовные, аксиологические, правовые взгляды на предмет, задачи, принципы, формы и содержание уголовно-правового регулирования общественных отношений, охраны наиболее важных социальных благ и интересов относительно их безопасного существования и развития.

В настоящее время уже принят целый ряд концептуальных документов, касающихся безопасности общества и охраны правопорядка: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1], Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г. [2] и др. В этой связи очередным важным концептуальным документом должна стать Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации», закладывающая основы уголовно-правового противодействия преступности на долгосрочную перспективу.

В этой связи следует высказать соображения относительно необходимости реформирования современного уголовного законодательства, к сожалению,

¹ См.: Автор рассказал о главной беде российского Уголовного кодекса. – URL: <https://www.mk.ru/social/2021/08/03/avtor-rasskazal-o-glavnoy-bede-rossiyskogo-ugolovno-go-koдекса.html> (дата обращения: 14.10.2021).

страдающего системными недостатками, препятствующими его полноценному применению в качестве инструмента государственной политики в сфере противодействия преступности. Остановимся лишь на предмете и задачах уголовного права в аспекте их перспективного реформирования.

1. Предмет уголовно-правового регулирования. Предметом регулирования уголовного права выступает комплекс общественных отношений, возникающих либо с момента вступления в силу уголовно-правовых норм, либо вследствие совершения преступления, которые, соответственно, можно именовать общерегулятивными и охранительными [3].

Таким образом, в предмет регулирования уголовного права входят не только вопросы установления преступности и наказуемости деяний, а регулируемые отношения возникают не только между государством и лицом, совершившим преступление. В предмет уголовно-правового регулирования включаются также отношения между государством и всеми лицами, на которых распространяется уголовный закон, предполагающие соблюдение его последними и контроль за этим со стороны государственных органов, наделенных соответствующей компетенцией (так называемые отношения позитивной уголовной ответственности) [4].

Кроме того, в сферу регулирования уголовного права входят также отношения по реализации уголовно-правомерного поведения (необходимая оборона, крайняя необходимость, обоснованный риск и т. д.), вытекающие их невинного причинения вреда (деяния, совершаемые невменяемыми, казусы и т. п.), вопросы регламентации системы и видов наказаний, назначения наказания, его замены, отсрочки и прекращения исполнения, снятия и погашения судимости, установления полномочий органов, осуществляющих контроль за исполнением таких мер, освобождения от уголовной ответственности и наказания, амнистии и помилования, уголовной ответственности несовершеннолетних, применения принудительных мер и воспитательного воздействия, применения иных мер уголовно-правового характера (принудительных мер медицинского характера, конфискации имущества, возмещения причиненного ущерба, судебного штрафа).

В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что ст. 1 УК РФ содержит императивное требование: *«Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс»*. Таким образом, большинство указанных выше аспектов уголовно-правового регулирования им не охватывается. Означает ли это, что они могут содержаться в иных нормативных правовых актах или это пример несовершенства законодательства? Налицо явное сужение предмета уголовно-правового регулирования.

2. Задачи уголовного права – это актуальные общественно значимые проблемы, обусловленные криминальными угрозами для наиболее важных социальных ценностей (благ), решение которых возможно посредством уголовно-правового регулирования. К таким задачам относятся: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной

безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

Между тем, формулировка задач должна коррелировать с функциями уголовного права, т. е. фактическими способами решения таких задач, что позволит научно верифицировать эффективность решения последних.

Системный анализ уголовного права позволяет выделить помимо традиционно рассматриваемой функции охраны такие функции как – *предупредительная* (она обусловлена задачей предупреждения преступлений); *функция запрета* (она заключается в императивном установлении преступности конкретных деяний в Особенной части Уголовного кодекса); *регулятивная функция* (является важным проявлением сущности уголовного права. Кроме запретов, уголовное право содержит нормы, выражающие позитивное правовое регулирование. К ним относятся: нормы-правила (ст. 60–72.1 УК РФ), нормы-принципы (ст. 3–7 УК РФ), нормы-декларации (например, ст. 1–2 УК РФ), нормы-дефиниции (например, ст. 14, 43 УК РФ), нормы-гарантии (ст. 37–42 УК РФ)); *поощрительная функция* (имеет многовекторный характер. Во-первых, она выражается в поощрении правомерного поведения, в том числе, связанного с противодействием преступным посягательствам, их пресечением, задержанием лиц, совершивших преступления. Во-вторых, данная функция касается случаев отказа от преступного поведения на стадии приготовления или покушения (ст. 31, 34 УК РФ). В-третьих, речь идет о поощрении посткриминального поведения, свидетельствующего о желании минимизировать его последствия, загладить причиненный вред, совершить деятельное раскаяние (ст. 75–76.1 УК РФ, примечания к статьям Особенной части об освобождении от уголовной ответственности), а также сотрудничать с органами государства в вопросах раскрытия преступлений (явка с повинной, соглашение о сотрудничестве)); *воспитательная функция* (формирует правосознание граждан путем установления запретов на те деяния, которые признаются государством наиболее общественно опасными); наконец, *аксиологическая функция* (заключается в ценностной ориентированности уголовного права, в закреплении в законе, систематизации и охране наиболее важных социальных ценностей). Очевидно, что названные фактически присущие уголовному праву функции должны быть отражены и в перечне его задач.

Таким образом, даже анализ предмета и задач действующего российского уголовного законодательства свидетельствует о том, что назрела необходимость реформирования его концептуальных основ в целях придания ему большей системности, научной обоснованности и непротиворечивости, обеспечения требований соответствия конституционным положениям и международным обязательствам Российской Федерации, повышения его эффективности, приведения в соответствие с социальными ожиданиями, а также современными и прогнозируемыми криминальными тенденциями и вызовами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.10.2021).

2. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.10.2021).

3. Номоконов В. А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. – Владивосток, 1989. – С. 122–123.

4. Кропачев Н. М., Прохоров В. С., Тарбагаев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Норма, правоотношение, ответственность. – Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1989.

УДК 343.3

Денисович Вероника Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент,

Челябинский государственный университет

Челябинск, Российская Федерация

LtybctyejV1984@yandex.ru

Понятие и сущность уголовной ответственности военнослужащих

Актуализация вопросов, связанных с безопасностью стран, становится причиной возрастания значимости уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных с обеспечением безопасности государства в том числе путем установления уголовной ответственности военнослужащим за совершение военных преступлений.

Ключевые слова: уголовная ответственность, наказание, назначение наказания, права осужденного, защита прав граждан, преступления, совершаемые военнослужащими.

Denisovich Veronika Vladimirovna,

candidate of legal sciences, associate professor,

Chelyabinsk State University

Chelyabinsk, Russian Federation

The concept and essence of criminal responsibility of military personnel

The actualization of issues related to the security of countries is becoming the reason for the increasing importance of criminal law protection of public relations related to ensuring the security of the state, including by establishing criminal liability for military personnel for committing war crimes.

Keywords: criminal liability, punishment, sentencing, rights of the convict, protection of the rights of citizens, crimes committed by military personnel.

В соответствии со ст. 331 Уголовного кодекса Российской Федерации, преступлениями против военной службы признаются предусмотренные Кодексом преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

Совершение военных преступлений, как правило, связано с ослаблением воинской дисциплины, с общим уровнем снижения боеготовности, невозможности войск в полной мере эффективно выполнять свои обязанности, с дискредитацией воинских отношений и пр., в то время как обороноспособность и боеготовность страны – один из ведущих показателей национального здоровья и внутренней устойчивости государства.

На фоне несовершенства уголовно-паровых средств отмечается в настоящее время рост преступности в войсках, что требует выявления, осмысления и преодоления негативных тенденций в структуре и динамике армейской преступности.

Уголовная ответственность – это фундаментальный институт ряда отраслей права, в связи с чем глубокий анализ сущности уголовной ответственности и максимально полное раскрытие этого понятия имеют под собой научное и практическое значение [1].

Термин «уголовная ответственность» широко распространен в научной литературе и действующем законодательстве, однако по сей день его сущность остается дискуссионной, ввиду чего на законодательном уровне в Российской Федерации четко сформированного понятия не имеется.

В законе так же нет термина «уголовная ответственность военнослужащих» – законодатель не выделил отношений, которые имеют специфический военно-уголовный характер, и предложило использовать общую терминологию.

Так, к примеру, в ч. 2 ст. 12 УК РФ «Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации», законодатель предусмотрел словосочетание «военнослужащие несут уголовную ответственность по настоящему Кодексу».

В ч. 3 ст. 331 УК РФ «Уголовная ответственность за преступления против военной службы» определено, что уголовная ответственность за преступления против военной службы определяется законодательством Российской Федерации.

Как юридическая категория термин «уголовная ответственность военнослужащих» содержит два самостоятельных термина – «уголовная ответственность» и «военнослужащие», следовательно, нам необходимо раскрыть их как по отдельности, так и вместе.

В связи с тем что оба термина в уголовном законе не определены, раскрывать их следует через доктрину уголовного права и толкование в различных источниках. Всего анализ юридической литературы позволяет выделить 6 групп толкований данных терминов и определения их сущности:

- концепции, которые уголовную ответственность приравнивают к наказанию, т. е. по сути сводится к применению санкций уголовно-правовых норм;
- концепции, понимающие уголовную ответственность как специфические уголовно-правовые отношения, базирующиеся на совершении преступления.
- подходы, рассматривающие уголовную ответственность как обязанность лица, совершившего преступление, отчитаться государству о содеянном;
- теории, указывающие на то, что уголовная ответственность есть осуждение и порицание виновного лица судом в обвинительном приговоре от имени государства;
- другой подход раскрывает понятие уголовной ответственности как позитивный аспект ответственности, заключающийся в осознании виновным лицом запрета на совершение действий, запрещенных уголовным законом;
- последняя группа концепций понятия уголовной ответственности представляет собой сочетание нескольких указанных выше подходов, к примеру, определяя уголовную ответственность одновременно и как позитивный аспект, и как негативный. То есть в рамках такого подхода уголовная ответственность есть мера надлежащего поведения, санкционирования охранительной ролью участников соответствующих общественных отношений, и проявляющаяся в совокупности обязанностей не совершать преступление в силу добровольного намерения, что в случае совершения преступления влечет за собой принудительное воздействие со стороны государства [2].

Безусловно, имеют место и другие определения уголовной ответственности, например, уголовная ответственность есть правовое состояние наказуемости, возникающее в момент совершения преступления [3].

Однако все эти определения сводятся только односторонней характеристике ответственности и не учитывают многообразие данной категории. В то же время мы не можем согласиться с тем, что у уголовной ответственности есть какой-либо позитивный аспект, так как она в любом отраслевом законодательстве всегда есть следствие совершенного преступления.

В том числе, распространение и применение такого огромного числа трактовок понятия уголовной ответственности на практике создает почву для последующего неверного толкования закона и его применения, что в итоге нарушает единство терминологии и принципа законности.

Хотя нельзя не отметить, что ряд трактовок понятия уголовной ответственности вполне заслуживает внимания, так как многосторонне подходит к вопросу раскрытия понятия и содержания уголовной ответственности в зависимости от функциональной направленности ее целей и задач.

Мы полагаем, что наиболее верным является тот подход, который позволяет комплексно подойти к раскрытию понятий и сущности уголовной ответственности по следующим основаниям:

- уголовная ответственность не существует вне уголовно-правовых отношений, которые связаны с оценкой деяния как преступления. Именно преступление есть основание возникновения уголовной ответственности и уголов-

но-правовых отношений в целом. А оценка деяния невозможна без установленной законом процессуальной формы. Действительно, без учета дифференцирования уголовной ответственности затруднительно говорить о ее объеме и виде. На реализацию уголовной ответственности влияет бланкетность норм уголовного права, которые детализируются и более глубоко трактуются в иных нормативных актах;

– уголовная ответственность теряет значение в случае, если лицо, осужденное за совершение преступления, не было признано судом виновным. Уголовным кодексом РФ предусмотрено, что уголовная ответственность может быть реализована в форме осуждения виновного лица без применения наказания, либо в форме осуждения с назначением реального наказания, но без его реального исполнения. Однако уголовная ответственность не может быть реализована в форме освобождения от уголовного наказания;

– уголовная ответственность есть мера государственного принуждения, это элемент системы мер воздействия на лицо, которое в соответствии с уголовным законом признано виновным в совершении преступления и обязано претерпевать уголовные меры воздействия. Ядро такой системы – это уголовное наказание и судимость как признак и последствие понесенного наказания.

Так или иначе, и общая теория права, и отраслевые критерии деления юридической ответственности указывают на то, что уголовному праву свойственна только уголовная ответственность. И уже внутри каждой отрасли права подлежат выделению самостоятельные виды юридической ответственности. Поэтому понятия «уголовная ответственность» и «уголовная ответственность военнослужащих» есть вид и подвид соответственно.

На основании изложенного определим основные признаки уголовной ответственности:

– уголовно-правовые отношения возникают только на основании совершенного деяния и связаны непосредственно с правовой оценкой такого деяния как уголовно наказуемого преступления;

– уголовная ответственность есть государственное осуждение;

– уголовная ответственность характеризуется системой мер, определенных только уголовным законом;

– уголовная ответственность подразумевает обязанность лица, виновного в совершении преступления, претерпевать меры уголовного воздействия.

Эти признаки делятся на объективные и субъективные, которые образуют объективную и субъективную стороны уголовной ответственности.

Объективная сторона уголовной ответственности заключается в нормативно-регламентированных объективно существующих уголовно-правовых отношениях, которые протекают в процессуальной форме.

Эти отношения возникают между государством и тем лицом, действия которого рассматриваются как преступление, за совершение которого должно последовать наказание.

Субъективная сторона находит свое выражение в осознании такого лица держать ответ перед государством, претерпевая применение мер уголовной ответственности.

Относительно темы исследования, следует отметить, что ведущей чертой уголовной ответственности за совершение военных преступлений является то, что субъект должен иметь специфический правовой статус – статус военнослужащего.

Согласно положениям п. 3 ст. 2 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [4], к военнослужащим и лицам, имеющим такой статус, относятся граждане, в том числе иностранные, которые проходят военную службу.

Прохождение военной службы осуществляется:

- по призыву и в добровольном порядке;
- иностранные граждане проходят военную службу по контракту на воинских должностях, подлежащих замене солдатами, матросами, сержантами и старшинами в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Статус военнослужащего определяется совокупностью нормативных положений, которые регламентируют общие вопросы прохождения военной службы, в том числе:

- Конституцией Российской Федерации [5];
- ФЗ «О военном положении» [6] и другими.

Понятие военной службы закреплено в ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», и представляет собой особый вид федеральной государственной службы.

Каждому военнослужащему предоставляется военная форма одежды, присваивается воинское звание, содержание которого определяет субординацию между таким военнослужащим и иными, четкость и регламентированность в их взаимоотношениях.

Однако под понятие «военнослужащий» попадает весьма широкий круг лиц, что требует их классификации и выделения общих признаков.

В срезе уголовного права важной представляется градация военнослужащих в зависимости от специфики характера и степени общественной опасности совершаемых преступлений. То есть для нашего исследования военнослужащие делятся по сути на тех, кто совершил военное преступление, и тех, кто совершил иные, не воинские преступления.

Понятие уголовной ответственности военнослужащих на самом деле охватывает не только воинские преступления, но и общие, хотя многие авторы с этим мнением не согласны. Общеуголовные преступления наряду с основным непосредственным объектом в любом случае причиняют вред соответствующему элементу воинского правопорядка или повседневному распорядку жизнедеятельности войск.

Распорядок жизнедеятельности войск строго регламентирован и подчиняется законодательству Российской Федерации.

Другими субъектами преступлений против военной службы являются граждане, которые находятся в запасе во время прохождения ими военных сбо-

ров. В течение военных сборов призванные на такие сборы граждане исполняют обязанности военной службы, поэтому на них распространяется статус военнослужащих.

Такой анализ российского законодательства, регулирующего анализируемые отношения, позволяет выделить следующие признаки лица, обладающего статусом военнослужащего:

- военнослужащий – это физическое лицо, гражданин Российской Федерации или иностранное лицо, в возрасте от 18 лет либо в возрасте от 16 для курсантов учебных заведений, соответствующие установленным законом требованиям;

- военнослужащий – это лицо, которое призвано или поступило на военную службу и несет ее согласно требованиям действующего законодательства;

- лицо, несущее воинскую службу, занимает должность в воинских формированиях или государственных органах, выполняет задачи, определенные занимаемой должностью. Военнослужащий осуществляет государственные функции и имеет определенные полномочия, может иметь особые властные и предписывающие полномочия;

- каждому военнослужащему присваивается воинское звание, соответствующее занимаемой должности. В соответствии с этим выделяется определенная форма одежды и знаки различия;

- военнослужащий обретает в полной мере свой статус по факту приведения к Военной присяге;

- под профессиональной деятельностью военнослужащих понимается такая деятельность, которая связана с обеспечением обороны государства.

Всем лицам, которые пребывают в запасе или во время прохождения ими военных сборов в основном свойственны все вышеуказанные признаки.

Однако в отличие от военнослужащего, такая категория лиц военной службы не несет, а исполняет воинскую обязанность в запасе либо в военном резерве в соответствии с положениями действующего законодательства Российской Федерации [7].

Отсутствие перечисленных выше признаков говорит о том, что у лица нет статуса военнослужащего или лица, которое пребывает в запасе или призвано во время прохождения военных сборов. Поэтому к военнослужащим не могут быть приравнены лица со званием рядового или начальствующий состав органов Министерства внутренних дел России, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной таможенной службы и пр. Несмотря на то, что служащие таких органов по своему социальному и правовому статусу довольно-таки похожи на военнослужащих. Действительно, в перечисленных органах присутствует строго регламентированная дисциплина, иерархия подчиненности, сотрудники носят специальную форму, имеют специальные звания и пр.

В том числе к военнослужащим не относятся лица, которые проходят альтернативную службу, являются государственными служащими и работниками Вооруженных Сил Российской Федерации, в том числе к военнослужа-

щим не относятся студенты назимовских и суворовских училищ, кадетских корпусов, воспитанницы пансиона Министерства обороны Российской Федерации и пр.

Также гражданами, находящимися в запасе, не являются призывники, допризывники, лица, которые не состоят на воинском учете или не сняты с него своевременно и пр.

Однако имеет место исключение из правил – исходя из положений Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 1949 года, субъектами ряда военных преступлений являются военнопленные [8].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что под уголовной ответственностью военнослужащих следует понимать уголовно-правовые отношения, связанные с правовой оценкой совершенного лицом, несущим военную службу, деяния как преступления против военной службы, и такая оценка проводится в процессуальной форме определенными законом органами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовное право России : учебник для вузов.– М. : Юрайт, 2019. – С. 34.

2. Уголовное право : учебник / под ред. Е. В. Серегиной. – М. : Юрайт, 2021. – С. 29.

3. Агильдин В. В. Уголовное право : учебник.– М. : Инфра-М, 2018. – С. 10.

4. О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон от 23 марта 1998 г. № 53-ФЗ. (ред. от 30.12.2021. №497-ФЗ). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения: 10.12.2021).

5. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – URL: http://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.12.2021).

6. О военном положении : Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ : ред. от 01.07.2017. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/ (дата обращения: 10.12.2021).

7. Туганов Ю. Н., Журавлев С. И. Правовые основы военной службы : учебное пособие для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2021. – С. 21.

8. Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. : принята 12 августа 1949 года Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 года. – URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540382/> (дата обращения: 10.12.2021).

УДК 343.9

Евстегнеев Алексей Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Современное состояние преступности в Костромском регионе

В статье приведен анализ состояния преступности в Костромской области за период с 2010 по 2020 год в сравнении с общероссийскими показателями. В проводимом анализе автор акцентирует внимание на динамике тяжких и особо тяжких преступлений в костромском регионе за обозначенный период времени, указывая на то, что состояние преступности, в том числе тяжкой и особо тяжкой, в Костромской области характеризуется своей непостоянностью, что обосновывает целесообразность дальнейшего ее изучения для определения причин такой синусоидальной изменчивости.

Ключевые слова: преступление, преступность, динамика преступности, состояние преступности, тяжкие преступления, особо тяжкие преступления.

Evstegneev Alexey Sergeevich,
candidate of legal sciences, associate professor,
head of the department
of Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The current state of crime in the Kostroma region

The article provides an analysis of the state of crime in the Kostroma region for the period from 2010 to 2020 in comparison with the all-Russian indicators. In the analysis, the author focuses on the dynamics of serious and especially serious crimes in the Kostroma region for the designated period of time, pointing out that the state of crime, including grave and especially grave, in the Kostroma region is characterized by its impermanence, which justifies the expediency of its further study to determine the causes of such sinusoidal variability.

Keywords: crime, crime, dynamics of crime, state of crime, serious crimes, especially serious crimes.

Сегодняшний наш научный форум посвящен очень интересным проблемам, а именно проблемам правоохранительной деятельности на современном этапе. Мы с коллегами, принимая решение о проведении данного собрания, в первую очередь, преследовали цель обменяться мнениями как с теоретиками, осуществляющими научные исследования в данной сфере, так и послушать представителей тех самых органов исполнительной власти, которые непосредственно охраняют права и свободы человека и гражданина от различного рода посягательств, выслушать их пожелания и рекомендации по направлениям научных изысканий, результаты которых позволили бы исследователям выработать меры по совершенствованию обсуждаемой деятельности. Другая цель нашего собрания – привлечь к этому внимание обучающихся и молодых исследователей.

Как нам представляется, такой обмен мнениями будет полезным как теоретикам и практикам, осуществляющим правоохранительную деятельность, а также молодым исследователям и обучающимся. И мы очень надеемся на то, что данное мероприятие, проводимое в стенах нашего образовательного учреждения, будет не единичным событием, а превратится в регулярное, ежегодное собрание ученых и практиков, кому не безразличны вопросы нашей общей безопасности, организации и порядок осуществления борьбы с различными правонарушениями и преступлениями на всех уровнях этой деятельности. Нам очень бы хотелось, чтобы проводимая конференция положила начало совместной деятельности научных и практических работников, в ходе которой вскрывались бы действительные проблемы, требующие скорейшего дополнительного их исследования для выработки рекомендаций, направленных на повышение эффективности работы представителей, осуществляющих правоохранительную деятельность.

Согласно положениям Конституции Российской Федерации решение вопросов, связанных с правоохранительной деятельностью, Конституцией РФ возложено на государство и на его органы. Об этом в той или иной форме говорится во всех главах Конституции РФ. Например, в статье 2 определено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Практически об этом же говорится в части 1 статьи 45: «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется». Как представляется, не менее значимыми являются положения статьи 69, в которой говорится о том, что «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации» [1].

Наверное, не будет новостью вывод о том, что современное состояние политической и социально-экономической обстановки в нашей стране, не смотря на происходящие события и введенные санкции против нашего государства, можно охарактеризовать как относительно стабильное. Да, мы наблюдаем, некоторые изменения ценовых показателей в торговой сети и на потребительском рынке, но это не вызывает особых волнений в российском обществе.

Примерно аналогичное положение можно обнаружить и в состоянии преступности, как в целом по стране, так и в нашем костромском регионе. Так характеризуя общее положение с преступностью, мы наблюдаем определенную стабильность в динамике как преступности в целом, так и по отдельным ее составляющим, образующих ее структуру.

Если же мы обратимся к статистическим показателям регистрируемых в России преступлений, то можем констатировать тот факт, что за период с 2010 по 2020 годы наблюдается тенденция снижения абсолютного показателя, как количественного, так и качественного состояния преступности. В частности, сведения, полученные из официальной статистики свидетельствуют о том, что за 2010 год в Российской Федерации зарегистрировано 2 628 799, в 2015 году, несмотря на то что в эти показатели, вошли статистические сведения о преступности Республики Крым, вошедшей в состав Российской Федерации в 2014

году, в целом было зарегистрировано 2 388 476 преступлений, что на 240 323 преступления, или на 9,14 % меньше показателя 2010 года. В 2020 году зарегистрировано 2 044 221 преступление, что на 344 255 преступлений, или на 14,4 % меньше, чем их было зарегистрировано в 2015 году, и на 584 578 преступлений, или на 22,2 % меньше, чем в 2010 году. Приведенные показатели указывают на то, что за каждые пять лет уровень преступности в России в среднем понижается на 292 238 преступлений. Следовательно, за анализируемые 10 лет, мы наблюдаем устойчивую тенденцию к снижению уровня преступности в России.

Изучение статистических показателей преступлений, регистрируемых в Костромской области, за те же 10 лет, позволяет констатировать аналогичный факт снижения количественных и качественных показателей. Так если в 2010 году было зарегистрировано 9913 преступлений, то за 2015 год зарегистрировано 9314 преступлений, т. е. на 599 преступлений или на 6 % меньше показателя 2010 года. Однако, сравнивая это состояние преступности с общероссийским показателем, то увидим, что, в Костромской области происходит не столь активное снижение уровня преступности, как в целом по России с разницей в 3,14 % (Костромская область – 6 %, Российская Федерация – 9,14 %).

За 2020 год в целом по Костромской области зарегистрировано 9114 преступлений, что на 200 преступлений или на 2,15 % меньше показателя 2015 года и на 799 преступлений или на 8,1 % меньше показателя 2010 года. И опять, если сравнивать эту динамику состояния преступности нашего региона с динамикой преступности по России, то увидим, что снижение преступности в Костромской области происходит гораздо медленнее, чем в целом по России.

Как видно из статистических данных, снижение уровня преступности за пятилетний период с 2015 по 2020 год по Костромской области составляет 2,15 %, в то время как по Российской Федерации показатель состояния преступности уменьшился на 14,4 %, т. е. разница между этими показателями составляет 12,25 %, что указывает на более медленное уменьшение количества регистрируемых преступлений в Костромской области. Иными словами, снижение уровня преступности в области происходит в 5,7 раза медленнее чем в целом по России, а за десятилетний период эта разница выглядит следующим образом – по Костромской области показатель уровня преступности понизился на 8,1 %, в то время как по России он уменьшился на 22,2 %, следовательно, в Костромском регионе этот показатель преступности снижался в 2,8 раза медленнее, чем в целом по Российской Федерации.

Анализ приведенных показателей свидетельствует о том, что в Костромской области общее количество преступлений за исследуемые десять лет сократилось на 799 преступлений. Если же проследить динамику этих показателей по отдельным годам, то можно увидеть интересную картину. Так, если в 2010 году зарегистрировано 9913 преступлений, то в 2011 году количество зарегистрированных преступлений уменьшилось на 655 случаев, и этот показатель составил 9258 преступлений. Последующие три года также наблюдается снижение количества регистрируемых преступлений и к 2014 году их количество сократилось до 8001 преступления. В то же время в 2015 году происходит значительное увеличение количества регистрируемых преступлений до 9314 таких фактов,

т. е. на 16,4 %, в то время как в целом по России прирост за этот год составил 9,1 %. То есть за анализируемый год наблюдается возрастание этого показателя на 1313 преступлений по сравнению с 2014 годом.

В последующие четыре года мы вновь наблюдаем непостоянство динамики регистрируемых преступлений. Так, согласно показателям статистики, в 2016 году по области зарегистрировано 8778 преступлений, что на 5,8 % ниже показателя предыдущего года, однако в 2017 году наблюдаем обратную динамику роста регистрируемых преступлений до 8853 фактов. Настоящий показатель превышает показатель предыдущего года на 0,9 %. В 2018 году вновь происходит снижение уровня преступности до 7969 преступлений, что составило 90% от показателя предыдущего года, т. е. минус 10 %. Следующие два года, вновь стала проявляться негативная тенденция роста количества регистрируемых преступлений. В частности, в 2019 году зарегистрировано 8257 преступлений. Как мы видим, этот показатель выше показателя 2018 года на 288 преступлений, или на 3,6 %, но меньше показателя 2017 года на 596 преступлений – 6,7 %. В 2020 году продолжается рост регистрируемых преступлений до 9114, т. е. произошло увеличение количества регистрируемых преступлений, по сравнению с 2018 годом, на 1145 преступлений, или на 14,4 %, а по сравнению с 2019 годом этот показатель возрос на 857 преступлений, или на 10,4 %.

Анализ количественных показателей тяжких и особо тяжких преступлений по Костромской области свидетельствует о том, что в 2010 году совершено 2571 такое преступление, или 25,9 % от общего количества зарегистрированных в области преступлений, т. е. более четверти всех зарегистрированных преступлений – это тяжкие или особо тяжкие преступления. Если обратиться к показателям этого вида преступности в целом по Российской Федерации, то он несколько выше и составляет 27,6 % от общего количества зарегистрированных преступлений. Если же проследить динамику данного вида преступности, то и здесь мы можем наблюдать некоторое непостоянство с негативным оттенком. А негативный оттенок проявляется в том, что к 2020 году показатель тяжких и особо тяжких преступлений превысил трех тысячную отметку. При этом до 2013 года наблюдалась тенденция снижения количества тяжких и особо тяжких преступлений до 1831 преступления. В 2014 году зарегистрировано 1941 такое преступление, что на 6 % больше показателя предыдущего года, но на 5,7 % меньше показателя 2010 года.

В 2015 году зарегистрировано 1922 таких преступлений, что составило 20,6 % от общего количества регистрируемых преступлений, в то же время в целом по России этот показатель, хоть и незначительно, но выше областного и составил 21,8 %. Далее, до 2017 года продолжается уменьшение количества совершаемых тяжких и особо тяжких преступлений до 1651 факта, что на 12,1 % меньше показателя 2015 года и на 12,1 % меньше, чем было зарегистрировано в 2016 г. Далее наблюдается негативная тенденция роста тяжких и особо тяжких преступлений. Так, в 2018 году их количество увеличилось на 4,7 % и составило 1728 преступлений, в 2019 году количество анализируемых преступлений, по отношению к предыдущему году увеличилось на 20,7 %, что составило 2086 преступлений или 25,3 % от общего количества зарегистрированных преступлений.

В 2020 году, из 9114 зарегистрированных преступлений, практически третья часть (3016), или 33,1 % преступлений относятся к категории тяжких и особо тяжких, что на 30,8 % выше показателя предыдущего года. В данном случае приведены результаты изучения статистических данных без учета демографических и социально-экономических и целого ряда других данных, следовательно, делать выводы о факторах, повлиявших на такую динамику преступности Костромской области, представляется невозможным. Сказанное обуславливает необходимость продолжения начатого исследования, которое позволило бы выработать меры, направленные на стабилизацию состояния преступности в регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.12.2021).

2. Состояние преступности в России за январь декабрь 2010 г, 2011 г., 2012 г., 2013 г., 2014 г., 2015 г., 2016 г., 2017 г., 2018 г., 2019 г. и 2020 г. – М. : ФКУ ГИАЦ МВД России, 2010–2021.

УДК 343.9

Зацепин Александр Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент
Уральский государственный юридический
университет, прокурор отдела по надзору
за оперативно-розыскной деятельностью
прокуратуры Свердловской области.
г. Екатеринбург, Российская Федерация
tp0507@ya.ru

Пермяков Максим Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Российская Федерация
ptv0929@ya.ru

Криминологическая доктрина противодействия криминальному элементу

В статье авторами исследуется такое понятие, как криминологическое противодействие преступности. Рассмотрен достаточно широкий спектр причинно-следственных связей, в том числе и имеющих коррупционные составляющие. Проведен углубленный анализ при-

знаков элементного состава преступных проявлений, носящих, в том числе и исторический контекст. Выводы авторов заставляют задуматься о причинности самого существования криминалитета и криминальных связей, предлагаются обоснованные законодательные корректировки в целях повышения эффективности действия уголовного законодательства.

Ключевые слова: Закон, юрисдикция, подсудимый, правовая норма, криминология, политика, декларация, стабилизация, нейтрализация, предупреждение, экстраполяция преступности, компенсация, ущерб, идеологизация, департизация, юстиция, уголовная репрессия, доказательственная база.

Zatsepin Alexander Mikhailovich,

candidate of legal sciences, associate professor,
Ural State Law University, prosecutor of the
department for supervision of operational-search
activities of the prosecutor's office of the Sverdlovsk region
Yekaterinburg, Russian Federation

Permyakov Maxim Vladimirovich,

candidate of legal sciences, associate professor,
Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation

Criminological doctrine of countering the criminal element

In the article the authors explore such a concept as criminological counteraction to crime. A fairly wide range of cause-and-effect relationships, including those with corruption components, is considered. An in-depth analysis of the signs of the elemental composition of criminal manifestations, which, among other things, have a historical context, has been carried out. The conclusions of the authors make us think about the causality of the very existence of criminality and criminal ties, reasonable legislative adjustments are proposed in order to increase the effectiveness of criminal legislation.

Keywords: Law, jurisdiction, defendant, legal norm, criminology, politics, declaration, stabilization, neutralization, prevention, extrapolation of crime, compensation, damage, ideologization, departing, justice, criminal repression, evidence base.

Права и свободы человека и гражданина обеспечиваются прежде всего их нормативным закреплением в Конституции РФ, законах и подзаконных актах. Суды проводят законодательство в жизнь, толкуют и конкретизируют правовые нормы, специальными средствами обеспечивают права и свободы граждан в случае пробелов в законодательстве. При этом суды общей юрисдикции контролируют органы исполнительной власти, в том числе отвечают за коррекцию правоприменительной сферы: право на судебную защиту включает в себя судебный контроль как систему дополнительных мер обеспечения законности в деятельности правоохранительных органов [1].

Ранее было принято считать, что повышение жизненного уровня приведет к снижению преступности, однако опыт не свидетельствует об этом. В связи с этим законодателю следует более четко определиться с понятием и характе-

ристикой криминализации как общественного явления и пресечь практику злоупотребления положениями уголовно-процессуального законодательства, при котором обвинение основывается исключительно на признательных показаниях обвиняемого, иногда представляющих собой самооговор, и на показаниях других обвиняемых (или, в некоторых случаях, свидетелей). В настоящее время значительное число сотрудников правоохранительных органов по факту не «знакомы» с криминологией – за ненадобностью. Стандарты доказанности вины подсудимого занижаются не только органами дознания и следствия, но и судами.

Естественно, что борьба с преступностью может и должна осуществляться на основе и в рамках закона. Этим определяется место и роль правоохранительных органов, которые обязаны осуществлять методическую, организующую, контрольную и координирующую функции, когда речь идет о преступности. Оказывать помощь практическими рекомендациями в выработке криминологическим исследованиям и уголовной политики, для этого не требуется «очередной» программы, такие функции – основа существования правоохранительных и судебных органов и их деятельности. Очередная программа борьбы с преступностью может стать красивой декларацией, но не более. Ее скоро забудут, как забывали другие невыполненные (или невыполняемые!) программы борьбы с преступностью и, они тихо прекратили существовать. Тем более в условиях пандемии преступность требует к себе постоянного и конкретного внимания со стороны общества и государства, а не кампаний, деклараций и призывов, пусть даже очень правильных, но общих. Забвение этого есть одна из причин неуспехов и провалов в трудной борьбе с преступностью. Борьбу с преступностью при любой реальной криминологической обстановке нельзя вывести и из-под контроля и критики общества, но ее следует оберегать от политических манипуляций, от попыток превращения правоохранительных органов как в объект, так и в субъект политической борьбы. Преступность имеет свои законы развития. Никому не удалось искоренить ее. С ней необходимо бороться – отслеживая и изучая закономерности и тенденции и профессионально использовать эти знания для ее стабилизации, нейтрализации и раннего предупреждения.

При экстраполяции кривой преступности, можно прийти к тому, что наше общество станет в целом скоро преступным. Криминологам известно, что существует период насыщения преступностью, обусловленный терпимостью общества, и в это время идет мобилизация государства на борьбу с нею. Необходимо отметить, что в странах с высоким уровнем преступности, доминируют корыстные преступления в самых экономически благополучных странах. В этом случае «демократизация» преступности (корыстная или экономическая) преступность менее опасна, чем насильственная [2].

Получает все более широкое распространение практика обоснования решений следственных и судебных органов, в том числе о применении меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания обвиняемых под стражей, результатами оперативно-розыскной деятельности, например, справками оперуполномоченных. Заявления о том, что подобные

справки и их содержание не отвечает требованиям, предъявляемым УПК к доказательствам, поскольку не проверены путем производства следственных действий в установленном законом порядке, во внимание не принимаются. Имеют место случаи, когда следственные и судебные органы в нарушение ч. 2 ст. 75 УПК РФ обосновывают свои решения показаниями свидетеля, базирующимся на предположении, или показаниями свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности. Случаи, когда подозреваемые в совершении преступления «назначены» сотрудником правоохранительного органа, проводящим предварительное расследование, к сожалению, не редкость.

Многие дела «разваливаются», и преступники остаются на свободе в силу того, что все меньше и меньше людей желают выступать на суде в качестве свидетелей. Происходит это чаще всего из-за того, что права свидетеля у нас недостаточно защищены и он после процесса (а нередко и в ходе него) оказывается один на один с оставшимися на свободе членами преступной группы и их связями. Под угрозой ставятся благополучие. Здоровье, жизнь свидетеля, его близких. Правоохранительные органы пытаются их защитить, но средства этой защиты ограничены и недостаточно эффективны. Для того чтобы избежать мести со стороны преступников, в развитых странах свидетелю дается возможность изменения установочных данных, внешности, ему создаются условия для переезда после процесса в местности, находящиеся за пределами досягаемости преступников, предусмотрена соответствующая материальная компенсация за понесенный при этом материальный ущерб [3].

Борьба с преступностью (термин, признанный в ООН) стал считаться определением функций правоохранительных органов и судов. Только при реализации всех функций правоохранительных органов и судов, предусмотренных законом, можно говорить о борьбе с преступностью как о целостной деятельности. Неправомерно возлагать всю ответственность за криминогенную обстановку, криминологические реалии только на правоохранительные органы и суды, требовать от них снижения уровня преступности и судимости, но ожидать от них выполнения своих законных обязанностей на всех стадиях уголовного процесса, каждая из которых является частью целостной системы борьбы с преступностью, проводимой уголовной политики [4].

Совершающие преступления сегодня также объясняют исходные положения о примате социального при обязательном учете личностных, в том числе биологических, физиологических, психологических особенностей личности в цепочке причин преступности, остаются незыблемыми. Социальную сущность человеческой личности никто в мире не опроверг, хотя дискуссии продолжаются. Показ многообразия преступности и места человека в системе социальных связей, как положительных, так и отрицательных, изменения его роли и образа поведения в зависимости от условий, в которых он действует, лишь подтверждает эту принципиальную теоретическую позицию. Преступность реально существующее отрицательное социальное явление, одна из проблем в жизни общества. Стремление ее истоки и причины оценивать объективно, взвешенно, исходя из того, что необходимо нашему обществу, недопустимость

легковесного подхода к преступности и принятия поспешных, вредных решений для борьбы с ней.

Идеологизация и департизация органов правоохраны не решила проблему политического вмешательства в деятельность уголовной юстиции. Политизация проблемы преступности в условиях России лишь тормозит борьбу с ней, если не сказать, что способствует ей. Степень политизации общества зависит от многих обстоятельств, в первую очередь в переломные периоды, когда происходит переустройство устоев жизни – смена социального строя, типов власти, форм собственности, характера производственных отношений, когда преобразуется культурная сфера¹.

Внимания заслуживает и проблема криминализации и декриминализации деяний, имеющая непосредственное отношение к перспективам развития действующего уголовного законодательства. Значительно больше внимания уделяется вопросам криминализации, хотя историческая тенденция постепенного сокращения преступности и сужения сферы уголовной репрессии не исключает того, что и в настоящее время возникает необходимость ввести в уголовное законодательство новые составы преступлений, предусмотреть наказуемость новых деяний. Такая необходимость может быть вызвана возникновением условий значительно повышающих общественную опасность некоторых деяний, либо таким развитием различных социальных процессов, в результате которого возникают новые виды общественно опасного поведения либо прежние виды поведения приобретают значительную общественную опасность. В таких случаях криминализация соответствующих деяний необходима и оправдана [5].

Пределы криминализации должны быть ограничены прежде всего лишь теми случаями, когда действительно имеет место либо появление новых общественно опасных деяний, либо существенно и серьезно возрастает общественная опасность прежнего деяния. Поскольку подобные случаи в условиях нашего общества имеют, исключительный характер, исключением должна быть и сама криминализация. В частности, на наш взгляд, неоправданная криминализация лишь по тем основаниям, что иные меры борьбы с данным деянием не дают желательных результатов. Следует в таких случаях совершенствовать эти и иные меры, а не прибегать к наиболее острой форме государственного принуждения – уголовной репрессии.

Типичные и слабые стороны аргументации правоохранительных органов – попытки опереться на серьезность обвинений как единственный довод в пользу продления предварительного заключения; ссылки на загранпаспорт, финансовое положение или тот факт, что предполагаемые соучастники преступления находятся в бегах; подозрение при отсутствии доказательной базы,

¹ Исходя из этих статистических данных, всего в весеннюю сессию 2016 года шестой созыв принял 384 закона. Данный показатель на 89 законов превышает предыдущий максимальный показатель, зарегистрированный в 2014 году (295 законов). Был установлен рекорд и по числу законопроектов. Всего в период с 2012 по 2016 годы на рассмотрение Думы было направлено 6012 законопроектов, 1817 из них были приняты в качестве законов.

что подозреваемый будет оказывать давление на свидетелей или использовать связи в государственных органах с целью препятствовать правосудию; нежелание рассмотреть возможность применения других, менее жестких, мер и ограничений, как, например, залог. Сейчас очень сильно ощущается кризис управленческих кадров – работники патологически боятся ответственности. Сейчас очень много юристов и экономистов, а дефицит специалистов как был, так и остался.

Далее, криминализация должна быть ограничена строгим соблюдением принципа ответственности лишь за виновное причинение вреда. В сложных условиях информационно-технической революции возрастание объективной общественной опасности некоторых человеческих действий не всегда сочетается с возможностями человека сознавать и предвидеть эту общественную опасность, реально предотвратить ее. Роль уголовного права в борьбе с подобными случаями ничтожна, криминализация их бессмысленна, а с точки зрения интересов общества даже вредна, ибо от находящегося подчас на грани своих психофизических возможностей, а иногда и на грани стрессового состояния человека можно требовать лишь то, на что он субъективно способен [6].

Таким образом, подводя итог, следует отметить тот факт, что криминологический подтекст любого преступного проявления требует особенной и тщательной проработки, так как в изучении преступности нет малозначительных аспектов и лишь скрупулезный подход к анализу и проработке возникающих криминогенных сложностей является единственным верным способом понимания данного проявления, и как следствие выработка наиболее эффективных мер реагирования и противодействия. Это незримая война, ведущаяся противоборствующими сторонами веками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. В Госдуму внесли проект о компенсации за незаконное задержание. – URL: <https://pravo.ru/news/228818/> (дата обращения: 01.04.2022).
2. Итоги-2020: все разъяснения Пленума Верховного суда. – URL: <https://pravo.ru/story/228555/> (дата обращения: 01.04.2022).
3. Путин потребовал от МВД увольнять полицейских за фальсификации и произвол. – URL: <https://pasm.ru/archive/2600203/> (дата обращения: 01.04.2022).
4. Второй обзор практики Верховного суда: банкротства, аренда, налоги. – URL: <https://pravo.ru/story/224160/> (дата обращения: 01.04.2022).
5. Путин подписал серию репрессивных законов, принятых Госдумой в декабре. Что измениться? – URL: <https://www.znak.com/2020-12-30/> (дата обращения: 01.04.2022).
6. Путин заявил о необходимости качественного развития правовой базы страны. 23.09.2020. – URL: <https://pravo.ru/news/225970/> (дата обращения: 01.04.2022).

УДК 343.9

Зацепин Михаил Николаевич,
доктор юридических наук, профессор
Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Российская Федерация
mnz-1958@mail.ru

Глушкова Елена Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент,
нотариус, г. Екатеринбург
г. Екатеринбург, Российская Федерация
auslenchik@ya.com

Криминологическая политика в роли социальных мер правового характера

Внимание авторов научной статьи обращено на проблемы криминализации и декриминализации деяний, имеющих непосредственное отношение к перспективам развития действующего уголовного законодательства, как на уровне теории, так и практической реализации положений. Отмечено, что значительно больше внимания законодателем уделяется вопросам криминализации, хотя историческая тенденция постепенного сокращения преступности и сужении сферы уголовной репрессии не исключает того, что и в настоящее время возникает необходимость ввести в уголовное законодательство новые составы преступлений, предусмотреть наказуемость новых деяний, которые связаны как с социально-экономическими изменениями, так и достижениями научно-технического прогресса. Такая необходимость может быть вызвана возникновением условий значительно повышающих общественную опасность некоторых деяний, либо таким развитием различных социальных процессов, в результате которого возникают новые виды общественно опасного поведения либо прежние виды поведения приобретают значительную общественную опасность. В таких случаях видится необходимость и обоснованность криминализации соответствующих деяний, и данная процедура представляется необходимой и оправданной.

***Ключевые слова:** преступность, криминогенная ситуация, коррумпированность, наказание, демократизация, уголовная политика, теневой капитал, легализация, социальная справедливость, стабилизация экономики, нелегальные доходы, преступные элементы, деморализация, средства массовой информации, рецидивная преступность, обвиняемый, самооговор, дознание, следствие, суд, пандемия, политическая манипуляция, оперативно-розыскная деятельность.*

Zatsepin Mikhail Nikolayevich,
doctor of law, professor
Ural State Law University
Yekaterinburg, Russian Federation

Glushkova Elena Mikhailovna,
candidate of legal sciences, associate
professor, notary, Yekaterinburg
Yekaterinburg, Russian Federation

Criminological policy in the role of social measures of a legal nature

The attention of the authors of the scientific article is drawn to the problems of criminalization and decriminalization of acts that are directly related to the prospects for the development of the current criminal legislation, both at the level of theory and practical implementation of the provisions. It is noted that much more attention is paid by the legislator to the issues of criminalization, although the historical trend of a gradual reduction in crime and a narrowing of the scope of criminal repression does not exclude the fact that at present there is a need to introduce new elements of crimes into the criminal legislation, to provide for the punishability of new acts that are associated with both socio-economic changes and the achievements of scientific and technological progress. Such a need may be caused by the emergence of conditions that significantly increase the social danger of certain acts, or by such a development of various social processes, as a result of which new types of socially dangerous behavior arise.

Keywords: *crime, criminal situation, corruption, punishment, democratization, criminal policy, shadow capital, legalization, social justice, stabilization of the economy, illegal proceeds, criminal elements, demoralization, mass media, recidivism, accused, self-incrimination, inquiry, investigation, court, pandemic, political manipulation, operational-search activities.*

Чувство тревоги и беспокойства граждан по поводу ухудшающегося состояния преступности, о чем в последнее время много говорят и пишут, наиболее остро проявилось после появления интернета как средства массовой информации и о реальном положении дел в состоянии уголовной статистики. Прогноз населения относительно криминогенной ситуации в стране и динамике отдельных преступлений в большинстве случаев совпадает с неутешительным прогнозом криминологов, где тревожным симптомом является довольно распространенное явление коррумпированности чиновников и сотрудников правоохранительных органов, работников судов.

Во всем мире в течение нескольких веков борются две доктрины, из которых одна объявляет важнейшей ценностью контроль над преступностью, отодвигая на второй план права человека, а другая исходит из приоритета прав человека, которые не следует сильно ограничивать ради усиления контроля над преступностью. В этом споре берет верх то одна, то другая сторона. Дилемма права человека и борьба с преступностью, не утихают и споры в дискуссиях, на которых поднимаются эти проблемы. Повышенная эмоциональность, крайность суждений, консерватизм в полной мере проявляются на самых разных уровнях оппонировавших друг другу групп. Ссылками на права человека аргументируют свои позиции как требующие ужесточения наказаний, так и, напротив, выступающие за демократизацию уголовного законодательства и уголовной политики.

В этих поисках равновесия между обеспечением прав человека и эффективной борьбой с преступностью человечество пытается решить эту проблему не первое тысячелетие, создавая различные законы, устанавливая меры ответственности за их нарушение. По мере формирования в нашей стране нового политико-правового мышления общество все более проникается сознанием того, что все наше законодательство весьма произвольно и ссылаются на него главным образом для обоснования требований милосердия или кары к преступни-

кам. Обществу, по существу, предлагается дилемма: или права человека, или борьба с преступностью [1].

Уголовное законодательство РФ соответствует международным документам содержащих требования к мерам борьбы с преступностью, которые, по существу, исполняются как признанные мировым сообществом стандарты. Прежде всего не противопоставляются права человека борьбе с преступностью и рассматривается как направление обеспечения прав человека. Такой подход позволяет жертвам преступлений, их близким предъявлять справедливые претензии и защитить свое право на жизнь и здоровье от произвола преступников и свои политические и социально-экономические права.

К категории вечных относится вопрос о соблюдении прав человека в процессе самой борьбы с преступностью. Могут ли ограничиваться в целях борьбы с преступностью права человека, если да, то в каких пределах. Несмотря на очевидную непопулярность ограничительных мер, следует однозначно сказать, что процесс борьбы с преступностью, предполагает ограничение прав подозреваемого, обвиняемого и подсудимого. Это и процессуальное задержание, и арест, и другие меры, принимаемые по уголовному делу. Возможность таких и других ограничений предусмотрена ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, международным пактом о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года и другими международными актами, где интерес вызывает у общественности вопрос – могут ли ограничиваться права человека в процессе оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов¹.

Среди криминологов существуют разные взгляды на проблему преступности. Одни согласны с известным выводом, сформулированным в концепциях и программах «переходного» периода имеющих особое значение, так как логика перехода на рынок предусматривала использование теневого капитала. Основная цель легализация – способствовать стабилизации экономики, даже в ущерб мнению о социальной справедливости.

Другие криминологи настаивали и настаивают на необходимости изъятия теневого капитала. Основная цель изъятия сегодня – восстановление понимаемой большинством социальной справедливости, даже в ущерб стабилизации экономики. При этом предлагаются разные способы. Наиболее часто – денежная реформа или иные формы изъятия денег. Однако вряд ли эти меры освободят нашу экономику от давления теневого капитала. Это сомнение подтверждается анализом судьбы нелегальных доходов. Они прошли в своем развитии несколько этапов. Деньги накапливались, вкладывались в драгоценности, в недвижимость, в валюту. Сегодня они вкладываются в недвижимость другого уровня – земля, производственные здания и т. п.

¹ Всего за год было принято 553 закона. Это на 23 больше, чем в 2019-м.В прошлом году было принято 530 законов.С начала работы Госдумы V11 созыва в 2016 году нижняя палата приняла 2 310 федеральных законов. Весной 2016 года шестой созыв принял 384 закона – на 89 больше, чем предыдущий рекорд, поставленный в 2014 году (295 законов). – URL: <https://pravo.ru/news/228621/> (дата обращения: 01.04.2022).

Так, например, «ушедший год принес новое для российских предпринимателей: законодательно ограничена возможность применения к ним уголовной статьи об ответственности за ОПГ, декриминализирован невозврат валютной выручки ниже определенного порога, принят масштабный пакет „антикоронавирусных“ законов для малых и средних предприятий самых пострадавших отраслей. Также вступили в силу законы о защите и поощрении капиталовложений» [2].

В последние годы, характеризующиеся кризисным положением во многих сферах нашей жизни, состояние правопорядка постепенно ухудшается. Число преступлений растет, увеличиваются масштабы деятельности, появляются новые виды опасных посягательств на жизнь, собственность, права и свободы граждан. Преступные группы (элементы) проникли в учреждения государственного управления и политические структуры, где они подкупают правительственных чиновников на всех уровнях, вносят средства на проведение предвыборных кампаний политических партий, подрывая тем самым основу общества, способствуя деморализации и оказывая пагубное воздействие на все слои общества.

Выражение – пусть десять преступников останутся на свободе, чем один невиновный будет осужден, в полемическом задоре о допустимости оставления преступников безнаказанными размывает принцип неотвратимости наказания и объективно поощряет преступность. Оставление на свободе убийцы, насильника означает, по существу, создание условий для новых подобных преступлений. Причин такого отношения много, но одна из них имеет прямое отношение к правам человека. Отрицательное влияние на состояние борьбы с преступностью начинает оказывать незащищенность прав лиц, противостоящих преступникам. Бессилие репрессивного метода борьбы с преступностью порождает вполне оправданное стремление не слишком досаждать гражданам введением правоограничений, запретов и принудительных мер [3].

Особого внимания заслуживает проблема криминализации и декриминализации деяний, имеющая непосредственное отношение к перспективам развития действующего уголовного законодательства (уголовной политики). Проблема криминализации, вызвала в последнее время оживленное обсуждение на страницах СМИ. Значительно меньше внимания уделяется вопросам декриминализации деяний, хотя тенденция постепенного сокращения и сужения сферы уголовной репрессии не исключает того, что возникает необходимость ввести в уголовное законодательство новые составы преступлений, предусмотреть наказуемость новых деяний. Научно обоснованное развитие уголовного права и всей уголовной политики невозможно без прогнозирования, хотя бы в общих чертах, наиболее существенных и принципиальных изменений в преступности. Общего ее уровня и распространенности отдельных видов преступлений, их объективной общественной опасности, мотивации и направленности; состава преступников и их личностных характеристик; соотношения первичной и рецидивной преступности, единичной и групповой. Фактическая (практическая) нетерпимость к различным видам преступлений и преступников, уровень преступности и отношение обще-

ства к конкретным мерам уголовного наказания и иным формам воздействия на правонарушителей. Названные вопросы относятся не только к уголовному праву, уголовной политике, но и к криминологии, социологическому аспекту. В этом наглядно проявляется теснейшая связь этих наук и необходимость обеспечить ее при решении всех проблем уголовной политики.

Правоохранительные органы оказались не готовы к наступлению преступности на общество и, самое тревожное, не спешат это дело исправить. Средства массовой информации продолжают с гораздо большей заинтересованностью обсуждать вопросы защиты прав обвиняемого, подсудимого и не спешат придать такое значение правам сотрудников правоохранительных органов, свидетелей, жертв преступлений. Усиление борьбы с преступностью происходит «традиционным» способом принятия тактических законов, не дающие реальную возможность более эффективной правоохранительной деятельности, включая и защиту законных прав работников, рискующих своим здоровьем, а нередко и жизнью. Ответом являются действия правоохранительных ведомств, которые готовят законопроекты «под себя» и принимают их через парламент. Такие «полицейские» методы правления правоохранительных органов объяснить можно тем, как облегчить себе жизнь, и их нисколько не смущает, что это нередко связано с ущемлением прав личности [4].

Репрессивная функция уголовной юстиции преследует еще цель включить и суд в одну упряжку с органами уголовного преследования, тогда как судебная власть должна контролировать эти органы, стоять над ними. Необходимо вносить изменения в проблемы оперативно-розыскного уклона юстиции, при котором суд лишь номинально контролирует конспиративную деятельность правоохранительных органов государства. Усиление прокурорского и судебного контроля над работой органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, ограничит для сотрудников этих органов возможность нарушать основополагающие права и свободы, засекречивать информацию о нарушениях прав человека, незаконно воздействовать на участников судопроизводства. Процедуры прокурорского и судебного контроля ОРД должны быть максимально регламентированы. Ввести уголовную ответственность за уклонение уполномоченных должностных лиц от судебного и прокурорского контроля, в том числе путем сокрытия информации о допущенных нарушениях закона. В соответствующих федеральных законах необходимо максимально точно определить, как содержание конкретных оперативно-розыскных мероприятий, так и процедуры принятия решений об их проведении.

В заключение нельзя не сказать о том, что задача борьбы с преступностью носит долговременный характер и в обозримом будущем будет определенно стоять перед нашим обществом. Сейчас, в качестве главной причины роста преступности, особенно организованной, коррупционной, многие указывают на административно-командную систему. При этом создается впечатление, что когда эта система будет окончательно сломана то и причина организованной, коррупционной преступности отпадет. К сожалению, такой оптимистический взгляд не отвечает действительности и не подтверждается мировой

практикой в этой области. Организованная, коррупционная преступность получила широкое распространение в мире, где существует административно-командная система. Некоторые эксперты считают коррупционную, организованную преступность побочным эффектом прогресса, общественного развития. Внедрение экономических методов управления, не говоря уже о рыночной экономике, сами по себе к искоренению организованной, коррупционной преступности не приведут. Понимая это, общество задействует дорогостоящую, всеохватывающую, достаточно эффективную цифровизацию всей страны, через цифровую экономику. Из практического опыта необходимо взять все разумное, оправдавшее себя, получившее признание на международном уровне. Это во многом будет способствовать обеспечению прав человека и успешной борьбе с преступностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Итоги-2020: главные позиции Конституционного суда. – URL: <https://pravo.ru/story/228327/> (дата обращения: 01.04.2022).
2. Важные экономические законы 2020. – URL: <https://pravo.ru/story/228204/> (дата обращения: 01.04.2022).
3. Лебедев В. М. Половина дел об ОПС разваливается в суде. – URL: <https://pravo.ru/news/218540/> (дата обращения: 01.04.2022).
4. Путин ужесточил четыре статьи Уголовного кодекса. – URL: <https://pravo.ru/news/228739/> (дата обращения: 01.04.2022).

УДК 343.85

Казанцев Павел Викторович,
заместитель начальника отдела УРЛС
по МВД России по Республике Алтай
г. Горно-Алтайск, Российская Федерация
pasha4786@yandex.ru

Шишкин Радий Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления МВД России
г. Москва, Российская Федерация
lvovich.1990@mail.ru

К вопросу об особенностях предупреждения преступлений экстремистской направленности в Российской Федерации в современных реалиях

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся особенностей предупреждения преступлений экстремистской направленности в Российской Федерации в современных реалиях.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, экстремистская направленность, цифровая сфера, прирост, уголовно-правовой аспект, IT-преступления, борьба, негативное социальное и политическое явление.

Kazantsev Pavel Viktorovich,
Deputy head of the URLS department
for the Ministry of internal affairs
of Russia in the Republic of Altai
Gorno-Altai, Russian Federation

Shishkin Radiy Vladimirovich,
candidate of legal sciences, associate professor,
Academy of management of the
Ministry of internal affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

The article deals with issues related to the features of the prevention of extremist crimes in the Russian Federation in modern realities.

Keywords: crime prevention, extremist orientation, digital sphere, growth, criminal law aspect, IT crimes, struggle, negative social and political phenomenon.

Понятие экстремизма уже давно и уверенно обосновалось в рамках социальной и политической сфер жизнедеятельности общества Российской Федерации. Конечно же, сразу стоит определить, что проблема экстремизма стоит перед всем миром, ее следует обозначать как глобальную, поскольку данный вид преступной деятельности может быть опасен для любых видов государственного строя и общественных отношений, функционирующих в рамках различных сфер.

Разумеется, экстремизм – явление, которое следует охарактеризовать как преступное и крайне негативное, что, отметим, и делает законодатель, определяя в качестве меры уголовной ответственности за такое преступление как «Организация деятельности экстремистской организации», предусмотренной статьей 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) до 12 лет лишения свободы. Экстремизм – понятие крайне многогранное, что, заметим, повышает его общественную опасность, поскольку его проявления в абсолютно разных сферах жизнедеятельности могут нанести серьезный вред функционирующим в них общественным отношениям.

Рост преступлений экстремистской направленности говорит о необходимости изучения данного явления, а также выработки на основе полученной информации эффективных мер противодействия преступности в данной сфере, что также объясняется общественной опасностью исследуемых преступных деяний.

Так, согласно данным ГИАЦ МВД России только за январь – август 2021 года на территории Российской Федерации было совершено 769 преступлений экстремистской направленности. В период январь – декабрь данный показатель

увеличился до 1 057, что больше на 26,9 %, чем в аналогичном периоде 2020 года.

Две трети преступлений (67,4 %) от общего количества зарегистрированных (1057) совершается через сеть Интернет – 182,7 тыс., более трети (40,2 %) – совершаются с помощью различных гаджетов сотовой связи (108,9 тыс., +14,2 %). Наибольший прирост IT-преступлений зафиксирован в Чеченской Республике (176,9 %), Республике Дагестан (141,2 %), Московской (126,5 %) и Тульской (117,9 %) областях, а также в Туве (110,2 %). Наименьший – в Псковской (–20,8 %), Ивановской (–18,8 %) областях, в Республике Марий Эл (–15 %), Курганской (–11,9 %) и Рязанской (–10,7 %) областях.

Подобное положение дел заставляет всерьез задуматься о реальной опасности экстремизма для нашей страны. Как известно, экстремизм – есть крайнее проявление какого-либо идеологического курса, что означает, возможность применения методов и способов в реализации целей и задач экстремистских организаций, которые могут оказаться преступными и навредить не только государственному и политическому устройствам страны, но и простым гражданам.

Вместе с тем об актуальности выбранной темы говорит и внимание к ней со стороны субъектов всех уровней государственной власти, в том числе и Президента Российской Федерации – В. В. Путина, который своим Указом от 29.05.2020 № 344 определил стратегию противодействия экстремизму до 2025 года, в которой, в частности, отмечено, что экстремизм в различных его проявлениях, прежде всего, опасен для целостности тех общественных отношений, которые охраняют права и свободы человека и гражданина в нашей стране, т. е. те аспекты законодательной охраны, которые определяются Конституцией Российской Федерацией как основные и неотъемлемые.

В связи с подобным указанием в нормативном правовом акте, источником которого является Президент, кажется вполне разумным, усиление внимания к данному вопросу именно со стороны правоохранительных органов, которые к тому же, являются субъектом противодействия экстремизму, что представляет собой одно из важнейших направлений деятельности таких органов.

Актуальным также является и рассмотрение взаимодействия мер уголовно-правового и криминологического видов противодействия преступлениям экстремистской направленности, поскольку подобное предупреждение преступлений может в полной мере повлиять на их динамику, ведь криминология, по своей сути, рассматривает преступление в целом, с точки зрения различных аспектов преступной деятельности как таковой.

Уголовно-правовой аспект отождествляется с превенцией в качестве назначения наказания, которое по своей сути должно как воспрепятствовать совершению новых преступлений путем устрашения, так и послужить в качестве меры репрессивного характера, связанного с ответственностью за уже совершенное преступление.

События окружающей действительности заставляют всерьез задуматься о противодействии преступлениям экстремистского характера, а самое глав-

ное – предполагают необходимость в умении определять, выявлять и пресекать попытки распространения экстремистской идеологии среди населения, отдельных граждан и российского общества в целом.

На современном этапе ключевой особенностью распространения экстремистских идей является влияние извне, субъекты которого определяют в качестве своей основной цели распространение ложной информации, создающей негативное отношение к действиям властей, соответственно, порождающей и радикальные настроения в обществе.

Кроме этого, по мере увеличения проникновения информационных технологий в жизнедеятельность российского общества и отдельной категории граждан, склонных к радикализму, число преступлений совершаемых с использованием новых технологий, связанных с цифровой сферой, будет увеличиваться.

Поэтому необходимо обратить внимание на повышение уровня правового сознания граждан имеющие компьютерные технологии и пользующиеся ресурсами сети «Интернет» для возможности безопасности, как личной, так и общественной, дабы не попасть в ловушки злоумышленников, поскольку на той стороне связи они прекрасно понимают свою цель, которая является радикальной (корыстной) и, от которой получают выгоду, в том числе монетизируют свою активность, при этом на постоянной основе придумывают новые методы и способы, в результате чего многие попадаются.

В таком случае, отметим, что основная задача государства по данному направлению деятельности – исследование разнообразных источников информации на предмет достоверности непосредственных распространяемых сведений и их «фильтрация» с применением разнообразных инструментов воздействия, к примеру, таких как блокировка сайтов в сети «Интернет» и иных ресурсов, а также применение мер юридической ответственности в случае распространения экстремистской информации.

Так, одним из последних событий стала блокировка социальной сети «Инстаграм» на территории Российской Федерации в связи с заявлением главы компаний, к которым принадлежит и вышеуказанная социальная сеть, содержащее в себе легализацию враждебного настроения к определенным категориям граждан нашего государства.

Подобные комментарии имеют явно экстремистский оттенок, поэтому, не должны были остаться без внимания правоохранителей и государства в целом, что и произошло путем блокировки сервиса на территории страны, что, по нашему мнению, является абсолютно обоснованным в связи с характером высказываний руководства компании, владеющей «Инстограм».

Подводя итоги, отметим, что события окружающей действительности позволяют нам иначе взглянуть на понятие «экстремизма» и оценить его применительно к текущей социальной ситуации.

Борьба с проявлениями данного негативного социального и политического явления – одна из ключевых задач государства и органов внутренних дел, в частности, которая должна быть реализована в полной мере путем выработки эффективных методов анализа различного рода информации на предмет ее экс-

тренистской природы и применения соответствующих методов противодействия ее распространению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Состояние преступности в России за январь – июль 2021 года : офиц. сайт ГУ МВД по Московской области. – URL: <https://50.мвд.рф> (дата обращения: 25.02.2022).
2. Сведения о состоянии преступности. – URL: https://tass.ru/proisshestiya/13459223?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 02.06.2022).
3. Сведения о состоянии преступности. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/mvd-dolya-it-prestupleniy-dostigla-265.html?ysclid=l3xg52twz0> (дата обращения: 02.06.2022).
4. Барабаш Д. Е. Специфика уголовно-правового регулирования ответственности за преступления экстремистской направленности в РФ // Синергия наук. – 2020. – № 53. – С. 87–103.
5. Гриненко А. В. Понятие и классификация преступлений экстремистской направленности // Российская юстиция. – 2012. – № 3. – С. 32–34.

УДК 343.963

Кузьмина Екатерина Николаевна,
помощник прокурора города Костромы
Костромской области
Кострома, Российская Федерация
ek.kuzmina@mail.ru

К вопросу о совершении самовольных уходов несовершеннолетними из социозащитных учреждений (на примере города Костромы Костромской области)

В статье проводится причинно-следственный анализ самовольных уходов несовершеннолетних из социозащитных учреждений для детей сирот и оставшихся без попечения родителей. В результате проведенного обобщения и проанализированной прокурорской практики автором приводятся примеры наиболее часто встречающихся и грубых нарушений со стороны руководителей Центра помощи детям, оставшимся без попечения родителей.

Ключевые слова: несовершеннолетний, прокуратура, сирота, центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей.

Kuzmina Ekaterina Nikolaevna,
assistant to the prosecutor's office of the city
of Kostroma of the Kostroma Rregion
Kostroma, Russian Federation

On the issue of unauthorized departures by minors from social protection institutions (on the example of the city of Kostroma, Kostroma region)

The article provides a causal analysis of unauthorized departures of minors from social protection institutions for orphans and those left without parental care. As a result of the generalization and the analyzed prosecutor's practice, the author provides examples of the most common and gross violations on the part of the heads of the Center for Assistance to Children left without parental Care.

Keywords: *minor, prosecutor's office, orphan, center for assistance to children left without parental care.*

Актуальными по настоящее время остаются слова А. С. Макаренко о том, что «научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастлив, можно» [9]. Детство – важный этап жизни человека, когда происходит его подготовка к полноценной жизни в обществе, развитие его общественной и творческой активности, воспитание нравственных качеств и патриотизма.

В преамбуле Конвенции о правах ребенка, принятой резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г., закреплено, что дети имеют право на особую заботу и помощь. Права ребенка являются наивысшей ценностью, а их защита – одной из важнейших государственных задач.

Несмотря на указанное, права ребенка в современном мире не соблюдаются и нарушаются.

В современных условиях, когда, с одной стороны, – ослаблена воспитательная функция родителей, государственных и общественных институтов детства, а с другой – увеличилась доступность информационного потока, сопряженного с насилием, жестокостью и иной вредной для ребенка информацией, особую значимость приобретает система государственной защиты прав детей. Дети находятся на первом месте среди самых незащищенных групп населения, ребенок – самое дорогое для каждой семьи. И его рождение – это не только радость, но и, прежде всего, огромная ответственность за его жизнь, воспитание и всестороннее развитие, за его будущее не только для родителей, но и для государства. Не зря сегодня так много внимания уделяется Президентом РФ в принимаемых документах и инициативах вопросам поддержки семьи, материнства и детства. Здесь необходима системная работа, полное и эффективное взаимодействие всех государственных структур.

Указом Президента РФ от 29.05.2017 № 240 в Российской Федерации объявлено Десятилетие детства. Современная государственная политика направлена на сохранение семьи для ребенка, а ребенка для семьи. В Конституцию Российской Федерации в 2020 году внесены изменения о том, что государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения. Реализация новой конституционной стратегии в сфере прав ребенка основана на том, что, во-первых, ребенок, его права и свободы являются высшей ценностью, во-вторых, они определяют смысл, содержание и применение законов, деятель-

ность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и, в-третьих, обеспечиваются правосудием. Такая конституционная постановка вопроса ориентирует на поиск адекватных институциональных форм, которые помогли бы сделать механизм защиты прав ребенка в России более эффективным.

Нельзя не согласиться с мнением И. А. Шадрина о том, что на органы прокуратуры возложена высокая миссия по осуществлению правозащитной функции в отношении неопределенного круга несовершеннолетних и непосредственно детей, у которых по каким-либо причинам отсутствуют законные представители либо последние уклоняются от выполнения возложенной на них законом обязанности по воспитанию и содержанию детей. При этом зачастую уполномоченные государством структуры не проявляют активной позиции и уделяют указанной категории граждан незначительное внимание, что, к сожалению, часто приводит к совершению правонарушений, а нередко и преступлений, в которых дети становятся как жертвами, так и преступниками [11].

Анализ деятельности органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Костромской области показал, что в 2020 году снизилось количество преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних – с 571 (в 2019 году) до 546 (в 2020 году), однако возросло количество детей, пострадавших от преступлений – с 563 (в 2019 году) до 581 (в 2020 году).

Работа, проводимая подразделениями по делам несовершеннолетних УМВД России по Костромской области, способствовала пресечению в 2020 году – 3130 фактов ненадлежащего исполнения родителями обязанностей по воспитанию, обучению и содержанию несовершеннолетних (в 2019 году – 3097). На протяжении 2020 года в области произошел рост количества преступлений, совершенных против половой неприкосновенности несовершеннолетних, который по итогам 12 месяцев составил 23,3 % (с 73 в 2019 году до 90 в 2020 году). При этом 43 % преступлений указанного вида (39 из 90) – факты действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ).

Нередко причинами преступлений, совершенных несовершеннолетними или против несовершеннолетних, являются самовольные уходы из государственных учреждений либо из дома. В последние годы увеличилось количество уходов детей из семей. Анализ самовольных уходов из дома свидетельствует о том, что в 35 % случаев причиной явился конфликт между детьми и родителями (законными представителями), в других – желание находиться без контроля со стороны взрослых. По каждому факту сотрудниками органов внутренних дел проводятся проверочные мероприятия с целью установления причин и условий, способствовавших уходу. В 54 случаях законные представители привлечены к административной ответственности, предусмотренной ст. 5.35 КоАП РФ, в связи с ненадлежащим исполнением своих родительских обязанностей.

За 2020 год 21 несовершеннолетним было совершено 65 самовольных уходов из социозащитных учреждений Костромской области. По сравнению с 2019

годом количество самовольных уходов уменьшилось в 2,4 раза, количество воспитанников, совершивших самовольные уходы, уменьшилось в 2 раза [2].

Проблема подростков, склонных к самовольным уходам, побегам, не утратила своей актуальности, поскольку переживаемый Россией период социально-экономической и политической нестабильности значительно расширяет спектр социальных, экономических, психосоциальных, педагогических факторов, активно стимулирующих детскую безнадзорность, бездомность, беспризорность и социальное сиротство. Осознавая всю сложность ситуации, государство и общество предпринимают меры по улучшению социального положения и психического здоровья детей, защите их прав и интересов.

Профилактика самовольных уходов несовершеннолетних рассматривается в настоящее время не как изолированный комплекс мер, а как неотъемлемая часть воспитательной работы, призванная обеспечить решение общих задач социализации и воспитания взрослеющей личности, использующая средства образовательных, социальных, культурных и общественно-государственных учреждений и организаций.

Самовольный уход – добровольное, самовольное (тайное или явное) оставление дома или организации; безвестное отсутствие несовершеннолетнего в течение 1 часа с момента установления факта его отсутствия либо с момента наступления времени, оговоренного для возвращения [10].

Анализ случаев совершения самовольных уходов воспитанниками позволяет сделать вывод, что в большинстве случаев самовольные уходы совершают дети, имеющие стойкое асоциальное поведение, склонность к бродяжничеству, в основе которого лежат заболевания органического и неорганического характера либо социальнопедагогическая запущенность. Как правило, у несовершеннолетних, совершающих самовольные уходы, наблюдаются проблемы в обучении, им сложно строить взаимоотношения с окружающими. Нередко такие подростки обладают различными психофизическими отклонениями в состоянии здоровья, имеют различные зависимости.

«Самовольные уходы и побеги» несовершеннолетних относят к девиантным формам поведения, не соответствующим общепринятым или официально установленным рамкам. Первым в России ввел термин «девиантное поведение», который в настоящее время употребляется наравне с термином «отклоняющееся поведение», Я. И. Гилинский, полагающий, что такое поведение не соответствует социальным нормам – ожиданиям [1]. Под самовольным уходом воспитанника из интернатного учреждения подразумевают его безвестное отсутствие с момента установления факта его отсутствия.

Профессор, доктор медицинских наук А. Е. Личко связывал уходы (побеги) с тяжело протекающими возрастными кризисами [8]. По его мнению, одна треть детей и подростков, совершающих побеги из дома или учреждения интернатного типа, имеет патологическую основу.

Отечественный педагог А. С. Макаренко считал, что сирота испорчен воспитанием в семье, воспитанием в школе и воспитанием на улице. Во всех этих сферах он был максимально свободен от выполнения дисциплинарных

норм и правил поведения, поэтому он в качестве стратегии избегания конфликтной ситуации использует бегство. К самовольным уходам из учреждения детей склоняет система отношений и взаимодействия в группе, а также различные нарушения психики. Попадая в детский дом после относительной свободы, социальный сирота болезненно переживает ее потерю, а также дисциплинарное давление и санкции со стороны персонала.

Несмотря на особенности детей, проживающих в учреждениях, не все дети убегают. Важно понимать, что ребенок покидает учреждение для того, чтобы удовлетворить те потребности, которые не могут быть по тем или иным причинам удовлетворены в стенах учреждения.

Ухоженный, вовремя накормленный и модно одетый ребенок может быть внутренне одиноким, психологически безнадзорным, поскольку до его построения, интересов и переживаний никому нет дела. Главная причина самовольных уходов всегда кроется в неудовлетворённости воспитанника своим местонахождением, невозможности жить в нормальных условиях, отсутствии контакта с родителями (законными представителями), недостатке их любви и заботы, стремлении к нахождению в типичной субкультуре.

Д. В. Карелин полагал, что исправление понимается как минимальная задача, стоящая перед органами, применяющими меры воспитательного характера, и заключающаяся в таком изменении поведения, привычек, взглядов несовершеннолетнего, которое исключает повторное совершение им правонарушений [7].

На наш взгляд, в социально-реабилитационный центр или Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей (далее – Центр), попадают подростки с уже сформировавшимися личностными особенностями, устойчивой моделью поведения. Многие из них состоят на различных видах профилактического учета в субъектах системы профилактики, поэтому вышеперечисленные категории воспитанников должны находиться в зоне повышенного внимания и контроля специалистов учреждения. Кроме того, актуальность проблемы обусловлена склонностью несовершеннолетних к совершению преступлений и правонарушений в период самовольных уходов.

Результаты прокурорских проверок свидетельствуют о том, что именно в тех учреждениях, которые отличаются наибольшим числом самовольных уходов, реабилитационная (профилактическая) работа проводится на крайне низком уровне, что представляется целесообразным проиллюстрировать на примерах из практической деятельности прокуратуры города Костромы.

Так, в 2020 году установлено, что в вечернее время один воспитанник Центра совершил кражу из квартиры, находясь в состоянии алкогольного опьянения. Согласно его объяснениям он совместно с другим воспитанником Центра до момента кражи распивал алкогольную продукцию в период времени с 16 часов до 18 ч 30 мин. По данному факту инспектором ПДН полиции составлен протокол в отношении несовершеннолетнего и руководителя Центра как законного представителя несовершеннолетнего, который не достиг возраста привлечения к ответственности по ч. 1 ст. 20.22 КоАП РФ. Протоколы рассмотрены

19.03.2020 г. комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав города Костромы, назначены наказания в виде штрафов [3].

Прокурорской проверкой установлено, что данные воспитанники Центра на прогулку были отпущены воспитателем Центра и находились без присмотра взрослых, вследствие чего совершили распитие спиртных напитков и преступление имущественного характера.

Приведем пример о совершенных самовольных уходах воспитанниками организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, во время самоизоляции.

Так, неоднократно (в течение нескольких дней подряд) двумя воспитанниками Центра совершены самовольные уходы, о чем должностными лицами Центра сообщено в органы полиции несвоевременно. Инспекторами ПДН полиции в ходе работы установлены места нахождения воспитанников, а также выявлены нарушения во время веденного режима самоизоляции, выразившееся в нахождении в общественном месте без средств индивидуальной защиты. За данные нарушения в отношении несовершеннолетних должностными лицами органов полиции составлено 3 протокола об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ, которые 07.05.2020 г. рассмотрены комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав города Костромы, виновные лица привлечены к ответственности [4].

Кроме этого, при проведении прокурорской проверки семей, состоящих на профилактическом учете, был выявлен воспитанник Центра в период самоизоляции в общественном месте. О данном воспитаннике незамедлительно сообщено руководителю Центра, который не обладал достоверной информацией о пребывании воспитанника и не знал о том, что он произвел самовольный уход. По вышеизложенным фактам 21.05.2020 г. юридическое лицо в лице директора Центра по постановлению прокурора привлечено комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав города Костромы по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ [5].

Таким образом, администрация организации для детей-сирот не исполнила требования ст. 155.2 Семейного кодекса РФ, ст. 2, 13, 14 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в части исполнения обязанностей по защите прав и законных интересов детей, выяснению причин и условий, способствующих их побегам, обеспечению надлежащего контроля за поведением воспитанников, вследствие чего они совершали самовольные неоднократные уходы, становились участниками преступлений. По данным фактам прокурором внесено представление, по результатам рассмотрения которого заместитель директора по воспитательной работе и воспитатель учреждения привлечены к дисциплинарной ответственности, а также изменен режим работы сотрудников учреждения, организованы кружки и секции, направленные на развитие спортивных и творческих способностей воспитанников.

Профилактическая работа с несовершеннолетними, совершающими самовольные уходы, должна опираться на ряд факторов, среди которых наиболее важное место занимает взаимоотношение несовершеннолетнего с учреждением,

в котором он проживает. Для решения данных проблем, на наш взгляд, необходимо наполнить жизнь несовершеннолетних в учреждении такими мероприятиями и событиями, появление которых поможет заглушить переживаемые чувства, забыться в какой-либо интересной деятельности. Необходимо постоянно помнить, что в интересной, заполненной трудом, спортом, активным досугом организации жизнедеятельности нет времени и желаниям мечтать о побегах и совершать их.

Благоприятной почвой для удовлетворения подростками фундаментальных человеческих потребностей является досуг. В процессе досуга ребенку гораздо проще формировать уважительное отношение к себе, даже личные недостатки можно преодолеть посредством досуговой активности. Досуг в существенной степени ответственен в части формирования характера ребенка, в частности таких качеств как инициативность, уверенность в себе, сдержанность, настойчивость, искренность, честность и др.

Особая ценность досуга заключается в том, что он может помочь ребенку, подростку, реализовать то лучшее, что в нем есть. В сфере досуга дети более открыты для влияния и воздействия на них самых различных социальных институтов, что позволяет с максимальной эффективностью воздействовать на их нравственный облик и мировоззрение. В процессе коллективного досугового времяпрепровождения происходит упрочение чувства товарищества, возрастание степени консолидации, стимулирование трудовой активности, выработка жизненной позиции, научение нормам поведения в обществе. Задача специалистов, работающих с детьми данной категории, организовать в учреждении реабилитационную среду, в которой каждый несовершеннолетний сможет себя реализовать как личность.

На наш взгляд, деятельность таких субъектов профилактики, как органы и учреждения образования, социального развития, опеки и попечительства, здравоохранения и других, только тогда достаточно эффективна, когда она опирается на тщательный анализ работы с подростками, совершившими самовольные уходы.

Из информационного письма Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14.01.2019 № 21/1-05-2019/Ип454-19 «Обзор практики прокурорского надзора за исполнением законодательства специализированными учреждениями для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации» следует, что основанием к прокурорскому вмешательству, в том числе в Костромской области, явились недостатки при организации и проведении работы по профилактике самовольных уходов несовершеннолетних [6]. Так, например, прокурором внесено представление в социально-реабилитационный центр в связи с непринятием достаточных мер должностными лицами по организации досуга воспитанников, в целях предотвращения самовольных неоднократных уходов.

Полагаем, что необходимо в целях обеспечения законности и повышения эффективности деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по выявлению, пресечению и профилактике преступлений, совершаемых воспитанниками социаль-

ных учреждений для детей-сирот, особое внимание уделять по вовлечению их в досуговую деятельность. Кроме того, надлежит усилить прокурорский надзор за соблюдением прав детей-сирот, исполнением законов при приеме, регистрации, разрешении сообщений о фактах самовольных уходах или безвестного исчезновения детей, оставшихся без попечения родителей. На наш взгляд, при планировании и организации прокурорской проверки в первоочередном порядке объектами проверки должны становиться организации для детей-сирот, в которых отмечается наибольшее число самовольных уходов воспитанников, а в случае выявления нарушений – полученные сведения следует направлять в соответствующие следственные органы для рассмотрения вопроса об организации проверок в порядке статей 144, 145 УПК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гишинский Я. И. Социология девиантного поведения и социального контроля // Мир России. Социология. Этнология. – 1997. – № 1. – С. 163–184.

2. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Костромской области за 2020 год // Официальный сайт Администрации Костромской области. – URL: http://deti.adm44.ru/i/u/DokladUPRobitogah_deyatelnostiv_2020godu.pdf (дата обращения: 17.05.2022).

3. Информация Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав городского округа город Кострома от 19.03.2020 // Офиц. сайт Администрации города Костромы. – URL: https://gradkostroma.ru/i/u/society/commission/minors/%D0%97%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%9A%D0%94%D0%9D-2020.03.19.htm (дата обращения: 17.05.2022).

4. Информация Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав городского округа город Кострома от 07.05.2020 // Официальный сайт Администрации города Костромы. – URL: https://gradkostroma.ru/i/u/society/minors/%D0%97%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%9A%D0%94%D0%9D-2020.05.07.htm (дата обращения: 17.05.2022).

5. Информация Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав городского округа город Кострома от 21.05.2020 // Официальный сайт Администрации города Костромы. – URL: https://gradkostroma.ru/i/u/society/commission/minors/%D0%97%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%9A%D0%94%D0%9D-2020.05.21.htm (дата обращения: 17.05.2022).

6. Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 14.01.2019 № 21/1-05-2019/Ип454-19 «Обзор практики прокурорского надзора за исполнением законодательства специализированными учреждениями для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации» // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.04.2022).

7. Карелин Д. В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Томск, 2001. – 296 с.

8. Личко А. Е. Типы акцентуации характера и психопатии у подростков. – М. : ИОИ, 2016. – 335 с.

9. Макаренко А. С. Лекции о воспитании детей / под ред. Г. С. Макаренко и В. Н. Колбановского. – М. : Учпедгиз, 1947. – 104 с.

10. Письмо Минобрнауки России от 26.02.2016 № 07-834 «О направлении методических рекомендаций по работе с детьми, самовольно ушедшими из семей и государственных организаций, и профилактике таких уходов». – URL: <https://rulaws.ru/acts/Pismo-Minobrnauki-Rossii-ot-26.02.2016-N-07-834/> (дата обращения: 17.05.2022).

11. Шадрин И. А. Практика выявления прокурором нарушений в сфере обеспечения безопасности при осуществлении организованной перевозки групп детей // Проблемы исполнения законов о несовершеннолетних и молодежи : сб. материалов науч.-практ. конф. / Университет прокуратуры РФ ; под общ. ред. Г. Ю. Синяковой. – Казань, 2020. – С. 28–29.

УДК 343.35

Кузнецова Ирина Федотовна,

следователь отдела по расследованию преступлений

на территории обслуживания отдела полиции № 2

Следственного управления УМВД России по г. Ростову-на-Дону,

магистрант

Южно-Российский институт управления – филиал Российской

академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте РФ

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ya.zxcv8@yandex.ru

Коррупция: понятие и состояние противодействия

В исследовании автором анализируются статистические данные о коррумпированности государств, понятие коррупции и коррупционного преступления, а также вопросы противодействия им, уделяя особое внимание стратегии противодействия этому явлению.

***Ключевые слова:** коррупция, коррупционное преступление, противодействие преступности, социальное явление.*

Kuznetsova Irina Fedotovna,

investigator of the department for the

investigation of crimes in the service territory

of the police department № 2 of the Investigative

Department of the Ministry of internal affairs

of Russia for Rostov-on-Don, Master's Student

South-Russian Institute of Management – Branch Russian

Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Rostov-on-Don, Russian Federation

Current problems of counteraction to corruption crimes

In this study, the author analyzes statistical data on the corruption of states, the concept of corruption and corruption crime, as well as issues of countering them, paying special attention to the strategy of countering this phenomenon.

Keywords: *corruption, corruption crime, combating crime, social phenomenon.*

О большом вреде коррупции говорят практически все на протяжении длительного времени. При этом как простые граждане, так и государственные деятели, а также представители науки с уверенностью заявляют, что коррупция подвергает опасности не только национальную безопасность, но и причиняет огромный ущерб социальному и экономическому развитию страны. По данным исследований, ущерб от коррупционных преступлений измеряется миллиардами и имеет тенденцию к росту [1, с. 36–40]

Проблема большой распространенности коррупции актуальна не только в Российской Федерации, ей уделяет внимание и международное сообщество. Так в 2003 году Генеральная Ассамблея ООН приняла соответствующую конвенцию, которая регламентирует положения о мерах противодействия коррупции и о механизмах борьбы с ней [7]. Помимо этого, Международная организация «Transparency international» ежегодно публикует сведения об уровне коррумпированности государств. 28 января 2021 года данной организацией был опубликован отчет, согласно которому, Россия находится на месте 129 месте из 180. Помимо этого, Transparency international отмечает, что в 2020 году коррупция очень негативно сказалась на системе здравоохранения, что вызвано пандемией COVID-19 [2].

По своей сути коррупция представляет собой социальное явление, которое разлагает законные методы и средства регулирования общественных отношений, подрывает авторитет власти, существование демократических институтов и веру в справедливость.

Несмотря на то, что в научной среде и на законодательном уровне вопросы коррупции обсуждаются постоянно, общепринятого определения данного термина нет.

Рассмотрим законодательную позицию: закрепленную в Федеральном законе «О противодействии коррупции». Определение сложно назвать таковым, это скорее перечень деяний, совершаемых для определенной выгоды [3, с. 3] Так, статья 1 указанного закона говорит о том, что коррупция представляет собой злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение тех же деяний от имени или в интересах юридического лица.

Справочные материалы ООН по борьбе с коррупцией закрепили положение о том, что коррупция – это отсутствие порядочности и честности, а также использование своего положения или злоупотребление им для получения личной выгоды [4]. Но данное понятие трудно признать достаточным, так как оно отражает лишь поверхностные характеристики коррупции.

Продолжая исследование международного опыта, необходимо обратиться к соответствующей Конвенции Совета Европы 1999 года, которая под коррупцией понимает прямую или косвенную просьбу, или дачу взятки (или любого преимущества), которые искажают добросовестное выполнение должностных обязанностей [5]. Стоит отметить, что, несмотря на то, что многие страны подписали данную Конвенцию, в научном сообществе России его поддержало незначительное количество ученых, если быть точнее, то только 11 % согласились с таким определением.

Борьба с коррупцией в настоящий момент приоритетным направлением правоохранительной деятельности. Подтверждением данной позиции может являться тот факт, что в Российской Федерации в 2008 году был принят Федеральный закон «О противодействии коррупции», периодически принимаются Национальные стратегии противодействия коррупции, соответствующие Национальные планы и другие нормативные акты, которые рассматривают коррупцию как основную угрозу обществу и государству.

В данном исследовании необходимо отметить особую значимость уголовно-правовых средств противодействия коррупции. Так, в действующем Уголовном кодексе закреплено значительное количество составов преступлений коррупционной направленности, которые призваны сдерживать распространение рассматриваемого явления. Следует отметить отсутствие в теории уголовного права единого мнения относительно понятия коррупционного преступления, что, безусловно, порождает трудности учета таких деяний, а как следствие порождает высокий уровень латентности и формирование неэффективных мер борьбы.

Конвенция ООН в статье 2 говорит о том, что под коррупционным правонарушением стоит понимать такое, которое связано с подкупом должностных лиц, использование последними своего положения с целью приобретения какого-либо преимущества [6, с. 485]

Обращаясь к национальному законодательству, стоит обратить внимание на Указание Генпрокуратуры России №35/11 и МВД России № 1 от 24.01.2020 года в перечне 23 закрепило признаки таких противоправных деяний, которые и помогут выявить необходимое определение. К ним относятся: наличие специальных субъектов; наличие связи деяния со служебным положением субъекта, выражающее в отступлении от его прямых прав и обязанностей; совершение деяния только с прямым умыслом; наличие корыстного мотива [8].

В доктрине уголовного права наряду с вышеперечисленными признаками выделяются:

– нанесение деянием значительного ущерба интересам государства и органам власти;

– ущемление законных прав и свобод физических и юридических лиц, которые охраняются законом [3, с. 3].

Таким образом, для устранения существующих проблем предлагается на законодательной уровне закрепить легальное определение понятия «коррупционное преступление», которое может быть сформулировано следующим образом: это запрещенное настоящим Кодексом виновно совершенное общественно опасное деяние, посягающее на авторитет власти и законные интересы общества, которое выражается в использовании лицом своих полномочий (должностных, служебных или иных), дающим право осуществлять определенные функции с целью получения выгоды для себя или третьих лиц, а равно и обещание или предоставление указанному лицу подобной выгоды, чтобы это лицо использовало свои полномочия с целью получения материальных и/или нематериальных преимуществ в свою пользу или пользу третьих лиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аслаханов А. А. Коррупция в России. Пути борьбы // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России : материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 6 июня 2007 г.). – М. : Научный эксперт, 2007. – С. 36–40.

2. Международная организация “Transparency international”: официальный сайт. – URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2020-30-ballov-i-129-mesto.html> (дата обращения: 14.04.2022).

3. Ситникова А. И. Актуальные проблемы противодействия коррупции на современном этапе // Материалы науч.-практ. конф. – Орел : Образование и общество, 2010. – С. 2–7.

4. Справочник материалов по борьбе с коррупцией // Официальный интернет-сайт Управления ООН по наркотикам и преступности, 2004. – URL : http://www.unodc.org/pdf/9dec04/resourceguide_r.pdf (дата обращения: 14.04.2022).

5. Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS № 174) от 04.11.1999 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/edu/highschool/links/> (дата обращения: 14.04.2022).

6. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник. Т. 1. Общая часть. – М. : Юрайт, 2011. – 1003 с.

7. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции № 58/4 от 21.11.2003 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/edu/highschool/links/> (дата обращения: 14.04.2022).

8. Указание Генпрокуратуры России №35/11 и МВД России № 1 от 24.01.2020 года (ред. от 13.07.2020) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании отчетности» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345696/(дата обращения: 14.04.2022).

Мартыненко Игорь Эдуардович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права
и процесса, Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы
г. Гродно, Республика Беларусь
i.martinenko@grsu.by

Белорусский опыт правоохранительной деятельности по противодействию реабилитации нацизма

В статье рассматриваются положения нового законодательства Республики Беларусь о противодействии экстремисткой деятельности и недопустимости реабилитации нацизма. Цель данной работы – ознакомление юридической общественности с опытом союзного государства по юридическому закреплению запретов проявления любых форм проявлений нацизма. Необходимость данного исследования обусловлена теми вызовами (попытки реабилитации нацизма), с которыми столкнулось человечество в первой четверти XXI века. Выводы и рекомендации автора о целесообразности изучения данных вопросов (защита исторической памяти, недопущение реабилитации нацизма) в учреждениях высшего профессионального образования могут быть использованы для соответствующего обновления учебных программ.

Ключевые слова: *сравнительный опыт применения законодательства; правоохранительная и судебная деятельность; совершенствование законодательства; новые учебные программы; деятельность, направленная на реабилитацию нацизма.*

Martynenko Igor Eduardovich,
doctor of law, professor, head
of the department of civil law and procedure,
Grodno State University
named after Yanka Kupala
Grodno, Republic of Belarus

Belarusian experience of law enforcement activities to counter the rehabilitation of nazism

The article discusses the provisions of the new legislation of the Republic of Belarus on countering extremist activities and the inadmissibility of the rehabilitation of Nazism. The purpose of this work is to familiarize the legal community with the experience of the Union state on the legal consolidation of prohibitions on the manifestation of any forms of manifestations of Nazism. The need for this study is due to the challenges (attempts to rehabilitate Nazism) that humanity faced in the first quarter of the XXI century. The author's conclusions and recommendations on the expediency of studying these issues (protection of historical memory, prevention of rehabilitation of Nazism) in institutions of higher professional education can be used to update the curricula accordingly.

Keywords: *comparative experience in the application of legislation; law enforcement and judicial activities; improvement of legislation; new training programs; activities aimed at the rehabilitation of Nazism.*

Беларусь в значительной степени пострадала в результате нападения фашистской Германии и ее сателлитов на Советский Союз. По современным оценкам материальный ущерб в результате агрессии составляет не менее 500 млрд долларов США в эквиваленте [1]. И, конечно же, несоизмеримы людские потери – погиб каждый третий белорус.

Именно поэтому в этой союзной России стране сформировано принципиально новое законодательство, появились первые примеры эффективного его применения в целях противодействия реабилитации нацизма как одного из проявлений экстремистской деятельности.

Необходимость подобных новаций вызвана изменением ситуации, переоценкой в некоторых странах итогов Второй мировой войны. Ведь все чаще осуществляется вольная интерпретация установленных исторических фактов, а нередко и откровенная фальсификация сведений о роли СССР в победе над нацистской Германией [6, с. 91]; в некоторых странах вообще произошел антиконституционный государственный переворот, движущей силой которого стали националисты [2, с. 3–6]. Поэтому вновь можно говорить о борьбе (войне) с нацизмом. И в этом плане может быть интересен опыт Республики Беларусь, который мы постараемся в кратком виде представить.

В систему законодательства, составляющего правовую основу деятельности по недопущению реабилитации нацизма, включены:

Конституция Республики Беларусь, запрещающая пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды (ч. 3 ст. 5 Конституции). По результатам Республиканского референдума 27 февраля 2022 г. в Конституции Республики Беларусь данная позиция усилена: введена норма (ч. 2 ст. 15 Конституции), согласно которой государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны;

– закон «О недопущении реабилитации нацизма» от 14 мая 2021 № 103-3;

– законы «О противодействии экстремизму» в редакции от 14 мая 2021 г. и «Об изменении законов по вопросам противодействия экстремизму» от 14 мая 2021 г. (оба закона вступили в силу с 16 июня 2021 г.). Заметим, что реабилитации нацизма, пропаганды или публичного демонстрирования, изготовления, распространения нацистской символики и атрибутики, а равно хранения или приобретения такой символики или атрибутики в целях распространения отнесены упомянутым выше к экстремистской деятельности;

– закон «О геноциде белорусского народа» от 5 января 2022 г. № 146-3.

Согласно новому законодательству в Республике Беларусь запрещается: реабилитация нацизма; финансирование реабилитации нацизма; деятельность организации, представительства международной или иностранной организации, индивидуального предпринимателя, направленная на реабилитацию нацизма; пропаганда или публичное демонстрирование, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет либо иной информационной сети.

Большое практическое значение имеет новация, позволяющая прокурорам **приостанавливать деятельность** организации, представительства ино-

странной или международной организации, индивидуального предпринимателя в месячный срок со дня выявления фактов, а равно получения сведений о фактах, свидетельствующих о подготовке к совершению или совершении учредителем (участником, собственником), руководителем организации, индивидуальным предпринимателем экстремистской деятельности; непринятии или несвоевременном принятии мер по выполнению требований предписания или повторном вынесении предписания.

Одновременно с вынесением такого постановления соответствующим прокурором подается в суд *заявление (исковое заявление)* о признании организации экстремистской, запрещении ее деятельности и ее ликвидации, запрещении использования ее символики и атрибутики,

– либо *о прекращении деятельности представительства иностранной или международной организации* экстремистской, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь, запрещении использования ее символики и атрибутики,

– либо *о признании деятельности индивидуального предпринимателя экстремистской* и прекращении его деятельности, запрещении использования его символики и атрибутики.

В заявлении может содержаться предложение о наложении ареста на находящееся на территории Республики Беларусь имущество, принадлежащее такому организации, представительству иностранной или международной организации. В итоге на основании решения суда организация признается экстремистской, ее деятельность на территории Республики Беларусь запрещается, она ликвидируется и использование ее символики и атрибутики запрещается.

И вот в случае принятия судом решения о признании организации экстремистской, принадлежащее ей имущество, оставшееся после удовлетворения требований кредиторов (при условии их непричастности к экстремистской деятельности), конфискуется. Участник (собственник имущества) организации, признанной экстремистской, в течение пяти лет со дня вступления в законную силу решения суда о ее ликвидации не вправе выступать в качестве учредителя (участника, собственника имущества) иных организации, средства массовой информации.

Кроме того, введена уголовная ответственности за нарушения законодательства, направленного на недопущение реабилитации нацизма: с учетом складывающейся общественно-политической обстановки 26 мая 2021 г. принят закон «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», в Уголовной кодекс Республики Беларусь включена самостоятельная норма об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма – ст. 130-1 УК. В этом плане белорусский законодатель, в основном, воспринял идеи, заложенные российскими исследователями проблемы [3]; реабилитация нацизма в обеих странах рассматривается как преступления против мира и безопасности человечества [4, с. 50–53; 5, с. 882–890], хотя конструкции аналогичных норм уголовных кодексов (имеется в виду ст. 130-1 УК Республики Беларусь и ст. 354.1 УК Российской Федерации) частично не совпадают.

Характеризуя данный состав преступления, отметим, что объективная сторона определяется альтернативными действиями, совершенными публично либо с использованием публично демонстрируемого произведения, или средств массовой информации, или глобальной компьютерной сети Интернет, или иной информационной сети, выражающиеся:

1) в оправдание идеологии (доктрины) и практики нацизма, признании их правильными, нуждающимися в поддержке и достойными подражания, а также в распространении идеологии нацизма;

2) одобрение или отрицание преступлений против мира и безопасности человечества, военных и других преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Международного военного трибунала;

3) оправдании лиц и (или) структур либо организаций, признанных преступными либо виновными в совершении преступлений приговором Международного военного трибунала либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Международного военного трибунала, а равно сотрудничавших с такими лицами и (или) структурами либо организациями на оккупированной территории СССР в годы Второй мировой войны политических и военных организаций, а также лиц, участвовавших в деятельности таких политических и военных организаций и исполнявших либо умышленно содействовавших исполнению преступных приказов лиц и (или) структур либо организаций, в любой форме;

4) героизации нацистских преступников и их пособников – преднамеренном прославлении их, а также совершенных ими преступлений.

Кроме того, в Республике Беларусь криминализированы также пропаганда, публичное демонстрирование, изготовление и распространение нацистской символики и атрибутики (ст. 341-1 УК Республики Беларусь), ответственности будут подлежать лица, совершившие такие деяния неоднократно.

Законом «О геноциде белорусского народа» от 5 января 2022 г. № 146-З в уголовный кодекс введена норма (ст. 130-2 УК Республики Беларусь), устанавливающая ответственность за отрицание геноцида белорусского народа, содержащееся в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи. Это первый в СНГ опыт законодательного запрета отрицания геноцида советского народа (в годы Второй мировой войны имеется в виду), который может быть позаимствован.

В заключение заметим, что заверченный характер данные меры примут в случае, если в учреждениях высшего профессионального образования, подготавливающих специалистов по юридическим специальностям (в том числе, правоохранительного профиля), будет введена специальная юридическая дис-

циплина, как это сделано в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы (Республика Беларусь), где на протяжении многих лет читается спецкурс «Правовая охрана историко-культурного наследия», включающая раздел по юридической защите исторической памяти, а теперь (с 2022 г.) – и по законодательству о противодействии реабилитации нацизма. Надеемся, и этот опыт может быть интересен.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Генпрокурор озвучил сумму ущерба Белоруссии от Великой Отечественной войны // РИА Новости, 26.07.2022 г. – URL: <https://ria.ru/20210726/uscherb-1742903457.html> (дата обращения: 19.05.2022).

2. Иванов А. Ю. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Краснодар, 2018. – 183 с.

3. Кибальник А. Г. Реабилитация нацизма как преступление против мира и безопасности человечества. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 280 с.

4. Пошелов П. В. Отграничение преступления, предусмотренного статьей 354.1 УК РФ, от смежных и конкурирующих составов преступлений и правонарушений // Российский следователь. – 2021. – № 9. – С. 50–53.

5. Ровнейко В. В. Проблемы уголовно-правовой оценки реабилитации нацизма как преступления международного характера // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2021. – Т. 31, № 5. – С. 882–890.

6. Шевелева К. В. Повышение эффективности применения норм об ответственности за реабилитацию нацизма // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 2(88). – С. 91–93.

УДК 343.21

Мартыненко Наталия Эдуардовна,
доктор юридических наук, профессор,
Академия управления МВД России
г. Москва, Российская Федерация
kafedra_up_au@mail.ru

Реализация уголовной политики в сфере охраны прав и законных интересов личности

В статье анализируются изменения и дополнения, внесенные в УК РФ в раздел VII «Преступления против личности» за последние двадцать пять лет и делается вывод о том, что некоторые из них привели к «разбалансированности» уголовной ответственности и нарушению принципа справедливости, закрепленному в ст.6 УК РФ.

Ключевые слова: *уголовная политика, преступления против личности, права личности, свободы личности, реализация уголовной политики.*

Martynenko Natalia Eduardovna,
doctor of law, professor,
Academy of the Management
Ministry of the Interior of Russia
Moscow, Russian Federation

The article analyzes the changes and additions made to the Criminal Code of the Russian Federation in Section VII “Crimes against the Person” over the past twenty-five years and concludes that some of them led to an “imbalance” of criminal liability and a violation of the principle of justice, enshrined in Art. 6 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal policy, crimes against the person, individual rights, individual freedoms, implementation of criminal policy.

Говорить о борьбе с посягательствами против личности сегодня не является «модным трендом». Большинство научных исследований и публичных научных мероприятий уже несколько последних лет посвящены другой проблеме – проблеме борьбы с преступлениями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. «Масло в огонь» подлила пандемия COVID-19, приведшая к росту преступности в этой сфере на 70 %. Проблема охраны личности от преступных посягательств сама собой ушла на второй план.

Почему нужно говорить не только и не столько о информационно-телекоммуникационных технологиях, сколько о преступлениях против личности.

Прежде всего, потому, что этого требует Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ), в которой закреплено положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, что человек имеет право на жизнь, здоровье и другие права и свободы (глава 2 Конституции РФ).

Кроме того, преступлений против личности совершается в разы больше, чем преступлений в сфере ИТТ, о чем свидетельствуют статистические данные ГИАЦ МВД России [5].

Таблица 1

Статистические данные о количестве зарегистрированных преступлений по России и против личности

Название главы УК РФ	2019	2020	2021
Преступления против жизни и здоровья	179 639	172 655	161 845
Преступления против свободы, чести и достоинства личности	1 802	1 920	1 936
Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	17 617	18 715	19 677
Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина	15 869	15 710	11 856
Преступления против семьи и несовершеннолетних	55 365	47 503	58 814
Итого	270 292	256 503	254 128
Всего по России	2 024 337	2 044 221	2 004 404

В общей структуре преступности преступления против личности занимают в 2019 г. – 13,3 %, в 2020 г. – 12,7 %, в 2021 г. – 12,6 %.

Говорить о преступлениях против личности необходимо и потому, что многие преступления против личности (убийство, тяжкий вред здоровью, изнасилование и ряд других) обладают большей степенью общественной опасности, чем остальные преступления и причиняют необратимые последствия при их совершении.

Теперь несколько слов об уголовной политике, вынесенной в название статьи, поскольку в научных публикациях присутствует различный подход к определению этого понятия.

Темы, связанные с уголовной политикой, тоже стали «модными» для обсуждения и написания научных публикаций. Каждый исследователь старается оставить в истории свое собственное, отличающееся оригинальностью и новизной, определение уголовной политики. Однако самое правильное определение уголовной политики предложил Г. М. Миньковский говорил о том, что «как бы ни именовались направления деятельности государства и общества, связанные с борьбой с преступностью, – речь идет о важнейшей составной части внутренней политики, обеспечивающей эффективное функционирование экономической, идеологической и социальной политики» [4].

Уголовная политики – это политика борьбы с преступностью. Эта политика многоаспектна, имеет определенные уровни и направления. Она включает в себя правовое, методическое, ресурсное, кадровое и иные виды обеспечения. Поэтому уголовная политика в сфере охраны прав и законных интересов личности представляет собой политику государства по борьбе с посягательствами на личность, включающую не только Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ), но и ресурсное, кадровое, методическое обеспечение борьбы с посягательствами на личность, ее права и свободы.

То, о чем сегодня можно сказать, как о реализации уголовной политики в сфере охраны личности начало формироваться тридцать лет назад.

Именно в 90-е годы прошлого века произошло принципиальное изменение в расстановке ценностно-нормативных приоритетов в сфере борьбы с преступностью. Это связано, в первую очередь, с принятием новой Конституции РФ. В последующем идея о приоритете охраны личности от преступных посягательств, нашла свое выражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [6]. В ней сказано, что основными угрозами национальной и общественной безопасности являются преступные посягательства, направленные против личности (п. 43), а главным направлением обеспечения государственной и общественной безопасности – усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности (п. 44). Следовательно, борьба с посягательствами против личности является стратегическим (основным) направлением уголовной политики.

По внутреннему содержанию реализация уголовной политики в сфере охраны личности, включает профилактическую, уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную и оперативно-розыскную полити-

ки. Каждый элемент имеет свои особенности и направленность, но находится в диалектической зависимости друг с другом и развивается в рамках общей стратегической цели противодействия преступности. Далее будет рассмотрена только уголовно-правовая политика в сфере защиты личности.

Изменение в начале 90-х годов приоритетов охраны общественных отношений, постановка на первое место обеспечение безопасности личности от преступных посягательств, потребовало принятия новых законодательных актов. Прежде всего, это относится к Уголовному кодексу Российской Федерации, принятому 24 мая 1996 г. В уголовном законе концептуальная идея о приоритетности охраны личности от преступных посягательств получила законодательное закрепление в положениях Общей и Особенной частей. Так, в УК РФ:

1. Изменена структура Особенной части УК. Она построена с учетом значимости объектов правовой охраны – личность – общество – государство.

Последовательно проведен принцип приоритета общечеловеческих ценностей, декларирована ориентация на всемерное обеспечение безопасности личности, охрану жизни, здоровья, чести, достоинства, конституционных прав и свобод граждан, их неприкосновенности.

Особенная часть Кодекса открывается разделом VII «Преступления против личности» (в УК РСФСР Особенная часть начиналась с главы «Государственные преступления»). В раздел VII включены следующие главы: «Преступления против жизни и здоровья», «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

2. Нормы о преступлениях против личности предусматривают дифференциацию ответственности в зависимости от тяжести содеянного. Умышленные посягательства на жизнь человека, например, отнесены к категории особо тяжких преступлений, за которые при наличии отягчающих обстоятельств возможно назначение лишения свободы на срок до 20 лет, пожизненного лишения свободы, смертной казни (в УК РСФСР максимальный срок лишения свободы за убийство при отягчающих обстоятельствах равнялся пятнадцати годам). За убийство, совершенное без отягчающих и смягчающих обстоятельств, указанных в соответствующих статьях Кодекса, установлено наказание в виде лишения свободы на срок до 15 лет (в УК РСФСР за такой вид убийства максимальное наказание равнялось десяти годам лишения свободы). Повышение санкции за убийство объясняется необходимостью усиления правовой защиты жизни граждан как самой высшей ценности.

С течением времени идея о приоритетной охране личности была разрушена.

Система санкций норм Особенной части УК в отдельных случаях противоречит интересам охраны личности. Так, например, убийство наказывается с учетом верхнего предела санкции наравне с особо квалифицированными видами разбоя, вымогательства, изготовления или сбыта поддельных денег или

ценных бумаг, квалифицированным видом хищения предметов, имеющих особую ценность. При этом минимальный предел санкции за убийство без отягчающих обстоятельств ниже, чем за указанные корыстно-насильственные и корыстные преступления.

3. За посягательство на жизнь человека в УК РФ сохранена смертная казнь, хотя перспективы дальнейшего ее назначения достаточно неопределены. 2 февраля 1999 года Конституционный Суд Российской Федерации постановил, что до введения на всей территории Российской Федерации судов присяжных наказание в виде смертной казни назначаться не может [4]. В последующем, после создания судов присяжных во всех субъектах Российской Федерации, Конституционный Суд РФ принял решение о том, что назначение смертной казни в России невозможно.

4. Взяты под охрану УК новые общественные отношения, ранее либо вообще неизвестные этой отрасли права, либо встречавшиеся лишь на уровне научных исследований. Установлена уголовная ответственность:

– за торговлю людьми (ст. 126) [7], использование рабского труда (ст. 126 [8] – 2003 г.). Введение данных статей связано с необходимостью противодействовать «торговому бизнесу». Россия с середины 90-х годов стала являться поставщиком женщин и детей, которые продавались в целях проституции в страны Западной Европы, Ближнего Востока и Северной Америки;

– незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138 – 2011 г.). Цель введения данной нормы закона – предотвратить несанкционированное использование технических средств для негласного получения информации.

– нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116 – 2016 г.).

– склонение к самоубийству или содействие совершению самоубийства (ст. 110 – 2017 г.), организацию деятельности, направленной за побуждение к совершению самоубийства (ст. 110 – 2017 г.). Криминализация данных деяний была вызвана увеличением количества случаев суицидального поведения граждан, в особенности несовершеннолетних лиц. Особую тревогу вызывали так называемые группы смерти – интернет-сообщества, создатели (администраторы) которых целенаправленно склоняли детей к самоубийствам.

Введение вышеназванных норм свидетельствует о своевременном реагировании государства на новые угрозы, возникающие в обществе, уголовно-правовыми средствами;

– воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124.1 – 2019 г.). Введение уголовной ответственности связано с увеличением числа случаев применения насилия в отношении медицинских работников, в том числе скорой помощи при исполнении ими своих служебных обязанностей

5. Ужесточена ответственность за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, посягающих на личность. В частности, максимальный срок лишения свободы увеличен до 20 лет, при назначении наказания по совокупности преступлений – до 25 лет, а по совокупности приговоров – до 30 лет. Преду-

считается и пожизненное лишение свободы как альтернатива смертной казни. Ужесточение ответственности связано с приоритетностью охраны личности от преступных посягательств.

По сути, уголовный закон является уголовно-правовой гарантией конституционных прав человека, и, прежде всего, на жизнь и здоровье. Можно предположить, что ужесточение санкций за посягательство на жизнь человека, является одной из причин, приведших к уменьшению совершения убийств. Однако некоторые изменения и дополнения, вносимые в УК РФ, привели к нарушению принципа справедливости, закрепленного в ст. 6 УК РФ. Так, например, похищение человека и последующее его убийство квалифицируется по совокупности преступлений по ст. 126 УК РФ и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а захват заложника и последующее убийство – как одно преступление (ч. 4 ст. 206 УК РФ). Такая квалификация приводит к тому, что максимальный срок лишения свободы, назначаемый по совокупности преступлений больше, чем за единое единичное преступление.

6. Ужесточена уголовная ответственность за посягательства на несовершеннолетних. Существенно увеличена санкция за посягательства на половую неприкосновенность, нравственное, физическое развитие лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Так, за изнасилование малолетней (ч. 3 ст. 131 УК РФ) предусмотрено лишение свободы на срок от двенадцати до двадцати лет. Нижний предел санкции больше, чем у убийства, совершенного при отягчающих обстоятельствах. Введена уголовная ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151¹ – 2011 г.) и вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151² – 2017 г.). Особое внимание к уголовно-правовой охране несовершеннолетних связано с реализацией Указа Президента Российской Федерации от 12.09.1995 № 942 «Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национального плана в интересах детей)» и Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы (утв. Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761).

7. Усилена профилактическая функция уголовного закона, эффективности специальной и общей превенции преступлений, расширена возможность применения поощрительных норм. В УК появились новые основания освобождения от уголовной ответственности при совершении преступлений небольшой и средней тяжести: в связи с деятельным раскаянием виновного (ст. 75 УК РФ), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), в связи с возмещением ущерба (ст. 76¹ УК РФ), с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ). Введение новых видов освобождения от уголовной ответственности связано, прежде всего, с реализацией принципа гуманизма, установленного в ст. 7 УК РФ. Так, Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен новым видом освобождения от уголовной ответственности – судебным штрафом (ст. 76 УК РФ). Необходимость данной новеллы обосновывалась тем, что новый вид освобождения от уголовной ответ-

ственности создаст условия для выведения из-под действия уголовного закона или из сферы уголовной ответственности в общей сложности более 300 тыс. человек, что, в свою очередь, будет способствовать положительным изменениям в социальной структуре общества за счет значительного сокращения числа лиц, имеющих судимость [9].

8. Кардинальным образом изменено отношение к потерпевшему. Возмещение вреда, причиненного потерпевшему, является одним из условий условного осуждения (ст. 73 УК РФ), условно-досрочного освобождения от наказания (ст. 79 УК РФ).

Для того, чтобы принятые законы в сфере охраны личности от преступных посягательств действовали, необходим специальный механизм, связанный с принятием государством социально значимых решений по организации деятельности субъектов уголовной политики в обеспечении безопасности граждан от криминальных посягательств.

Для обеспечения безопасности граждан от преступных посягательств созданы и работают все правоохранительные структуры, одной из задач которых является защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства и противодействие преступности (ст. 1 ФЗ «О полиции»), борьба с преступностью (ст. 8 ФЗ «О федеральной службе безопасности»), защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»).

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что УК РФ является уголовно-правовой гарантией охраны закрепленных в Конституции РФ прав и свобод человека и гражданина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Босхолов С. С. Основы уголовной политики. – М. : ЮрИнфоР, 1999. – 293 с.
2. Исмаилов И. А. Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы борьбы с преступностью) / под ред. и с предисл. Г. М. Миньковского. – Баку : Азернешер, 1990. – 306 с.
3. Коробеев А. И., Усе А. В., Голик Ю. В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. – Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1991. – 240 с.
4. Миньковский Г. М. Политология борьбы с преступностью (вместо предисловия). Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы борьбы с преступностью). – Баку : Азернешер, 1990. – 306 с.
5. Состояние преступности в России. – М. : ГИАЦ МВД России, 2019, 2020, 2021.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1. – Ст. 212. (Документ утратил силу. См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400.)
7. По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Сове-

та Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» : Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 6. – Ст. 867.

8. О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации „О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях“» : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р // Российская газета. – 2009. – 27 нояб.

9. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункт 4 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». – URL: <http://asozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2022).

УДК 343.21

Мартыненко Эдуард Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент
Международный юридический институт (Одинцовский филиал)
г. Одинцово, Российская Федерация
edusmart@mail.ru

Реализация уголовной политики в положениях УК РФ об иных мерах уголовно-правового характера

В статье рассматриваются проблемы реализации уголовной политики на примере иных мер уголовно-правового характера и делается вывод о смене законодательного вектора уголовной политики с репрессивного, на либерально-репрессивный. Однако правоприменительная практика не в полной мере использует возможности иных мер уголовно-правового характера, признавая приоритетным репрессивные уголовно-правовые средства борьбы с преступностью.

Ключевые слова: уголовная политика, иные меры уголовно-правового характера, судебный штраф, конфискация имущества.

Martynenko Eduard Vladimirovich,
candidate of legal sciences, associate professor
International Law Institute (Odintsovo Branch)
Odintsovo, Russian Federation

Implementation of criminal policy in the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation on other measures of a criminal law nature

The article discusses the problems of implementing criminal policy on the example of other measures of a criminal law nature and concludes that the legislative vector of criminal policy has changed from repressive to liberal repressive. However, law enforcement practice does not fully use the possibilities of other measures of a criminal law nature, recognizing the priority of repressive criminal law means of combating crime.

Keywords: criminal policy, other criminal law measures, court fine, confiscation of property.

Уголовная политика как политика борьбы с преступностью предполагает поиск новых форм и методов борьбы с преступностью, повышение эффективности уже существующих средств такой борьбы. Одним из средств борьбы с преступностью является Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), имеющий одной из своих задач охрану личности, общества и государства от преступных посягательств. Такую охрану он осуществляет по ряду направлений. Общеизвестно, что уголовный закон – это нормативный правовой акт, содержащий в себе юридические нормы, регулирующие охрану существующих общественных отношений от преступлений путем применения наказания к лицу, совершившему преступление. Давно уже является аксиомой, что уголовный закон содержит в себе два ключевых понятия – преступление и наказание.

Принцип гуманизма, который разработчики УК РФ включили в число принципов уголовного закона, потребовал и включения в УК РФ каких-то новых, не связанных с наказанием мер, которые могли бы применяться к лицу, совершившему преступление.

С принятием в 1996 г. нового Уголовного кодекса Российской Федерации в уголовном законе появился новый термин – «иные меры уголовно-правового характера». В настоящее время он используется в четырех статьях (ст. 2, 3, 6, 7) и названии раздела VI УК РФ.

Так, в ст. 2 «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации» закреплено положение о том, что для осуществления задач, стоящих перед уголовным законодательством, Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений.

В отличие от УК РФ, ни один из предыдущих уголовных законов термина «иные меры уголовно-правового характера» в задачах не содержал. Так, УК РСФСР (1922 г.) имел своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений и от общественно-опасных элементов путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной защиты; УК РСФСР (1926 г.) – охрану социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка от общественно-опасных действий (преступлений) путем применения к лицам, их совершающим, мер социальной защиты (ст.1), УК РСФСР (1960 г.) – охрану общественного строя СССР, его политической и экономической систем, личности, прав и свобод граждан, всех форм собственности и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств. Для осуществления этой задачи Уголовный кодекс РСФСР определял, какие общественно опасные деяния являлись преступными, и устанавливал наказания, подлежащие применению к лицам, совершившим преступления.

Об иных мерах уголовно-правового характера упоминается также в ст. 6 и 7 УК РФ, формулирующих принципы уголовного права. Так, в ст. 6 УК РФ «Принцип справедливости» сказано, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми. Статья 7 «Принцип гуманизма» в части второй содержит указание на то, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. А в ст. 3 «Принцип законности» говорится об иных уголовно-правовых последствиях.

Уголовная политика в середине двухтысячных годов направлена и на либерализацию уголовного законодательства (в 2003 году были сокращены сроки условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, изменены правила определения вида колонии, назначаемой для отбывания наказания, исключены нижние пределы санкций более чем в тридцати преступлениях, декриминализована ряд преступлений и т. д.) и на его ужесточение (криминализована целый ряд преступных деяний, усилены санкции за посягательства на несовершеннолетних и т. д.).

В 2006 г. УК РФ был дополнен новым разделом VI «Иные меры уголовно-правового характера» [1], состоящим из двух глав «Принудительные меры медицинского характера» (гл. 15) и «Конфискация имущества» (гл. 15¹), а в 2016 г. – еще одной главой – «Судебный штраф» (гл. 15²) [2]. В разделе VI теперь содержатся нормы, которые применимы и к лицу, совершившему преступление и к лицу, совершившему общественно опасное деяние в состоянии невменяемости (п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ). Введение судебного штрафа (ст. 104.1 УК РФ) как меры, позволяющей освободить лицо от уголовной ответственности, еще больше «запутало» научное сообщество, привыкшее к тому, что в одном разделе УК РФ содержатся нормы, одинаковые по своим родовым признакам.

Иные меры носят самостоятельный характер и по общему правилу выступают альтернативой наказанию (исключение составляют конфискация имущества и судебный штраф) [3].

Какими же признаками должны обладать меры, чтобы их можно было отнести к иным мерам уголовно-правового характера? Для того чтобы ответить на этот вопрос, представляется необходимым определить:

- правовую природу этих мер;
- круг мер;
- круг субъектов, к которым они применяются.

1. Правовая природа иных мер уголовно-правового характера. В науке уголовного права мнения специалистов разделились. Одни ученые считают, что они являются формой реализации уголовной ответственности [4], другие, наоборот, не относят их к видам реализации уголовной ответственности, поскольку они необязательно являются реакцией государства на совершение деяния, запрещенного УК РФ, а их применение возможно и при освобождении лица от уголовной ответственности [5]. Полагаем, что пока в VI «Иные меры уголовно-правового характера» УК РФ находятся принудительные меры медицинского характера, которые могут быть применены к невменяемым, говорить о том, что они являются формой реализации уголовной ответственности, вряд ли возможно. Однако иные меры уголовно-правового характера объединяет то, что они являются принудительными. Так, например, если лицо в установленный судом срок не выплачивает судебный штраф, то в соответствии со ст. 104⁴ УК РФ оно привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ. Такими же принудительными мерами являются принудительные меры медицинского характера и конфискация имущества.

2. Круг иных мер уголовно-правового характера. Большая часть специалистов уголовного права считают, что это только меры, содержащиеся в УК РФ [6, 7]. Однако существует и противоположная точка зрения, сторонники которой относят к иным мерам уголовно-правового характера меры, содержащиеся вне уголовного закона (пропаганда уголовного закона, административный надзор) [8].

К иным мерам уголовно-правового характера предлагается относить кроме мер, содержащихся в разделе VI УК РФ нормы, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности и от наказания [6], нормы о добровольном отказе от совершения преступления, об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, которые признаются средствами реализации предупредительной функции уголовного закона [9]. Представляется, что определить круг иных мер уголовно-правового характера можно только, если все они обладают определенными признаками. Эти меры установлены уголовным законом, являются принудительными мерами; используются для уголовно-правового воздействия; применяются за совершение преступлений; не могут расцениваться как возмездие за совершенное преступление; не могут быть связаны с причинением страданий лицу, совершившему преступление; направлены на вос-

становление нарушенных общественных отношений и предупреждение совершения новых преступлений.

Исходя из вышеназванных признаков, круг иных мер уголовно-правового характера значительно шире, чем они предусмотрены в разделе VI УК РФ. К ним можно отнести и нормы, предусматривающие виды освобождения от уголовной ответственности и от наказания. Но из числа иных мер уголовно-правового характера следует исключить принудительные меры медицинского характера, так как они могут быть применены к лицу, совершившему общественно опасное деяние в состоянии невменяемости. Данные меры не используются для уголовно-правового воздействия. Целями их применения являются излечение, улучшение психического состояния, а также предупреждение совершения новых деяний лицами, к которым эти меры применяются (ст. 98 УК РФ).

3. *Круг субъектов, к которым применяются иные меры уголовно-правового характера.* Поскольку термин «иные меры уголовно-правового характера» употребляется в уголовном законе наряду с наказанием, постольку эти меры можно применять только к лицам, совершившим преступление [7]. С этим утверждением можно полностью согласиться, так эти меры используются для уголовно-правового воздействия. Однако не все иные меры уголовно-правового характера, даже содержащиеся в разделе VI УК РФ, отвечают этим критериям. Не только принудительные меры медицинского характера, о которых было сказано выше, но и конфискация имущества не в полной мере соответствует признакам иных мер уголовно-правового характера. Так, часть 3 ст. 104.1 УК РФ предусматривает конфискацию имущества, переданного осужденным другому лицу (организации), если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что имущество получено в результате преступных действий.

С учетом правовой природы иных мер уголовно-правового характера предлагается их определение. *Иные меры уголовно-правового характера* – это часть уголовно-правовых мер, выступающих формой реализации уголовной ответственности (правовым последствием совершения преступления), предусмотренных в УК РФ, являющихся принудительными, назначаемых только судом по своему усмотрению, применяемых к лицу, совершившему преступление, не содержащихся в санкции статьи, по своему содержанию связанных с определенными правоограничениями, но не имеющих карательного свойства и направленных на восстановление нарушенных общественных отношений и предупреждение совершения новых преступлений.

Количество лиц, к которым применены иные меры уголовно-правового характера представлены в таблице. Безусловно, в структуре наказания иные меры уголовно-правового характера занимают незначительное место.

С учетом того, что например, только в 2021 году за преступления небольшой тяжести осуждено 287 832 чел. и за преступления средней тяжести – 115 021 чел. соответственно (именно при совершении преступлений небольшой

и средней тяжести может, например, назначаться судебный штраф), то процент их применения достаточно низок и составил, например, в 2021 г. 10 %.

Таблица

Применение иных мер уголовно-правового характера в 2017–2021¹ годах

Наименование меры	2017	2018	2019	2020	2021
Принудительные меры медицинского характера	8655	8607	8047	7657	8234
Конфискация имущества	2320	2755	3001	2933	3834
Судебный штраф	18 346	32 050	52 461	57 052	36 791

Решение законодателя о систематизации иных мер уголовно-правового характера считают непоследовательным и нелогичным [10]. Мы не будем столь категоричны. В качестве *de lege ferenda* хочется отметить, что уголовная политика последних десятилетий направлена на расширение перечня иных мер уголовно-правового характера, однако их применение (исходя из статистических данных) незначительно, что позволяет сделать вывод о том, что принцип гуманизма, закрепленный в ст.7 УК РФ не в полной мере реализуется современной уголовной политикой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» Федеральный закон от 27.07.2006 №153-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3452.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (ч. 2). – Ст. 4256.

3. Сундуrow Ф. Р., Боковня А. Ю. Природа и признаки иных мер уголовно-правового характера // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 1. – С. 108–111.

4. Курс российского уголовного права: Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. – М., 2001. – 767 с.

5. Кругликов Л. Л. Правовая природа смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств // Уголовное право. – 1999. – № 4. – С. 15–21.

6. Яни П. С. Конфискация имущества и уголовная ответственность // Уголовное право. – 2006. – № 6. – С. 10–14.

7. Звечаровский И. Э. Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды // Законность. – 1999. – № 3. – С. 36–39.

¹ Состояние преступности в России / ГИАЦ МВД России.

8. Келина С. Г. «Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. конф. (25–26 ноября 2007 г., г. Москва). – М., 2007. – С. 283.

9. Гришанин П. Ф. Современные проблемы уголовной политики и уголовно-правовой практики. – М. : Академия управления МВД России, 1994. – С. 35.

10. Кузнецова Н. Ф. Профилактическая функция уголовного закона // Уголовное право. – 1998. – № 1. – С. 11–20.

11. Непомнящая Т. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 114–121.

УДК 343.85

Мозина Анна Владимировна,
помощник начальника межрайонного отдела
МВД России «Ульяновский», магистрант,
Академия управления МВД Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация
mozina87@bk.ru

Органы внутренних дел в системе предупреждения преступлений и иных правонарушений

В статье идет речь о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и иных правонарушений. Рассматриваются особенности и проблемы правового регулирования правоотношений в сфере предупреждения преступлений и иных правонарушений.

Ключевые слова: *Органы внутренних дел, преступление, преступность, правонарушение, предупреждение, профилактика.*

Mozina Anna Vladimirovna,
assistant to the head of the interdistrict department
of the Ministry of internal affairs of Russia
“Ulyanovsky”, master's student, Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Internal affairs bodies in the system of prevention of crimes and other offenses

The article deals with the activities of the internal affairs bodies for the prevention of crimes and other offenses. The features and problems of legal regulation of legal relations in the field of crime prevention and other offenses are considered.

Keyword: *Internal affairs bodies, crime, crime, offense, prevention, prevention.*

В сфере предупреждения преступлений и административных правонарушений органам внутренних отведена особая роль. Они являются основным субъектом, осуществляющим профилактику, предотвращение и пресечение противоправных деяний: удержание от противоправного поведения лиц, склонных к совершению правонарушений, постановка их на профилактический учет и (или) изолирование из среды, оказывающей негативное воздействие на потенциальных жертв преступлений, и т. д. [7, с. 3] Обязанности по реализации тех или иных мер профилактической направленности возложены на большинство подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД). Их объем определяется спецификой оперативно-служебной деятельности.

При рассмотрении правоотношений в данной сфере важно иметь четкое понимание о применяемой терминологии. В научных статьях и учебной литературе часто применяются термины со схожей смысловой нагрузкой: профилактика, предупреждение, предотвращение, пресечение и т. п. Так, согласно толковому словарю В. И. Даля, предохранить – означает «отвратить вред или опасность загодя, когда она грозит, но еще не постигла делом» [6, с. 315].

Чаще всего предполагается, что профилактика выступает более общим понятием (рассматривается как некий набор правовых и социальных мер) по отношению к предупреждению (рассматривается как деятельность конкретных государственных органов).

По мнению Г. А. Аванесова, понятия «предупреждение», «пресечение» и «профилактика» должны применяться совместно, при этом на отдельном уровне предупреждение преступлений включает в себя одинаково как пресечение, так и профилактику [5, с. 143].

В свою очередь Е. Ю. Титушкина отмечает, что чаще термин «профилактика» используется в словосочетаниях «общая профилактика», «индивидуальная профилактика», «виктимологическая профилактика», в то время как термин «предупреждение» – в словосочетаниях «общесоциальное предупреждение» «специально-криминологическое предупреждение». С учетом этого Е. Ю. Титушкина полагает, что предупреждение должно рассматриваться как родовое понятие, включающее в себя различные виды профилактики [8, с. 235].

Следует отметить, что направление уголовной политики в различные исторические периоды менялось, вводилась и отменялась смертная казнь, разрабатывались виды уголовно-правовых санкций.

В советский период развития уголовного законодательства прослеживаются ярко выраженные тенденции политизации уголовного закона, направленность на противодействие, в первую очередь, посягательствам на установленный порядок управления и государственную власть. До начала XXI в. отечественный законодатель в качестве исключительной меры наказания применял смертную казнь, что свидетельствует о жесткой и принципиальной позиции государства по отношению к отдельным видам преступных посягательств.

В советский период (1950–1980 гг.) в систему предупреждения преступлений входили общественные организации, граждане, общественность. Функции по исправлению и перевоспитанию правонарушителя могли взять на себя трудовые, учебные коллективы. В МВД СССР была создана специальная служба – Управление профилактической службы, которая занималась выявлением и изучением причин преступности. Работа управления велась и с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни, осуществлялся их профилактический учет, по месту их работы и жительства информировалось об антиобщественном поведении этих лиц; проводилась индивидуально-профилактическая работа с этими лицами и т. д.

На современном этапе развития в МВД России действует ГУОООП МВД России, одним из главных направлений в деятельности которого выступает возрождение действенной государственной системы по профилактике преступной деятельности и правонарушений.

Система профилактики правонарушений, согласно принятому в 2016 г. Федеральному закону № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [3], представляет собой совокупность субъектов профилактики правонарушений, лиц, участвующих в профилактике правонарушений и принимаемых ими мер, а также основ координации деятельности и мониторинга.

Правовые основы предупреждения преступлений и административных правонарушений органов внутренних дел – это иерархически выстроенная, взаимосвязанная система нормативных правовых актов и правовых норм, регулирующих вопросы предупреждения преступлений и административных правонарушений сотрудниками ОВД. Она весьма разнообразна. Положения, в той или иной мере регламентирующие данную деятельность, мы можем найти в Конституции РФ [1], международных источниках, в законах (Российской Федерации и ее субъектов) и подзаконных нормативных правовых актах (постановлениях Правительства РФ, указах Президента РФ, приказах, инструкциях МВД России и других ведомств, решениях и постановлениях органов исполнительной власти на местах, локальных приказах, распоряжениях и иных актах руководителей отдельных подразделений, учреждений, организаций и т. п.).

К основополагающим источникам, определяющим всю правовую регламентацию предупредительной деятельности, следует отнести Конституцию РФ. Статья 21 закрепляет охрану государством достоинства личности, не допуская его умаления при осуществлении полицейскими предупредительной деятельности, запрещая необоснованное насилие, другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание.

Среди ключевых федеральных законов, положения которых непосредственно регламентируют деятельность ОВД (полиции) по предупреждению преступлений и административных правонарушений, целесообразно назвать Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ [2], который закрепляет организационные основы деятельности полиции, права и обязанности по-

лицейских, которыми они руководствуются в том числе и в предупредительной работе.

Существуют и другие федеральные законы, в той или иной мере регламентирующие отдельные вопросы предупреждения противоправных деяний.

Конкретизировать законодательные положения призваны подзаконные нормативные правовые акты.

Стратегические вопросы предупреждения преступлений и административных правонарушений отражены в указах Президента РФ, постановлениях Правительства РФ.

Более детальное регулирование отдельных сфер и направлений деятельности органов полиции регулируются приказами МВД России.

В случаях когда деятельно по предупреждению преступности осуществляется органами МВД РФ во взаимодействии с иными государственными или правоохранительными органами, может иметь место издание совместных правовых актов.

Для рассматриваемой деятельности важную роль играет Инструкция о деятельности ОВД по предупреждению преступлений, утвержденную приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19 [4] (далее – Инструкция). В данном акте определяются основные термины. В частности, дано определение предупреждения преступлений и административных правонарушений, его целей. При этом акцентируется внимание на важности соблюдения прав и интересов граждан.

Для реализации указанной цели Инструкция ставит перед сотрудниками ОВД следующие задачи:

1. Должны быть установлены причины проявления преступной деятельности, факторы ей способствующие. Должен быть проведен их анализ и приняты меры по их устранению и последующему недопущению.

2. Необходимо проводить деятельность по выявлению лиц, склонных к осуществлению противоправной деятельности. Следует проводить их последующий учет.

3. В случае обнаружения фактов приготовления к преступлению, должен проводиться весь комплекс мер по пресечению и недопущению преступной деятельности.

4. Необходимо проводить работу по как можно более широкому привлечению физических и юридических лиц к деятельности, направленной на предупреждение преступности.

5. Важное направление имеет работа по предупреждению безнадзорности и преступной деятельности несовершеннолетних лиц.

6. Реализация контрольной и надзорной деятельности.

Однако данный перечень представляется неполным. Считаем целесообразным дополнить его такими задачами, как:

– выявление и антикриминогенное воздействие на лиц, от которых можно ожидать совершения противоправных деяний;

- минимизация криминальной виктимности отдельных лиц и населения в целом;
- информирование граждан о деятельности ОВД (полиции) по предупреждению преступлений и административных правонарушений;
- взаимодействие в предупредительной деятельности с другими специализированными и неспециализированными субъектами;
- разработка и совершенствование нормативной правовой основы предупреждения преступлений и административных правонарушений (концепций, программ, федеральных законов, ведомственных нормативных правовых актов);
- перманентный мониторинг эффективности предупредительной работы, осуществляемой ОВД, и ее коррекция.

Реализация указанных предложений позволит правоохранительным органам «действовать на опережение» и расширить спектр мониторинга лиц, от которых можно ожидать совершения противоправного деяния. Особенно важным представляется выделение в самостоятельное направление виктимологической профилактики, которому до настоящего времени не уделяется должного внимания. Даже в ФЗ-182 не употребляется термин «виктимологическая профилактика». При этом не секрет, что неправильное, агрессивное или легкомысленное поведение потерпевшего зачастую становится условием совершения преступления. Информационные меры будут способствовать повешению имиджа ОВД (полиции), что также немаловажно, поскольку основным критерием оценки деятельности полиции в настоящее время является именно мнение населения. Взаимодействие с другими специализированными и неспециализированными субъектами позволит расширить набор предупредительных мер и повысит их эффективность. Развитие нормативно-правовых основ позволит определить концептуальные направления и развить программный подход в предупреждении преступности. Перманентный мониторинг дает возможности применения гибкого подхода и оперативного принятия решений в изменяющейся ситуации. Таким образом, в целом предлагаемые дополнения направлены на повышение результативности предупредительной деятельности органов внутренних дел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 4.07.2020).
2. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 21 декабря 2021 г.) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
3. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (ч. 1). – Ст. 3851.
4. Приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 (в ред. от 28 ноября 2017 г.) «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступ-

лений» (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений») // СПС «КонсультантПлюс».

5. Аванесов Г. А. Криминология. – М. : Изд-во Акад. МВД, 1984. – 158 с.

6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2. – М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 1994. – 348 с.

7. Предупреждение преступлений и административных право нарушений органами внутренних дел : учеб. пособие / С. А. Тимко, И. А. Кузнецова, Н. А. Тюфяков. – Омск : Омская академия МВД России, 2021. – 156 с.

8. Титушкина Е. Ю. О понятийном аппарате криминологии // Право. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 3. – С. 233–235.

УДК 343.85

Поляков Алексей Михайлович,
Академия управления МВД России
г. Москва, Российская Федерация
polyakov.777@bk.ru

Профилактика как основное направление предупреждения преступлений и иных правонарушений

В статье рассматривается криминологическая профилактика как основное направление предупреждения преступлений. Особое внимание автор уделяет причинам, по которым человек преступает черту закона, отмечает взаимосвязь правовых и моральных норм, указывает на предупредительное воздействие уголовного права, а также обращает внимание на главенствующую роль семьи в процессе социализации личности и рассматривает возможность проведения криминологической профилактики на данном этапе.

Ключевые слова: профилактика, преступление, правонарушений, право, криминологическая профилактика, уголовное право, закон.

Polyakov Alexey Mikhailovich,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of the Russia
Moscow, Russian Federation

Prevention as the main direction in the prevention of crimes and other offenses

The article deals with criminological prevention as the main direction of crime prevention. The author pays special attention to the reasons why a person transgresses the law, notes the relationship of legal and moral norms, points to the preventive effect of criminal law, and also draws attention to the dominant role of the family in the process of socialization of the individual and considers the possibility of conducting criminological prevention at this stage.

Keywords: prevention, crime, offenses, law, criminological prevention, criminal law, law.

Вся история есть единый, закономерный процесс, который предстает как деятельность людей. Материалистическое объяснение истории есть объяснение самой деятельности людей, всегда сознательной по своей форме, объективной по своему содержанию, направленной в конечном счете не только на производство средств существования, но и на совершенствование людей и общества в целом. Из этого вытекает, что исследование генезиса и социальной природы какого-либо явления не должно ограничиваться констатацией его обусловленности материальными условиями жизни общества.

Необходимо раскрытие его связей с деятельностью человека, с его потребностями и целями, без чего любое социальное явление теряет смысл, превращаясь в абстрактную схему.

Характер общественных связей и отношений детерминирует характер социальной организации общества, который может быть раскрыт только через деятельность людей, индивидов.

Исследование общества, его структур с позиций нормативности как объективного свойства, социального бытия человека – важный путь выявления закономерностей предметно-практической деятельности людей. Эта проблема последнее время привлекает большое внимание ученых.

Внешние факторы, т. е. совокупность определенных общественных отношений, всегда причинно обуславливают действия, поступки человека. Сознание человека, отражая эти внешние факторы, регулирует его поступки, дает целевую направленность человеческим действиям, определяемую обстоятельствами внешнего мира. Внешнее воздействие всегда преломляется через внутренние психические условия, через механизм психической регуляции [2, с. 264].

Учет особенностей индивидуального сознания, психологии человека позволяет ответить на вопрос о том, почему при наличии одних и тех же внешних условий волевое поведение разных людей и даже одного и того же человека бесконечно многообразно и в конечном итоге может вести к совершению преступлений.

Именно криминологии интересен процесс познания детерминант преступности, определения внешних и внутренних причин и условий, способствовавших совершению преступления, интересны и характеристики личности, которые в своей совокупности также способствуют совершению преступления. Все эти знания необходимы для обеспечения важнейшего направления предупреждения преступлений – профилактики, определения индивидуально-профилактических программ [5, с. 100–105].

Согласно части 1 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания [9].

Преступление – это такое деяние лица, которое выражает его волю, представляет его собственный поступок. В этом смысле можно считать, что непо-

средственной, ближайшей причиной всякого преступления служит волевой акт лица, его совершившего [8].

Но без разрешения вопроса, чем порожден указанный волевой акт, почему у человека появилась решимость совершить преступление, нельзя считать раскрытым причину конкретного преступления.

Для криминологической профилактики важно понимание типичных черт, характеристик, данных в их совокупности для определения того общего, что может объединять определенных типов преступников, для определения конкретных профилактических мероприятий [6].

Особое место в системе криминологической профилактики занимают органы внутренних дел. Структурные подразделения МВД России определяют в соответствии с установленной компетенцией основные направления профилактической деятельности, осуществляют методическое обеспечение деятельности подразделений органов внутренних дел по предупреждению преступлений, комплексный анализ и прогнозирование криминогенной обстановки.

Вся работа правоохранительных органов по криминологической профилактике будет иметь наибольший эффект только в том случае, когда она имеет научно-обоснованную платформу, обладает достаточным объемом информации о детерминантах преступлений и характеристиках самого преступника. Тогда соответственно и правильно будет организовано мероприятие по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, организована индивидуально-профилактическая работа.

Понятие «профилактика преступлений» в целом может пониматься как в узком, так и в широком смысле.

Федеральный закон № 82-ФЗ определил, что профилактика правонарушений (включая и преступления) – это совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения [10].

Инструкция о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений закрепила, что деятельность служб, подразделений и сотрудников ОВД, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением является предупреждением преступлений [3].

Мы полностью согласны с Я. Г. Ищуком, который констатирует, что криминологическая наука определяет деятельность по предупреждению преступлений шире, чем профилактику, добавляя к ее содержанию: предотвращение замышляемых и подготавливаемых преступлений, а также пресечение покушения на них [4, с 12–17].

Профилактике преступности, как и любой деятельности в целом, свойственен ряд принципов, среди которых ученые выделяют следующие.

Во-первых, это принцип целеполагания. Он является определяющим, поскольку именно цель профилактики преступности является системообразующим началом.

Во-вторых, принцип системности, который предполагает рассмотрение профилактики преступности как взаимодействия субъекта (управляющая подсистема) и объекта (управляемая подсистема).

В-третьих, это принцип объективности, который применительно к криминологической профилактике означает, что предупредительная деятельность невозможна без познания и учета закономерностей функционирования объекта и социума.

Также следует отметить единство содержания правовых и социальных норм профилактики преступлений, как отражение сложных и многогранных общественных отношений в правовом и в моральном сознании.

Эти нормы совместно регулируют экономические, политические, культурные и иные отношения, преломляя их в определенной системе требований, адресованных членам общества. Общество в целом нуждается в строгой организованности, дисциплине, порядке. Обязанности, связанные с упрочением общественного порядка, тоже выступают и как правовые, и как моральные.

При этом круг общественных отношений, регулируемых нормами как права, так и социальными, в основном один и тот же.

Одним из факторов, определяющих единство правовых и моральных норм, является общий для них социальный интерес.

Действующие в обществе системы норм права и морали – всегда выражение интересов социума. Естественно, что право и мораль выражают интересы общества в целом. Обе рассматриваемые здесь системы социальных норм связаны с политическим сознанием, которое в наиболее концентрированной форме воплощает социальный интерес. Это обуславливает единую политическую направленность норм права и морали в обществе.

Социальные нормы выступают как ориентиры деятельности (поведения) людей. В них общество дает индивидам, социальным группам представление о ценностях (идеалах), которые могут быть достигнуты в результате должного поведения лиц в данной системе общественных связей.

В конечном итоге цель любого вида социальных норм – воздействовать на поведение людей. Поэтому регулирующая, нормативная функция свойственна не только праву и морали, но и всем другим формам общественного сознания, и видам социальных норм. Однако в праве и морали она выступает особенно ярко.

Если в политических программах, заявлениях, декларациях содержатся иногда положения и идеи, требующие конкретизации применительно к тем или иным условиям, группам, классам, а регулирующее их действие может быть

опосредствованным, то нормы права и морали направлены непосредственно на регулирование поведения людей.

Говоря о единстве правовых и моральных норм, следует указать также на их волевой характер. Волевой характер права – это один из важнейших его признаков. Право – это возведенная в закон воля законодателя, содержание которой определяется материальными условиями жизни общества.

Наряду с требованиями и предписаниями, в которых объективируется воля законодателя, в правовых и моральных нормах всегда присутствует оценка поведения (одобрение, порицание, поощрение, осуждение и т. д.).

Исходя из изложенного представляется, что одними из средств криминологической профилактики является процесс социализации личности и общая превенция уголовного закона.

Первой сферой социализации является семья [7]. К числу наиболее распространенных объективных негативных криминогенных обстоятельств относятся: материальные затруднения в семье; большая занятость родителей, что объективно затрудняет надзор за детьми; неполная семья; низкий образовательный уровень родителей [1, с. 56–57].

О. В. Дамаскин, занимающийся изучением влияния социальной среды на формирование личности преступника, установил, что наибольшее криминогенное влияние на личность оказывает именно семья.

Из этого следует, что профилактическая работа с семьей и несовершеннолетними представляет собой важный аспект общей криминологической профилактики.

В Российской Федерации данному направлению уделено большое внимание органов внутренних дел, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, образовательных организаций, органов опеки и других субъектов профилактики правонарушений.

Также сфере криминологической профилактики правонарушений важное место отводится мерам уголовно-правового воздействия. Задачи уголовного права – это, иначе говоря, цели, к достижению которых стремится законодатель и направлено это законодательство.

Для осуществления этих целей уголовное законодательство определяет, какие общественно опасные деяния являются преступными, и устанавливает наказания, подлежащие применению к лицам, совершившим преступления, а также возраст, по достижению которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности.

И хотя задача уголовного законодательства, как и цель в праве вообще, является узловым пунктом развитого мировоззрения, точкой пересечения теоретической концепции и практической позиции, вытекающей из этой концепции, тем не менее это категория идеальная, а не материальная. И, наоборот, «конкретное уголовное наказание за преступное деяние», назначенное приговором суда и реально исполняемое, в отличие от общего понятия наказания, как дефиниции, рассматриваемое некоторыми учеными в качестве специального

объекта уголовного правоотношения, – категория материально-правового порядка, имеющая своей субстанцией реальное государственное принуждение.

Следовательно, задачи (цели) уголовного законодательства, с одной стороны, и «конкретное уголовное наказание», с другой стороны, – разнопорядковые явления, разнородные понятия, которые в силу этого в своих существенных признаках не совпадают, не совмещаются. А это значит, что рассматривать эти понятия в логически совместимом соотношении «общего объекта» и «специального объекта», т. е. в соотношении рода и вида будет неверным вообще.

Цели уголовного законодательства – это видовое понятие, охватываемое родовым понятием целей российского законодательства в целом, как такового.

Одной из задач уголовного права является охранительная задача, заключающаяся в охране общества и каждого человека в отдельности от преступных посягательств и предупреждении совершения преступлений. Эта задача уголовного права находит свою реализацию посредством уголовной политики.

Стоит отметить, что в правовом статусе, как юридической форме закрепления и выражения положения личности в обществе как гражданина в закрепленных нормами конституционного и обычного законодательства взаимных правах и обязанностях гражданина и государства, и прежде всего в их субъективных правах, находит свое правовое воплощение важная социально-историческая категория «интереса» общества и личности в отдельности.

Своеобразие объекта уголовного правоотношения – повышенная степень общественной опасности совершенного деяния, содержащего признаки конкретного состава преступления, сравнительно с другими видами менее опасных правонарушений (гражданскими деликтами, административными проступками и др.) предопределяет и специфику структуры этого правоотношения как «властеотношения»: несколько большее, чем в ряде других видов правоотношений, неравноправие субъектов этого правоотношения – наличие властных полномочий на стороне одного из них (государства) и отсутствие таковых у второго из них (преступника), различие в объеме и характере их субъективных прав и юридических обязанностей, карательный метод применяемого уголовно-правового регулирования.

Российское право в целом и уголовное право в частности, как и субъективные права и обязанности, являются регуляторами общественных отношений, инструментом управления и социального контроля. Право в обществе является объективно необходимой формой участия людей в управлении государством, в пользовании материальными и духовными благами. В нем получают свое юридическое выражение социальные потребности и определяемые ими интересы общества и отдельной личности, презюмируется и закрепляется оптимальная интеграция в сочетании общественных и личных интересов. Поэтому право в целом и уголовное право в частности выступает тем самым как определенная социальная ценность, как благо.

Решение этой задачи обеспечивается целой системой экономических, политических, организационных и правовых (юридических) гарантий. Экономиче-

ческие, политические и организационные гарантии представляют собой те общие условия и предпосылки, которые объективно создаются всем укладом жизни общества для обеспечения фактической возможности реализации субъективных прав граждан, т. е. являются общими гарантиями.

Таким образом, совершение преступлений находится в определенной зависимости от организации и состояния борьбы с преступностью. Государство и общество противопоставляют преступлению уголовное наказание, угроза которым призвана сдерживать у неустойчивых лиц преступное намерение, подавить их решимость совершить преступление. В связи с этим задача уголовного права заключается в его предупредительном воздействии посредством применения уголовного наказания, которое является его объективным свойством, связанным с тем, что наказание влечет за собой, с одной стороны, публичное осуждение лица, а с другой, – причинение осужденному известных ограничений и лишений. При этом уголовное право значительно усиливает свою превентивную силу и способствует предупреждению преступлений.

Профилактика преступлений – это самое гуманное средство поддержания правопорядка. Профилактика преступлений обеспечивает наряду с защитой общества от преступных посягательств также защиту лиц с антисоциальной направленностью от дальнейшей судьбы – неизбежно стать преступником. Также профилактика – наиболее экономичное и наименее затратное направление борьбы с преступностью. Профилактика преступлений значительно экономнее, чем исполнение различных видов наказания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аллаяров А. Д. Основные криминологические показатели и тенденции развития преступности несовершеннолетних // Юридический факт. – 2021. – № 126. – С. 56–57.
2. Дамаскин О.В. Преступность в XXI веке: проблемы и перспективы. – М. : Юрлитинформ, 2020.
3. Инструкция о деятельности ОВД по предупреждению преступлений, утвержденная приказом МВД России от 17.01.2006 № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.02.2022).
4. Ищук Я. Г. Вооруженные силы Российской Федерации как субъект предупреждения преступлений // Вестник военного права. – 2020. – № 4. – С. 12–17.
5. Ищук Я. Г. Значение мотива и мотивации «криминальной личности» для оперативно-розыскной профилактики преступлений // Актуальные вопросы совершенствования деятельности служб и подразделений полиции в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : сб. статей Всерос. науч.-практ. конф. – М. : 2017. – С. 100–105.
6. Ищук Я. Г. Личность, как объект оперативно-розыскной профилактики преступлений // Оперативник (сыщик). – 2017. – № 4(53). – С. 33–38.

7. Лебедев И. Б., Полозова Т. Ю., Печенкова Е. А. История психологии. Курс лекций в схемах. – М., 2017. – 221 с.
8. Серегина Ю. А. Планирование расследования уголовных дел // Аллея науки. – 2019. – Т. 2, № 6 (33). – С. 650–654.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
10. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (ч. 1). – Ст. 3851.

УДК 343.23

Семенцова Ирина Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Ростовский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
irina_semen@inbox.ru

Шулякова Мария Владимировна,
студент Ростовский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
mari.shulyakova.99@inbox.ru

Трансплантационный туризм: уголовно-правовой взгляд на проблему

В статье рассмотрена проблема незаконной трансплантации органов на мировом уровне: затрагивает проблемы российского и зарубежного законодательства относительно решения данного вопроса. Кроме того, в данной статье показана актуальность такого рода криминальных явлений, несмотря на нарастающую нормативно-правовую базу для устранения так называемых «черных рынков», данные явления до настоящего времени существуют, что оказывает угрозу для жизни людей во всем мире. Также отражены многие противоречия и детерминанты, которые не позволяют искоренить криминальное донорство органов человека и связанные с ним преступные действия. И в заключение рассмотрено, как регулировать и отчасти решить такую криминальную проблему.

Ключевые слова: трансплантационный туризм, криминальное органное донорство, реципиент, уголовная ответственность, «черная трансплантология», торговля людьми.

Sementsova Irina Anatolyevna,
candidate of legal sciences, associate professor, Rostov
Institute (branch) All-Russian State University of Justice
Rostov-on-Don, Russian Federation

Shulyakova Maria Vladimirovna,
student Rostov institute (branch)
All-Russian State University of Justice
Rostov-on-Don, Russian Federation

Transplant tourism: domestic and foreign experience

The author raises the problem of illegal organ transplantation at the global level: touches upon the problems of Russian and foreign legislation regarding the solution of this issue. In addition, this article shows the relevance of this kind of criminal phenomena, despite the growing regulatory framework for the elimination of the so-called “black markets”, these phenomena still exist, which threatens the lives of people around the world. The authors also reflected many of the contradictions and determinants that do not allow to eradicate the criminal donation of human organs and related criminal acts. In conclusion, the authors will consider how to regulate and partly solve such a criminal problem.

Keywords: *transplant tourism, criminal organ donation, recipient, criminal liability, “black transplantation”, human trafficking.*

Говоря о незаконной трансплантации органов человека и в частности о трансплантационном туризме, нельзя не затронуть также проблему, которая тесно связана с вышеупомянутой и гораздо старше по своему происхождению, а именно торговля людьми, так как достаточно большой процент от всей торговли людьми занимает именно торговля с целью изъятия и дальнейшей продажи органов человека. Уже на данном этапе мы видим серьезную угрозу данного комплекса криминальных деяний.

Что касается непосредственно трансплантологии органов как преступления внутри страны или в мировых масштабах здесь можно выделить ряд бесспорных причин такого явления. Итак, начнем с того, что реципиентов всегда значительно больше, чем доноров отсюда появляется серьезный спрос (ведь цена такого товара жизнь), а где спрос там и предложения, здесь мы говорим о том, что подпитывает появление и процветание, так называемых, «черных рынков». Далее (что связано и с первой причиной) это экономическая нестабильность или даже дисбаланс, здесь можно рассмотреть две стороны причины: во-первых, люди, живущие за порогом бедности (порой это касается целых государств или их отдельных районов), которые могут, что называется торговать своим телом, в данном случае органами и тканями в той мере, в какой такой заработок позволяет дальнейшее функционирование организма (разумеется, все равно не без негативных последствий); а, во-вторых, есть другой слой населения – богатые люди, которые, в случаях необходимости, могут сразу приобрести донорский орган для себя и близких им людей, минуя очереди на такие органы. И наконец, причиной могут быть корыстные побуждения непосредственно медицинских работников, проводящих соответствующие операции [4]. Лица,

промышляющие куплей-продажей донорских органов и тканей, торговлей людей (с целью изъятия у них таких органа и избавлением от них в дальнейшем как от ненужной упаковки), ничем не гнушаются, им только на руку те страны, в которых происходят масштабные антисоциальные явления, такие как голод, эпидемии, войны, стихийные бедствия и разруха, ведь за всем этим проще спрятать другие преступления, в частности кражу людей или изъятие органов у беспомощных.

Рассмотрим данную проблематику в нашей стране. Интересен тот факт, что в соответствии с законодательной базой, а конкретнее – Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 № 4180-1 [7] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [8], относительно данного вопроса в нашей стране органы умершего могут быть изъяты в случае, если до момента смерти данное лицо или его близкие родственники как до так и после момента смерти такого лица не заявили о нежелании такого изъятия. В виду этого было множество споров, данный момент создает коллизию в различных правовых ситуациях, однако при рассмотрении этой нормы Конституционный суд счел ее непротиворечащей Конституции РФ.

Также известны случаи о краже людей (детей в частности), которые потом «возвращены», однако на их теле присутствовали признаки оперативного вмешательства, но такие ситуации были «замыты» или опровергнуты посредством выводов медиков-специалистов. Ярким примером можно обозначить уголовное дело в отношении врачей-хирургов Московского координационного центра органного донорства. По данным у доставленного с черепно-мозговой травмой (живого) мужчины хотели вырезать почку (разумеется, без его ведома и согласия) с целью донорства, однако хирургов спугнули сотрудники полиции, которых по некоторым данным вызвали коллеги врачей (сообщившие о том, что данный случай не единственный). Доказательства подтверждали данный факт, также мужчина впоследствии все равно скончался, не приходя в себя. Однако на правоохранительные органы обрушился шквал противостояний со стороны защит, СМИ, медицинского общества, и как итог затяжного процесса: хирурги остались безнаказанными, также это стало толчком для применения судебной практики в подобных делах, что помогло оправдать и ряд других врачей в разных городах России по аналогичным действиям [6]. Также отметим, что в УК РФ нет конкретной статьи относительно противодействия трансплантационного туризма (незаконной трансплантологии /донорства), мы можем только выделить сходные (смежные) криминализованные составы: п. м, ч. 2, ст. 105; ст. 120; п. ж, ч. 2, ст. 127.1. УК РФ [5]. Обращаясь к судебной статистике за 2020 год по данным статьям, мы видим, что они совершенно не работают. Также стоит подчеркнуть, что достаточно много составов (что, например, ст. 111, 126, 206 и другие статьи УК РФ), могут иметь истинной целью изъятие и трансплантацию органов и тканей [5]. И, несмотря на то, что с 2019 года усилился контроль за совершением ятрогенных преступлений со стороны СК РФ, однако проблемы есть и их достаточно. Все это говорит о том, что актуальность

данного вопроса на лицо. И борьба с трансплантационным туризмом не так сильна, чтобы предотвратить все эти случаи, опять же не забываем за различные социальные детерминанты, которые не исключены в нашей стране в том числе.

Итак, рассмотрим также зарубежную практику в отношении данного вопроса. Стоит еще раз отметить, что сама по себе трансплантация органов напрямую относится к жизни и здоровью людей, и поэтому ее основным принципом должна быть гуманность. Так, скажем, что 24.09.2015 года в Страсбурге представителем из России была подписана Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами (тут стоит сказать также об оговорках по поводу эвтаназии с целью изъятия органов, которые в нашей стране не поддерживаются и до настоящего времени). Сама Конвенция определяет в качестве преступления совершенное умышленно использование незаконно отобранных органов в целях имплантации или в иных целях. Заметим, что норма оставлена с открытым перечнем целей незаконного изъятия, поэтому возможно расширительное трактование, что в данном случае можно расценить с положительной точки зрения [3]. Однако возникает, опять-таки, коллизия, в случае многочисленного (да и не многочисленного) выявления подобных преступлений, что делать с незаконно добытыми органами? – Скорее, они будут подлежать уничтожению, и будет ли это сделано, а главное будет ли это действительно правильным (гуманным) решением, ведь их нельзя уже будет вернуть «изначальному владельцу» (по крайней мере, примерно в 99 % случаев). Также преступлением является любая совершенная умышленно имплантация человеческих органов от живых или умерших доноров в тех случаях, когда имплантация производится вне рамок внутренней трансплантационной системы права или когда имплантация производится в нарушение основополагающих принципов или правил национального трансплантационного законодательства. Здесь мы видим обязательность специального места и субъекта имплантации, что в принципе продиктовано разумными признаками хирургической (медицинской) деятельности. В общем и целом, Конвенция достаточно полно описывает все запреты и ограничения, однако есть пробелы в самом тексте данного нормативного акта, а также преступность не могут искоренить данные международные правила, необходимо и строгое внутреннее законодательство стран, с опорой на Конвенцию.

Также стоит сказать, что есть примеры стран постоянных торговцев органами уже долгое время, такие как Пакистан, Индия, Перу, также племенные государства, в которых легко скрыть рабовладение, с целью трансплантационного туризма. И, конечно, всем известная практика Китая по «распродажи на органы» заключенных. С целью недопущения подобных действий в двустороннем отношении Австралия еще в 2017 году дополнила «трансплантационное законодательство» нормой, предусматривающей ответственность именно за деятельность в сфере трансплантационного туризма [1]. Также в 2021 году в Великобритании был рассмотрен законопроект о трансплантационном туризме и демонстрации трупов принят во втором чтении в Великобритании, в виду статистики за десятилетие, по которой только из официальных данных следует,

что таким способом органы были приобретены более 30 гражданами Великобритании, однако, конечно, у подобной деятельности существует ряд не выявленных случаев, а также в целях роста гуманизма: «Пожертвование органов – это драгоценный акт спасения жизни, но насильственное извлечение органов – это коммерческое убийство и, без сомнения, одно из самых тяжких преступлений» [2].

Данные примеры свидетельствуют о необходимости улучшения контроля законодательства в отношении трансплантационного туризма, криминального донорства и имплантации, причем в мировых масштабах (и некоторые страны уже пришли к этому).

Подводя итоги, хочется сказать, что деятельность в области донорства сама по себе преследует, разумеется, высокие, благие цели и идеи, но стоит помнить также и о криминальной составляющей, ведь в таких случаях жизнь одного даруется ценой жизни другого, а это совсем не человечно, поэтому и нужен императивный (основанный на законе) баланс в этой сфере. Необходимо на международном уровне прорабатывать данную проблему со странами, в которых этот вопрос стоит особенно остро (не исключать международную уголовную ответственность). Также необходимо тщательная обработка данных специалистами в отношении доноров и реципиентов (обработка баз данных), конечно, учитывая индивидуальность случаев, ведь жизни некоторых нуждающихся в донорстве идет на часы, это тоже особенность и проблема данной области. И еще раз возвращаясь к российскому законодательству, предлагаем пересматривать как нормы уголовного кодекса, так и специальные законы в отношении трансплантационного туризма, на введение новых аспектов и соответствующего уточнения, большего контроля в вопросе ответственности за такие преступления, в том числе во избежание укрывательства незаконной трансплантационной деятельности иными преступлениями, установленными УК РФ [5]. Если рассматривать конкретный состав УК РФ, а именно ст. 120 УК РФ, то здесь стоит сказать о серьезной ее переработки касаясь изначальной объективной стороны, описанной в статье, и в том числе дополнения относительно квалифицирующих признаков в частях, которые могут быть добавлены, например, в отношении: двух и более лиц; малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии; а также группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; с применением служебного положения и иные. Такое ужесточение, на наш взгляд, является объективным и необходимым в борьбе с криминальной трансплантацией органов и тканей человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Австралийский законодатель предлагает уголовную ответственность за трансплантационный туризм. – URL: <https://www.epochtimes.ru/content/view/71276/9/> (дата обращения: 27.03.2022).

2. Законопроект о трансплантационном туризме и демонстрации трупов принят во втором чтении в Великобритании // THE EPOCH TIMES. – URL: <https://www.epochtimes.ru/zakonoproekt-otransplantatsionnom-turizme-i-demonstra->

tsii-trupov-prinyat-vo-vtoromchtenii-v-velikobritanii-99115070/ (дата обращения: 30.03.2022).

3. Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами (CETS N 216) (заключена в г. Сантьяго-де-Компостела 25.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы и пути решения / Г. Ю. Носаненко, Р. В. Гаврилюк. – URL: <https://research-journal.org/law/transplantaciya-organov-i-tkanej-cheloveka-problemy-i-puti-resheniya/> (дата обращения: 30.03.2022).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Уголовная ответственность за преступления в сфере трансплантологии: вся правда о «черной трансплантологии» // Международное право и зарубежные юрисдикции, международные правовые акты в сфере медицины, отдельные направления медицинской деятельности, статьи, торговля органами человека, трансплантология, уголовное право. – URL: <https://barrist.ru/ugolovnaya-otvetstvennost-za-prestupleniya-v-sfere-transplantologii/> (дата обращения: 01.04.2022).

7. Закон РФ О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 № 4180-1 (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 08.03.2022) Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.3

Стукалова Татьяна Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Приволжский филиал
Российского государственного
университета правосудия
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
tanya.stukalova.2002@mail.ru

Актуальные проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за пытку

В рамках данной статьи автор попытался проанализировать проблемы установления уголовной ответственности за пытку в российском уголовном законе, проблемы криминализации пытки. Автор констатирует, что внесение в июле 2022 года изменения в Уголовный кодекс РФ в области правового института пытки, все равно оставляет много проблем законодательной регламентации состава преступления в виде пытки.

Ключевые слова: права и свободы личности, право на достоинство, пытка, криминализация, уголовная ответственность.

Stukalova Tatyana Vladimirovna,
candidate of legal sciences, associate professor of the
Volga Branch of the Russian State University of Justice
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Actual problems of legislative regulation of criminal liability for torture

Within the framework of this article, the author has tried to analyze the problems of establishing criminal liability for torture in the Russian criminal law, the problems of criminalization of torture. The author states that the introduction in July 2022 of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation in the field of the legal institution of torture still leaves many problems of legislative regulation of the corpus delicti in the form of torture.

Keywords: individual rights and freedoms, the right to dignity, torture, criminalization, criminal liability.

Главным правом человека, после права на жизнь, является право на достоинство личности. Известно, что в России очень распространена практика применения пыток, и иного бесчеловечного или унижающего достоинство обращения (наказания) в деятельности правоохранительных органов (органов предварительного расследования, органов Федеральной службы исполнения наказаний, и др.). Очередной скандал [1] возник в связи с разоблачением фактов массового применения пыток к лицам, содержащимся в ФКУ ОТБ-1 УФСИН России по Саратовской области. Одним из действенных мер борьбы с пытками является установление полноценной уголовной ответственности за пытки. Следует отметить, что с момента ратификации Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (1987 год, Совет Европы) российский законодатель никак не может установить уголовную ответственность за пытки в ее международном понимании (ст. 1 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания). Этого не произойдет в момент изменения Уголовного кодекса РФ в связи с новым законопроектом.

Определение пытки дается в ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года [3]. К признакам пытки относятся: 1) *сущность деяния* – любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное; 2) *цель деяния* – от данного лица или от третьего лица: 2.1) получить сведения или признания; 2.2) наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается; 2.3) а также запугать или принудить его или третье лицо; 2.4) или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера; 3. *специальный субъект* – боль или страдание причиняются: 3.1) государственным должностным лицом; 3.2) или иным лицом, выступающим в официальном качестве; 3.3) или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия.

По мнению П. А. Кривошеина [4], к обязательным признакам пытки относятся действия (бездействие), заключающиеся в сильной физической боли

или сильных нравственных страданиях, грубо противоречащие воле человека. При квалификации деяния, как пытки (преступного посягательства) следует исключать случаи мазохизма. В медицинской энциклопедии под мазохизмом понимается половое извращение, при котором для достижения полового возбуждения и удовлетворения необходимо испытывать физическую боль или моральное унижение, причиняемое партнером.

И. Н. Улитин [10] предлагает выделить пытки из ст. 117 УК РФ, и сделать самостоятельным составом преступления. Однако считаем ошибочным предложение указанного автора, заключающееся [9] в том, что состав преступления против пыток необходимо включить с главу 16 УК РФ. Считаем, что пытки посягают на общественные отношения в области общественных отношений в сфере конституционных прав и свобод личности. В связи с этим целесообразно состав преступления в виде пыток включить в главу 19 УК РФ.

В настоящее время принят в первом чтении законопроект № 42307-8 [2] «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за пытки)». Изменения в Уголовный кодекс РФ должны быть внесены до 01.07.2022 года. В настоящий момент находится на рассмотрении в Государственной Думе. Следует подчеркнуть, что учитывая скорое принятие изменений в Уголовный кодекс РФ в области криминализации пыток, то правотворческой деятельности не следует ждать в этой области еще несколько лет. В связи с этим, несоответствие криминализации пытки международным стандартам не будут устранены, к сожалению, в ближайшие годы.

В соответствии с данным законопроектом термин «пытка» будет предусмотрен в ст. 286 и ст. 302 УК РФ. Термин «пытка» из ст. 117 УК РФ планируется исключить. Следует отметить, что в отличие от российского законодательства в Уголовном кодексе Республики Казахстан установлена уголовная самостоятельная ответственность именно за пытки [8] (ст. 146 УК РК). Обращаем внимание, что пытки находятся в главе № 3 указанного кодекса. Видовым объектом пытки по казахскому законодательству выступают общественные отношения в области конституционных прав и свобод человека и гражданина, видовым объектом – общественные отношения в сфере права на достоинство. По российскому законодательству видовым объектом составов преступлений (ст. 286 и ст. 302 УК РФ) выступают общественные отношения в области деятельности государственного аппарата власти и управления, и общественные отношения в области правосудия. Общественные отношения в области права на достоинство личности, права на запрет пыток, являются опять дополнительным непосредственным объектом.

Помимо того, уголовная ответственность за пытку предполагает выражение объективной стороны в действиях (бездействии) не только должностного лица, но и с ведома, или молчаливого согласия должностного лица, что способствует международному пониманию пытки. Следует отметить, что рассматриваемый признак в российском уголовном законе отсутствует.

Необходимо подчеркнуть, что в кыргызском законодательстве [7] пытка криминализована по всем международным стандартам: находится в главе,

где защищаются общественные отношения в области конституционных прав и свобод личности, а также присутствует признак – с ведома или молчаливого согласия должностного лица.

Кроме того, в соответствии с казахским законодательством предусмотрены квалифицирующие признаки пытки, тогда, как назначение наказания виновным в случае возникновения дополнительных признаков (например, группой лиц по предварительному сговору), будет назначаться по совокупности по ст. 63 УК РФ.

Одной из причин пыток в России выступает низкий уровень правовой культуры сотрудников и работников правоохранительных органов. Следует обратить особое внимание на то, что компетенции, которые должны быть сформированы у сотрудников правоохранительных органов, за последние несколько лет, все больше «отходят» от служения человеку и его правам. Так, курсанты образовательных организаций правоохранительных органов проходят, как лица, получающие высшее юридическое образование, обучение, как правило, по Федеральным государственным образовательным стандартам высшего образования по специальностям: 40.05.01 – Правовое обеспечение национальной безопасности, 40.05.02 – Правоохранительная деятельность, и по направлению подготовки 40.03.01 – Юриспруденция [5]. Необходимо подчеркнуть, что по ФГОС ВО по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, утвержденному приказом Министерства образования и науки РФ от 01.12.2016 г. № 1511 [6], существовали следующие общепрофессиональные компетенции выпускника: способность работать на благо общества и государства (ОПК-2); способность добросовестно исполнять профессиональные обязанности, соблюдать принципы этики юриста (ОПК-3). В более ранний период существовали даже компетенции, касающиеся способности соблюдать и обеспечивать права и свободы личности в своей профессиональной деятельности. В современный период по этому же направлению подготовки принят новый стандарт (2020 года), который схожих компетенций не содержит вообще.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует отметить, что кроме того, предлагаем, учитывая, что человека, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), необходимо установить уголовную ответственность за пытки, в ее международном понимании. В частности, необходимо ввести отдельный состав преступления «Пытки» в главу 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» УК РФ, с нумерацией статьи – 136.1 УК РФ.

Кроме того, необходимо добавить в предложенное в законопроекте, и планируемое в принятии в июле 2022 года определение пытки, обязательные признаки пытки: «с ведома или молчаливого согласия должностного лица».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гвоздева Н. А. Не система, а ЧП: во ФСИН пытаются снять с себя ответственность за конвейер пыток. 29 ноября 2021 года. – URL: <https://newizv.ru.turbopages.org/newizv.ru/s/news/society/29-11-2021/ne-sistema-a-chp-vo-fsin->

pytayutsya-snyat-s-sebya-otvetstvennost-za-konveyer-pytok (дата обращения: 27.03.2022).

2. Законопроект № 42307-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за пытки)». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/42307-8> (дата обращения: 27.03.2022).

3. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания : принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 27.03.2022).

4. Кривошеин П. А. Пытка: понятие и признаки // Уголовное право. – 2005. – № 5. – С. 40–43.

5. Приказ Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1011 (ред. от 26.11.2020) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_361746/ (дата обращения: 27.03.2022).

6. Приказ Минобрнауки России от 01.12.2016 № 1511 (ред. от 11.01.2018) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата)». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210457/ee369dc9fb89a8ddae72ae5c0fa014f37e7c91f3/ (дата обращения: 27.03.2022).

7. Уголовный кодекс Республики Кыргызстан от 28 октября 2021 года № 127 (с изменениями от 18.01.2022 г.). – Ст. 137. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&doc_id2=36675065#pos=5;-100&pos2=1434;-27 (дата обращения: 26.03.2022).

8. Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.01.2022 г.). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&sub_id=1460000&pos=2347;-18#pos=2347;-18 (дата обращения: 27.03.2022).

9. Улитин И. Н. К вопросу о «персональной» криминализации пыток и содержании их субъективной стороны // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 5. – С. 67–71. – URL: <https://readera.org/k-voprosu-o-personalnoj-kriminalizacii-pytok-i-soderzhanii-ih-subektivnoj-149134282> (дата обращения: 27.03.2022).

10. Улитин И. Н. Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья: теоретико-прикладное исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. – Краснодар, 2021. – 219 с.

Титушкина Елена Юрьевна,¹
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
Академия управления МВД России
г. Москва, Российская Федерация
alenchik.64@mail.ru

Цепелев Валерий Филиппович,
доктор юридических наук, профессор
Академии управления МВД России
г. Москва, Российская Федерация
v_tsepelev@rambler.ru

Правовое обеспечение предупреждения преступлений: проблемы законодательного регулирования и пути решения

В статье рассматриваются некоторые дискуссионные моменты Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», причины низкой эффективности его реализации, содержатся предложения по внесению изменений в законодательство и их обоснование, в частности, в норме, определяющей субъектный состав. Высказана позиция автора относительно понятийного аппарата применительно к сфере предупреждения преступлений.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, профилактика, правовая основа.

Titushkina Elena Yuryevna,
candidate of legal sciences, associate professor,
deputy head Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Tsepelev Valery Filippovich,
doctor of law, professor
Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Legal support of crime prevention: problems of legislative regulation and solutions

The article discusses some controversial points of the Federal Law "On the fundamentals of the system of crime prevention in the Russian Federation", the reasons for the low efficiency of its implementation, contains proposals for amendments to legislation and their justification, in particu-

lar, in the norm defining the subject composition. The author's position regarding the conceptual apparatus in relation to the field of crime prevention is expressed.

Keywords: *crime prevention, prevention, legal basis.*

Правовое обеспечение правоохранительной деятельности, по нашему глубокому убеждению, является исходным моментом любой деятельности. Особенно той, которая потенциально чревата вторжением в сферу личных интересов человека и гражданина, а значит, связана и ограничением его прав, и чревата их нарушением, а потому должна подлежать правовой регламентации.

Кроме того, как мы знаем, такая сфера деятельности, как предупреждение преступлений, долгое время регламентировалась лишь ведомственными актами правоохранительных органов, которые никогда не забывали об этой важнейшей своей функции. В частности, первый приказ МВД России в новейшей истории, посвященный концепции профилактической деятельности в органах внутренних дел, был издан в 1993 году [2].

Ключевые вопросы, стоящие перед наукой: чем может помочь или хотя бы не помешать законодательство в рассматриваемой сфере? Насколько эффективна уже существующая правовая основа предупреждения преступлений?

Прежде чем попробовать ответить на поставленные вопросы, поясним свою позицию относительно терминологического аппарата. Существует мнение, что понятия предупреждение, профилактика, предотвращение идентичны и могут рассматриваться как синонимы [5, с. 178]. С данной позицией сложно согласиться хотя бы потому, что законодательство, иные нормативные правовые источники используют разные термины, подразумевая под ними различные виды деятельности. Например, среди направлений профилактики правонарушений Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [1] (далее – Закон о профилактике) предупреждение правонарушений. Наука также достаточно давно обосновывает, что предупреждение преступления является для всех прочих видов превенции родовым понятием [6, с. 80]. Оставим за рамками дискуссии, что является направлением чего, поскольку вопрос о соотношении таких видов деятельности, как предупреждение и профилактика заслуживает самостоятельного исследования, заметим только, что законодательно эти понятия установлены как не совпадающие.

Если обратиться к приказу МВД России № 19 2006 года, утвердившему Инструкцию «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», мы увидим, что данный приказ определяет предупреждение преступлений как деятельность, направленную на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением. Среди задач органов внутренних дел по предупреждению преступлений мы увидим «установление лиц, осуществляющих приготовление к преступлению и (или) покушение на преступление, и принятие мер по пресечению их противоправной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации» [3]. Очевидно, что данный вид деятельности выходит за рамки профилактики.

В ходе проведения занятий, преподаватели академии, с целью выяснения уровня подготовленности слушателей, прежде чем перейти к изложению основных положений Закона о профилактике, задают вопрос, известно ли обучаемым о таком законе. Ответ «нет» звучит гораздо чаще, чем «да». А ведь органы внутренних дел, будучи федеральным органом исполнительной власти, являются субъектом профилактики. Почему же так происходит? Полагаем, что мы можем назвать целый ряд причин. Ключевой представляется низкая эффективность норм данного закона, раз правоохранитель способен без него обходиться. В свою очередь, приходится задуматься о причинах этой низкой эффективности.

На протяжении вот уже шести лет, которые прошли с момента принятия Закона о профилактике, научное сообщество обращает внимание на его неточности, противоречия достижениям криминологической науки. Точнее, озабоченность этими проблемами проявилась еще до его принятия, после рассмотрения в первом чтении – им был посвящен отдельный номер издания «Библиотеки уголовного права и криминологии». Рискнем предположить, что одной из причин низкой эффективности норм данного закона является то, что даже среди принципов профилактики правонарушений в рассматриваемом законе закреплен только принцип научной обоснованности принимаемых мер, и то не самостоятельно, а последним в перечне, наряду с открытостью, непрерывностью, последовательностью, своевременностью, объективностью и достаточностью (п. 4 ст. 4 Закона о профилактике). Конечно, это лучше, чем ничего, поскольку на проекте этапе даже этот принцип появился в законе не сразу. Но ведь научно обоснованным должны быть не только профилактические меры, но и все законодательство. Не хотелось бы останавливаться ни на том, что имеется некоторое смешение направлений и мер профилактики, ни на том, что за пределами внимания осталось такой важнейший вид профилактики, как виктимологическая, иначе статья рискует разрастись до размеров монографии. А вот на закреплении круга субъектов профилактики хотелось бы остановиться.

Как известно, Закон о профилактике, будучи «рамочным», закрепляет субъекты профилактики в общем виде, не персонифицируя их. Представляется, что такой подход следует отнести к достоинствам закона, поскольку он охватывает максимально широкий круг участников профилактической деятельности, который включает в себя все федеральные органы исполнительной власти, органы прокуратуры Российской Федерации, следственные органы Следственного комитета Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления. Однако при всей широте охвата, данный перечень представляется не полным. Обращает на себя внимание то, что из всех подразделений Следственного комитета Российской Федерации к субъектам отнесены только следственные органы, что, как совершенно справедливо отмечает С. В. Валов, необоснованно сужает видовой состав субъектов профилактики, поскольку система подразделений Следственного комитета включает и другие элементы, которые также фактически осуществляют профилактическую деятельность [4, с. 29]. В частности, судебно-экспертный центр и его филиалы не могут быть отнесены к субъектам профи-

лактики, хотя в теории экспертологии их профилактическая функция рассматривалась и сомнений не вызывает [7, с. 360–365].

Отдельно необходимо остановиться на правовом положении лиц, участвующих в профилактике. Они отличаются тем, что для субъектов рассматриваемая деятельность является обязанностью, а для лиц, участвующих в профилактике – реализацией их прав. Однако представляется, что законодатель не учел различной направленности общественных объединений. Очевидно, что Союз композиторов России или Национальный союз пчеловодов имеют к профилактике правонарушений весьма отдаленное отношение, но добровольные народные дружины или казачьи дружины по охране общественного порядка создаются со специальной целью – оказание правоохранительным органам содействия в охране общественного порядка, т. е. с сугубо профилактической целью. Учитывая это, полагаем, что общественные объединения правоохранительной направленности также следует относить к субъектам профилактики правонарушений.

Кроме того, любой субъект профилактики, а также и те организации и должностные лица, которые Законом о профилактике к таковым не отнесены (например, предприниматели, руководители промышленных предприятий), осуществляют профилактическую деятельность внутри структуры, исключая или минимизируя совершение преступлений и иных правонарушений в ней. В свете данного тезиса, по нашему мнению, заслуживает поддержки идея того же автора о переходе от государственной системы профилактики к системе национальной [4, с. 16–21], что многократно расширит профилактические возможности институтов как государства, так и гражданского общества.

И еще один момент, на котором хотелось бы остановиться. В ходе подготовки Закона о профилактике изучался зарубежный опыт правового регулирования профилактической деятельности, одним из рассмотренных законов, был Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» от 10.11.2008 года № 453-З (на смену ему пришел закон от 4 января 2014 года № 122-З с тем же названием). Система субъектов там выстроена иным образом – они персонифицированы. Однако изучение его текста позволяет прийти к выводу, что фактически система субъектов замыкается на Президента Республики Беларусь, который определяет государственную политику, осуществляет контроль за деятельностью субъектов профилактики правонарушений, подчиненных (подотчетных) Президенту Республики Беларусь и осуществляет иные полномочия в соответствии с действующим законодательством. Надо ли говорить, насколько данные нормы повышают и статус принимаемых решений, и результативность осуществляемой деятельности, и ответственность субъектов. Впрочем, вопрос об ответственности заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку в Законе о профилактике говорится только об ответственности субъектов профилактики за обеспечение прав и законных интересов человека и гражданина и не слова – об их ответственности за неисполнение своих обязанностей. А между тем, отсутствие положений об ответственности означает, что нарушена структура правовой нормы, отсутствует такой ее элемент, как санкция!

Таким образом, хотелось бы вновь отметить недостаточность правовой регламентации предупреждения преступлений и необходимость пересмотра очерченного Законом о профилактике круга субъектов в сторону его расширения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон № 182-ФЗ от 23 июня 2016 года «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/71428030/> (дата обращения: 20.01.2022).

2. Об объявлении решения коллегии № 2 км/1 от 29 мая 1993 г. «О мерах по организации и совершенствованию профилактической деятельности ОВД» : Приказ МВД РФ № 284-1993.

3. Приказ МВД России № 19 от 17 января 2006 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58965/ (дата обращения: 01.04.2022).

4. Валов С. В. Следственные органы Следственного комитета Российской Федерации. – М., 2022. – 121 с.

5. Криминология / под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева. – М., 2002. – 432 с.

6. Малков В. Д. Предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений в системе мер борьбы с преступностью // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 22(708). – С. 78–88.

7. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е. Р. Росинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин ; под ред. Е. Р. Россинской. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. – 367 с.

УДК 343.21

Тихонова Светлана Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
tanya.stukalova.2002@mail.ru

Перспективы отражения уголовной политики и принципов уголовного закона в концепциях законопроектов

Настоящая статья посвящена оценке современных нормативных требований к содержанию пояснительных записок к проектам федеральных законов в части учета ими отраслевых принципов и политико-правовых предписаний Президента России. Автор статьи выявляет определенную рассогласованность данных требований и отраслевого понимания

значимости информации, которая должна выступать основой для принятия решения законодателем об изменении или дополнении уголовного законодательства, и приходит к выводу о необходимости систематизации нормативных требований и принятии единого подзаконного акта, регламентирующего порядок разработки концепций законопроектов.

Ключевые слова: законодательная инициатива, концепция, пояснительная записка, принципы уголовного закона, уголовная политика, уголовно-правовое регулирование.

Tikhonova Svetlana Sergeevna,
National research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Perspective of criminal policy and principles of criminal law in legislative concepts

This article is devoted to the evaluation of modern regulatory requirements to the content of explanatory notes to the draft federal laws in terms of their consideration of sectoral principles and political and legal prescriptions of the President of Russia. The author of the article reveals a certain disparity between these requirements and the sectoral understanding of the significance of the information, which should be the basis for the legislative decision to amend or supplement the criminal legislation, and concludes that there is a need to systematize regulatory requirements and to adopt a single sub-decree regulating the drafting of draft legislation concepts.

Keywords: legislative initiative, concept, explanatory note, principles of criminal law, criminal policy, criminal law regulation.

«Уголовное законотвoрчество – это не только совокупность, но и последовательность способов (приемов) целенаправленного преобразования социально значимой информации в новый, эффективно действующий правовой акт, на создание которого можно и нужно влиять» [10, с. 25]. В целях осуществления попытки позитивно повлиять на процесс уголовного законотвoрчества в рамках настоящего исследования предлагается систематизировать, уточнить и дополнить с учетом отраслевой специфики нормативные требования к концепциям законопроектов, оформляемым в виде пояснительных записок к проектам текущих (вторичных) уголовных законов.

В настоящее время данные требования содержатся в следующих источниках: Рекомендации по подготовке и оформлению проектов федеральных законов, утвержденные Письмом Министерства юстиции РФ от 23 февраля 2000 г. № 1187-ЭР (далее – Рекомендации); Основные требования к концепции и разработке проектов федеральных законов, утв. Постановлением Правительства РФ от 02 августа 2001 г. № 576, в ред. от 13 марта 2015 г. (далее – Основные требования), имеющее юридическую силу только в отношении такого субъекта права законодательной инициативы, как Правительство РФ, и способное оказывать на остальных субъектов права законодательной инициативы исключительно информационно-ориентирующее воздействие; Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов, утв. распоряжением руководителя Аппарата Государственной Думы Федерального Со-

брания РФ (далее – ГД) от 18 ноября 2003 г. №вн2-18/490, в ред. от 15 марта 2021 г. (далее – Методические рекомендации).

Для удобства адресатов – субъектов права законодательной инициативы данные требования следовало бы объединить в одном документе. Определение вида данного документа находится за пределами настоящего исследования, однако следует отметить, что в настоящее время в российской правовой науке обсуждаются следующие предложения.

Первое – вывести требования к концепциям проектов федеральных законов на уровень федерального законодательного регулирования, для чего принять Федеральный закон «О составе и содержании сопроводительных документов к проектам федеральных конституционных и федеральных законов Российской Федерации и голосовании по ним в Федеральном Собрании Российской Федерации» [3, с. 480–482]. Обращаясь к опыту законодательного регулирования законотворческой деятельности в государствах – членах ЕАЭС, можно заметить, что законодательные требования к сопроводительным документам на законопроекты предусмотрены в только в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. №130-З «О нормативных правовых актах» и в Законе Республики Армения от 28 марта 2018 г. №ЗР-180 «О нормативно-правовых актах» в ред. 28 апреля 2021 г.

Второе – оставить нормативные требования к концепциям законопроектов на подзаконном уровне. Так, например, в ч. 4 ст. 29 «Концепции в правотворчестве» инициативного проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации», подготовленного в 2021 г. Группой ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Н. А. Власенко, Ю. А. Тихомиров, Т. Я. Хабриева и др.), порядок разработки концепций нормативных правовых актов и требований к ним предлагается отнести к компетенции Правительства РФ [5, с. 43].

Независимо от вида документа, в котором в перспективе должны быть нормативно определены требования к концепциям законопроектов, с учетом отраслевой специфики в концепциях вторичных (текущих) уголовных законов должны быть выделены следующие композиционные группы сведений: 1) о законотворческой идее; 2) о проблеме уголовно-правового регулирования; 3) о предлагаемом способе ее устранения [6, с. 302–308]. Данный способ должен быть вписан в российскую систему правового регулирования, для чего на стадии разработки его концепции следует проверить «мировоззренческие основания» использования данного способа. Положительные результаты такой проверки можно именовать «мировоззренческими доказательствами» рациональности и эффективности предлагаемого способа, отражая их в пояснительной записке к законопроекту.

Контактными (внутренними) мировоззренческими доказательствами будут выступать данные о том, насколько предлагаемая в законопроекте модель правового регулирования соответствует «принципам соответствующей отрасли права», что предусмотрено в пп. 3.5.3 п. 3.5 ст. 3 «Оформление законопроек-

тов» Рекомендаций (Основные требования и Методические рекомендации подобной проверки не предусматривают).

Отраслевые принципы являются основополагающими (системообразующими, системосохраняющими) исходными предписаниями («нормативными обобщениями» [11, с. 295], «идеологической объединяющей основой» [9, с. 100]) и обязательны для законодателя [4, с. 23]. Функциональное действие отраслевых принципов заключается именно в том, что они «устанавливают законодателю определенные границы, в которых тот может действовать» [1, с. 10, 21], отражают «положения, имеющие непосредственное отношение к вопросам конструирования норм этой отрасли права» [7, с. 68], позволяя реализовать принцип законности законотворчества. Однако следует помнить, что «идеи, не имеющие прямого нормативного закрепления, не могут рассматриваться в качестве принципов права» [2, с. 7], поэтому применительно к уголовному законодательству речь идет о принципах уголовного закона, предусмотренных ст. 3–7 Уголовного кодекса РФ.

Так, например, в Пояснительной записке к законопроекту № 42307-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за пытки)», поступившему в ГД 20 декабря 2021 г. (субъект права законодательной инициативы – консолидированный [8, с. 10, 30], представляющий собой группу, состоящую из сенаторов РФ и депутата ГД), утверждается, что предлагаемая модель уголовно-правового регулирования «позволит эффективнее реализовать принцип неотвратимости наказания». Однако данный принцип в УК РФ не предусмотрен (и не может быть предусмотрен ввиду наличия в УК РФ институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания), и его упоминание в ст. 41 и в п. 12 ст. 47 раздела IV «Обеспечение национальной безопасности» Указа Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» следует признать ошибочным.

Дистантными (внешними) мировоззренческими доказательствами будут выступать данные о том, насколько предлагаемая в законопроекте модель правового регулирования соответствует политико-правовым документам. Речь идет о директивах в отношении уголовной политики Российской Федерации, содержащихся в указах Президента РФ, утверждающих стратегии (концепции) развития определенной сферы правового регулирования общественных отношений в России, а также о посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ в части определения приоритетов борьбы с преступностью в текущем периоде (так называемая «директивная форма уголовной политики» [7, с. 104]). Нормативных требований по проверке предлагаемого способа устранения выявленной проблемы правового регулирования на соответствие политико-правовым документам в настоящее время нет, что представляется серьезным упущением, требующим восполнения, чтобы исключить возможность несоответствия предлагаемого способа содержанию данных документов, которое можно назвать уголовно-политической (юридико-идеологической) ошибкой «концептуального плана» [12, с. 33, 36].

При этом не следует путать политико-правовые документы Президента РФ с поручениями Президента РФ субъекту права законодательной инициативы по поиску способов повышения эффективности правового регулирования какой-либо области общественных отношений. Наличие такого поручения не должно избавлять субъекта права законодательной инициативы от демонстрации соответствия найденного им способа устранения выявленной проблемы правового регулирования политико-правовым документам Президента РФ.

Несмотря на отсутствие нормативных требований по проверке предлагаемого способа устранения выявленной проблемы правового регулирования на соответствие политико-правовым документам, такая проверка субъектами права законодательной инициативы периодически проводится.

Примером может служить Пояснительная записка к законопроекту №118634-7 (субъект права законодательной инициативы – депутаты ГД), впоследствии воплотившемуся в Федеральный закон от 07 июня 2017 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» № 120-ФЗ. Информация о предлагаемом в законопроекте способе устранения выявленной проблемы уголовно-правового регулирования фактически включает указание на дистантное (внешнее) мировоззренческое доказательство соответствие предлагаемой модели уголовной ответственности Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг., утв. Президентом РФ от 01 июня 2012 г. № 761. Но это – единственное доказательство рациональности и эффективности предлагаемой модели уголовной ответственности, приведенное субъектом права законодательной инициативы.

Рассматривая пояснительные записки к проектам 5-ти вторичных (текущих) уголовных законов, принятых в 2022 г., на предмет наличия в них мировоззренческих доказательств, необходимо отметить, что во всех данных сопроводительных документах (Пояснительная записка к законопроекту №1248305-7 группы депутатов РФ и сенатора РФ, воплотившемуся в Федеральный закон (1) от 28 января 2022 г. №3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части усиления ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних»; Пояснительная записка к законопроекту №464757-7 группы депутатов РФ и сенатора РФ, воплотившемуся в Федеральный закон (2) от 04 марта 2022 г. №32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ, за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ)»; Пояснительная записка к законопроекту №388776-7 группы депутатов РФ и сенатора РФ, воплотившемуся в Федеральный закон (3) от 06 марта 2022 г. №38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федера-

ции в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних»; Пояснительная записка к законопроекту №80714-8 Правительства РФ, воплотившемуся в Федеральный закон (4) от 09 марта 2022 г. №49-ФЗ «О внесении изменения в статью 76-1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Пояснительная записка к законопроекту №9712-8 Правительства РФ, воплотившемуся в Федеральный закон (5) от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части уточнения ответственности за уничтожение или повреждение лесных насаждений, а также за распространение заведомо ложной информации об исполнении госорганами РФ своих полномочий и за действия, направленные на дискредитацию исполнения госорганами своих полномочий)») мировоззренческие доказательства обоих рассмотренных выше видов отсутствуют.

Таким образом, независимо от вида субъекта права законодательной инициативы, в процессе законотворчества в настоящее время игнорируется нормативное требование по проверке предлагаемой в законопроекте модели уголовно-правового регулирования на соответствие отраслевым принципам, а также зачастую не проводится проверка на соответствие данной модели стратегическим политико-правовым документам, исходящим от Президента РФ. Подобная практика требует срочной замены на концептуальную проработанность законопроектов с учетом концептуальных основ отрасли и концептуальных основ уголовной политики, определяемых Главой Государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баумштейн А. Б. Концептуальные начала уголовного права России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. – Курск, 2017. – 55 с.
2. Демичев А. А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. – 2014. – № 5. – С. 5–13.
3. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. / отв. ред. В. М. Баранов. – Н. Новгород : Изд-во НА МВД России, 2001. Т. 1. – 42 с.
4. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. – М. : Наука. 1988. – 173 с.
5. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во ИЗиСП, 2021. – 96 с.
6. Тихонова С. С. Проблематика уголовно-правового регулирования в пояснительных записках к проектам вторичных (текущих) уголовных законов: современное состояние и перспективы // Юридическая орбита. – 2021. – № 1. – С. 302–308.
7. Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации : материалы Всерос. науч.-теор. конф., г. Ростов-на-Дону, 19 мая 2017 г. : в 2 ч. / отв. ред. Е.В. Безручко. – Ростов н/Д : Изд-во РЮИ МВД России, 2017. Ч. 2. – 160 с.

8. Цветков В. В. Реализация института законодательной инициативы в современном российском государстве (общетеоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Н. Новгород, 2008. – 32 с.
9. Цыганов В. И. Теория государства и права : тезисы лекций. – М. : Вектор ТиС, 2009. – 292 с.
10. Чинарян Е. О. Особенности средств, приемов и правил законодательной техники уголовного права // Современное право. – 2011. – № 7. – С. 21–25.
11. Шафиров В.М. Человеческое измерение и инновации в праве // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 294–301.
12. Юридическая техника : курс лекций / под ред. В. М. Баранова, В. А. Толстика. – М. : ДГСК МВД России, 2012. – 384 с.

УДК 343.35

Трунцевский Юрий Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
Академия управления МВД России,
профессор Югорского государственного университета
г. Москва, Российская Федерация
trunzev@yandex.ru

Предпосылки создания специализированных антикоррупционных судов

Предпосылками создания специализированных антикоррупционных органов в различных странах стали широкое распространение коррупции, недоверие к «обычным» институтам судебной власти, неспособность обычного механизма правосудия адекватно бороться с коррупцией, требования международных финансовых органов и инвесторов. Создание специализированных антикоррупционных судов является частью государственной политики по борьбе с коррупцией. В настоящее время международное сообщество обсуждает вопросы по созданию Международного антикоррупционного суда (МАКС), указывая на возможный его позитивный вклад в усилия по борьбе с коррупцией, объем его полномочий.

Ключевые слова: *коррупция, суды, государство, правосудие, международное сообщество.*

Truntsevsky Yuri Vladimirovich,
doctor of law, professor, Institute of legislation
and Comparative Law Under the Government
of the Russian Federation, Academy
of Management of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Professor of Ugra State University
Moscow, Russian Federation

Prerequisites for the creation of specialized anti-corruption courts

The prerequisites for the creation of specialized anti-corruption bodies in various countries were widespread corruption, distrust of the “ordinary” institutions of the judiciary, the inability of the usual justice mechanism to adequately combat corruption, the requirements of international financial bodies and investors. The creation of specialized anti-corruption courts is part of the state policy to combat corruption. Currently, the international community is discussing the establishment of the International Anti-Corruption Court (MAKS), pointing to its possible positive contribution to the efforts to combat corruption, the scope of its powers.

Keywords: *corruption, courts, state, justice, international community.*

Первые специализированные антикоррупционные органы появились давно, еще до создания сингапурской и гонконгской комиссий в 1950-х и 1970-х гг. Но именно пример этих двух агентств породил популярный образ успешного, независимого многоцелевого антикоррупционного агентства. Однако существует гораздо больше типов антикоррупционных органов, которые существуют и действуют в разных странах.

С третьей четверти XX в. коррупция стала широко распространяться, в том числе и в повседневной жизни, существующие государственные институты были слишком слабы, чтобы бороться с ней, и часто сами страдали от коррупции, в частности система уголовного правосудия [6, с. 6]. Отвечая на этот вызов, в течение последних двух десятилетий появлялись различные антикоррупционные органы, агентства и комиссии, часто создаваемые на специальной основе без всеобъемлющей стратегии, адекватных ресурсов и персонала, а иногда направленные в первую очередь на умиротворение электората и инвесторов.

Вместе с тем, прокуроры и судьи в государствах часто не желают или не могут выдвигать обвинения или добиваться обвинительных приговоров, поскольку они становятся зависимыми от исполнительной власти своей страны или потому, что они сами коррумпированы. К сожалению, лишь немногие страны защищены от этого бедствия.

Специализированные антикоррупционные суды в странах, обычно создаются институтами, независимыми от ранее существовавшей системы уголовного правосудия, из-за недоверия к судебной власти (суды общей юрисдикции). Создание таких судов подчас навязывается международными агентствами [7, с. 3], и направлены они на то, чтобы изолировать борьбу с коррупцией от уже коррумпированных структур [8, с. 270–285].

Разочарование в способности обычного механизма правосудия адекватно бороться с коррупцией побудило многие страны создать специализированные антикоррупционные институты. Судебная специализация становится все более распространенной чертой национальных стратегий антикоррупционных реформ. Наиболее распространенным аргументом в пользу создания специальных антикоррупционных судов является необходимость повышения эффективности оперативного разрешения коррупционных дел и связанная с этим необходи-

мость дать сигнал национальному и международному сообществам о том, что страна серьезно относится к борьбе с коррупцией [1, с. 1]. В некоторых странах озабоченность по поводу способности обычных судов беспристрастно рассматривать дела о коррупции и не подвергаться коррупции сама по себе также сыграла важную роль в принятии решения о создании специальных антикоррупционных судов [1, с. 26].

Существующие специализированные антикоррупционные суды различаются по ряду параметров, включая их размер, место в судебной иерархии, механизмы отбора и отстранения судей, материальную сферу юрисдикции судов, судебные и апелляционные процедуры, а также их взаимоотношения с антикоррупционными прокурорами. Такой выбор институционального дизайна предполагает ряд сложных компромиссов: хотя окончательных «лучших практик» для специализированных антикоррупционных судов не существует, существующие модели и опыт могут послужить некоторым руководством для реформаторов, рассматривающих аналогичные институты. Они должны решить, должен ли такой суд применять процедуры, существенно отличающиеся от процедур других уголовных судов, и/или специальные положения о подборе, отстранении от должности или условиях работы судей антикоррупционного суда.

Таким образом, понимание создания специализированных судов можно рассматривать в ракурсе государственной политики по борьбе с коррупцией.

Первый такой суд появился на Филиппинах (1979) – Конституция, принятая в 1973 г., создала суд (так называемый Сандиганбаян) в ранге Апелляционного суда. Антикоррупционные суды Пакистана (1999) существуют в виде нескольких судов. Специальный суд Индонезии по коррупционным преступлениям был впервые учрежден Законом № 30 от 2002 г. об Индонезийской комиссии по искоренению коррупции. Ныне существующий суд был учрежден в 2009 г. Законом № 46 от 2009 г. о Суде по уголовным делам о коррупции. Специальный суд Непала по борьбе с коррупцией был учрежден в 2002 г. на основании Закона о специальных судах. Закон Кении о борьбе с коррупцией и экономическими преступлениями 2003 г. создал систему судебного разбирательства преступлений, подпадающих под действие этого закона. Закон Бангладеш об антикоррупционной комиссии (2004) создал Антикоррупционную комиссию и антикоррупционную судебную систему. Антикоррупционные суды в Бурунди были учреждены Законом № 1/36 от 13 декабря 2006 г. «Об образовании антикоррупционного суда» Хорватские судебные департаменты по уголовным делам были созданы в 2008 г., но Закон о судах был принят в 2010 г. Главный судья Высокого суда Уганды создал Отдел по борьбе с коррупцией в качестве административной секции Высокого суда в 2008 г., сославшись на статью 133 (1) (b) Конституции, которая гласит: «Верховный судья... может издавать приказы и указания судам, необходимые для надлежащего и эффективного отправления правосу-

дия». Законом № 291/2009 о Специализированном уголовном суде был учрежден антикоррупционный суд Словакии. В 2016 г. президент Афганистана издал указ о создании Антикоррупционного судебного центра, в состав которого входят судьи, осуществляющие надзор за коррупционными делами. Палестинский суд по коррупционным преступлениям был учрежден в 2010 г. в соответствии с пересмотренным Законом о борьбе с коррупцией. Национальное собрание Камеруна учредило Специальный уголовный суд в соответствии с законом № 2011/028 от 3 декабря 2011 г. Специальный антикоррупционный суд Малайзии был учрежден 16 февраля 2011 г. под юрисдикцией Сессионного суда. Законодательством Болгарии, разрешающим создание таких судов является Уголовно-процессуальный кодекс, принятый в 2012 г. Суды Сенегала по борьбе с коррупцией были созданы в соответствии с разрешением, содержащимся в законе № 81-54 1981 г. Однако такие суды не работали в течение 30 лет, и только в мае 2012 г. новоизбранный президент Маки Салл возобновил его действие указом № 502. Главный судья Высокого суда Ботсваны учредил антикоррупционный суд в 2013 г., вместе с принятием Закона о коррупции и экономических преступлениях. Антикоррупционные суды Мексики устанавливаются конституционной поправкой (статья 113), создающей Национальную антикоррупционную систему. Суд Танзании по экономическим, коррупционным и организованным преступлениям был учрежден Законом о борьбе с экономическими и организованными преступлениями 2016 г. Правительство Таиланда в 2016 г. одобрило законопроект о создании Уголовного суда по делам о коррупции и должностных преступлениях, рассматривающего только эти виды дел. В 2016 г. президент Мадагаскара подписал Закон об антикоррупционных судах № 2016-021. Закон об организации и юрисдикции государственных органов по борьбе с организованной преступностью, терроризмом и коррупцией был принят сербским парламентом в 2016 г. Парламент Шри-Ланки учредил Постоянный Высокий суд коллегии адвокатов по делам о коррупции, законом № 9 от 2018 г. о поправках к Закону № 2 о судебной системе 1978 г. Верховная Рада Украины приняла законопроект № 7441 о внесении изменений в Закон «О судебной системе и статусе судей» в связи с принятием Закона Украины «О Высшем антикоррупционном суде» и определении подсудности апелляций по делам о коррупции. В декабре 2019 года, на основе поправки 2017 г. к Уголовно-процессуальному кодексу в соответствии с Законом 35 от 2017 г. Албания учредила суды первой и апелляционной инстанций по борьбе с коррупцией и организованной преступностью. В апреле 2019 г. Верховный судья Сьерра-Леоне учредил Специальный отдел Высокого суда по борьбе с коррупцией. Главный судья Зимбабве в 2020 г. создал два пилотных антикоррупционных суда в столице Хараре и в Булавайо. Затем в соответствии с разделом 46А Закона о Высоком суде он создал специ-

альное антикоррупционное подразделение Высокого суда, размещенное в магистратских судах.

В настоящее время международное сообщество обсуждает примерно следующие вопросы по созданию Международного антикоррупционного суда (МАКС) [1, с. 2]: внесет ли МАКС позитивный вклад в усилия по борьбе с коррупцией? каковы должны быть его полномочия? что будет отличать МАКС от существующего Международного уголовного суда (МУС) [4, с. 12]?

Предлагается, что МАКС будет наделен полномочиями преследовать в судебном порядке случаи крупной коррупции со стороны политического руководства высокого уровня. Точно так же, как и страны, подписавшие Устав МУС, подпадают под его юрисдикцию, так и страны, признавшие МАКС, позволят Суду служить местом последней инстанции для нарушений Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (UNCAC).

Одно из предложений заключалось в том, чтобы разрешить отдельным лицам подавать жалобы, что позволило бы группам гражданского общества в коррумпированной политической среде привлекать должностных лиц к ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Matthew C. Stephenson Specialised anti-corruption courts: A comparative mapping. – URL: <https://www.u4.no/publications/specialised-anti-corruption-courts-a-comparative-mapping.pdf> (дата обращения: 11.05.2022).

2. Roach B., Mortensen E. An International Anti-Corruption Court. Spring 2019. Bulletin. – URL: <https://www.amacad.org/news/international-anti-corruption-court> (дата обращения: 11.05.2022).

3. Кабанов П. А. Вызов коррупции: противодействие коррупции журналистским сообществом. – М., 2003. – 128 с.

4. Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г. И. Богуш, Е. Н. Трикоз. – М. : Ин-т права и публичной политики, 2009. – 749 с.

5. Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы : монография : в 2 т. / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой, Р. А. Курбанова. – М. : Проспект, 2019. – Т. 1. – 528 с.

6. Трунцевский Ю. В. Международное пенитенциарное право. – М. , 2001. – 48 с.

7. Трунцевский Ю. В. Нормы международного права как источник российского уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань : Рязанский институт права и экономики. – Рязань, 1995. – 20 с.

8. Трунцевский Ю. В., Есаян А. К. Антикоррупция и конституция. Мировые, региональные и национальные тенденции : монография. – М. : Юрайт, 2020. – 481 с.

УДК 343.3

Усачева Екатерина Алексеевна,
адъюнкт, Академия управления МВД
Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация
ketrinoketi@yandex.ru

К вопросу о потерпевшем от преступления, предусмотренного ст. 320 УК РФ

В статье на примере ч. 1 ст. 320 УК РФ рассматриваются особенности такой правовой категории как «потерпевший» в уголовном праве. Автор выделяет ряд отличительных признаков, позволяющих выделить анализируемую категорию в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном аспектах. Наряду с этим определяются детерминанты криминализации анализируемого состава преступления.

Ключевые слова: «потерпевший» в уголовном праве, разглашение сведений, меры безопасности, правоохранительные органы, преступление против порядка управления.

Usacheva Ekaterina Alekseyevna,
adjunct, Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

To the question of the «victim» of a crime under Article 320 of the Criminal Code of the Russian Federation

The article examines the features of such a legal category as “victim” in criminal law by the example of Part 1 of Article 320 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author identifies a number of distinctive features that make it possible to distinguish the analyzed category in criminal law and criminal procedure aspects. Along with this, the determinants of criminalization of the analyzed corpus delicti are determined.

Keywords: “victim” in criminal law, disclosure of information, security measures, law enforcement agencies, crime against the order of management.

Традиционное понимание «ролевого» статуса «потерпевший» в современной теории права определяется в том значении, которое в него вложил законодатель, отразив в конкретной норме – дефиниции, нашедшей свое закрепление в ч. 1 ст. 42 УПК РФ. Несмотря на то, что данная норма была закреплена именно в процессуальной отрасли права, такая правовая категория как «потерпевший» рассматривается и в уголовно-правовой плоскости.

Многие представители научного мира как советской школы права: В. П. Божьев [2, с. 16], Т. В. Варчук [3, с. 41], В. И. Полубинский [5, с. 116], так и представители современной уголовной политики: Н. Э. Мартыненко [4, с. 217], С. В. Анощенкова [1, с. 16], И. А. Фаргиев [6, с. 178], обращают вни-

мание на существенные различия между материально-правовым и процессуальным статусом – «потерпевший».

Имеет место быть и иная точка зрения, в соответствии с которой оправдано употребление в уголовном праве термина «потерпевший» в том значении, в котором оно используется процессуалистами.

Видеться, что данная точка зрения не может пройти верификацию успешно. Причиной тому являются временные рамки определения правового статуса «потерпевший», которые в анализируемых отраслях права (материальной и процессуальной) не совпадают.

Речь идет: 1) о моменте наделения лица таким правовым статусом и 2) о порядке его закрепления. Важно отметить, что потерпевшим в процессуальной отрасли права признается субъект, вовлеченный в орбиту уголовного судопроизводства, а именно – с момента вынесения постановления уполномоченным органом или должностным лицом (судом, следователем, дознавателем) о признании его таковым, при этом – не ранее момента возбуждения уголовного дела.

Ввиду чего рассматриваемая точка зрения видится несправедливо унифицированной для двух отраслей права, так как в уголовном праве, такая фигура как «потерпевший», не всегда связана с фактическим причинением реального вреда, а таковым статусом может быть наделен человек, в отношении которого возникает угроза причинения вреда, который в дальнейшем имеет возможность преобразоваться в «реальный» – поддающейся оценке, вред.

Например, когда речь идет о формальных составах преступления, где при квалификации содеянного (т. е. при установлении соответствия совершенного общественно опасного деяния тем признакам, что предусмотрены в нормах уголовного закона в качестве обязательных для привлечения лица к уголовной ответственности по конкретной норме), не происходит оценки вредных последствий – они выходят за пределы данных составов.

Один из таких составов закреплен в ч. 1 ст. 320 УК РФ, предусматривающий уголовную ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа.

Данное преступление считается оконченным с момента противоправного «разглашения» сведений – когда эти сведения стали известны лицу, которое не наделено правом владеть такого рода информацией, вне зависимости от наступления вредных последствий для потерпевшего – вне зависимости от того, повлекло ли нарушение конфиденциальности сведений причинение вреда здоровью защищаемого лица, его имуществу или наиболее возможные тяжкие последствия – смерть, как, например, в ч. 3 ст. 293 УК, где установлена ответственность за халатность, повлекшую по неосторожности смерть двух или более лиц.

Возникает закономерный вопрос: «Почему законодатель не стремится к оценке степени общественной опасности деяния через оценку его вредных последствий, тем самым, не выделяя последнее в качестве обязательного при-

знака для привлечения лица к уголовной ответственности по анализируемому составу преступления?».

При ответе на данный вопрос следует обратить внимание на то, что потенциальным «потерпевшим» по данному составу выступает группа лиц, чья деятельность связана с осуществлением государственно-властных полномочий. Речь идет о должностных лицах правоохранительных и контролирующих органов. От условий их деятельности и возможности реализации ими своих должностных обязанностей и прав, напрямую зависит порядок управления в государстве: нормальное функционирование правоохранительных и контролирующих систем, а также иных органов, чья деятельность связана с борьбой с преступностью.

Ввиду чего представляются недопустимыми любые промедления в оперативности реагирования на криминальные элементы, посягающие на порядок управления – на жизнь, здоровье и имущество должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов и их близких.

Следует обратить внимание на то, что анализируемый состав преступления носит бланкетный характер: содержание сведений о мерах безопасности раскрывается на основании положений Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее – ФЗ № 45).

Помимо этого, данный Федеральный закон предусмотрел несколько видов мер безопасности, которые могут применяться как самостоятельно, так и комплексно (несколько мер одновременно).

На этапе принятия решения о применении конкретной меры или мер безопасности, происходит оценка уровня угрозы, исходящей от криминального элемента, для того, чтобы определить применение какого спектра мер поможет предотвратить опасность, исходящую в отношении защищаемых лиц, тем самым обеспечить безопасность защищаемых лиц.

Ввиду чего меры безопасности являются мерами охранительного характера – направленные на недопущение осуществления преступного умысла и воплощение его в жизнь.

Развитие идеи охраны данных мер уголовно-правовыми средствами нашло свое отражение в ст. 320 УК РФ. Криминализация данного состава есть ответная мера государства на совершение противоправных действий, выражающихся в «разглашении» сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного и контролирующего органа. Тем самым государство накладывает некий «запрет» на опосредованные действия, связанные с противоправным посягательством на лиц, подлежащих государственной защите. Опосредованность в уголовно-правовой плоскости выражается не в прямой угрозе безопасности данным лицам и защите напрямую охраняемых благ, но косвенно – путем недопущения «разглашения» сведений о мерах безопасности, что, в свою очередь, может создать «реальную» угрозу данным лицам, их жизни и здоровью.

Также следует отметить, что специфика применения самих мер безопасности включает в себя, в соответствии с ФЗ № 45, возможность применения данных мер и в случае отсутствия реальной угрозы безопасности в отношении защищаемых лиц.

Таким образом, следует говорить о том, что уголовное право, как бы «опережает» уголовный процесс, оно стремится охранять и защищать оперативно, незамедлительно, а процессуальная отрасль права запускает свой механизм с момента установления самого факта причинения вреда и его юридического оформления и отражения в процессуальных документах. Основываясь на вышесказанном, можно констатировать, что «потерпевшего» в уголовно-правовой плоскости мы можем наблюдать намного раньше, нежели в уголовном процессе.

При этом уголовное законодательство, если характеризовать его как отрасль права, имеет таковую особенность целевого характера, как: охрана и защита именно «наиболее важных, социально значимых общественных отношений». Этой охране и защите подлежат интересы государства и всего общества в целом, без умаления значимости ценности каждого человека.

Сам законодатель стремится к построению такой уголовно-правовой системы, при которой происходит гармонизация уровня защищенности лиц, чья деятельность связана с осуществлением функций, «выполнение которых может быть сопряжено с посягательствами на их безопасность», с уровнем защищенности рядовых гражданам нашего государства, без допущения его умаления ввиду особенностей служебной деятельности.

Оперативность реагирования на возможные посягательства криминальных элементов на позитивные общественные отношения выражается в закреплении в уголовном законодательстве диспозиций бланкетного характера, которые позволяют нормам права «идти в ногу со временем» и развиваться вместе с динамически изменяющимися общественными отношениями, что позволяет предотвратить возможные угрозы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анощенкова С. В. Учение о потерпевшем в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.
2. Божьев В. П. Потерпевший в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1963.
3. Варчук Т. В. Учение о жертве преступления // Юридическая психология. – 2008. – № 4. – С. 39–43.
4. Мартыненко Н. Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015.
5. Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления. – Горький, 1979.
6. Фаргиев И. А. Учение о потерпевшем в уголовном праве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005.

УДК 344.643

Хилюта Вадим Владимирович,
доктор юридических наук, доцент
Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы
г. Гродно, Республика Беларусь
tajna@tut.by

Назначение штрафа за преступления с признаками административной преюдиции по законодательству Республики Беларусь

В статье рассматриваются проблемы понимания административной преюдиции в контексте назначения наказания. Существенное внимание уделяется штрафу и порядку назначения данного наказания в случае совершения лицом преступления, содержащего признаки административной преюдиции. Формулируются правила применения ст. 50 УК. Указано также, что административная преюдиция связана с общественной опасностью лица, совершившего деяние, а не с самим деянием как таковым, так как общественная опасность связана не только с деянием, но и с личностью деятеля. Административная преюдицию признается конструкцией со специальным субъектом, где объективная сторона не включает ранее совершенные проступки.

***Ключевые слова:** преступление, состав преступления, административная преюдиция, штраф, наказание.*

Hilyuta Vadim Vladimirovich,
doctor of law, associate professor
Grodno State University named Ya. Kupala
Grodno, Republic of BelaruS

The appointment of a fine for crimes with signs of administrative prejudice under the legislation of the Republic of Belarus

The article addresses the problems of understanding administrative prejudice in the context of sentencing. Significant attention is paid to the fine and the procedure for imposing this punishment if a person commits a crime containing signs of administrative prejudice. The rules for the application of Art. 50 of the Criminal Code. It is also indicated that administrative prejudice is associated with the public danger of the person who committed the act, and not with the act itself as such, since public danger is associated not only with the act, but also with the personality of the figure. Administrative prejudice is recognized as a construction with a special subject, where the objective side does not include previously committed misconduct.

***Keywords:** crime, corpus delicti, administrative prejudice, fine, punishment.*

В правоприменительной практике зачастую встречаются вопросы, связанные с нетождественным пониманием институтов уголовного права, реализацией их положений и непосредственным применением в повседневной деятельности. При этом всегда очень важно не нарушить баланс между частными

и публичными интересами, сферой регулирования общественных отношений, соблюсти и обеспечить принципы законности и справедливости.

В последнее время множество подобных проблем связано с пониманием такого института уголовного права, как административная преюдиция. Причем вопросы эти связаны не только с отождествлением административной преюдиции и обозначением ее места в структуре самого преступления (состава преступления), но и ее идентификацией при назначении наказания. Напомним, что согласно ст. 32 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) «в случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение». Эта основополагающая формулировка характеризует административную преюдицию не только как условие наступления уголовной ответственности, но и определяет рамки данного института в связке с иными положениями уголовного права.

Так, в соответствии со ст. 50 УК при определении размера штрафа в случае преступления с административной преюдицией следует учитывать размеры наказания за это же деяние, установленное в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП). Законодательная формула здесь сводится к следующему: «При этом размер штрафа, назначаемого лицу за совершенное им преступление, предусмотренное содержащей административную преюдицию статьей Особенной части настоящего Кодекса, не может быть меньше максимального размера штрафа, налагаемого в административном порядке». Обосновывается такое законодательное решение тем обстоятельством, что публичные правонарушения должны предусматривать различный объем лишений и ограничений, составляющих содержание меры административного взыскания и наказания в виде штрафа. И как указывала по этому поводу Э. А. Саркисова, «повторно совершаемое деяние уже после наложения административного взыскания должно влечь применение кары, т. е. наказания, содержащего существенные ограничения и лишения по сравнению с административным взысканием» [1, с. 360].

Однако ввиду того, что новый КоАП стал более дифференцированно подходить к вопросу об административных правонарушениях и фактически проводить разграничение правонарушений исходя из их вредоносности (степень опасности), проблема привлечения к уголовной ответственности и применения наказания в случае, когда лицо допустило несколько тождественных правонарушений, обострилась.

Проиллюстрируем это на примере ситуаций, связанных с управлением транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения (рассматриваемые ниже положения характерны и для других уголовно-правовых и административно-деликтных норм).

В настоящее время ч. 1 ст. 18.15 КоАП предусматривает ответственность за *управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии ал-*

когального опьянения, при наличии абсолютного этилового спирта в крови или выдыхаемом воздухе в концентрации до 0,8 промилле включительно или наличии паров абсолютного этилового спирта в концентрации до 380 микрограммов на один литр выдыхаемого воздуха включительно. Административное взыскание за это правонарушение предусматривает наложение штрафа в размере 100 базовых величин с лишением права заниматься определенной деятельностью сроком на три года. Это означает, что если лицо повторно в течение года совершит подобное правонарушение, то оно уже будет привлекаться к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 317¹ УК (управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования)). То есть размер штрафа, как дополнительного наказания за преступление, предусмотренное ст. 317¹ УК должен быть более 100 базовых величин (согласно предписанию, установленному ч. 2 ст. 50 УК).

Если лицо, привлекалось к административной ответственности по ч. 2 ст. 18.15 КоАП, т. е. допустило *управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения при наличии абсолютного этилового спирта в крови или выдыхаемом воздухе в концентрации свыше 0,8 промилле или наличии паров абсолютного этилового спирта в концентрации свыше 380 микрограммов на один литр выдыхаемого воздуха или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, а равно отказ от прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния алкогольного опьянения или состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ*, то в случае повторного допущения им такого же деяния, это лицо должно быть привлечено к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 317¹ УК. Однако наказание ему в виде штрафа должно быть более 200 базовых величин, ввиду того, что санкцией ч. 2 ст. 18.15 КоАП предусмотрено наложение штрафа в размере двухсот базовых величин с лишением права заниматься определенной деятельностью сроком на пять лет.

В этой ситуации, на первый взгляд, казалось бы, все понятно и вопросов не возникает. Но это на первый взгляд. И вопросы появляются тогда, когда лицо допускает правонарушения, которые должны наказываться по разным частям КоАП. Например, в первой ситуации лицо допустило правонарушение и было привлечено к административной ответственности по ч. 1 ст. 18.15 КоАП. Но второе правонарушение, которое оно совершило в течение года, и уже имело административную наказанность (т. е. было ранее привлечено к административной ответственности), подпадает под признаки ч. 2 ст. 18.15 КоАП (лицо, например, отказалось от прохождения освидетельствования). Понятно, что это лицо мы должны привлекать уже к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 317¹ УК. Но какое минимальное наказание тогда должны будем учитывать при привлечении лица к уголовной ответственности: сто или двести базовых величин?

Если исходить из того, что второе правонарушение формально подпадает под ч. 2 ст. 18.15 КоАП, и не будь это лицо ранее уже привлечено к административной ответственности, то его бы привлекли тогда по ч. 2 ст. 18.15 КоАП и на это лицо наложили бы взыскание в размере 200 базовых величин. Соответственно, если это лицо мы привлекаем к уголовной ответственности за повторное допущенное им правонарушение, размер наказания в виде штрафа должен быть более 200 базовых величин.

Если отступить от этого правила, то тогда окажется, что за уголовно-наказуемое деяние лицо может быть наказано менее сурово, чем за административное правонарушение. Вряд ли в этом случае мы будем говорить о соблюдении принципов законности и справедливости при применении закона.

Однако логика подобных рассуждений немного дает сбой в другом случае. Допустим, лицо в первый раз было привлечено к административной ответственности по ч. 2 ст. 18.15 КоАП. Но второе правонарушение, которое оно допустило в течение года, подпадает под признаки ч. 1 ст. 18.15 КоАП (например, управляло транспортным средством, находясь в состоянии алкогольного опьянения, при наличии абсолютного этилового спирта в крови или выдыхаемом воздухе в концентрации до 0,8 промилле включительно или наличии паров абсолютного этилового спирта в концентрации до 380 микрограммов на один литр выдыхаемого воздуха включительно), т. е. буквально размер наказания должен быть более 100 базовых величин. Но в такой ситуации вполне может оказаться, что за первое административное правонарушение наказание (взыскание) этому лицу было назначено больше (200 базовых величин), чем за его повторное допущение – уже уголовное преступление (нижняя граница – более 100 базовых величин). Вряд ли тогда мы будем говорить о справедливости применения норм уголовного закона при применении штрафа.

Заметим также, что ч. 1 ст. 317¹ УК, в отличие от норм административного законодательства, не проводит никакой дифференциации ответственности за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передачу управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования). Уголовный закон в этой части предусматривает единую ответственность за *управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, либо передача управления транспортным средством такому лицу, а равно отказ от прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния алкогольного опьянения либо состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения*. В ч. 2 ст. 317¹ УК установлена повышенная ответственность за повторное такое же деяние, что нашло свое выражение в следующей законодательной формуле: «Те же деяния, совершенные лицом, ранее совершившим

преступление, предусмотренное настоящей статьей». И в этом случае может возникнуть аналогичная ситуация: лицо ранее уже было привлечено к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 317¹ УК и ему было назначено наказание со штрафом в размере, например, 210 базовых величин. Но при повторном совершении деяния – уже преступления, лицо управляло транспортным средством, находясь в состоянии алкогольного опьянения, при наличии абсолютного этилового спирта в крови или выдыхаемом воздухе в концентрации до 0,8 промилле включительно или наличии паров абсолютного этилового спирта в концентрации до 380 микрограммов на один литр выдыхаемого воздуха. То есть за это правонарушение согласно КоАП может быть назначен штраф в размере 100 базовых величин, если принимать во внимание ч. 1 ст. 18.15 КоАП. Но должен ли в этом случае уголовный закон учитывать положения ст. 50 УК или он уже никак не связан в такой ситуации нормами об административной преюдиции?

Заметим, что доктрина уголовного права и правоприменительная практика исходят из того, что повторным признается предусмотренное в диспозиции статьи Особенной части УК с преюдицией правонарушение, *тождественное* административному правонарушению, совершенному в состоянии административно-правового рецидива [3, с. 69]. Ввиду того, что ч. 1 ст. 317¹ УК не разделяет уголовную ответственность в зависимости от того, в какой степени опьянения находилось лицо и не дифференцирует отказ от прохождения в установленном порядке освидетельствования на предмет определения состояния алкогольного и иного опьянения, можно прийти к выводу о том, что уголовный закон допускает в этом случае альтернативные варианты привлечения лица к административной ответственности за первичное правонарушение – управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования).

Есть еще один аспект рассматриваемой проблемы. Если обратиться к статьям уголовного закона, то формально ч. 2 ст. 317¹ УК не связана с привлечением лица к административной ответственности за предшествующее правонарушение, так как речь уже идет о повторном преступлении, а не правонарушении. Но и в этом случае, следуя принципу справедливости, полагаем, наказание за квалифицированное преступление не может быть меньше, чем за основное, и если в этом случае мы принимаем положения ч. 1 ст. 50 УК применительно к штрафу, то его размер не может быть меньше размера штрафа, налагаемого в административном порядке. Более того, судебная практика в данном вопросе исходит из общего правила о том, что назначаемый штраф за преступление, предусматривающее административную преюдицию, не может быть меньше максимального размера штрафа, налагаемого в административном порядке, независимо от дифференциации уголовной ответственности в УК [2].

Соответственно, в этом случае нормы УК при применении института административной преюдиции говорят лишь о том, **что в уголовно-правовом порядке наказывается любое повторное деяние, связанное с управлением**

транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования). И здесь состояние опьянения может быть любым.

В этой ситуации приоритетное значение имеет не накопительный способ признания противоправного деяния в качестве преступного. **Важен не сам факт того, какое именно деяние совершило повторно лицо (какая степень опьянения имела место), а важно то, что лицо, будучи уже ранее привлеченным к административной ответственности, допускает его вновь.** Большую опасность здесь представляет само лицо, а не его деяние, ибо оно так и остается таковым и количество не может перерасти в качество. О качественном признаке мы говорим постольку, поскольку деяние приобретает статус преступного ввиду того, что его совершает лицо, уже ранее привлекавшееся к ответственности за подобное (тождественное) правонарушение. Поэтому административная преюдиция – это больше признак, характеризующий субъекта (специального субъекта) преступления, а не объективную сторону состава преступления.

Следовательно, в случае, когда административный закон дифференцирует ответственность за правонарушения в зависимости от различных условий и обстоятельств, а уголовный закон не предусматривает такой дифференциации и устанавливает единые критерии для ранее совершенных административных правонарушений, вне зависимости от их степени опасности или вредоносности, в расчет при назначении штрафа как уголовного наказания, руководствуясь общим правилом, зафиксированным в ч. 1 ст. 50 УК, следует принимать **наиболее строгий (высокий) размер административного взыскания в виде штрафа, установленный статьей КоАП применительно к данному виду тождественного правонарушения.** Этот будет тот минимальный порог, который должен будет учитываться при избрании размера наказания в виде штрафа в уголовно-правовом порядке согласно ч. 1 ст. 50 УК.

Теоретически данный вывод обосновывается нами тем, что ключевым в понимании административной преюдиции является субъект преступления (или квазиспециальный субъект). Прямую аналогию в этом случае можно проводить с рецидивом преступлений. В данной ситуации важно то, что при установлении преступления с признаками административной преюдиции в расчет принимаются те черты личности, которые определяют его противоправное поведение. При этом мы должны говорить об общественной опасности субъекта, совершившего многократное повторение одного и того же правонарушения. И здесь каждое последующее кратное правонарушение влечет наступление уголовной ответственности не по причине перерастания количества в качество, а потому, что опасно само лицо, допустившее многократное нарушение закона. Безусловно, такое лицо осознает характер допускаемых им нарушений и то, что оно уже ранее привлекалось к ответственности. При этом нужно исходить из того, что если сегодня при дифференциации уголовной ответственности мы

учитываем опасные свойства личности, то такой же подход следует применять и при криминализации общественно опасных деяний.

Именно по этой причине законодатель предусматривает возможность усиления уголовной ответственности в отношении лица за очередное совершение им умышленного деяния в период «административной наказанности». Соответственно, если такое лицо демонстративно игнорирует существующие предписания и сознательно их нарушает, противопоставляя себя окружающим, то речь необходимо вести не столько об опасности совершенного деяния (оно все равно остается проступком, независимо от того, кто конкретно его совершил и в каком случае), сколько об опасности лица многократно его совершающего [4; 5]. Административное правонарушение так и остается таковым вне времени совершения лицом последующих противоправных действий. И эти противоправные действия влекут самостоятельную правовую оценку и никоим образом не связаны с ухудшением положения лица, совершившего очередное деяние, но наказываемое теперь в уголовно-правовом, а не в административном порядке.

Таким образом, сегодня мы вынуждены констатировать, что административная преюдиция в большей степени связана с общественной опасностью лица, совершившего деяние, а не с самим деянием как таковым, ибо общественная опасность связана не только с деянием, но и с личностью деятеля. Иначе говоря, принципиальное значение в рассматриваемом вопросе имеет не объективная сторона состава преступления, а специальный субъект преступления – лицо, допустившее тождественное повторное деяние, за которое ранее оно привлекалось к административной ответственности. Соответственно, при такой постановке вопроса административную преюдицию мы признаем конструкцией со специальным субъектом, где объективная сторона не включает ранее совершенные проступки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Саркисова Э. А. Уголовное право. Общая часть : учебник. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 559 с.
2. Судовы веснік. – 2008. – № 3. – С. 45.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : научно-практический комментарий / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М.Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : НЦПИ, 2019. – 1000 с.
4. Хилюта В. В. Административная преюдиция в структуре состава преступления // Уголовное право. – 2021. – № 7. – С. 56–63.
5. Хилюта В. В. Феномен административной преюдиции в контексте понимания сущности преступления // Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – Т. 5. – № 17. – С. 117–136.

УДК 343.2

Черков Владимир Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
Луганский государственный университет
имени Владимира Даля
г. Луганск, Луганская Народная Республика
Vladimir_Cherkov@mail.ru

Грон Виктория Владимировна,
магистрант, Луганский государственный
университет имени Владимира Даля
г. Луганск, Луганская Народная Республика
Vladimir_Cherkov@mail.ru

Социальная адаптация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, и ее значение в предупреждении рецидивной преступности

В статье рассмотрены проблемные вопросы социальной адаптации, возникающие перед лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Сформулировано определение постпенитенциарного мероприятия.

***Ключевые слова:** осужденный, пенитенциарная система, место лишения свободы, адаптация, предупреждение, преступность.*

Cherkov Vladimir Alexandrovich
candidate of legal sciences, associate professor,
Lugansk State University named after V. Dal
Lugansk, Lugansk People's Republic

Gron Viktoriy Vladimirovna,
Lugansk State University named after V. Dal
Lugansk, Lugansk People's Republic

Social adaptation of persons released from prison and its importance in the prevention of recidivism

The article is dedicated to the problematic issues of social adaptation that arise before the emergence of releases from places of deprivation of liberty. The definition of post-penitentiary measures is formulated.

***Keywords:** convict, penitentiary system, place of deprivation of liberty, adaptation, prevention, crime.*

Одним из ключевых аспектов проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, является вопрос участия институтов гражданского общества в реализации постпенитенциарных мероприятий. Ком-

плексность исследования данного вопроса требует, прежде всего, определить, что следует понимать под социальной адаптацией лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

В гуманитарные науки термин «адаптация» был заимствован из теории биологии, в которой под ним понимали приспособление строения и функций организмов (и их групп) к условиям существования [5, с. 19]. Социология как наука об общих и специфических социальных законах, и закономерностях развития и функционирования исторически определенных социальных систем, наука о механизмах деятельности и формах проявления этих законов и закономерностей в деятельности личностей, социальных групп, общностей, классов, народов [6, с. 25], также использует термин «социальная адаптация». На основании изучения научной литературы, в которой рассматриваются проблемы социальной адаптации, можно сделать вывод о существовании различных подходов к данному процессу. Не углубляясь в дискуссию, мы поддерживаем концепцию, согласно которой при социальной адаптации происходит двустороннее взаимодействие человека с социальной средой. Двусторонний характер отношений предусматривает согласование требований и ожиданий обеих взаимодействующих сторон. Данная концепция достаточно обоснована в специальной литературе и, на наш взгляд, может стать основой для определения понятия социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Процесс отбывания наказания в виде лишения свободы связан не только с изменением правового статуса личности, а и предусматривает резкое изменение условий жизни данных лиц. В результате ослабляются, а в некоторых случаях разрываются, социально полезные связи осужденных, ограничивается объем социальных ролей. После освобождения осужденный, вследствие влияния негативных факторов, присущих наказанию, связанному с изоляцией от общества, требует адаптации к условиям существования общества. Профессор В. М. Трубников под социальной адаптацией лиц, освобожденных из мест лишения свободы, понимает социальный процесс, который обеспечивает соответствие поведения индивида требованиям, которые ставятся перед ним обществом, и которые отражены в социальных нормах и законах, выработке активной жизненной позиции, усвоении им социально полезных ролей, осознании социального статуса гражданина и связанного с ним ролевого поведения [7, с. 28].

Процесс социальной адаптации иногда называют ресоциализацией индивида. Так, И. И. Карпец, рассматривая проблемы эффективности наказания в виде лишения свободы, отмечал, что весь порядок исполнения и отбывания этого наказания связан с активной работой в местах лишения свободы по исправлению осужденных, с их ресоциализацией [2, с. 229]. Ю. М. Антонян под ресоциализацией понимает процесс социальной адаптации, приспособление к новым условиям, «врастание» в новые социальные условия, активное участие в новой жизни, восстановления и приобретения новых ролей, статусов, функций [3, с. 96]. Иногда в данное понятие вкладывают и процесс воспитательного воздействия на лиц, освобожденных от отбывания наказания, с чем, разумеется,

можно согласиться, поскольку ресоциализационное влияние на них в данный период действительно осуществляется.

Проводя комплексное исследование социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания наказания, ученые пришли к выводу, что характерными особенностями процесса социальной адаптации освобожденных от отбывания наказания являются следующие:

- этот процесс влияет на особую категорию лиц, освобожденных от отбывания наказания, связанного с лишением или ограничением свободы;

- социальная адаптация – это средство установления взаимодействия лица, освобожденного от отбывания наказания со средой на микроуровне. Этот социальный и психологический процесс начинается с момента освобождения осужденного от отбывания наказания и, как результат, завершается достижением динамического равновесия между ожиданиями-требованиями общества (отдельных социальных групп) и поведением ранее судимого лица в пределах сроков погашения или снятия судимости;

- социальная адаптация на первом этапе ставит своей задачей ресоциализацию освобожденных, вовлечение их в жизнь без ограничений, связанных с наказанием в новой или измененной социальной среде, что предполагает их свободное и добровольное подчинение нормативным требованиям этой среды, уголовно-правовым нормам и правилам общежития, приведению своего поведения в соответствие с этими нормами;

- социальная адаптация освобожденных от отбывания наказания зависит от адаптационных навыков и способностей, присущих индивиду изначально и воспитанных в условиях исполнения наказания;

- успех социальной адаптации освобожденных от отбывания наказания может быть обеспечен только при наличии положительной взаимообусловленной направленности микросреды и личности судимого лица, совместимости социальных ожиданий среды этических позиций и ценностных ориентаций личности, взаимодействия личности и среды;

- наконец, одним из условий успешного протекания процесса социальной адаптации является развитие и совершенствование государственного и общественного контроля за поведением освобожденных от отбывания наказания [1, с. 32].

Процесс социальной адаптации для лиц, освобожденных из мест лишения свободы, как правило, связан с решением целого ряда различных проблем. Рассматривая проблемы, которые возникают у этой категории лиц, приведем рассуждения отдельных авторов, которые указывают на то, что освобождение не только восстанавливает у осужденного правовой статус свободного гражданина, но и расширяет его социальные роли и функции, для выполнения которых он в связи с изоляцией от общества не был достаточно подготовлен. Также отмечается, что у осужденных постепенно вырабатывается жизненная пассивность, которая притупляет адаптационные способности и после освобождения они не всегда могут сразу включиться в жизнь общества, которое постоянно

требует решения многих бытовых проблем, преодоление трудностей, искушений, негативных воздействий [9, с. 18].

Удачно, на наш взгляд, обращается внимание на то, что успех социальной адаптации освобожденных зависит от того социального окружения, в котором они будут находиться после освобождения. Поддерживая данное мнение, А. Г. Фролова считает, что на преступность осужденных после их освобождения от наказания в виде лишения свободы значительное влияние оказывает возвращение освобожденных к прежним занятиям, окружающая их криминогенная среда, неудовлетворительное решение вопросов их бытового и трудового устройства, качество и эффективность постпенитенциарного контроля и осуществления практической помощи в решении злободневных проблем, возникающих в период их адаптации к жизни на свободе и в процессе социально-политической реабилитации [8, с. 116].

Исследуя процесс освобождения осужденных из мест лишения свободы, ученые, с точки зрения социальной психологии, выделяют следующие виды конфликтных ситуаций:

1. Противоречие между представлениями индивида о жизни после освобождения и реальной действительностью.

2. Переоценка собственных возможностей и недооценка их другими людьми.

3. Острая необходимость выбора между двумя или несколькими вариантами, которые имеют важное жизненное значение.

4. Конфликт на основе несоответствия социальных устремлений личности и социальных убеждений людей, мнение которых для нее важно [4, с. 12].

Проблемы социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, В. М. Трубников разделяет на две категории. Первая категория охватывает заботы, связанные с удовлетворением насущных потребностей в жилье, пище, одежде, заработке, т. е. создание внешних условий жизнедеятельности субъекта. Вторая группа проблем связана с вхождением освобожденного в новую микросреду – семью, трудовой коллектив, ближайшее бытовое окружение [7, с. 30].

С учетом вышеизложенного, трудности, которые приходится решать освобожденным из мест лишения свободы, можно условно разделить на следующие проблемы:

- материальные (бытовое и трудовое устройство, отсутствие средств);
- социальные (восстановление отношений с семьей или создание новой семьи, расторжения негативных социальных связей);
- психологические.

Криминологами установлена и доказана связь между дефектами личности и проблемами в семье, в которой происходило формирование личности. Роль семьи, как антикриминогенного фактора, также общеизвестна. Наряду с обеспечением жильем, нормализацией семейных отношений, бытового устройства освобожденных важную роль играет и материальная помощь.

Необходимость помощи освобожденным из мест лишения свободы была признана на международных конгрессах. Так, в 1872 году, на конгрессе в Цинциннати было отмечено, что для того, чтобы спасти уже освобожденного преступника, необходимо применять более систематические и более практические методы, помогая ему в поисках работы, предоставляя ему моральную поддержку и, наконец, помогая восстановить доброе имя и доверие общества. Данная проблема была предметом обсуждения и на других международных пенитенциарных конгрессах, но по сей день не утратила своей актуальности.

Приведенные выше проблемы, возникающие перед лицами, освобожденными из мест лишения свободы, как правило, не могут быть решены ими самостоятельно. Это доказывает необходимость оказания помощи этим лицам, которая выражается, по нашему мнению, в системе специальных мероприятий. В юридической литературе они часто именуется постпенитенциарными мерами (мероприятиями). Следовательно, мы можем сформулировать определение постпенитенциарного мероприятия – это система правовых, социально-психологических, экономических, организационных и других мероприятий, направленных на помощь лицам, освободившимся из мест лишения свободы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бандурка А. М., Денисова Т. А., Трубников В. М. Общая теория социальной адаптации освобожденных от отбывания наказания (правовой и социально-психологический анализ уголовно-исполнительной политики по реабилитации осужденных). – Харьков ; Запорожье : НУВД : ЗГУ, 2002. – 440 с.

2. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. – М. : Юрид. лит., 1973. – 287 с.

3. Личность преступника и профилактика преступлений / под ред. Ю. М. Антоняна. – М., 2019. – 325 с.

4. Савчук Л. О. Формування адаптивних можливостей у вихованців ВТК, які звільняються з місць позбавлення волі // Соціальна реабілітація неповнолітніх, які повернулися з місць позбавлення волі, у соціальних службах для молоді. – Киев : А.Л.Д., 1995. – С.4–13.

5. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – 1632 с.

6. Социология : учебник / Ю. П. Коваленко, Н. И. Щипанов, Р. Г. Яновский ; под ред. Г. В. Осипова. – М. : Мысль, 1999. – 446 с.

7. Трубников В. М. Социальная адаптация освобожденных от отбывания наказания. – Харьков : Основа, 1990. – 173 с.

8. Фролова О. Г. Злочинність і система кримінальних покарань (соціальні, правові та криминологічні проблеми й шляхи їх вирішення за допомогою логіко-математичних методів) : навч. посіб. – Киев : АртЕк, 1997. – 243 с.

9. Шмаров И. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. – М. : Юрид. лит., 1974. – 136 с.

СЕКЦИЯ 3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ И ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 344.963

Васильева Анастасия Валерьевна,
старший преподаватель, Дальневосточный
юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации
г. Владивосток, Российская федерация
avd.anastasya93@mail.ru

Вопросы методики участия прокурора в рассмотрении судами гражданских дел по защите трудовых прав женщин

В статье рассматриваются некоторые теоретические вопросы методики участия прокурора в рассмотрении судами гражданских дел по защите трудовых прав женщин. Автор предлагает подходы к определению возможных методик прокурорского надзора в рассматриваемой сфере. В качестве вывода предлагается довод о том, что для эффективного осуществления прокурором участия в рассмотрении судами дел о защите трудовых прав женщин необходима правильная организация работы, включающая надлежащее взаимодействие и четкое разграничение компетенции между всеми элементами системы органов прокуратуры.

Ключевые слова: трудовые права, женщины, участие прокурора, прокурорский надзор, защита.

Questions of the methodology of the prosecutor's participation in the consideration by the courts of civil cases on the protection of women's labor rights

Vasilyeva Anastasia Valeryevna,
senior lecturer Far Eastern law institute
(branch) University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation

The article discusses some problematic theoretical issues of the methodology of the prosecutor's participation in the consideration of civil cases by the courts for the protection of women's labor rights. The author suggests approaches to determining possible methods of prosecutorial supervision in this area. As a conclusion, the argument is offered that in order for the prosecutor to effectively participate in the consideration by the courts of cases on the protection of women's labor rights, proper organization of work is necessary, including proper interaction and a clear division of competence between all elements of the system of prosecutor's offices.

Keywords: labor rights, women, participation of the prosecutor, prosecutor's supervision, protection.

Трудовые права в современном мире имеют огромное значение в связи с интенсивным развитием производственной сферы и появлением новых видов деятельности.

В настоящее время мужчины и женщины обладают равными правами. Принцип равноправия уже давно укоренился во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни, в получении образования и профессиональной подготовке, в труде, вознаграждении за него и продвижении по работе.

Однако наряду с предоставлением равных возможностей, необходимо учитывать, что труд женщины должен корректироваться с учетом физиологических особенностей ее организма, и также она должна нести функцию материнства: сочетать воспитание детей и работу – и это не простая задача.

Необходимо отметить и тот факт, что состояние здоровья женщин в период активного материнства и новорожденных – серьезный повод для размышлений. Уровень здоровья женщин детородного возраста остается низким, что влечет за собой увеличение числа случаев беременности и родов, протекающих с различными осложнениями [10, с. 75–79].

В прокурорской практике часто выявляются нарушения трудовых прав граждан при принятии на работу, нарушения при расторжении трудового договора. Типичным можно назвать нарушение прав работников на соблюдение установленного законом режима труда и отдыха и т. д.

Не менее распространенными являются нарушения трудового законодательства, связанные с нарушением порядка оплаты труда (Отчеты о работе государственной инспекции труда в городе Санкт-Петербурге за 2013–2021 гг. Государственная инспекция труда в городе Санкт-Петербурге).

На постоянной основе прокурорами осуществляется мониторинг ситуации, результаты которого ежеквартально поступают в Генеральную прокуратуру Российской Федерации. Прокуроры проводят проверки, принимают меры реагирования, активно используют полномочия по обращению в суд за защитой прав граждан в сфере оплаты труда.

Обязательной категорией дел, в которых прокурор принимает участие, являются дела о восстановлении на работе. Следует отметить, что в случае обращения с иском процесс сбора, оценки и представления доказательств по таким делам лежит на прокуроре. Зачастую работники могут быть официально не трудоустроены, получать заработную плату «в конверте», что существенно усложняет задачу.

Таким образом, социальная значимость надлежащего исполнения законодательства о труде и соблюдение трудовых прав женщин, значительное число правонарушений, требования о высоком уровне профессиональных навыков прокурорских работников обуславливают выбор рассматриваемой темы.

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, со-

блюдением прав и свобод человека и гражданина» прокурорам предписано акцентировать внимание на защите закрепленных в Конституции РФ трудовых прав граждан (п. п. 7.2).

Актуальность темы объясняется тем, что защита трудовых прав женщин остается одним из первоочередных направлений прокурорского надзора. Ведь именно органы прокуратуры выполняют предусмотренные Конституцией РФ задачи государства по соблюдению и защите прав и свобод граждан. Деятельность органов прокуратуры способствует тому, чтобы зарплата выплачивалась всем работникам в полном объеме и в установленный срок. Причиной большинства обращений в органы прокуратуры является нарушение прав граждан в трудовой сфере.

Для эффективного осуществления прокурором участия в рассмотрении судами дел о защите трудовых прав женщин необходима правильная организация работы, включающая надлежащее взаимодействие и четкое разграничение компетенции между всеми элементами системы.

Для городского и районного звеньев единой федеральной централизованной системы органов прокуратуры Российской Федерации организация деятельности имеет большое значение.

В первую очередь, это связано со штатной численностью таких прокуратур, а также постоянно увеличивающимся объемом работы.

В ст. 3, 4, разд. II Закона о прокуратуре определены организационное строение прокуратуры, структура органов прокуратуры, основополагающие принципы единства и централизации системы в целом, а также полномочия прокуроров по руководству и иное.

Термин «организация» широко используется для обозначения процесса по обеспечению согласованности, взаимодействия отдельных элементов соответствующего образования, направленного на создание оптимальных условий для его эффективного функционирования по достижению целей этого образования [6, с. 5].

Под организацией, по мнению О. А. Гуреевой, следует понимать «определенный вид деятельности, основным содержанием которого является создание условий по упорядочиванию, совершенствованию взаимосвязей, согласованию и координации составляющих организационную систему элементов, имеющих целью эффективное функционирование» [2, с. 19].

Такие понятия как «организация» и «управление» достаточно тесно связаны, а их соотношение до сих пор является спорным [8, с. 212].

По мнению Ф. М. Кобзарева, с которым мы согласны, применительно к органам прокуратуры управление является элементом организации работы. Соответственно, под организацией работы в органах прокуратуры обычно понимается комплекс взаимосвязанных действий, создающих необходимые условия эффективного функционирования системы прокуратуры по реализации стоящих перед ней целей. При этом в содержание организации работы входят три подсистемы действий и мер: внутрисистемная, внешнефункциональная и вспомогательная подсистемы [7, с. 78].

Следует различать понятия организация работы в органах прокуратуры и организация деятельности (вида) прокуратуры. По мнению Е. Р. Ергашева организация работы органов прокуратуры – это устойчивая система действий, построенная для достижения общих целей и задач и основанная на иерархии, а также разделении труда [3, с. 31].

Ю. Е. Винокуров, указывал, что организация работы в органах прокуратуры – комплекс взаимосвязанных действий, которые направлены на оптимизацию деятельности прокуратуры по реализации ее целей и задач [1, с. 68].

Организация работы включает различные элементы, например, организация труда, рабочего места, вопросы подбора и расстановки кадров, а также характерна для действий, совершаемых в органах прокуратуры определенного уровня, в отличие от организации направления (вида) деятельности, которая применима ко всей системе органов прокуратуры в целом. Кроме того, в организацию работы входят уже упомянутые нами три подсистемы.

Таким образом, в рамках данного исследования позволим себе высказаться и под организацией участия прокурора в рассмотрении судами дел о защите трудовых прав женщин понимать деятельность, направленную на создание условий эффективного осуществления деятельности прокурора по защите трудовых прав женщин в гражданском судопроизводстве и основанную на комплексе взаимосвязанных действий, а также учитывающую взаимное влияние внутрисистемной, внешнефункциональной и вспомогательной систем.

Вопросы организации деятельности прокурора в гражданском судопроизводстве отражены в приказах Генерального прокурора Российской Федерации от 12.10.2007 № 167 «Об организации взаимодействия территориальных и транспортных прокуроров при реализации полномочий в гражданском и арбитражном процессе» (далее – Приказ от 12.10.2007 № 167), от 07.05.2008 № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» (далее – Приказ от 07.05.2008 № 84), 10.10.2019 № 715 «Об организации деятельности прокуратур городов с районным делением» (далее – Приказ от 10.10.2019 № 715), а также Приказ от 11.02.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве».

Говоря о методике участия прокурора в гражданском судопроизводстве по защите трудовых прав женщин, необходимо отметить, что в целом методика может трактоваться как система правил, изложение методов обучения чему-нибудь или выполнения какой-либо работы.

Однако подобное понимание методики, по нашему мнению, лишает ее динамической составляющей. Поэтому под методикой можно понимать наиболее эффективный и целесообразный вариант определенной деятельности (в нашем случае деятельности, осуществляемой прокурором в гражданском судопроизводстве по защите трудовых прав женщин) в уже сложившихся и прогнозируемых условиях. Под условиями в данном случае можно понимать фактические обстоятельства дела, например, на момент подготовки и подачи прокурором искового заявления в суд в защиту трудовых прав граждан, а также подго-

товки заключения прокурора по делам о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, предусмотренных Гражданско-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и другими федеральными законами.

Методика может пониматься и как совокупность приемов и средств (организационных, тактических, технических), применяемых для наиболее эффективного осуществления деятельности. Однако, по мнению В. В. Клочкова, с которым мы согласимся, подобное определение лишено познавательной функции, присущей и частным методикам [5, с. 237].

К предмету методики участия прокурора в гражданском судопроизводстве по делам о защите трудовых прав женщин относятся закономерности деятельности по выявлению и устранению нарушений трудового, а также процессуального законодательства; закономерности, с которыми связаны эти правонарушения, их причины и условия; закономерности возникновения и развития процедур осуществления прокурором полномочий по защите трудовых прав женщин в гражданском процессе.

Для основ методики важно знать типичные нарушения закона, допускаемые участниками трудовых и процессуальных правоотношений, выражающиеся в незаконных действиях (бездействии), несоответствии законам принимаемых правовых актов.

Кроме того, В. В. Клочков указывает на связь методики с действующим законодательством, прежде всего, в том, что любые методические рекомендации не должны противоречить законодательству, а также предмет, система и содержание методики изменяются вместе с изменением правовых норм [5, с. 237].

Методика, базирующаяся на познании закономерностей организации работы и управления в прокуратуре и ее деятельности, анализе и обобщении прокурорской практики и состояния законности, представляет собой систему научно обоснованных рекомендаций о способах, приемах и средствах достижения целей и решения задач функционирования прокуратуры.

Элементами методики участия прокурора в гражданском процессе по делам о защите трудовых прав женщин могут быть:

- информационная основа – материалы гражданского дела, в частности те сведения об обстоятельствах дела, которые будут составлять предмет доказывания, от которых зависит представление доказательств и дальнейшее их исследование в гражданском процессе;

- взаимодействие прокурора с гражданкой, нуждающейся в защите трудовых прав, а также иными лицами (свидетелями, инспекторами ГИТ РФ, работодателем и т. д.);

- подготовка искового заявления либо заключения по делу;

- решение вопроса, связанного с обеспечением исковых требований;

- участие прокурора в подготовке дела к судебному разбирательству;

- участие прокурора в судебном заседании;

– подготовка апелляционного представления либо частного представления и участие прокурора в рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции;

– участие прокурора в пересмотре вступивших в законную силу судебных постановлений;

– контроль исполнения решения суда, вынесенного по иску прокурора о защите трудовых прав граждан.

Система методики, состоящая из двух разделов, включает в себя методики деятельности прокуратуры, методики организации работы и управления в органах прокуратуры. Методика участия прокурора в гражданском процессе относится к методике участия прокурора в рассмотрении дел судами.

В общем виде методики участия прокуроров в рассмотрении дел судами разделяли на группы применительно к уголовному судопроизводству [4, с. 59].

Применим эту классификацию в рамках исследования:

а) общая методика, содержащая компоненты в виде комплексов организационных и практических действий прокурора, которые, безусловно, необходимы для выполнения независимо от вида судопроизводства, в котором участвует прокурор;

б) отраслевые методики участия прокурора в рассмотрении судами гражданских, арбитражных, уголовных дел, видовая самостоятельность которых predetermined различиями законодательного регулирования процедуры осуществления соответствующих видов судопроизводства;

в) базовые методики участия прокурора по отдельным категориям гражданских дел;

г) частные типовые методики участия прокурора в гражданском процессе по делам о защите трудовых прав женщин (вид) – дела о восстановлении на работе, о взыскании задолженности по заработной плате и т. д. (разновидности).

Кроме того, можно выделить и иные методики участия прокурора в гражданском процессе по делам о защите трудовых прав женщин.

Таким образом, методика участия прокурора в гражданском судопроизводстве для защиты трудовых прав женщин представляет собой один из наиболее рациональных вариантов взаимосвязанных, поэтапных действий прокурора, осуществляющего деятельность по защите трудовых прав женщин в гражданском процессе, в уже сложившихся, а также прогнозируемых условиях, т. е. с учетом оценки фактических обстоятельств дела.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Винокуров Ю. Е. Прокурорский надзор : учебник / под общ. ред. Ю. Е. Винокурова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2000. – С. 68.

2. Гуреева О. А. Организационные аспекты обеспечения участия прокурора в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. – М., 2012. – 29 с.

3. Ергашев Е. Р. Организация работы городской (районной) прокуратуры : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. – Екатеринбург, 2003. – 31 с.

4. Исаенко В. Н. Методика участия прокурора в рассмотрении судами уголовных дел: состояние и проблемы научных исследований // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2007. – № 1. – С. 58.
5. Ключков В. В. Актуальные проблемы теории законности и прокурорского надзора : монография. – М. : Академия Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, 2012. – 262 с.
6. Кобзарев Ф. М. К вопросу о понятийных основах теории организации работы и управления в органах прокуратуры // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 6 (56). – С. 5–11.
7. Кобзарев Ф. М. Организация работы и управления в органах прокуратуры // Прокурорский надзор : учебник / под ред. Ю. Е. Винокурова. – 9-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт., 2010. – С. 78.
8. Латфуллин Г. Р., Райченко А. В. Теория организации : учебник для вузов. – СПб. : Питер, 2004. – 395 с.
9. Об организации взаимодействия территориальных и транспортных прокуроров при реализации полномочий в гражданском и арбитражном процессе: приказ Генерального прокурора Рос. Федерации № 167 от 12.10.2007 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.
10. Ситникова Е. Г., Сенаторова Н. В. Труд женщин: особенности регулирования. – М. : Ред. «Рос. газ.», 2015. – 191 с.
11. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. – С. 297.

УДК 347.965.1

Гончарова Татьяна Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет
Кострома, Российская Федерация
KovalenkoTS@mail.ru

Ресурсное обеспечение правозащитной функции адвокатуры: материально-финансовые вопросы

В статье анализируется материальное обеспечение адвокатуры, которое имеет особенности, проистекающие из специфики правового статуса адвокатов и необходимости обеспечения гарантий их независимости в целях максимально эффективной защиты прав и свобод физических и юридических лиц. По результатам проведенного исследования предлагается авторская формулировка ч. 1 п. 25 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов

в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации. Также автор предлагает главным распорядителем бюджетных средств на оплату труда адвокатов по назначению в уголовном судопроизводстве определить ФПА и привязать минимальный размер оплаты труда адвоката к заработной плате судей и прокуроров.

Ключевые слова: адвокат, адвокатура, правозащитная функция, материальное обеспечение.

Goncharova Tatyana Sergeevna,
candidate of legal sciences, associate professor,
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The article analyzes the material support of the bar, which has features arising from the specifics of the legal status of lawyers and the need to ensure guarantees of their independence in order to maximize the effective protection of the rights and freedoms of individuals and legal entities. Based on the results of the study, the author's wording of part 1 of paragraph 25 of the Regulation on reimbursement of procedural costs associated with criminal proceedings is proposed, costs in connection with the consideration of the case by the arbitration court, civil case, administrative case, as well as expenses in connection with the fulfillment of the requirements of the Constitutional Court of the Russian Federation. The author also proposes that the main manager of budget funds for the remuneration of lawyers by appointment in criminal proceedings determine the FPA and link the minimum wage of a lawyer to the salary of judges and prosecutors.

Keywords: lawyer, advocacy, human rights function, financial support.

Надлежащее ресурсное обеспечение адвокатуры является необходимым условием ее эффективного функционирования. Этот процесс напрямую связан с механизмом защиты прав и свобод человека и гражданина в государстве и имеет ряд особенностей, по сравнению с материально-финансовым обеспечением других органов правоохраны.

В соответствии со ст. 38 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» (далее – ФЗ «Об адвокатуре») [1] имущество Федеральной палаты адвокатов (ФПА) формируется за счет средств, поступающих от благотворительных пожертвований, отчисляемых адвокатскими палатами, грантов. Федеральная палата является собственником данного имущества.

Из этих средств выделяются расходы на вознаграждение адвокатов, работающих в аппарате и органах Палаты, материальное обеспечение деятельности Федеральной палаты адвокатов и иные расходы.

Остальные формы адвокатских образований – адвокатский кабинет, адвокатское бюро, адвокатская коллегия, за исключением юридической консультации, находятся на самообеспечении. Их имущество включает в себя имущество членов адвокатского образования или их учредителей.

В соответствии со ст. 24 ФЗ «Об адвокатуре» юридическую консультацию учреждает совет адвокатской палаты по предоставлению органа исполнительной власти субъекта РФ. Данное представление должно включать сведения о материально-техническом и финансовом обеспечении деятельности консультации, в частности, о предоставляемом ей помещении, источниках финансиро-

вания и средств на охрану труда адвокатов, направляемых в консультацию для работы.

Следует подчеркнуть, что в целях обеспечения независимости адвокатов от экономического фактора, закон закрепляет особые правила гонорарной политики, устанавливаемой самими адвокатами. К ним относятся такие как свобода определения гонорара адвоката, отсутствие постоянного жалования по трудовому договору (контракту), определение суммы гонорара самим адвокатом с учетом сложности оказываемой помощи и платежеспособности лица, за ней обратившегося.

Федеральный Закон «Об адвокатуре» лишь вскользь упоминает о праве адвоката на получение вознаграждения. Более полно гонорарная политика регулируется Кодексом профессиональной этики адвоката, принятым I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 г. [2]. Согласно ст. 16 Кодекса гонорар определяется соглашением сторон, учитывает объем, сложность и продолжительность оказания помощи, опыт и квалификацию адвоката, иные обстоятельства.

В соответствии с п. 3 ст. 16 Кодекса адвокат вправе выбрать такой способ оплаты, при котором размер вознаграждения зависит от результатов рассмотрения дела в суде. Установлены также требования для адвокатов, являющихся распорядителями денежных средств доверителя.

Совсем иначе выглядит гонорарная политика в случае оказания адвокатом юридической помощи по назначению органов дознания, предварительного следствия или суда. В соответствии со ст. 50 УПК РФ [3] этот порядок определяется советом Федеральной палаты адвокатов РФ. Так, решением Совета ФПА от 15.03.2019 г. утвержден Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, согласно которому этот процесс строится на принципах независимости адвокатуры, территориальности, приоритетности и контроля.

В соответствии с п. п. 5 п. 3 ст. 37, п. п. 5 п. 3 ст. 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» организацию работы адвокатов по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда осуществляет совет адвокатской палаты субъектов РФ в соответствии с Порядком, определенным советом ФПА. Этот же орган доводит указанный порядок до сведения заинтересованных органов, адвокатов и контролирует его исполнение.

Минимальная сумма вознаграждения адвоката с 1 января 2021 года составляет 1500 рублей, а в ночное время – 1775 рублей. За работу в праздничные, выходные дни и ночное время в 2022 года установлена оплата труда адвокатов в сумме 2050 рублей, что предусмотрено Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства РФ от 01.12.2012 г. № 1240 [4]. С начала 2022 года Совет АПТО рекомендовал исчислять оплату за участие в судебном процессе по на-

значению в размере на 4,0 % больше базовой ставки, установленной Постановлением № 1240.

Президент Федеральной палаты адвокатов Юрий Пилипенко направил письмо спикеру Госдумы Вячеславу Володину с предложением вернуть прежний порядок финансирования адвокатов по назначению, когда подобные расходы закладывались отдельной строкой в бюджете. Сейчас эти средства разбросаны по различным строкам ведомственных бюджетов. Как итог, до адвокатов положенные средства доходят с запозданием. Как сообщил Юрий Пилипенко, во многих регионах накопились миллионные долги перед адвокатами, участвовавшими в уголовных процессах по назначению следствия или суда [5].

Установленный Правительством 30-дневный срок выплат адвокатом часто не исполняется, так как финансовые органы распорядителей бюджетных средств ввели противоречащую нормам законодательства практику оценки правильности постановлений (определений) следователей, дознавателей, судей.

На наш взгляд, недостаточное и несвоевременное финансирование деятельности адвокатов со стороны государства вызывает предпосылки для некачественного оказания адвокатами бесплатной юридической помощи, с одной стороны, и невозможности адвокатам производить обязательные отчисления в пользу ФПА, с другой стороны. Фактически такое положение дел воспринимается многими адвокатами как эксплуатация труда квалифицированного специалиста и вызывает в адвокатском сообществе возмущение. Проблемы экономического взаимодействия адвокатуры и государства поднимаются также ведущими учеными. Так, Т. Г. Дабижа считает, что фонд оплаты труда адвокатов по назначению должен аккумулироваться в специальных фондах, минуя правоохранительные и судебные структуры [6, с. 49–55].

Учитывая изложенное, считаем целесообразным с целью разрешения указанных проблем финансирования адвокатуры предпринять следующие меры:

1) внести изменения в ч. 1 п. 25 Положения о возмещении процессуальных издержек... изложив его в следующей редакции: «Возмещение процессуальных издержек подотчетным лицам по уголовным делам в размере, установленном п.п. 2-11, 19, 20, 22, 23 и 24 настоящего Положения, а также выплата вознаграждения адвокату осуществляются на основании решения адвокатских палат субъектов РФ, вынесенного по результатам рассмотрения письменного заявления адвоката (его представителя), составленного в произвольной форме (далее – заявление), с приложением 2-11, 12-18, 22, 23 и 24 Положения, соответствующих документов, за счет средств, предусмотренных федеральным бюджетом на указанные цели Федеральной палате адвокатов РФ, после исполнения подотчетными лицами своих процессуальных обязанностей»;

2) предусмотреть возможность использовать остаток средств, выделенных из государственного федерального бюджета на возмещение процессуальных издержек адвокатам, на аренду помещений, приобретение оргтехники и удовлетворение других финансовых и материальных нужд адвокатских образований;

3) производить ежегодную индексацию размера оплаты труда адвокатов по назначению;

4) увеличить бюджетное финансирование расходов на защиту граждан в порядке уголовного судопроизводства по назначению и установить базовый (минимальный) размер оплаты труда адвоката в привязке к минимальному размеру заработной платы судей и прокуроров;

5) определить в качестве главного распорядителя бюджетных средств на оплату труда адвокатов по назначению в уголовном судопроизводстве ФПА РФ с целью их распределения по регионам (в палаты адвокатских субъектов РФ), установив систему отчетности ФПА РФ и систему контроля со стороны уполномоченных государственных органов.

На наш взгляд, данный подход существенным образом улучшит финансовую и материальную сторону ресурсного обеспечения адвокатуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/0b675c293af4587e3be4123efbe478aff654691d/ (дата обращения: 01.04.2022).

2. Кодекс профессиональной этики адвоката : принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. – URL: <https://fparf.ru/documents/fparf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 01.04.2022).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : принят Принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.04.2022).

4. Куликов В. Защиту вогнали в долги // Российская газета – Федеральный выпуск №7152 (284). – URL: <https://rg.ru/2016/12/14/advokaty-poprosilivnut-otdelnoe-finansirovanie-po-naznacheniiu.html> (дата обращения: 01.04.2022).

5. Положение о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации : утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240. – URL: <http://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 01.04.2022).

6. Дабижа Т. Г. Экономическая самостоятельность адвокатуры – гарантия ее независимости // Адвокатская практика. – 2016. – № 4. – С. 49–55.

Емельянов Антон Александрович,
старший преподаватель, Луганская академия
внутренних дел имени Э. А. Дидоренко
г. Луганск, Луганская Народная Республика
aaemetekianov@mail.ru

Постановления Пленума Верховного Суда как источник права

На современном этапе развития правовых систем становится все более очевидным, что их существование в «чистом» виде фактически не представляется возможным и лишено своей актуальности. В государствах англо-саксонской правовой семьи все чаще принимаются законодательные акты, которые являются общеобязательными наряду с судебными решениями. Напротив, в странах романо-германской правовой семьи решения вышестоящих судебных инстанций приобретают общеобязательный характер, становясь, таким образом, судебными прецедентами. В Российской Федерации и Луганской Народной Республике ведущую роль в судебной практике играют разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда. В статье предпринята попытка обосновать, что фактически указанные выше судебные постановления выступают в качестве правовых источников, в связи с чем давно назрела необходимость в их официальном признании таковыми.

Ключевые слова: источник права, Пленум Верховного Суда, толкование, разъяснение, правотворчество, норма права, общеобязательность, судебное постановление.

Emelyanov Anton Alexandrovich,
senior lecturer, Luhansk academy
of Internal Affairs named after E. A. Didorenko
Lugansk, Lugansk People's Republic

Resolutions of the plenum of the supreme court as a source of law

At the present stage of development of legal systems, it is becoming increasingly evident that their existence in a "pure" form is actually not possible and is devoid of its relevance. In the States of the Anglo-Saxon legal family, legislative acts are increasingly being adopted, they are generally binding in addition to judicial decisions. On the contrary, in the countries of the Romano-German legal family the decisions of higher courts acquire a generally binding nature, thus becoming judicial precedents. In the Russian Federation and the Luhansk People's Republic, explanations contained in the decisions of the Plenum of the Supreme Court play a leading role in judicial practice. The article attempts to substantiate that, in fact, the above-mentioned court rulings act as legal sources, therefore their official recognition as such is long overdue.

Keywords: source of law, Plenum of the Supreme Court, interpretation, explanation, law-making, rule of law, generally binding nature, judicial decision.

В настоящее время судебная система и процесс отправления правосудия в Луганской Народной Республике (далее – ЛНР) продолжает свое стремительное развитие, используя, в первую очередь, передовой опыт, накопленный в системе судопроизводства Российской Федерации (далее – РФ). В связи с этим об-

стоятельством все более актуальное значение приобретает дискуссия специалистов по поводу наделения постановлений Пленума Верховного Суда Луганской Народной Республики (далее – ВС ЛНР) статусом источника права.

Стоит отметить, что и поныне в российских научных кругах господствующей продолжает оставаться точка зрения о несостоятельности позиции некоторых правоведов, придающих практике Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) статус источника права. Основными аргументами сторонников данной точки зрения являются следующие:

1) признание постановлений Пленума ВС противоречит принципу разделения власти, поскольку правотворчество является исключительным правом законодательной ветви, но никак не судебной;

2) представляется, что в издаваемых актах толковательного содержания высшие судебные инстанции не создают новых правовых предписаний, поскольку официально не наделены такими полномочиями на законодательном уровне. Пленум ВС осуществляет толкование и разъяснение уже существующих правовых норм, детализирует и конкретизирует их положения, но новых правил поведения не создает.

Остановимся на первом аргументе. Безусловно, фундаментальный принцип деления власти на законодательную, исполнительную и судебную не должен подвергаться сомнению, обеспечивая баланс властных полномочий между государственными структурами и разграничивая сферу их компетенций. В то же время существование отграниченных и никак не пересекающихся между собой ветвей власти не представляется возможным. Принятие органами исполнительной власти в пределах своих полномочий подзаконных актов, которые также содержат правовые нормы, является прямым тому подтверждением. Также в качестве примера можно привести подзаконные акты, принятые Судебным департаментом при ВС РФ – приказы «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» [2] и «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [3].

Таким образом, применительно к обсуждаемой тематике источников права принцип разделения властей выражается не в исключительности полномочий законодательной ветви в принятии актов правотворчества. Речь в данном случае идет о закреплении верховенства законодательных актов, принимаемых парламентом, в сравнении с правовыми актами, принимаемыми органами других ветвей власти. В связи с изложенным выше представляется, что признание постановлений Пленума ВС РФ и ВС ЛНР в качестве источника права не будет являться нарушением принципа разделения властей при условии, что данные судебные решения будут находиться в «подчинении» законодательным актам и полностью им соответствовать.

Помимо формального соблюдения основополагающих принципов права целесообразно отметить практическую необходимость в оказании «помощи» законодательной ветви власти. Ни для кого не является тайной, что законодательная процедура не отличается своей гибкостью и быстротой. Естественно,

процесс разработки и принятия новых источников права требует проведения тщательного исследования и анализа общественных отношений и выработки эффективных механизмов, которые позволят данные отношения урегулировать, обеспечив для их участников реальную возможность в реализации и защите их конституционных прав.

В правоприменительной практике возникает дилемма: с одной стороны, многие насущные вопросы и проблемы в жизни общества длительное время остаются без решения, с другой, вследствие перенасыщения правовыми нормами многих сфер социальных отношений новые нормы приводит к возникновению противоречий в правовом регулировании, – юридических коллизий. Данное правовое явление чаще всего проявляется именно в судебной и правоохранительной деятельности, негативно сказывается на процессуальной процедуре защиты и восстановления прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, органов власти и государства в целом. При этом в уже существующих постановлениях Пленума ВС РФ и ВС ЛНР содержится много предписаний, позволяющих преодолеть существующие пробелы и коллизии в законодательстве. В связи с этим обстоятельством придание данным судебным актам статуса официального источника права позволит правоприменителям избежать длительного ожидания внесения поправок в действующее законодательство и применять результаты судебной практики.

Отсутствие эффективного механизма быстрого устранения юридических коллизий (о медлительности правотворческой процедуры уже отмечалось ранее) и единства правоприменителей в их преодолении только способствует активности в обсуждении вопроса о наделении постановлений Пленума ВС РФ и ВС ЛНР статусом источника права.

Разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума ВС РФ и ВС ЛНР часто используются в юридической практике: следователи обращаются к ним при возникновении трудностей в квалификации преступных деяний либо для решения процессуальных вопросов; в сфере гражданского и арбитражного судопроизводства лица, участвующие в деле, также часто прибегают к данным постановлениям, обосновывая свою позицию в суде; адвокаты при даче правовых консультаций также зачастую используют данные разъяснения, прогнозируя тем самым потенциальный исход судебного разбирательства и анализируя вероятность победы в правовом споре; студенты юридических высших учебных заведений как будущие практики также прибегают к постановлениям Пленума ВС РФ и ВС ЛНР при решении поставленных перед ними практических заданий. Во всех перечисленных выше случаях фактически рассматриваемые судебные постановления используются в качестве источника права, устраняя пробелы и преодолевая коллизии в действующем законодательстве. Практикующие юристы ценят разъяснения, содержащиеся в рассматриваемых судебных актах, и обращаются к ним как к комментариям норм права.

Второй аргумент противников присвоения постановлениям Пленума ВС статуса источника права сводится к тому, что содержащиеся в них разъяснения не содержат элемента новизны, который характерен для нормативных правовых

актов и выражается в создании ранее не существовавших предписаний. То есть разъяснения высшей судебной инстанции в системе судов общей юрисдикции не создает новых правил поведения, а лишь конкретизирует уже существующие и закрепленные в действующих актах правотворчества. Именно новшество правового предписания при урегулировании отношений в обществе является отправной точкой в определении юридического статуса постановлений Пленума ВС, их причисления либо не причисления к источникам права.

Изложенное выше утверждение об отсутствии новизны в рассматриваемых судебных актах подвергается сомнению. Так, А. Т. Боннер в качестве примеров приводит несколько Постановлений Пленума ВС РФ и отмечает, что «...в них, по существу, вводятся новые или серьезно изменяются существующие правила, а содержащиеся в них разъяснения обязательны для судов, в связи с чем говорить только о толковании законодательства здесь не приходится» [1, с. 11].

Действительно, достаточно часто положения, содержащиеся в постановлениях Пленума ВС приобретают нормативный характер, становясь частью системы законодательства. Р. З. Лившиц в работе «Судебная практика как источник права» [5, с. 7] отмечает, что они подлежат применению даже без приобретения статуса нормы права («...до облечения в законодательную форму...»), оставаясь вне поля зрения субъекта правотворчества. Автор отмечает: «Тот факт, что разъяснения Пленумов являются источниками права, прямо или косвенно всегда признавался в юридической литературе, тем более он должен быть признан сейчас» [5, с. 9].

Также стоит выделить позицию Н. В. Самсонова, который, исследуя постановления Пленума ВС в рамках гражданского процессуального права, приходит к выводу, что они представляют собой «...акты официального толкования права, которыми Пленум ВС путем толкования права, выявления его смысла, исходя из духа права и закона, с использованием в качестве методов толкования аналогии закона или аналогии права создает новые правила поведения для неопределенного круга лиц. Таким образом, имеется достаточно оснований для причисления Постановлений Пленума ВС к источникам гражданского процессуального права».

В качестве примера рассматриваемой категории судебных постановлений можно привести Постановление Пленума ВС РФ «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции». В нем демонстрируется новизна в регулировании общественных отношений, а именно – содержатся положения, отличные от предписаний действующего Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ). Так, согласно статье 328 ГПК РФ апелляционный суд уполномочен: 1) оставить решение суда первой инстанции без изменения; 2) отменить или изменить решение суда первой инстанции полностью или в части и принять по делу новое решение; 3) отменить решение суда первой инстанции полностью или в части и прекратить производство по делу либо оставить заявление без рассмотрения [4]. На эту же норму ссылается

и ВС в указанном выше постановлении (пункт 53). При этом действующее гражданско-процессуальное законодательство не дает суду право направить дело на новое рассмотрение в суде первой инстанции.

В то же время Пленум ВС в своем постановлении изложил разъяснение следующего содержания: «...направление дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции по общему правилу не допускается...» [6]. Таким образом, ВС РФ подобной формулировкой уже указывает на наличие исключений из правила, предусмотренного статьей 328 ГПК РФ. В качестве примера суд приводит незаконные или необоснованные решения судов первой инстанции по делам, принятые только на основании признания иска ответчиком либо только в связи с истечением срока исковой давности. Далее излагается аргументация, согласно которой апелляционный суд «...на основании части 1 статьи 330 и статьи 328 ГПК РФ отменяет решение суда первой инстанции. В такой ситуации с учетом положений абзаца второго части 1 статьи 327 ГПК РФ о повторном рассмотрении дела судом апелляционной инстанции оно подлежит направлению в суд первой инстанции для его рассмотрения по существу заявленных требований» [6].

Таким образом, ВС РФ предоставил право апелляционному суду отменять судебное решение, принятое по первой инстанции, и направлять дело на новое рассмотрение, не смотря на отсутствия в ГПК РФ нормативного закрепления такого полномочия.

Изложенные выше доводы и практические примеры указывают на необходимость и актуальность признания постановлений Пленума ВС РФ и ВС ЛНР в качестве правовых источников. Данные судебные разъяснения фактически уже давно вынужденно «приняли» на себя роль регулятора общественных отношений, стали обязательными не только для нижестоящих судов, но и для многих других практических деятелей в области юриспруденции.

В качестве завершающего довода целесообразно привести фрагмент сообщения, содержащегося на сайте ВС РФ: «Учитывая конституционную норму о возложении на Верховный Суд РФ обязанности по даче разъяснений по вопросам судебной практики, полагаем, что эти разъяснения можно расценить как своего рода судебный прецедент. В пользу такого вывода говорит прежде всего то, что в постановлении Пленума по применению законодательства сконцентрированы в обобщенном виде выработанные многолетней судебной практикой подходы к разрешению вопросов, возникающих при рассмотрении определенной категории гражданских либо уголовных дел, основанные на опыте и знании многих судей, других практикующих юристов и ученых, облакаемые в конечном счете в форму конкретных разъяснений» [7].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Боннер А. Т. Избранные труды. Источники гражданского процессуального права. – М. : Проспект, 2017. – 349 с.
2. Бюллетень актов по судебной системе. – 2014. – № 2.
3. Бюллетень актов по судебной системе. – 2017. – № 2.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 27.03.2022).

5. Лившиц Р. З. Судебная практика как источник права. – М. : Институт государства и права Российской Академии наук, 1997. – С. 3–15.

6. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 номер 16. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388238/90f6c3c7e6b3106ea619dda7b5c961185aed7757/ (дата обращения: 26.03.2022).

7. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации: Фрагмент пояснения. – URL: <https://www.vsrfl.ru/files/11552/> (дата обращения: 26.03.2022).

УДК 343.01

Зайцев Леонид Николаевич,

старший преподаватель

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

l_zaycev@ksu.edu.ru

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: теория и практика

В статье анализируются и обобщаются теоретические исследования и судебная практика освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. При проведенном исследовании использовались общенаучные методы познания, основанные на сборе и обработке эмпирических данных. Исследуя законодательство, теоретические разработки и правоприменительную практику, автором рассмотрены особенности данного института. Предложены рекомендации по устранению и усовершенствованию выявленных проблем.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, основания и условия, правоприменительная практика.

Zaitsev Leonid Nikolaevich,

senior lecturer, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Exemption from criminal liability in connection with active repentance: theory and practice

The article analyzes and summarizes theoretical studies and judicial practice of exemption from criminal liability in connection with active repentance. The conducted research used general

scientific methods of cognition based on the collection and processing of empirical data. Exploring legislation, theoretical developments and law enforcement practice, the author considers the features of this institute. Recommendations for the elimination and improvement of the identified problems are proposed.

Keywords: *exemption from criminal liability, active repentance, grounds and conditions, law enforcement practice.*

Законы нужны не только для того,
чтобы устрашать граждан,
но и для того, чтобы помогать им.

Ф. Вольтер

Как отметил в своем докладе по итогам работы судов за 2021 г. председатель Верховного Суда Вячеслав Лебедев, что в 2021г. почти по каждому четвертому уголовному делу суды освобождают от уголовной ответственности. Указанные обстоятельства свидетельствуют о гуманизации правоприменительной деятельности органов судебной власти [13].

Действующее уголовное законодательство России предусматривает пять основных видов освобождения от уголовной ответственности, указанных в 11 главе Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК): в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК); в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК); в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК); в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК); в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК). В указанную главу УК РФ с момента его принятия неоднократно вносились изменения. Также такое освобождение предусмотрено и в случае применения к несовершеннолетнему мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК); а также в связи с актом амнистии (ч. 2 ст. 84 УК). Существуют еще и так называемые специальные виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные особенной частью УК РФ. Перечисленные основания свидетельствуют о том, что прекращение уголовных дел происходит не по реабилитирующим основаниям. Об этом указывает и Верховный Суд РФ в постановлении от 27.06.2013 № 19 [11]. Вопросы такого освобождения в связи с деятельным раскаянием зачастую вызывают затруднения, как часто встречающиеся в правоприменительной практике.

Вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием множество раз подвергались исследованиям ученых.

Так, одному из оснований освобождения от уголовной ответственности – деятельному раскаянию (ст.75 УК РФ) посвятила свое исследование М. А. Стадник. В частности она указывает, что: «Деятельно раскаявшееся лицо может способствовать как расследованию, так и раскрытию преступления, поэтому названные формы позитивного постпреступного поведения лица должны описываться в диспозиции ч. 1 ст. 75 УК РФ и примечаниях к статьям его Особенной части как альтернативные» [16, с. 20].

К. В. Авсеницкая предлагает одну из основных форм деятельного раскаяния именовать как «способствование раскрытию и расследованию преступления» [1, с. 9].

Вопросам современного состояния и перспектив оптимизации института освобождения от уголовной ответственности уделила внимание О. Н. Кузьмина. Исследуя данный институт, она провела четкое разграничение виду, основанию и условию освобождения от уголовной ответственности [6, с. 9–10]. Она же исследовала и вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, предлагая применение такого освобождения от уголовной ответственности только при наличии всех необходимых условий [6, с. 84].

А. В. Ендольцева считает, что деятельное раскаяние влечет освобождение от наказания, а не освобождение от уголовной ответственности [5, с. 25–26].

В. В. Сверчков разработал обобщенную концептуальную основу решения проблем освобождения от уголовной ответственности. Он с помощью типологического метода предлагает определять основания и условия освобождения лиц от уголовной ответственности и предлагает матрицу оценки опасного состояния лица в виде таблиц оценки опасного состояния лица *de lege lata* и *de lege ferenda* [15, с. 47–48].

Я. М. Матвеева в качестве альтернативного способа при освобождении от уголовной ответственности предлагает ввести медиацию [8, с. 160].

Указанные и другие исследователи анализируют правовую природу данного института, вносят ряд разумных предложений об усовершенствовании текущего законодательства, регулирующего вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Однако теоретические исследования не могут существовать без правоприменительной практики, поэтому следует проанализировать и ее современное состояние для более правильного понимания реализации указанных правовых норм.

Нами проанализировано 20 судебных решений о прекращении уголовных дел в связи с деятельным раскаянием [2].

Так, судом было прекращено уголовное дело в отношении Б. в связи с деятельным раскаянием. Принимая такое решение, суд указал, что обвиняемый дал подробные признательные показания, активно способствовал расследованию преступления путем представления органу дознания информации об обстоятельствах совершения преступления, воспитывает несовершеннолетних и малолетних детей, трудоустроен, характеризуется положительно, принимал участие в боевых действиях, согласен на прекращение уголовного дела по реабилитирующему основанию [12].

Вместе с тем, в указанном постановлении, по нашему мнению, суд в недостаточной мере мотивировал такое решение.

По одному из дел суд не нашел оснований для применения к виновному 3. ст. 75 УК РФ, в связи с отсутствием оснований для такого применения [14].

Верховный Суд РФ отказал при рассмотрении апелляционной жалобы осужденного С, и его адвоката в освобождении от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ, поскольку его действия не утратили общественной опасности и его действия не свидетельствовали о его деятельном раскаянии) [3].

Костромской областной суд отменил приговор Костромского районного суда Костромской области от 16 июля 2019 года в отношении Б. и М. и производство по делу прекратил в связи с их деятельным раскаянием, поскольку они оба явились с повинной, активно способствовали расследованию преступления, еще в ходе следствия полностью возместили причиненный ущерб, перестали быть общественно опасными [3].

Дискуссионным представляется следующее судебное решение, когда районный суд за совершение 4 преступлений прекратил уголовное дело в связи с деятельным раскаянием, а суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении апелляционного представления прокурора и апелляционных жалоб 3 потерпевших и обжалуемое постановление оставил без изменения [4].

В последнем случае мы согласны с мнением В. В. Сверчкова об имеющейся судебной ошибке либо о квазиошибке, поскольку основанием освобождения от уголовной ответственности в силу ст.75 УК РФ является совершение преступления, но не ряда преступлений [5, с. 47–48].

В этом отношении мы не согласны с толкованием Верховного Суда РФ, изложенным в п.п. «а» ч. 1 п. 2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ в постановлении от 27.06.2013 № 19, предлагая исключить из данного п. п. «или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или несколькими статьям УК РФ), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено».

Анализ судебной практики установлено, что в основном инициатива прекращения уголовного дела исходила от защитников подсудимых.

По нашему мнению, такая инициатива может исходить и от подсудимого, прокурора, что необходимо закрепить на законодательном уровне в ст. 75 УК РФ.

Проблемами правоприменительной практики освобождения от уголовной ответственности по ст.75 УК РФ является недостаточная оценка судом оснований для такого освобождения. По нашему мнению только при наличии всех оснований суд может применить указанную норму.

Справедливо указывает В. В. Лазарев: «Судебные решения не только „акты распространения“, но и „акты творения“ права» [7, с. 90].

Анализ судебной практики позволяют сделать вывод о гуманизации правоприменительной деятельности органов судебной власти.

Таким образом, освобождение от уголовной ответственности предполагает наличие всей совокупности определенных юридически значимых фактов: добровольной явки с повинной, способствование раскрытию и расследованию этого преступления, возмещение ущерба или иным образом заглаживание вреда, причиненного преступлением, и лицо вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авсеницкая К. В. Деятельное раскаяние: понятие, формы, выражения, стимулирование уголовно-правовыми мерами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 24 с.

2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25 июля 2019 года. Дело № 5-АПУ19-56. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/4NIHp9jtOhZ8/?vsrf-txt/> (дата обращения: 08.04.2022).
3. Апелляционное постановление Костромского областного суда от 22 октября 2019 по делу № № 22-981. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aq4CpD51fNm/> (дата обращения: 08.04.2022).
4. Апелляционное постановление Костромского областного суда от 02 октября 2018 года по делу №22-832. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EoyfuyTu1CHk/?regular/> (дата обращения: 08.04.2022).
5. Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – 52 с.
6. Кузьмина О. Н. Институт освобождения от уголовной ответственности: генезис формирования, современное состояние, перспективы оптимизации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2020. – 24 с.
7. Лазарев В. В., Кузьмина О. Н. Инновационная деятельность суда // Актуальные проблемы экономики и права. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 85–93.
8. Матвеева Я. М. Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2016. – 222 с.
9. Михайлов Д. О. Судебный штраф в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2021. – 19 с.
10. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 6 февраля 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2021. – № 8. – С. 47–48.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ в постановлении от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения: 08.04.2022).
12. Постановление Шебалинского районного суда Республики Алтай от 30 июля 2021 года по делу № 1-103/2021. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1EPeLqImqilF/> (дата обращения: 08.04.2022).
13. Председатель ВС РФ подвел итоги работы судов за 2021 год. – URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/30781/ (дата обращения: 08.04.2022).
14. Приговор Щучанского районного суда Курганской области от 18 июня 2021 года по делу № 1-54/2021. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ukRVgB4z7Wr8/> (дата обращения: 08.04.2022).
15. Сверчков В. В. Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2008. – 61 с.
16. Стадник М. А. Деятельное раскаяние как институт освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2017. – 28 с.

Захарян Алексей Александрович,
аспирант, Российский государственный
университет правосудия
г. Москва, Российская Федерация
aleksey.zalharyan@gmail.com

Об участии суда и прокурора в доказывании при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ

Исходя из того, что на досудебных стадиях уголовного судопроизводства должностными лицами, ведущими предварительное расследование, и прокурором могут совершаться действия (допускаться бездействие) и приниматься решения, ограничивающие конституционные права граждан, основной гарантией обеспечения прав указанных лиц является судебный порядок рассмотрения жалоб посредством проведения судебного заседания. Соответственно, целью настоящей статьи является выявление проблем в доказывании при рассмотрении судом жалоб частных лиц на незаконные действия (бездействие) должностных лиц органов предварительного расследования и прокурора, осуществляемого преимущественно на основе реализации контрольно-надзорных полномочий суда и прокурора, как формы процессуального взаимодействия суда и прокурора, обоснование взаимосвязи их полномочий и формирование предложений по совершенствованию правовых основ реализации этих полномочий.

Ключевые слова: полномочия суда и прокурора, суд, прокурор, доказывание, досудебное производство.

Zakharyan Alexey Aleksandrovich,
postgraduate student,
Russian State University of Justice
Moscow, Russian Federation

On Participation of the Court and Prosecutor in Evidence in the process of Complaints Consideration by the Court under Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation

Due to the fact that officials conducting preliminary investigation and the prosecutor can take actions (avoid action) and decisions restricting constitutional rights of citizens and hinder their access to justice at pre-trial stages of criminal proceedings, the judicial procedure of complaints processing by holding a court hearing is the main guarantee of citizens' rights. Accordingly, the purpose of this paper is to reveal problems in providing evidence during consideration by the court of private persons' complaints regarding illegal actions (inaction) of preliminary investigation officials and the prosecutor, carried out mainly on the basis of implementation of the court and prosecutor's control and supervisory powers, as a form of procedural interaction of the court and prosecutor, substantiate the interrelation of their powers, and generate proposals to improve the legal bases for realization of these powers.

Keywords: powers of court and prosecutor, court, prosecutor, evidence, pre-trial proceedings, judicial control.

Реализация судом функции судебного контроля, а прокурором – надзора и уголовного преследования заранее обрекает их на необходимость взаимодействия [1, с. 106–112; 2, с. 196–224], как носящего организационный характер, так и процессуального взаимодействия, осуществляемого по правилам и в соответствии с процедурами, определенными уголовно-процессуальным законом по различным вопросам, в том числе связанными с доказыванием. В основе этого взаимодействия лежит общность назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и схожесть задач, необходимость решения которых обязательна для суда и прокурора в досудебном производстве, состоящих в первую очередь в обеспечении принятия законных, обоснованных и мотивированных решений.

Как представляется, одной из форм процессуального взаимодействия суда и прокурора при осуществлении судебного контроля в досудебном производстве является рассмотрение судом жалоб заявителей на совершенные незаконные действия (допущенное незаконное бездействие) и на принятые незаконные решения должностных лиц органов предварительного расследования и прокурора.

Проблемы участия суда и прокурора в доказывании касаются в том числе обоснованности поступающих обращений заявителей. Из-за отсутствия доступа к материалам дела заявитель не всегда может приложить к своей жалобе копию обжалуемого решения. Как правило, лица, отстаивающие личный интерес в уголовном процессе (например, обвиняемый или потерпевший), не могут по объективным причинам приложить к своей жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ копии процессуальных документов. На наш взгляд, не является основанием для возвращения жалобы факт отсутствия в приобщенных к ней материалах копии обжалуемого решения, если несмотря на принятые заявителем меры, такая копия не была им получена. В связи с этим, на наш взгляд, суд при подготовке к судебному заседанию по рассмотрению жалобы не должен возвращать заявителю его жалобу из-за отсутствия в качестве приложения к ней копии обжалуемого решения. Кроме этого, при обращении в суд представляется неправомерным требовать от заявителя подтверждения доводов своей жалобы доказательствами ввиду отсутствия доступа к материалам уголовного дела. В этих случаях суд при подготовке жалобы к рассмотрению оказывает содействие заявителю в представлении в суд необходимых материалов.

При рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ проявляется организационное содействие прокурора суду. Так, организационные отношения суда и прокурора связаны с необходимостью истребования прокурором по запросу суда копий материалов проверки сообщения о преступлении, уголовного дела и представления этих материалов в суд в целях быстроты получения запрашиваемой информации. Несмотря на обязанность суда уведомлять участников процесса о дате и времени рассмотрения жалобы заявителя, на практике возникают проблемы, связанные с извещением прокурора о жалобах в суде. Как представляется, решением этой практической проблемы является внесение соответствующих изменений в УПК РФ, касающихся обязательного участия прокурора при рассмотрении судом в ходе досудебного контроля материалов по жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ.

В действующем правовом регулировании прокурор оказывает содействие суду в части, касающейся истребования копий материалов уголовного дела или проверки сообщения о преступлении. УПК РФ не предусмотрена обязанность суда запрашивать копии этих материалов. Поскольку судебные решения по рассмотрению жалоб должны быть не только законными, но и обоснованными и мотивированными, подтверждаться исследованными в судебном заседании доказательствами, следует рассмотреть вопрос о возможности законодательного закрепления обязанности суда по истребованию копий материалов уголовного дела или сообщения о преступлении в случае принятия судом жалобы к производству. В этом случае суд обязан приобщить указанные материалы в качестве материалов по жалобе и изучить, исследовать и оценить имеющиеся в них доказательства и иные сведения на предмет допустимости, относимости, достоверности и достаточности для принятия решения по жалобе заявителя.

В ходе производств по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ, суд является активным субъектом собирания доказательств. При этом УПК РФ не запрещает суду задавать следователю или дознавателю и иным участникам судебного заседания уточняющие вопросы, направленные на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Поэтому степень активности суда при рассмотрении жалоб на незаконные действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования, и прокурора определяется не только арсеналом имеющихся у него полномочий, но и, главным образом, методами руководства судебным заседанием председательствующим судьей.

В этой связи Н. С. Курешева отмечает, что «суд, осуществляя проверку обжалуемого действия или решения, в судебном следствии организует работу сторон по исследованию доказательств, принимает необходимые меры, способствует сторонам в проведении этого исследования, обеспечивает соблюдение очередности предоставления доказательств сторонами и порядка их исследования, а также фиксацию проводимых действий» [3, с. 240]. Вместе с тем несовершенство действующего уголовного-процессуального законодательства в части, касающейся отсутствия регулирования порядка и процедуры представления сторонами доказательств, их исследования в ходе судебного заседания по рассмотрению жалоб, сказывается на законности и обоснованности принимаемых процессуальных решений.

Оценивая законность и, в первую очередь, обоснованность и мотивированность обжалуемого процессуального решения при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, суд и прокурор проверяют логическую деятельность по оценке доказательств и установление фактических обстоятельств уголовного дела другими должностными лицами. В этом случае указанные участники процесса проверяют и оценивают обоснованность и, как следствие, мотивированность принятых решений должностными лицами, осуществляющими расследование преступлений.

Как известно, в судебном заседании при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ суд ознакамливается с материалами, подтверждающими или опровергающими обоснованность обжалуемого решения органа предварительного расследования. Осуществляя процессуальную проверку истребованных копий материалов уголовного дела или сообщения о преступлении (которые

в том числе являются копиями материалов по рассматриваемой жалобе), суд оценивает имеющиеся в его распоряжении доказательства. При этом в практической деятельности суда при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ возникают проблемы, связанные с оперированием недопустимыми доказательствами. В связи с этим Верховный Суд Российской Федерации высказывает мнение о недопустимости оценки судом доказательств при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. Так, Верховный Суд Российской Федерации в кассационном определении от 10 ноября 2020 г. №18-УДП20-64-К4¹ указывает следующее: «Вместе с тем, учитывая правовую позицию, изложенную в выше-названном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, при проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора судья не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела. В частности, судья не вправе делать выводы о фактических обстоятельствах дела, об оценке доказательств и квалификации деяния». Таким образом, Верховный Суд РФ обращает внимание судей на недопустимость прямого указания в принимаемых судебных решениях на оценку допустимости имеющихся доказательств.

В связи с этим А. А. Устинов указывает, что «определение «границ» между соблюдением требований об исключении «предрешения» этих вопросов и необходимостью «объективной» проверки законности и обоснованности обжалуемого решения, вызывает у правоприменителя повышенную сложность» [4, с. 36–41]. Соглашаемся с этим утверждением, поскольку проверка постановления, обжалуемого в порядке ст. 125 УПК РФ, предполагает оценку представленных сторонами доказательств.

Вместе с тем согласно ч. 3 ст. 88 УПК РФ прокурор вправе по собственной инициативе или по ходатайству подозреваемого, обвиняемого признать доказательство недопустимым. Это полномочие прокурора распространяется в том числе на этап стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, связанный с решением вопроса о рассмотрении жалобы заявителя в порядке ст. 125 УПК РФ. В случае наличия в материалах по жалобе недопустимых доказательств, прокурор должен в первую очередь учитывать эту информацию при формировании его позиции относительно разрешения жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ по существу и обращать внимание суда на указанные обстоятельства.

При этом имеющиеся в материалах по жалобе доказательства не всегда отвечают требованиям достоверности. Суд ограничен в возможности проверки достоверности представленных сторонами обвинения и защиты доказательств. Кроме того, участники судебного заседания по рассмотрению жалобы зачастую не проявляют должной степени активности в реализации предоставленных им прав, несмотря на создание судом необходимых и достаточных условий для их реализации. В связи с этим представляется, что прокурор должен оказывать как

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2020 №18-УДП20-36-К4 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2022).

процессуальное, так и организационное содействие суду в собирании, представлении и исследовании доказательств. Исходя из этих обстоятельств, суд и прокурор могут использовать новые средства доказывания, которые ранее не были доступны жалобщику при обращении в суд. Вместе с тем эти новые «сведения, предоставляемые сторонами, получают доказательственное значение после проверки судом их относимости, допустимости, а также оценки в совокупности с остальным объемом доказательственного материала» [5, с. 36–41].

Подводя итог изложенному, следует иметь в виду, что при дальнейшем совершенствовании правового регулирования участия суда и прокурора в доказывании при рассмотрении судом жалоб заявителей следует учитывать выявленную в этой статье взаимосвязь и взаимообусловленность полномочий суда и прокурора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Голиков К. Н. Отдельные организационные и правовые аспекты прокурорской деятельности // Российское правосудие. – 2019. – № 10. – С. 106–112.
2. Кобзарев Ф. М. Проблемы взаимодействия прокуратуры и суда в сфере уголовного судопроизводства : монография. – М. : Институт повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ, 2006. – 384 с.
3. Курышева Н. С. Вопросы производства по жалобам на действия (бездействия) и решения дознавателя, следователя и прокурора. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 240 с.
4. Устинов А. А. Особенности доказывания при рассмотрении судом жалоб в ходе досудебного производства по делу // Российский судья. – 2020. – № 7. – С. 36–41.
5. Устинов А. А. Система доказывания при осуществлении судебного контроля за досудебным производством // Российский судья. – 2022. – № 2. – С. 35–40.

УДК 347.965.1

Кукеев Аскар Кульчимбаевич,
старший преподаватель Южно-Казахстанского
университета им. М. Ауэзова
г. Шымкент, Республика Казахстан
askar_kukeyev@mail.ru

Стратегия и тактика консультативной работы адвоката

В данной статье рассматривается консультативная работа адвоката и смежных понятий и сформулированы система методов консультативной работы адвоката, что охватывает методы сбора информации по делу, методы оценки обстоятельств дела и нормативно-правовой базы и методы формирования правовой позиции по делу. Отмечается наличие тактических приемов адвоката во время осуществления консультирования клиента в случае избрания внесудебного или судебного способа урегулирования административного

спора и теоретически обосновано использование адвокатом предложенных стратегий консультирования по отдельным категориям административных споров, в частности спорам об обжаловании решений органов публичной власти и оспаривания ограничения доступа к публичной информации.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, консультативная работа, консультирование, консультация адвоката, методы адвокатского консультирования, тактика осуществления консультирования.

Kukeev Askar Kulchimbayevich

senior lecturer, M. Auezov South Kazakhstan University
Shymkent, Republic of Kazakhstan

Strategy and tactics of the lawyer's advisory work

This article examines the advisory work of a lawyer and related concepts and formulates a system of methods of advisory work of a lawyer, which covers methods of collecting information on the case, methods of assessing the circumstances of the case and the regulatory framework and methods of forming a legal position on the case. It is noted that there are tactical techniques of the lawyer during the implementation of consulting the client in case of choosing an out-of-court or judicial method of settling an administrative dispute and theoretically justified the use by the lawyer of the proposed strategies for consulting on certain categories of administrative disputes, in particular disputes on appealing decisions of public authorities and challenging restrictions on access to public information.

Keywords: lawyer, advocacy, advisory work, consulting, lawyer's consultation, methods of lawyer's consulting, tactics of consulting.

По результатам консультативной работы, адвокат формирует стратегию и тактику ведения дела.

Избрание стратегии в значительной степени зависит от интересов лица, обратившегося к адвокату за правовой помощью. Следует отметить, что клиент может прийти к адвокату с запросом «выиграть дело», однако адвокат, оценив обстоятельства дела, может предложить избрание других стратегий. Основная задача выбранной стратегии должна предусматривать, прежде всего, наиболее полную защиту нарушенных/оспариваемых прав и/или интересов клиента.

Понятие стратегии касается военной терминологии, однако все чаще мы встречаем его и в других сферах знаний. Исторически под понятием стратегии понимали «искусство ведения боя». В толковом словаре это понятие трактовано как линию поведения, совокупность средств достижения цели. С. И. Ожегов под понятием стратегии понимает установку на определенные формы поведения в конкретной ситуации [7, с. 671]. Как отмечает Н. Хмелевская, под стратегией обеспечения правовой помощи следует понимать установление долговременной цели, широкой программы действий, задач, общей долговременной линии поведения адвоката, основных направлений его деятельности, научно обоснованного развития реальных событий и явлений относительно предоставления четко очерченной правовой помощи клиенту [9, с. 195]. Как справедливо отмечает Т. Шеллинг, стратегия связана не с эффективным применением силы (как в военных науках), а с использованием силового потенциала. В свою оче-

редь стратегия в деятельности юриста – это не только о выгодах и потерях сторон, но понимание того, что одни варианты его решения лучше для обеих сторон, чем другие [11, с. 17].

В контексте науки об адвокатуре под понятием адвокатской стратегии предлагается понимать совокупность приемов для достижения защиты нарушенных прав/интересов клиента.

Относительно видов стратегий, которые может выбрать адвокат в конкретной правовой ситуации, следует опираться на знания, разработанные как внутри юриспруденции, так и психологии, в частности конфликтологии. Это уместно, в частности, потому, что обычно к адвокату обращаются лица с целью получения правовой помощи, находясь в состоянии правового конфликта. Мы не можем еще говорить о споре, поскольку он является процессуальной категорией, и конфликтная правовая ситуация трансформируется в спор о праве на этапе обращения в суд.

Следовательно, конфликтологи, в частности Томас Килмэн, выделяют такие стратегии ведения конфликта, как:

- 1) доминирование;
- 2) сотрудничество;
- 3) уклонение;
- 4) приспособление;
- 5) компромисс [6, с. 7–14].

Указанные стратегии общие и определяющие для построения линии поведения клиента и представителя. Так, избрание какой-либо из стратегий предполагает определенный набор поведенческих паттернов. Адвокат, ознакомившись с обстоятельствами дела и проанализировав материалы, может прийти к выводу, что для удовлетворения законных интересов клиента и/или защиты его прав следует выбрать одну из указанных поведенческих стратегий. Безусловно, такой выбор будет в значительной степени влиять на тактику деятельности адвоката и клиента, однако в юридической практике стратегия может строиться с учетом возможных законодательно предусмотренных вариантов разрешения правового конфликта. Так, согласно части 1 статьи 245 КоАП РК [4] при разрешении дела по существу суд может удовлетворить иск полностью или частично или отказать в его удовлетворении полностью или частично. Учитывая это, Л. А. Скабелина предлагает следующие виды стратегий: 1) проиграть-выиграть – абсолютная победа лица, обратившегося за судебной защитой или его оппонента; 2) выиграть-выиграть – возможно в случае заключения мирового соглашения или соглашения по результатам процедуры медиации; 3) проиграть-проиграть – возникает в случае отказа в удовлетворении основных требований истца и встречного иска ответчика; 4) выиграть-проиграть – заключается в отказе в удовлетворении исковых требований, но удовлетворены требования встречного иска [8, с. 56]. Не возникает вопросов о том, что положительные для клиента стратегии «выиграть-выиграть» и «выиграть-проиграть». Однако иногда адвокат может решить, что для защиты прав и законных интересов личности доверителя в долгосрочной перспективе в конкретном деле лучше придер-

живаться стратегии «проиграть-проиграть» или даже «проиграть-выиграть». Избрание стратегии полностью зависит от обстоятельств дела и интересов клиента. Такая позиция опровергает распространенный миф, что профессиональный адвокат должен выиграть дело в суде и позволяет говорить о том, что профессиональный адвокат должен обеспечить защиту и реализацию интересов своего клиента. Стратегию по делу формируют адвокат совместно с клиентом в стадии формирования правовой позиции. Исходя из избранной позиции, адвокат принимает решение о дальнейших стратегических шагах. В целях реализации выбранной стратегии адвокат выбирает конкретную тактику. Этот термин также заимствован из военной науки и означает организацию армии. В толковых словарях под понятием тактики понимают пути, средства, формы борьбы, наиболее отвечающие конкретным обстоятельствам и призванные реализовать стратегический план. С. А. Деханов в своих трудах отмечает, что лучше выполнять свою задачу адвокату позволяет тактика действий. Именно тактика является способом реализации стратегических задач [3, с. 5–6]. Под тактикой (в частности, процессуальной) также понимают систему приемов и средств деятельности заинтересованного лица, использование которых обеспечивает наиболее эффективное воплощение избранной стратегии при рассмотрении гражданского дела в суде. Из приведенных определений можно заключить, что именно выбранная стратегия обуславливает тактику, которую выберет адвокат в конкретном деле. Тактика обеспечения правовой помощи адвокатом трактуется Н. Хмелевской как дефиниция методов, средств, правовой линии адвоката относительно предоставления четко очерченной правовой помощи клиенту на сравнительно непродолжительный период, подчиненных стратегии обеспечения правовой помощи для достижения главной цели и задач стратегии, наиболее отвечающих конкретным обстоятельствам в настоящий момент, и обеспечивают стратегический успех [9, с. 11]. Под тактикой адвокатской деятельности предлагается понимать систему приемов, которые использует адвокат для реализации выбранной стратегии. В литературе различают разные виды тактик. Так, Л. А. Скабелина отмечает, что тактики следует разделять на конструктивные и деструктивные. Деструктивные тактики состоят в подавлении действий процессуального противника, их основным признаком является их противоправная природа [8, с. 57]. Бесспорно, в условиях современного правового государства использование таких тактик неприемлемо. Конструктивные тактики призваны достичь поставленной стратегии законными способами. Так, исследовательница выделяет следующие тактики: 1) давления (состоит в осуществлении психологического воздействия на оппонента, акцентировании внимания на его негативных чертах или личности в целом); 2) приверженности (может способствовать восстановлению отношений между оппонентами после разрешения спора, ведь призвана вызвать у оппонента симпатии к противнику и действиям, которые он совершает); 3) убеждение (заключает оппонента в правильности избранной правовой позиции противоположной стороны, опираясь на надлежащие, допустимые, достаточные и достоверные средства доказывания) [8, с. 58]. Вопрос адвокатской тактики находит свое отражение в тру-

дах других ученых. Так, в исследованиях К. Ходжаевой можно найти упоминания и следующие тактики: 1) затягивание дела (заключается в использовании адвокатом всех возможных процессуальных инструментов для оттягивания рассмотрения дела по существу с целью наступления обстоятельств, способствующих реализации стратегии, избранной адвокатом со своим клиентом; 2) переговоры (состоит в совершении действий, направленных на установление договоренностей между сторонами и разрешение спора во внесудебном порядке или путем подписания мирового соглашения) [10 с. 135–167]. Также можно отметить, что адвокат может применять тактику кооперации (адвокат и клиент предлагают противоположной стороне конфликта совместными усилиями разрешить возникший во внесудебном порядке правовой конфликт с целью реализации стратегии «выигрыш-выигрыш»), тактику противостояния (адвокат и клиент не вступают ни в какие отношения с противоположной стороной конфликта, а все текущие вопросы выясняются через представителей или суд), тактику приспособления (выражается в склонности к смирению конфликтной ситуации путем установления согласия с другой стороной). Какую бы тактику ни выбрал адвокат для реализации стратегии, она будет формироваться на основе системы тактических приемов. Упомянутые тактики активно применяют адвокаты для реализации правовой позиции по делу (стратегии), которая была выработана по результатам консультирования. Однако в процессе консультирования адвокат также применяет всевозможные тактики. Их выбор зависит от личности клиента (психологические и индивидуальные особенности и потребности), категории дела и его сложности. Выбирая ту или иную тактику консультирования, цель реализовать основную цель – предоставить консультацию наиболее полно и качественно.

В контексте использования в рамках адвокатского консультирования целесообразно выделить следующие техники активного слушания:

1. Переформулирование – техника, заключающаяся в том, что адвокат своими словами повторяет сказанное клиентом. Это позволяет найти наиболее оптимальные формулировки, а также являющиеся элементом самопроверки понимания сказанного;

2. Резюмирование – подведение итогов, выделение основных идей, которые выразил клиент. Не является дословным изложением всей информации, но позволяет сделать акцент на ключевых элементах рассказа клиента. Целесообразно использовать в завершении этапа интервью.

3. Задавание вопросов для развития. Адвокату, строя беседу с клиентом, нужно всегда правильно задавать вопросы. Следует стараться избегать закрытых вопросов, исключения составляют случаи необходимости уточнения некоторой информации. На этапе интервью адвокату следует максимально эффективно использовать инструмент вопросов и узнать как можно больше информации от клиента. Именно адвокат должен задавать тон диалогу, устанавливать соответствующие границы [5, с. 214–236]. Этап опроса требует от юриста наибольшей активности. Основной задачей адвоката есть то, чтобы задать клиенту такие вопросы в такой форме, чтобы они максимально способствовали получе-

нию наиболее полной и достоверной информации. Тот, кто задает вопрос, должен четко представлять себе задачи, которые могут быть решены постановкой такого вопроса. Уместно применять в этом контексте закрытые вопросы, целью которых является получение однозначного ответа «да» или «нет». Интересен тактический прием «каминного дымохода». Он заключается в том, что адвокат поднимает такие вопросы, которые позволяют восстановить в памяти клиента связь событий. Например, клиент не может назвать точную дату какого-либо события, а для дела это очень важно. В этом случае рекомендуется задавать вопросы о предыдущих событиях, даты которых клиент помнит, или попросить клиента описать день, в течение которого это событие произошло. Таким образом, юристы используют ассоциативные возможности человеческого мышления для восстановления в памяти забытой информации. Тактический прием прогнозирования адвокат может применять в стадии выбора позиции по делу. Обсуждая с клиентом варианты разных позиций, разработанных по результатам консультирования, адвокат часто использует тактику прогнозирования, гипотетически предполагая последствия реализации того или иного выбранного клиентом сценария. Этим он побуждает доверителя выбрать ту позицию, которая наиболее выгодна с точки зрения защиты интересов личности клиента. Применяя этот тактический прием, не следует забывать также и правило консультирования, которое предлагает следовать А. Блохину: «Юрист не должен давать советов, аргументируя свои выводы, он только предлагает пути преодоления проблемы клиента и определяет их направления» [1]. Тактический прием постепенного опроса имеет место на стадии интервью и является наработкой психологической практики. Так, с целью получения максимального количества информации по делу во время первоначального диалога с клиентом, адвокату не следует сразу предоставлять весь список вопросов. Наоборот нужно дать возможность клиенту высказаться об обстоятельствах дела самостоятельно (стадия свободного рассказа), а затем задавать вопросы, используя тактический прием «нанизывания бусин», когда каждый вопрос касается конкретизации отдельных эпизодов правовой ситуации [2, с. 521]. В результате реализации этого тактического приема адвокат сможет составить полноценно картину сложившейся правовой ситуации и предварительно спланировать дальнейшую работу по ней.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Блохина О. Понятие, виды и этапы консультирования. – URL: <http://www.lawclinic.ru> (дата обращения: 20.03.2022)
2. Булакова Е. Ю. Адвокат: навыки профессионального мастерства / ред.: Л. А. Воскобитова, И. Н. Лукьянова, Л. П. Михайлова. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 567 с.
3. Деханов С. А. Общие вопросы адвокатской тактики, техники и стиля // Адвокат. – 2012. – № 9. – С. 5–9.
4. Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК «Об административных правонарушениях» // Казахстанская правда. – 2014 г. – № 135 (27756).

5. Макаров С. Ю. Особенности консультационной работы адвоката // Адвокатура. Государство. Общество : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. – М. : Новый учеб., 2006. – С. 214–236.
6. Обозов Н. Н. Психология конфликта. – М. : Изд-во ЛНПП Облик, 2009. – 48 с.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
8. Скабелина Л. А. Психологические аспекты адвокатской деятельности : монография. – М. : Федеральная палата адвокатов, 2012. – 229 с.
9. Хмелевская Н. В. стратегия обеспечения правовой помощи адвокатом в уголовном производстве // Вестник Академии адвокатуры Украины. – 2015. – № 2(33). – С. 194–201.
10. Ходжаева Е., Рабовски Ю. (Шестернина) Стратегии и тактики адвокатов в условиях обвинительного уклона в России // Социология власти. – 2015. – № 2. – С. 135–167.
11. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. – 3-е изд. – М., 2020 – 367 с.

УДК 347.965.1

Макашова Татьяна Павловна,
старший преподаватель, Челябинский
государственный университет
г. Челябинск, Российская Федерация
t.p.ish@mail.ru

Яцынич Яна Ярославовна,
студент, Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Российская Федерация
yana23072001@mail.ru

К вопросу о закреплении института адвокатуры в Конституции Российской Федерации

В статье рассмотрены предложения, касающиеся закреплении института адвокатуры в тексте Конституции Российской Федерации. Приведены исторические данные, затрагивающие значимые события современности. Были рассмотрены и проанализированы точки зрения исследователей по данной проблеме. Кроме этого, обращено внимание на Федеральный Закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Проведено исследование, заключающееся в форме социологического опроса среди адвокатов города Челябинска. По итогу проделанной работы, сделан вывод, который касается вопроса о закреплении института адвокатуры в Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, адвокат, адвокатура, проблемы адвокатуры, адвокатская деятельность.

Makashova Tatyana Pavlovna,
senior lecturer, Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation

Yatsynich Yana Yaroslavovna,
student, Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation

On the issue of fixing the institution of advocacy in the Constitution of the Russian Federation

The article considers proposals regarding the consolidation of the institution of advocacy in the text of the Constitution of the Russian Federation. Historical data affecting significant events of our time are given. In this aspect, the views of outstanding figures on this issue were put forward and their statements were analysed. In addition, attention is drawn to the Federal Law "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation". A study was conducted in the form of a sociological survey among lawyers in Chelyabinsk. As a result of the work done, a conclusion was drawn, which concerns the issue of fixing the institution of advocacy in the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, lawyer, advocacy, problems of advocacy, advocacy.

В соответствии с положениями ст. 15 Конституции РФ: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации», была принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., именно тогда были заложены основополагающие положения, создан определенный фундамент, устанавливающий основы для различных систем страны [1].

Исторически значимым событием является 1 июля 2020 г. – дата проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения предложенных изменений в Конституцию РФ. Стоит заметить, что наше общество развивается каждый день с большой скоростью, соответственно, изменения в законодательстве, в действующих нормативных правовых актах крайне важны и нужны. Адвокатура представляет собой один из важнейших институтов гражданского общества, положения о котором закреплены в главе 7 Конституции РФ «Судебная власть и прокуратура». В литературе существует мнение о том, что адвокатуре «требуется законодательное определение места и роли в политической системе государства и повышение конституционного статуса института на федеральном уровне» [8, с. 16]. Думается, что указанное мнение обосновано, и статус института адвокатуры явно недооценен, требует внесения определенных корректировок.

Адвокатом, согласно ч. 1 ст. 2 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» признается лицо, получившее статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность, является независимым советником, оказывает квалифицированную юридическую помощь физическим и юридическим лицам. Полномочия адвоката закреплены

в ч. 3 ст. 6 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2].

Институт адвокатуры функционирует на основе следующих принципов: законности, независимости, самоуправления, корпоративности, равноправия адвокатов. Указанные принципы «играют важное системообразующее значение в системе адвокатуры, поскольку определяют основы организации и деятельности адвокатуры, влияют на объем прав и обязанностей адвоката» [5, с. 932]. Адвокатская деятельность является многообразной, юридическая помощь проводится и осуществляется в различных видах [3].

Необходимо отметить, что эффективность деятельности адвоката, во многом, зависит от его «профессионализма и взаимосвязанных между собой деловых качеств» [4, с. 6–7]. Адвокатом является лицо, получившее в установленном порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность, прекрасно знает нормативную базу страны, имеет теоретические и практические навыки. Значимость адвоката крайне важна в судопроизводстве, так как обеспечивает реализацию таких принципов, как законности, состязательности и равноправия сторон. Действительно, в настоящее время, ни один судебный процесс нельзя представить без участия защитника, но оценивается ли по достоинству данная деятельность? Можно ли говорить о том, что законодательство нашей страны относится к каждому из органов идентично? Показывает важность каждого?

В Конституции РФ указание на адвоката, как субъекта, реализующего право на квалифицированную помощь, указано лишь в ст. 48 Конституции РФ: «1. Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. 2. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения». Государство возлагает на институт адвокатуры, в лице конкретного адвоката, особую обязанность, которая заключается в защите прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц от различных посягательств и нарушений.

Думается, что ст. 48 Конституции РФ не раскрывает, в полной степени, всех особенностей и значимых моментов, связанных с функционированием адвокатуры в Российской Федерации. В связи с этим, готовясь к референдуму, касающемуся внесения изменений в текст Конституции РФ, со стороны выдающихся деятелей нашей страны были высказаны предложения, касающиеся института адвокатуры, например: П. В. Крашенников (Председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по строительству и законодательству) и А. А. Клишас (член Совета Федерации) указали на то, что именно глава 7 Основного Закона нуждается в определенных поправках. По мнению А. А. Власова «придание адвокатуре конституционной значимости имеет большое значение для выполнения возложенных на нее государством публично-правовых функций» [6, с. 16–17].

В аналогичном контексте выступил и президент ФПА РФ Ю. С. Пилипенко, по мнению которого «глава 7 Конституции РФ, в настоящее время, имеет «обвинительное звучание», что порождает не полную реализацию принципа состязательности, поскольку отсутствует «институт, его обеспечивающий, то есть адвокатура» [6, с. 17]. Мы поддерживаем данную точку зрения, так как указанная позиция в полной мере соответствует потребностям современного общества, и со стороны государства должны быть приняты какие-либо меры, направленные на поддержание адвокатуры и адвокатской деятельности. В частности, большое значение имеют законодательные изменения и поправки, вносимые в различные нормативные правовые акты. Но, стоит понимать, что в случае сильного давления со стороны государства, институт адвокатуры может потерять свою независимость по отношению к другим участникам судопроизводства. Поэтому в данном аспекте, важно правильно разграничивать и понимать цель существования и функционирования каждого отдельного органа.

Для того чтобы были предприняты определенные действия, направленные на рассмотрение конкретных изменений и их закрепление, целесообразно, прислушиваться к мнению практических и общественных деятелей не только федерального уровня, но и регионального и местного. В контексте настоящего исследования был проведен социологический опрос среди адвокатов города Челябинска. В качестве результатов удалось установить следующее.

Во-первых, для каждого из респондентов, адвокатура – это не только профессия, которая доставляет удовольствие, но и «способ реализации основных прав и свобод гражданами, установленных Конституцией РФ». Также было отмечено, что для многих адвокатская деятельность – это «постоянное самосовершенствование в целях оказания наиболее квалифицированной помощи доверителям». Действительно, адвокатура – это социально-правовой институт, состоящий из квалифицированных юристов, которым важно совершенствоваться каждый день, быть в курсе всех изменений и поправок в законодательстве.

Во-вторых, в своей деятельности, основной и единой целью для каждого адвоката является помощь людям. Иначе говоря, как отметил один из респондентов, важно «в нужное время оказаться в нужном месте и правильно расставить акценты». В этом случае, роль адвоката, действительно, велика, поскольку важно не только оценить обстановку и ситуацию в целом, но и продумать тактику дальнейших действий.

Ключевым в деятельности адвоката является достижение справедливости, посредством «достижения максимально положительного результата в каждом отдельном споре». Несомненно, каждая отдельная цель важна для каждого адвоката в его профессиональном росте, а объясняется это многогранностью.

В-третьих, подход к рассмотрению вопроса о внесении изменений в Конституцию был различным, у каждого респондента своя точка зрения на процесс

понимания и осмысления необходимости каких-либо изменений, касающихся института адвокатуры и главы 7 Конституции РФ. Одна группа респондентов считает, что «острой необходимости» в части закрепления института адвокатуры в Конституции РФ – нет. Адвокатура должна быть независимой и свободной от каких-либо давлений. Вторая группа считает, что изменения нужны не столько в Конституции РФ, сколько в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», в части «вывода института адвокатуры из-под контроля министерства юстиции». Третья группа считает, что институт адвокатуры «нуждается в корректировке» и изменениях, касающихся закрепления в Конституции РФ «правового статуса адвоката как полноправного участника процесса».

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что из всех субъектов, именно адвокат является независимым профессиональным советником по различным правовым вопросам. Именно адвокатская деятельность осуществляется в целях защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, а также в целях обеспечения доступа к правосудию. Мы придерживаемся точки зрения, что закрепление института адвокатуры в Конституции РФ целесообразно в части его включения в главу 7 Конституции РФ «Судебная власть и прокуратура». Данное изменение позволит укрепить реализацию принципа правосудия, который предполагает состязательность, независимость и равноправие сторон.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный Закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
3. Власов А. А. Адвокатура : учебник и практикум / Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации. – М. : Прометей, 2017. – 275 с.
4. Адвокатура в России : учебное пособие / Н. И. Газетдинов, А. П. Галоганов, Д. А. Иванов [и др.] ; науч. ред. Г. Б. Мирзоев, Н. Д. Эриашвили ; общ. ред. А. П. Галоганов. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2021. – 369 с.
5. Авдеева А. С. Правовые принципы адвокатуры и адвокатской деятельности // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 21. – С. 931–941.
6. Рагулин А. В. Закрепление статуса адвокатуры в Конституции Российской Федерации отложено на неопределенный срок // Проблемы организации и функционирования адвокатуры. – 2021. – № 3(52). – С. 15–27.

УДК 343.35

Меркулов Сергей Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Донецкий национальный государственный университет
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
merkulovepf@mail.ru

Базака Виктория Владимировна,
студент, Донецкий национальный государственный университет
г. Донецк, Донецкая Народная Республика
viktoriabazaka@yandex.com

Проблемы эффективного противодействия коррупции

В статье речь идет об актуальных проблемах распространения коррупции в Донецкой Народной Республике и Российской Федерации, основных факторов ее возникновения, присущих России и миру в целом, а также угрозы влияния коррупции на экономическую безопасность государства. Проанализированы вопросы, связанные с существованием коррупции и противодействием ей в государственной сфере, ее проявлениями в общественной жизни.

***Ключевые слова:** коррупция, борьба с коррупцией, экономическая безопасность, факторы коррупции, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация.*

Merkulov Sergey Nikolaevich,
associate professor Donetsk
National State University
Donetsk, Donetsk People's Republic

Bazaka Victoria Vladimirovna,
student, of Donetsk National State University.
Donetsk, Donetsk People's Republic

Problems of effective counteraction to corruption

We are talking about the current problems of the spread of corruption in the Donetsk People's Republic and the Russian Federation, the main factors of its occurrence inherent in Russia and the world as a whole, as well as the threat of corruption's influence on the economic security of the state. The issues related to the existence of corruption and its counteraction in the public sphere, its manifestations in public life are analyzed.

***Keywords:** corruption, fight against corruption, economic security, corruption factors, Donetsk People's Republic, Russian Federation.*

Коррупция является одной из острейших проблем общества, что представляет реальную угрозу для национальной безопасности и отечественной государственности, ее политического, социального и экономического развития, утверждения и обеспечения принципов демократии и верховенства права.

Процесс противодействия коррупции в отечественных реалиях осложняется постоянным изменением антикоррупционного законодательства, несогласованностью действий между антикоррупционными и иными правоохранительными органами, бессистемностью участия в антикоррупционной деятельности институтов гражданского общества. Несовершенство организационного и функционального компонентов государственного механизма противодействия коррупции, незавершенность антикоррупционной реформы негативно влияют на результаты противодействия коррупции.

Поэтому антикоррупционная проблематика продолжает остро стоять на повестке дня развития отечественного государства, обеспечение его национальной безопасности. Все это обуславливает насущную потребность эффективно решать теоретические и прикладные проблемы противодействия коррупции в Донецкой Народной Республике и Российской Федерации.

В современных условиях обязательного переосмысления задач политических институтов, органов государственной власти, отечественной науки (в целом и юридической в частности) и переоценки понимание природы права и прав человека, назрела необходимость нового взвешенного подхода к пониманию сущности коррупции. Для этого крайне важно сместить акценты научных исследований с чисто познавательных или описательных на практическое решение проблемы и достижение главной цели – уменьшение уровня коррупции в отечественных реалиях до общественно приемлемого предела. Следует отметить, что такой процесс постепенно начал происходить в отечественной криминологии и общественном мнении.

Так, Б. М. Головкин одной из общих целей предотвращения коррупции определяет снижение уровня коррупции до социально допустимого предела [3, с. 254].

Общественно-допустимым уровнем коррупции (как реалистичной целью и ожидаемым результатом противодействия ей), надо считать такой, при котором коррупция: не является массовым явлением и не имеет системного характера; не оказывает существенного влияния на политическую, экономическую, правовую сферы общественной жизни; не является функциональным элементом организованной преступности и не используется для прикрытия организованной преступной деятельности; отсутствует на высшем политическом уровне и является нераспространенной в судебной системе и органах правопорядка; характеризуется неприемлемым отношением со стороны большинства населения [6, с. 93].

В ситуации с коррупцией прежде всего речь идет об обнаружении характерных ее особенностей, выступающих своеобразным ядром этого многогранного и меняющегося явления. Это, прежде всего, сделает возможным определение понятия коррупции, которое будет основываться не на второстепенных чертах, а на ее содержательных признаках, что станет одним из дополнительных, но важных элементов формирования более эффективной стратегии противодействия коррупции в отечественных реалиях [8, с. 110].

Нормативное определение коррупции. Сущность коррупции – теоретико-правовая категория, выражающая правовую связь между коррупционными отношениями и интересами индивида, общества и государства. Сущность коррупции имеет историческое значение в контексте развития законодательства в сфере противодействия коррупции, и заключается в таком смысле антисоциального поведения, при котором действия, нарушающие установленное нормативное регулирование той или иной сферы деятельности, осуществляются путем использования публичных возможностей для реализации личных или корпоративных интересов в ущерб общественным [5, с. 24].

Международно-правовое определение коррупции. Коррупция уже давно не является локальной проблемой – она превратилась в транснациональное явление, что влияет на общества и экономики всех стран и обуславливает исключительно важное значение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и контроля за ней [7, с. 205].

Научное определение понятия коррупции. Анализ современной научной литературы свидетельствует значительное количество определений понятия коррупции, обобщая которые можно сделать вывод, что понимание коррупции зависит от угла зрения, под которым ее пытаются исследовать специалисты различных отраслей науки. Предлагаемые дефиниции присущи именно тем наукам, которые представляют их авторы [1, с. 109–111].

Отсутствие коррупции в определенном социуме – это ориентир, определяющий направление движения антикоррупционных усилий и дающий возможность достигать промежуточные цели, это идеальный абсолют, к которому нужно стремиться, но невозможно достичь. Конечно, для широкой общественности, целью противодействия коррупции в отечественных реалиях может быть провозглашено ее окончательное искоренение, но только для более легкого вовлечения в антикоррупционную активность как можно большего количества лиц. Ведь другой подход к цели может уменьшить интерес потенциальных субъектов противодействия коррупции, не обеспечивая должной мотивационной составляющей, необходимой при выполнении столь важной для существования и развития государства задачи. Однако в криминологическом аспекте цель процесса противодействия коррупции иная. Как уже было выяснено – это ее минимизация до общественного приемлемого уровня [2, с. 172–173].

Кроме того, во избежание лишних дискуссий по поводу определения оптимальных количественно-качественных показателей измерения эффективности и сроков выполнения поставленной задачи, целесообразно цель и промежуточные сроки противодействия коррупции определять, как необходимость поступательного улучшения показателей уровня коррупции в отечественных реалиях на основе:

- 1) международных рейтингов авторитетных антикоррупционных организаций;
- 2) данные внутренних социологических опросов;
- 3) данных официальной (криминологической) статистики;
- 4) результатов научных криминологических исследований [10, с. 173].

Эта, возможно не слишком быстрая, но простая для анализа эффективности работы стратегия, будет давать возможность объективно оценивать деятельность государства и общества в сфере противодействия коррупции.

Существует взгляд, согласно которому системообразующим основанием антикоррупционной политики в современных условиях должно стать активное и постоянное противодействие коррупции, основанная на трех главных стратегиях:

- стратегия-осознание, что заключается в общем анализе ситуации и выработке антикоррупционной стратегии; построении антикоррупционных коалиций; свободном доступе к информации и независимых СМИ; разработке и внедрении антикоррупционных образовательно-просветительских программ и кампаний;

- стратегия-предупреждение, целью которой является формирование прозрачности органов власти; активное привлечение институтов гражданского общества к деятельности по предупреждению коррупции; уменьшение вмешательства государства в общественные отношения; принятие кодексов этики для чиновников, предпринимателей, снижение административных барьеров;

- стратегия-предотвращение, что предполагает формирование сильной и независимой судебной власти; неуклонное исполнение закона; общественную экспертизу законодательства на предмет наличия коррупционной составляющей; доступность правовой помощи и защиты для граждан [11, с. 13].

В контексте устранения внешних причин коррупции называют еще такие шаги:

- дерегуляция: введение мер внутренней экономической либерализации для обеспечения минимального вмешательства государства в бизнес и отмены стимулов к коррупции;

- реформа налоговой системы: уменьшение количества налогов, введение простых правил их расчета, необремененной формальностями процедуры уплаты и отчетности;

- реформа в сфере защиты экономической конкуренции: кардинальное уменьшение вмешательства государства в хозяйственную деятельность игроков рынка и обеспечения эффективного контроля за антиконкурентным поведением крупных компаний [9, с. 172–173].

Для устранения субъективных (внутренних) причин коррупции необходимым условием является:

- а) кардинальное изменение личного отношения каждого гражданина, прежде всего, к бытовой коррупции, даже в ее мельчайших проявлениях;

- б) изменение подхода к восприятию элитной коррупции с абстрактной критики к осознанной готовности самим гражданином отказываться от коррупционных практик в аналогичных ситуациях, что гипотетически могут возникнуть [4, с. 72].

Коррупция представляет острую угрозу не только отдельным государствам, государственным аппаратам и институтам, но и обществам и международ-

ному порядку в целом, существенно нарушает общепризнанные принципы государственного управления, посягает на идеи равенства и социальной справедливости, усложняет экономическое развитие.

В контексте устранения внешних причин коррупции необходимо предпринимать такие шаги как введение мер внутренней экономической либерализации для обеспечения минимального вмешательства государства в бизнес и отмены стимулов к коррупции; введение простых правил их расчета, необремененной формальностями процедуры уплаты и отчетности; обеспечение эффективного контроля за антиконкурентным поведением крупных компаний.

Для устранения субъективных (внутренних) причин коррупции необходимым условием является: кардинальное изменение личного отношения каждого гражданина, прежде всего, к бытовой коррупции, даже в ее мельчайших проявлениях; изменение подхода к восприятию элитной коррупции с абстрактной критики к осознанной готовности самим гражданином отказываться от коррупционных практик. Обеспечение высокого уровня информированности гражданского общества о результатах борьбы с коррупцией, совершение антикоррупционного законодательства создание «Реестра коррупционеров» и повышение уровня нетерпимости коррупции в обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белоганов В. А. Основные направления противодействия коррупции в российской федерации // Аспирант. Приложение к журналу // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 3–11. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/299355> (дата обращения: 01.04.2022).

2. Бубнов Ю. М. Коррупция в системе образования // Социология. – 2014. – № 4. – С. 112–121. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/297539> (дата обращения: 01.04.2022).

3. Все о коррупции и противодействии ей = Everything on Corruption and its Counteraction : терминологический словарь / авт.-сост. В. Н. Агеев, О. В. Агеева, И. И. Бикеев, А. Э. Бикмухаметов [и др.]. – Казань : Познание, 2014. – 228 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php/page=book&id=257769> (дата обращения: 01.04.2022).

4. Иванова М. Повышение уровня правосознания граждан и популяризация антикоррупционных стандартов поведения : учебник. – Оренбург : ОГУ, 2017. – 513 с.

5. Кондраль Д. П. Борьба с коррупцией в системе высшего образования России // Вопросы управления. – 2018. – № 6. – С. 1–7. – URL : <https://e.lanbook.com/journal/issue/311435> (дата обращения: 01.04.2022).

6. Румянцева Е. Е. Механизмы противодействия коррупции. – 3-е изд. – М. : Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 126 с.

7. Сулакшин С. С. Доктрина государственной политики противодействия коррупции и теневой экономике в РФ (макет-проект) : монография. – М. : На-

учный эксперт, 2009. – 218 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=78230> (дата обращения: 01.04.2022).

8. Сычева А. В. Коррупция в сфере высшего образования: коррозия правосознания // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – № 4. – С. 109–116. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/299821> (дата обращения: 01.04.2022).

9. Халилев Р. А., Легеза Л.А. Проблемы противодействия коррупции в системе высших учебных заведений (анализ зарубежной практики) // Гуманитарные науки. – 2015. – № 2. – С. 76–81.

10. Христинина Е. В. Общая характеристика коррупции в системе образования // Современные научные исследования: теория, методология, практика. – 2014. – Т. 1, № 1. – С. 280–289.

11. Шишкарёв С. Н. Правовые основы антикоррупционной политики России: История и современность : монография. – М. : Юнити, 2015. – 62 с.

УДК 344.963

Олифиренко Екатерина Павловна,
кандидат политических наук,
Северо-Кавказская государственная академия
г. Черкесск, Российская Федерация
anna-54@bk.ru

Проблемные аспекты совершенствования прокурорского надзора за законностью в сфере оплаты труда

В статье рассматриваются проблемные моменты осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства Российской Федерации в части оплаты труда. Факты нарушения трудового законодательства выявляются и пресекаются прокурорами в результате проведения комплексных надзорных проверок во взаимодействии с контролирующими органами. Указанные особенности отмечены автором как актуальные аспекты прокурорского надзора, свидетельствующие о необходимости совершенствования надзорной деятельности прокуратуры. Автором сделан вывод о значимости проведения мероприятий профилактической направленности, проводимых органами прокуратуры с целью предупреждения подобных нарушений. На примере конкретного региона рассмотрены типичные факты нарушения трудового законодательства и применяемые прокурорами меры прокурорского реагирования на выявленные нарушения.

Ключевые слова: трудовое законодательство, оплата труда, трудовые права граждан, прокурорский надзор, надзорные полномочия, меры прокурорского реагирования.

Olifirenko Ekaterina Pavlovna,
candidate of political sciences,
North Caucasus State Academy
Cherkessk, Russian Federation

Problematic aspects of improving the prosecutor's supervision of legality in the field of remuneration

The article discusses the problematic aspects of the implementation of prosecutorial supervision over the implementation of the legislation of the Russian Federation in terms of remuneration. Facts of violations of labor legislation are identified and suppressed by prosecutors as a result of complex supervisory inspections in cooperation with regulatory authorities. These features are noted by the author as relevant aspects of prosecutorial supervision, indicating the need to improve the supervisory activities of the prosecutor's office. The author makes a conclusion about the importance of preventive measures carried out by the prosecutor's office in order to prevent such violations. On the example of a specific region, typical facts of violations of labor legislation and the measures of prosecutorial response applied by prosecutors to the identified violations are considered.

Keywords: labor legislation, remuneration, labor rights of citizens, prosecutorial supervision, supervisory powers, measures of prosecutorial response.

Глава 2 Конституции Российской Федерации раскрывает ценность прав и свобод человека и гражданина, а их признание, соблюдение и защита возлагается на органы государственной власти. Право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности, профессию, условия, отвечающие требованиям безопасности и гигиены; право на вознаграждение за труд, в размере не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы, также предусмотрено положениями Конституции [1].

За соблюдением Конституции и исполнением законов, действующих в нашем государстве, в частности законодательства в трудовой сфере, осуществление надзора выполняет прокуратура Российской Федерации [5, с. 7]. Решая такую масштабную задачу как обеспечение правопорядка и законности на территории нашей страны, прокуратура как государственный орган вносит свой существенный вклад в социальный и правовой вектор развития нашего государства [7, с. 77–78]. Так, согласно положениям трудового законодательства, каждому работнику гарантировано право на выплату справедливой заработной платы своевременно и в полном размере, не ниже минимального размера оплаты труда в соответствии с нормами, установленными федеральным законом, а также ряд положений, основанных на общепризнанных принципах и нормах международного права [2]. Поэтому, соблюдение прав граждан в сфере оплаты труда является ключевой составляющей социально-экономической политики страны, а осуществление надзорных полномочий в сфере трудовых правоотношений является одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры [8, с. 58]. С целью обеспечения гарантий правовой защиты трудовых прав граждан законодательством Российской Федерации прокурору предоставлен ряд полномочий по принятию мер прокурорского реагирования в отношении недобросовестных работодателей. Так, в сфере трудового права прокуроры наделены следующими полномочиями:

– осуществлять проведение проверки по факту поступившего в прокуратуру извещения о групповом, тяжелом или несчастном случае со смертельным исходом;

– направлять в государственную инспекцию труда как ведущий контролирующий орган просьбу с требованием о проведении внеплановой проверки по поступившим в прокуратуру обращениям;

– участвовать в рассмотрении дел по вопросам восстановления на работу, осуществляет подготовку заключений о правомерности расторжения трудового договора [7, с. 78];

– подавать заявление в судебные органы для признания забастовки незаконной;

– осуществлять преследование лиц в рамках уголовного и административного производства по делам, связанным с нарушением трудового законодательства [3]. Обобщенный анализ применяемых прокурором полномочий, показал эффективность такой меры прокурорского реагирования как привлечение виновных лиц к установленной законом ответственности, инициированной прокурором. Так, в соответствии с частью 1 статьи 45 ГПК РФ, в целях защиты нарушенных трудовых прав граждан прокурор в праве обратиться с заявлением в судебные органы. Данная мера оправдала свою эффективность, поскольку за неисполнение судебных постановлений предусмотрена уголовная ответственность. Однако, наиболее правильным с точки зрения результативности является применение комплекса мер, поскольку прокурорская надзорная деятельность по выявлению и пресечению правонарушений осуществляется во взаимодействии с другими государственными органами власти и управления, которая подразумевает не только проведение совместных проверок, но также и обмен информацией, опытом работы, проведением совместных научных мероприятий, практических семинаров для повышения квалификации. Сожаление вызывает тот факт, что, сфера реализации правоотношений в трудовой сфере во все времена остается проблемной и резких колебаний за последние несколько лет в разрезе данного вида правонарушений не наблюдается, о чем свидетельствуют данные официальной ведомственной статистики.

Так, органами прокуратуры Карачаево-Черкесской республики проводится активная работа по противодействию нарушениям в сфере трудового законодательства. В отчетном периоде 2021 года в процессе проведения надзорных мероприятий было зарегистрировано более 1.4 тысячи нарушений, для устранения которых принесено 178 протестов на незаконные правовые акты; внесено 172 представления; 124 должностных лица привлечены к дисциплинарной ответственности, 134 – к административной ответственности; возбуждено 1 уголовное дело; предостережены о недопустимости нарушения законов 16 должностных лиц; предъявлено 254 иска и заявления в защиту трудовых прав граждан. В результате проведенной работы в этом направлении защищены трудовые права 475 граждан, ликвидированы суммы задолженности по зарплате свыше чем на 9 млн рублей; выявляясь и пресекались факты непредставления в органы служб занятости данных по вакантным рабочим местам [6].

Прокуратурой города Черкесска в рамках проведения надзорных действий в ООО «Дорожник» а рамках исполнения трудового законодательства, было выявлено 15 фактов нарушения прав граждан на своевременную оплату труда на общую сумму 844 тыс. руб., в отношении руководителя и юридического лица были приняты меры прокурорского реагирования в виде возбуждения административного производства по статье 5.27 КоАП РФ.

Прокуратурой Усть-Джегутинского муниципального района в ходе проведения надзорных мероприятий были выявлены факты допуска индивидуальным предпринимателем, осуществляющим реализацию продуктов питания, граждан к работе без заключения с ними письменного трудового договора. По фактам нарушения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права было вынесено постановление о возбуждении дела об административном правонарушении и представление об устранении нарушений закона, копии документов были направлены в Государственную инспекцию труда по республике.

По фактам нарушения законодательства в сфере занятости населения в анализируемом отчетном периоде были проведены прокурорские проверки в республиканском министерстве природных ресурсов и экологии. Субъектом надзорных отношений выступила Карачаево-Черкесская межрайонная природоохранная прокуратура, которой проводились проверочные мероприятия по обращению общественной организации. По результатам проверочных мероприятий были подтверждены факты, изложенные заявителем. В частности, было установлено, что имели место многочисленные нарушения трудового законодательства, а именно, задерживалась выплата зарплаты работникам, пособий по уходу за детьми до 1,5 лет. В отношении руководителя федерального органа исполнительной власти субъекта было вынесено представление об устранении нарушений закона, а также возбуждены производства по делам об административных правонарушениях, направленные в республиканскую государственную инспекцию труда. Также прокуратурой было подготовлено и направлено в суд исковое заявление о взыскании денежной компенсации по выявленным фактам [6].

Опираясь на проанализированные данные отчетных показателей деятельности органов прокуратуры в рассматриваемой надзорной сфере и принятые меры прокурорского реагирования, считаем целесообразным акцентировать внимание на таких проблемных аспектах как: проведение регулярных мониторинговых исследований по ключевым показателям состояния законности, в том числе внимательное изучение отчетной информации, поступающей из правоохранительных органов и органов контроля; для проведения полноценных надзорных проверок активизировать применение такого полномочия как привлечение к проведению проверки соответствующих специалистов; проведение своевременных проверок по фактам обращений граждан по вопросам задолженностей по заработной плате либо выплаты в скрытых формах [9, с. 217]; активное применение возможностей прокурорского надзора в сфере защиты трудовых прав граждан путем направления исков в суд в рамках гражданского су-

допроизводства; расширение сферы использования полномочий прокурора по возбуждению дел об административном правонарушении и направлению материалов проверки в Государственную инспекцию труда для привлечения работодателя к административной ответственности [4, с. 25–26].

В заключение считаем целесообразным отметить значимость построения такой системы защиты прав граждан в сфере занятости населения, которая позволила бы максимально эффективно раскрыть весь потенциал правозащитной деятельности прокуратуры, а также ключевую роль в этой системе органов прокуратуры как одного из ведущих государственных органов в сфере защиты трудовых прав граждан. Однако вопросы, связанные с разграничением полномочий органов контроля и правоохранительных органов в исследуемой сфере правовых отношений, требует, на наш взгляд, дополнительной проработки и должен находиться под пристальным вниманием правотворческих органов. Также следует уделить внимание рассматривать вопросов совершенствования организационно-правовых форм и методов в деятельности органов прокуратуры, обозначив вектор развития на предупреждение и профилактику причин правонарушений, в том числе необходимо акцентировать внимание на правовом просвещении, проведении разъяснительной работы с иными органами и институтами о недопущении нарушений в сфере трудовых отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ, –2020. – № 31, ст. 4398.

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ : ред. от 02.08.2020 // Российская газета. – 2001. – № 256.

3. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» : в ред. от 01.07.2021 № 265-ФЗ. – URL: <http://ivo.garaNet.ru/#/documeNet/10164358/paragraph/444850:3> (дата обращения: 01.04.2022).

4. Защита трудовых прав граждан средствами прокурорского надзора: теория и практика : сб. ст. / [ред. коллегия Н. В. Коваль, О. В. Смирнова] ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2018. – 71 с.

5. Паламарчук А. В. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства. – М. : Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2014. – 328 с.

6. Прокуратура Карачаево-Черкесской Республики. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_09 (дата обращения: 01.04.2022).

7. Сабельфельд Т.Ю. Прокурорский надзор за исполнением трудового законодательства как одно из приоритетных направлений в деятельности прокуроров // Юридическая наука. – 2018. – № 4. – С. 77–79.

8. Улизко Т. А. Цель и задачи прокурора в сфере защиты трудовых прав // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 1. – С. 11–14.

9. Шадрин И. А. Роль органов прокуратуры в защите трудовых прав граждан // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71), № 1. – С. 215–224.

УДК 344.963

Россоловский Павел Антонович,
соискатель, Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
pavelrossolovsky@yandex.ru

Концептуальные вопросы совершенствования деятельности органов прокуратуры как составляющая организации работы и управления

Статья посвящена вопросам совершенствования организации работы и управления в органах прокуратуры. Автором рассматриваются некоторые теоретические составляющие системы управления кадрами, организационно-управленческого обеспечения органов прокуратуры. В качестве вывода указывается, что важное значение имеет четкая нормативно-правовая регламентация фактически существующих в органах прокуратуры организационно-управленческих отношений.

Ключевые слова: прокуратура, управление, организация работы, деятельность органов прокуратуры, организационно-управленческое обеспечение.

Rossolovsky Pavel Antonovich,
applicant, St. Petersburg law institute (branch)
University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
St. Petersburg, Russian Federation

Conceptual issues of improving the activities of the Prosecutor's Office as a component of the organization of work and management

The article is devoted to the issues of improving the organization of work and management in the prosecutor's office. The author considers some theoretical components of the personnel management system, organizational and managerial support of the prosecutor's office. As a conclusion, it is indicated that a clear regulatory and legal regulation of the organizational and managerial relations actually existing in the prosecutor's office is important.

Keywords: prosecutor's office, management, organization of work, activities of the prosecutor's office, organizational and managerial support.

В современных условиях одной из ключевых проблем социально-экономического развития большинства развитых стран мирового сообщества является совершенствование системы управления кадрами. При этом, несмотря

на дифференцированный подход к данной проблематике, можно выделить общие тенденции, характерные для всех стран.

К ним относятся:

- совершенствование системы управления кадрами, формализация методологии и процедур отбора работников;
- формирование критериев оценки кадров; научный подход к анализу ключевых потребностей в сотрудниках; приоритетность приема молодых работников;
- повышение обоснованности принятия различных кадровых решений;
- расширение гласности принятых решений, связанных с проведением кадровой политики организации;
- комплексная увязка государственных и внутривозрастных решений с приоритетными элементами и направлениями кадровой политики.

Ценность управления кадрами как вида деятельности состоит в том, что это единственный вид общественной практики, непосредственно обращающий потенциал комплексного научного знания о человеке в практическую область, становясь одновременно важнейшим фактором и ресурсом управления обществом, государством, организацией.

Таким образом, развитие общей теории управления послужило источником формирования относительно самостоятельных теоретических положений, которые явились основой для зарождения концептуальных подходов в управлении кадрами как виде профессиональной деятельности.

В настоящее время как с практической, так и с научной точек зрения интерес представляют разработка структуры и описание содержания основных и относительно устоявшихся взглядов на организацию работы и управление, в том числе и в органах прокуратуры.

Осуществляемая в стране правовая реформа рассматривает деятельность системы правоохранительных органов как важнейший инструмент демократизации общества и защиты прав и интересов граждан.

Прокуратура Российской Федерации осуществляет взаимодействие с различными органами власти и направлена на недопущение и пресечение нарушений законности, что в свою очередь является главным в совершенствовании механизма организации работы и управления.

Осуществляя деятельность по исполнению нормативно-правовых актов, прокуратура на современном этапе имеет потребности в организации работы, получении информации, совершенствовании эффективности управления, которое должно осуществляться непрерывно и в необходимых объемах.

Потребности в определенных основах работы, сведения и информация для каждого уровня системы определяются, исходя из реальной обстановки в каждом регионе России.

Многими учеными и практиками придается большое значение многофункциональности прокурорской системы, позволяющей оказывать существенное влияние на множество различных по своей природе общественных отношений [3, с. 11].

Создание необходимых условий для эффективного функционирования органов прокуратуры выступает ключевой составляющей деятельности по организационному обеспечению [2].

Ввиду этого, рассмотрение вопросов совершенствования организации работы и управления в органах прокуратуры на сегодняшний день представляется весьма актуальным и востребованным.

Условием повышения результативности работы органов прокуратуры является создание оптимальной организационной структуры. Как и любая система органов, система органов прокуратуры представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих целостное единство. При этом для системы прокуратуры характерны связи между элементами структуры как по вертикали, для внутреннего управления системой, так и по горизонтали, для взаимодействия равнозначных органов и подразделений внутри системы и с другими органами [1, с. 53].

Безусловно, в современных условиях в каждом органе прокуратуры на любом уровне прокурорские работники выполняют значительный объем работы. В то же время именно на уровне районного звена нагрузки на работников зачастую являются наиболее высокими.

Практика прокурорской деятельности позволяет сделать вывод о том, что надлежаще организованная деятельность органов прокуратуры, особенно города, района, т. е. основного первичного и самого многочисленного звена в системе прокуратуры Российской Федерации, обеспечивает достижение целей и решение задач, определенных ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

От уровня организации работы в конкретном органе прокуратуры либо в структурном подразделении напрямую зависят результаты его деятельности.

Критерии оценки эффективности в органах прокуратуры могут определяться благодаря организации работы по повышению квалификации прокурорских работников, обеспечению взаимодействия структурных подразделений, повышению качества актов прокурорского реагирования, повышению результативности работы органов прокуратуры на различных участках работы.

Прокуратура взаимодействует с другими государственными органами, что также выражается в повышении результативности прокурорской деятельности в целом.

Кроме того, функции прокуратуры тесно связаны с функциями государства, поскольку прокуратура является частью системы государственных органов, ее полномочия выступают средством достижения целей и задач самого государства по обеспечению принципа верховенства права. Все это предполагает необходимость участия прокуратуры в планировании государственной деятельности [1, с. 53].

Организационные составляющие, связанные с обеспечением функциональной деятельности прокурорских работников, выступают на первый план при нахождении оптимального пути, по которому должно проходить развитие системы органов прокуратуры.

При этом, общая задача повышения организации работы и управления в органах прокуратуры решается многообразно: разрабатываются и осуществляются меры, направленные на повышение уровня руководства надзорной деятельностью, ведется работа по совершенствованию организационного построения, планирования и контроля исполнения.

Органы прокуратуры в составе системы государственного управления выступают как элемент управляющей системы и выполняют соответствующие их компетенции функции по управлению обществом в целом [4, с. 27].

Когда же речь идет об управлении системой органов прокуратуры, то имеется в виду: во-первых, управление этой системой как объектом со стороны государства; во-вторых, управление внутри системы органов и организаций прокуратуры, при котором объектами являются нижестоящие звенья прокуратуры, отдельные подразделения аппарата, прокурорские работники, а субъектами – руководители прокуратур, подразделений вышестоящих аппаратов на соответствующих уровнях системы, что в свою очередь составляет систему организационно-управленческого обеспечения органов прокуратуры.

Организация функционального взаимодействия внутри органов прокуратуры, которая выступает основой в координации между подчиненными и руководителями органов прокуратуры и организация внешнефункционального взаимодействия органов прокуратуры с другими социальными системами позволяет сделать вывод о том, что прокуратура Российской Федерации, реализовывая определенные функции государственного органа, создает условия, способные наполнить всю деятельность прокуратуры качественно новым и современным содержанием.

В целях повышения эффективности организации работы и управления в органах прокуратуры и улучшения ее взаимодействия важное значение приобретает четкая нормативно-правовая регламентация фактически существующих в органах прокуратуры организационно-управленческих отношений, что на сегодняшний день находится в поле зрения ученых и практических работников.

Подводя итог, отметим, что управление прокурорской системой в значительной мере связано с организацией работы и организацией взаимодействия, которое является главным содержанием структуры прокуратуры и основано на отношениях координации, взаимообеспечения и взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жубрин Р. В., Сазонова О. В. Совершенствование организации работы прокуратуры Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 5(49). – С. 52–53.
2. Кобзарев Ф. М. К вопросу о понятийных основах теории организации работы и управления в органах прокуратуры // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 6 (56). – С. 5–12.
3. Организация деятельности прокуратур городов, районов, других территориальных и иных специализированных прокуратур : учеб. пособие. Ч. 1 / [Э. Э. Агаронова и др.] ; под общ. ред. Э. Б. Хатова ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М. , 2018. – С. 11.

4. Основы организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации : учебник / под ред. проф. А. Ф. Смирнова. – М. : ИПК РК Генеральной прокуратуры РФ, 2004. – 222 с.

УДК 343.163

Рошко Николай Валериевич,

старший помощник прокурора Кировского района
г. Санкт-Петербурга, аспирант, Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
rnick1988@gmail.com

**Актуальные вопросы изучения прокурором материалов
уголовного дела и оценка содержащихся в нем доказательств
в судебном производстве (в рамках особого производства)**

В статье автором рассматриваются вопросы применения особого порядка судебного разбирательства, раскрываются вопросы изучения прокурором материалов уголовного дела, приводится краткая характеристика оценки содержащихся в материалах уголовного дела доказательств. Автором приводится судебная статистика применения особого порядка уголовного судопроизводства. Делается вывод о необходимости дальнейшего изучения и подготовки прикладных рекомендаций в части актуальных вопросов изучения прокурором материалов уголовного дела и оценки содержащихся в нем доказательств в судебном производстве в рамках особого порядка рассмотрения уголовного дела.

***Ключевые слова:** уголовный процесс, прокурор, изучение материалов, уголовное дело, особый порядок.*

Roshko Nikolay Valeryevich,

graduate student, St. Petersburg Law Institute (branch)
University Prosecutor's office of the Russian Federation
St. Petersburg, Russian Federation

**Topical issues of the prosecutor's study of the materials
of the criminal case and the assessment of the evidence contained
in it in court proceedings (within the framework of a special production)**

In the article, the author examines the issues of applying a special procedure for judicial proceedings, reveals the issues of studying the materials of the criminal case by the prosecutor, provides a brief description of the evaluation of the evidence contained in the materials of the criminal case. The author provides judicial statistics on the application of a special order of criminal proceedings. The conclusion is made about the need for further study and preparation of applied recommendations regarding topical issues of the prosecutor's study of the materials of the

criminal case and evaluation of the evidence contained in it in court proceedings within the framework of a special procedure for the consideration of a criminal case.

Keywords: *criminal procedure, prosecutor, study of materials, criminal case, special procedure.*

Возможность применения особого порядка судебного разбирательства законодательно закреплена в 2002 г. Мало кто знает, что процедура внесения соответствующих изменений в российское уголовно-процессуальное законодательство была крайне непростой и довольно длительной.

Изначально, сама идея особого порядка преследовала весьма благую цель – минимизировать время и ресурсы суда, затраченные на рассмотрение уголовного дела, но при этом, само лексическое значение слова «особый» предусматривает некую исключительность, применение лишь в возможных отдельных случаях.

Внесенный в 1997 году на рассмотрение в первом чтении в Государственную Думу Российской Федерации (далее – ГД РФ) проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) не содержал в себе никаких норм, предусматривающих особый порядок судопроизводства. Однако, в 2000 году меняется состав рабочей группы по подготовке проекта УПК РФ и на второе чтение поступает принципиально новый по содержанию законопроект с идеей «упрощенного судопроизводства». Данная концепция была позаимствована из Италии при поддержке американских специалистов по сравнительному правоведению, и основным аргументом рабочей группы стала экономия ресурсов суда и государственных средств.

Законодательно было предусмотрено применение особого порядка судопроизводства по уголовным делам небольшой и средней тяжести, что существенно отличалось от первоначальной идеи и договоренности между рабочей группой по подготовке законопроекта и ГД РФ при принятии Уголовно-процессуального кодекса РФ в третьем чтении.

Возможность применения особого порядка судопроизводства для уголовных дел средней тяжести, откликнулась возражениями Верховного суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), ряда депутатов, критикой ученых-правоведов, но несмотря на это, 18 декабря 2001 г. законопроект, принятый ГД РФ в третьем чтении, был подписан Президентом Российской Федерации и 1 июля 2002 года вступил в законную силу.

Соответствующие поправки в ст. 314 УПК РФ о применении особого порядка судебного разбирательства в отношении тяжких преступлений внесены в 2003 году Федеральным законом Российской Федерации от 04.07.2003 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Следует отметить, что далеко не все представители судебного сообщества столь позитивно оценивали последствия применения на практике особого порядка судопроизводства, высказываясь о том, что участники процесса переориентировались с достижения основной цели установления истины по уголовному

делу, на получение от подозреваемых (обвиняемых) признания вины, как необходимого условия применения положений ч. 1 ст. 314 УПК РФ [2, с. 15–17]

Так, руководитель следственного органа уполномочен проверять материалы уголовного дела и отменять незаконные или необоснованные постановления следователя (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Прокурор, в чьи полномочия входит надзор за предварительным следствием, обладает правом возвращения уголовного дела следователю для устранения нарушений законодательства и выявленных недостатков (п. 15 ч. 2 ст. 37, п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). Указанные должностные лица осуществляют контроль и надзор за действиями и решениями следователя как в процессе предварительного расследования, так и при изучении уголовного дела, расследование по которому уже окончено.

Конечно, и руководитель следственного органа, и прокурор, проверяя уголовное дело, не только могут, но и обязаны выявить допущенные следователем возможные нарушения законодательства и отдать распоряжение об их устранении. Но в силу разного рода обстоятельств, например некачественного, поверхностного изучения материалов уголовного дела, которое имеет место в отдельных случаях, так бывает не всегда.

Анализ судебной-следственной практики, изучение специальной литературы показали, что отдельные недобросовестные руководители следственного органа, прокуроры, видя, что в материалах уголовного дела содержится ходатайство обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства, также могут исходить из тех соображений, что имеющиеся нарушения не будут выявлены в суде, поскольку исследование доказательств в судебном заседании проводиться не будет.

Таким образом, прямое указание ст. 316 УПК на невозможность исследования в общем порядке доказательств при рассмотрении уголовного дела судом в сокращенном порядке в ряде случаев позволяет следователю избежать неприятных для него последствий, например возвращения дела для дополнительного расследования (ст. 15, 237 УПК РФ) [1, с. 29].

Отметим, что указанные обстоятельства следует считать негативными факторами заинтересованности следователя в постановлении приговора судом в порядке гл. 40 УПК РФ, которые необходимо искоренять. Забегая немного вперед, отметим, что обозначенные негативные факторы могут иметь место и в работе иных должностных лиц (работников прокуратуры, судей).

На подобного рода обстоятельства обращают внимание и другие исследователи. Так, отмечается, что «упрощенная форма судопроизводства нередко порождает упрощенческий подход к расследованию дел, по которым обвиняемые соглашались с предъявленным обвинением и заявляют ходатайства об особом порядке судебного разбирательства. Следователи не утруждают себя сбором всех возможных доказательств виновности обвиняемого, ограничиваясь его признанием. Надзирающие за следствием прокуроры тоже зачастую изучают такие дела поверхностно. В результате, когда после поступления дела в суд подсудимый вдруг заявляет о нежелании рассмотрения дела в особом порядке

и несогласии с предъявленным обвинением, выясняется, что доказывать его вину нечем» [2, с. 27].

Обозначенная ситуация стала во многом типичной, в том числе в связи с отдельными аспектами деятельности работников прокуратуры, установленными в ходе анкетирования.

Государственным обвинителям был задан ряд вопросов, ответы на которые позволили выявить, что зачастую работники прокуратуры при подготовке к рассмотрению дела судом в порядке гл. 40 УПК РФ недостаточно тщательно подходят к изучению материалов уголовного дела (60 % опрошенных).

Типичность подобного рода ситуаций обусловлена, по мнению респондентов, следующими обстоятельствами:

1) большой нагрузкой (в т.ч. большим объемом уголовных дел, по которым предстоит поддерживать обвинение) – 60 % работников прокуратуры;

2) очевидностью (несложностью) уголовных дел, планируемых к рассмотрению судом в порядке гл. 40 УПК РФ, – 65 % респондентов. (Проведен анкетный опрос 402 прокурорских работников, из которых стаж работы в органах прокуратуры Российской Федерации 1–3 года – 3,7 %, 67 % – до 5 лет, 20 % до 10 лет и 9,3 % свыше 15 лет. Исследование проведено в 2018–2021 годах среди прокурорских работников, проходивших обучение на факультете профессиональной переподготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

При этом, по справедливому замечанию А. Н. Вдовина, тенденция не полного (детального), а поверхностного изучения материалов уголовного дела является тревожной, если не сказать опасной, поскольку может способствовать как минимум следующему:

1) привлечению к уголовной ответственности невиновных (например, в случае самооговора лица, подвергающегося уголовному преследованию);

2) назначению несправедливого наказания (например, в случае неверной квалификации, данной в связи с не установлением всех обстоятельств совершенного преступления);

3) неприменению специальных правил назначения наказания (например, в части назначения наказания при отягчающих обстоятельствах, в случае невыявления факта совершения преступления группой лиц по предварительному сговору (ч. 3 ст. 60 УК РФ, п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ и др.)); невыявлению новых эпизодов преступной деятельности подсудимого или иных лиц [1, с. 30–31].

Для предупреждения обозначенных обстоятельств прокурор Краснодарского края А. С. Степанян со ссылкой на заместителя Генерального прокурора Российской Федерации С. Г. Кехлерова предлагает поддержание обвинения в случае судебного разбирательства в особом порядке поручать наиболее опытным сотрудникам. Крайне важно, чтобы процент участия начинающих государственных обвинителей в судопроизводстве в упрощенной форме был минимальным [3, с. 26].

Такие высказывания практических работников, почти ежедневно сталкивающихся с обозначенными проблемами, представляются в целом объективными.

Отметим, что, как правило, руководитель следственного органа и прокурор не направляют в суд, а судья не допускает до судебного разбирательства те уголовные дела, по которым допущены не формальные, а так называемые существенные, существенные ошибки/нарушения законодательства. Те же нарушения, которые считаются формальными, в большинстве своем можно восполнить в судебном заседании.

Однако помимо технических при рассмотрении уголовных дел судом в особом порядке допускаются и более серьезные ошибки/нарушения закона. Обращаясь этой проблеме, А. С. Степанян пишет: «...среди вступивших в законную силу и никем не обжалованных судебных решений можно найти приговоры с заниженной квалификацией либо, что еще страшнее, приговоры в отношении согласившихся с обвинением лиц, не совершавших преступлений». «Такова природа человека, что всякие упрощенные процедуры часто расхолаживают тех, кто применяет их на практике. И судьи не составляют исключения. Осужденным в особом порядке, как правило, не назначается суровое наказание, а это значит, что приговор, скорее всего, обжалован не будет. В итоге допускается большое количество технических ошибок, иногда искажающих саму суть правосудия. Известен случай, когда гражданин обвинялся по ст. 327 УК РФ в использовании подложного документа, а осужден за покушение на кражу по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ» [2, с. 27].

Если мы обратимся к судебной статистике, то отметим, что в 2017 году, на который пришелся пик применения особого порядка уголовного судопроизводства, из 132 тысяч дел о тяжких преступлениях в особом порядке были рассмотрены около 84 тысяч, т. е. 63 % от всего массива уголовных дел указанной категории. Очевидно, что сама концепция особого порядка, заключающаяся в его исключительности, потеряла всякий смысл.

Одной из существенных предпосылок отмены особого порядка для категории тяжких преступлений явилось выступление Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2018 г., в ходе которого он выступил с критикой в адрес следственных органов: «...почти 70 % уголовных дел рассматривают в суда в «особом порядке», без исследования доказательств. А следователи и дознаватели по указанным делам, как известно, упрощают свою работу до предела».

В 2019 г. решающим в разрешении вопроса изменения норм законодательства об особом порядке стало выступление Президента Российской Федерации на коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в ходе которого он обратил внимание на необходимость ответственно подходить к волеизъявлению обвиняемых о рассмотрении уголовных дел в особом порядке.

Уже в апреле 2019 г. ВС РФ внес в ГД РФ законопроект, ограничивающий список категорий уголовных дел, в отношении которых возможно приме-

нения особого порядка судопроизводства, исключив из них категорию тяжких преступлений.

Федеральным законом от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» исключена возможность применения особого порядка судебного разбирательства по тяжким преступлениям, кроме того, суд наделили правом прекращать уголовное дело, рассматриваемое в особом порядке.

Казалось бы, какое влияние может оказать внесение изменений всего в две статьи Уголовно-процессуального кодекса РФ на процесс оценки доказательств?

Многолетняя практика применения особого порядка на сегодняшний день показывает то негативное влияние, которому подверглась система правосудия. «Попустительское отношение» к оценке доказательств со стороны субъектов правоохранительной системы и суда, порождает «неиссякаемый набор обвиняемых», вина которых в совершении конкретного преступления зачастую не доказана.

Однако и органы предварительного расследования, и прокуратура, и суд с облегчением расследуют и принимают к рассмотрению уголовные дела, по которым, в ходе выполнения требований ст. 217 УПК РФ, обвиняемые изъявляют желание проведения судебного разбирательства в особом порядке, ведь это не порождает в своем роде затяжных судебных разбирательств.

Основным показателем низкого качества проведенных расследований по уголовным делам, а также отсутствие должной оценки собранных по делу доказательств является фактом возвращения уголовного дела прокурором для производства дополнительного расследования, а также возвращение уголовных дел судами в порядке ст. 237 УПК РФ.

Для наглядности обратимся к информации, подготовленной в обзорах и информационных письмах прокуратур г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области за 2020 год.

Так, в марте 2020 года прокурором Фрунзенского района г. Санкт-Петербурга для производства дополнительного дознания возвращено уголовное дело, возбужденное по ч. 1 ст. 158 УК РФ, поскольку в ходе дознания не был допрошен в качестве свидетеля К., который является непосредственным очевидцем преступления.

В мае 2020 года прокурором Адмиралтейского района г. Санкт-Петербурга для производства дополнительного дознания было возвращено уголовное дело, возбужденное по ч. 1 ст. 228 УК РФ, в связи с тем, что в ходе расследования уголовного дела не проверена версия обвиняемой о том, что наркотическое средство ей подкинули сотрудники полиции.

Также, в мае 2020 года прокурором Колпинского района г. Санкт-Петербурга для производства дополнительного дознания было возвращено уголовное дело, возбужденное по ч. 1 ст. 158 УК РФ, поскольку в нарушение п. 3.2 ст. 196 УПК РФ не была назначена и проведена судебная психиатрическая экспертиза в отношении обвиняемого при наличии сведений о том, что последний

состоит на учете в РНК Колпинского района г. Санкт-Петербурга с диагнозом – синдром зависимости, вызванный употреблением опиоидов (метадон).

Фрунзенским районным судом г. Санкт-Петербурга прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ было возвращено уголовное дело по обвинению Ш. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158, п. «в» ч. 2 ст. 158, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, поскольку в обвинительном заключении при описании действий обвиняемого по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ не указана форма хищения, а при описании действий Ш. по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ отсутствует описание способа хищения, а также адрес места фактического хищения денежных средств с банковской карты.

При расследовании по уголовным делам с перспективой рассмотрения судом в особом порядке (рассматриваемым судом в порядке гл. 40 УПК РФ) могут иметь место негативные факторы заинтересованности должностных лиц (следователя (дознателя), работников прокуратуры, судей) в проведении судебного разбирательства по правилам гл. 40 УПК РФ.

К таким факторам может относиться заинтересованность в укрытии: нарушений закона, неполнота, необъективность расследования (судебного разбирательства), недоказанность обвинения при согласии обвиняемого с ним (если таковое допущено), нарушение процессуального режима и т. п.

Эти негативные факторы не только аморальны, но в определенных случаях указывают на признаки служебного преступления.

С учетом этого государственному обвинителю следует: уделять более пристальное внимание изучению уголовных дел, назначенных к рассмотрению судом в особом порядке (поддержанию по ним государственного обвинения), бескомпромиссно пресекать любые нарушения закона, в особенности те, что нарушают права и законные интересы обвиняемого, а также лица, потерпевшего от преступления (при его участии в уголовном деле); при наличии к тому оснований ходатайствовать о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении уголовного дела для рассмотрения в общем порядке.

По нашему мнению, эффективно предупредить эти негативные факторы можно путем создания и внедрения криминалистических рекомендаций. В числе наиболее перспективных направлений создания таких рекомендаций те, что позволят оптимизировать:

- работу должностных лиц с потерпевшим, гражданским истцом, лицом, подвергающимся уголовному преследованию, другими участниками уголовного судопроизводства, в первую очередь такими как свидетели, эксперты, специалисты;

- взаимодействие между следователями, сотрудниками оперативных подразделений, прокурорскими работниками;

- взаимодействие представителей стороны обвинения и защиты.

В криминалистическом обеспечении также нуждаются стадия назначения уголовного дела к судебному разбирательству и само судебное разбирательство, осуществляемое в порядке гл. 40 УПК РФ.

Практика требует максимально прикладных рекомендаций по использованию и применению норм об особом порядке на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Таким образом, считаем, что предупреждение, минимизация негативных факторов заинтересованности должностных лиц в рассмотрении уголовного дела судом в порядке гл. 40 УПК не могут быть достигнуты без криминалистического обеспечения особого порядка судебного разбирательства.

Указанные обстоятельства и некоторые приведенные примеры из практической деятельности в очередной раз указывают на необходимость возвращения к лучшим традициям уголовного судопроизводства, при которых установление истины является основополагающей целью производства расследования по уголовному делу, достижение которой позволит сохранить необходимый баланс прав и законных интересов всех участников процесса, обеспечит соблюдение всех принципов уголовного судопроизводства.

При этом профессионализм и принципиальность субъектов правоохранительной системы и органов суда, является неотъемлемой частью процесса оценки доказательств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вдовин А. Н. Особенности методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов (по материалам приграничных регионов Сибирского федерального округа) : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2015. – 245 с.

2. Роговая С. А. Проблемы оценки доказательств и принятия решений при особом порядке уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. – URL: www.diss.rsl.ru (дата обращения: 01.04.2022).

3. Степанян А. С. Актуальные вопросы участия прокурора в рассмотрении судами уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства // Криминалистика. – 2015. – № 1(16). – С. 30–33.

СЕКЦИЯ 4

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.1

Александров Александр Сергеевич,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
anrc@rambler.ru

Александрова Ирина Александровна,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
iren-nno@mail.ru

Уголовно-процессуальные формы разрешения бесспорных уголовных дел мировым соглашением

Уголовно-процессуальная сделка об урегулировании уголовно-правового спора в связи с примирением сторон и (или) денежной компенсацией потерпевшему становится все более востребованным правовым средством. Это мировая тенденция в уголовной политике. Россия находится в данном тренде. Новые уголовно-процессуальные механизмы в виде медиации и трансакции направлены на заглаживание вреда от преступления, а не на наказание преступника в виде лишения свободы. Правовой опыт других государств позволяет сделать вывод, что мирное урегулирование становится возможным для все большего числа уголовно-правовых конфликтов и распространяется на все большее число лиц, совершивших преступления.

Ключевые слова: медиация, трансакция, урегулирование, уголовно-правовой конфликт, заглаживание вреда, выплата.

Alexandrov Alexander Sergeevich,
doctor of law, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Alexandrova Irina Alexandrovna,
doctor of law, associate professor,
Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Criminal procedural forms of resolving indisputable criminal cases by amicable agreement

A criminal procedural transaction on the settlement of a criminal legal dispute in connection with the reconciliation of the parties and (or) monetary compensation to the victim is becoming an increasingly popular legal remedy. This is a global trend in criminal policy. Russia is in this trend. New criminal procedure mechanisms in the form of mediation and transactions are aimed at making amends for the harm from crimes, and not at punishing the offender in the form of imprisonment. The legal experience of other states allows us to conclude that a peaceful settlement is becoming possible for an increasing number of criminal law conflicts and applies to an increasing number of people who have committed crimes.

Keywords: mediation, transaction, settlement, criminal law conflict, compensation for harm, payment.

Уголовный процесс является основой уголовно-правовой системы защиты человека, общества, государства от преступности. Основным средством уголовно-правового воздействия принято считать наказание по обвинительному приговору суда.

Между тем, наряду с наказанием к лицам, совершившим преступления, применяются и иные меры уголовно-правового воздействия, которые можно считать альтернативными наказанию.

Альтернативные меры уголовно-правового воздействия реализуются через прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Число и разнообразие этих оснований характеризуют уровень правовой культуры, развития общества. Чем более высок уровень правовой культуры, чем более гуманна уголовно-правовая система, тем более развит институт разрешения уголовно-правового спора альтернативным путем, без применения наказания.

Речь здесь идет, по сути, не об освобождении от уголовной ответственности, а об освобождении от обычной уголовной ответственности в виде наказания. Ответственность в случае прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию наступает, и лицо, в отношении которого прекращается уголовное преследование, обязано понести ее, но без подключения ФСИН.

Мирное разрешение уголовно-правового спора, при котором восстановление нарушенных преступлением правоотношений, достигается за счет позитивных посткриминальных действий обвиняемого, очевидно, является оптимальным исходом дела. Это гуманно и в то же время выгодно для государства и потерпевшего. Хотя, конечно, ни о какой неотвратимости уголовной ответственности речи быть не может.

По бесспорным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести данный считающийся альтернативным правовой механизм скорее можно считать уже основным. Развитие и совершенствование его является мировой тенденцией. Можно сказать это мировая правовая мода: не доводить уголовный процесс до наказания, а досрочно прекращать его в связи с урегулированием уголовно-правового спора.

Можно выделить две модели анализируемого правового механизма: медиацию и трансакцию [6, с. 3, 14].

Если медиация включает наряду с материальной компенсацией еще примирение потерпевшего с обвиняемым, более или менее реальное, то транзакция сводится к денежной выплате.

Аналогичные уголовно-процессуальные модели есть и в других государствах. Классической надо считать модель “*La transaction pénale*”: которую называют «штраф, чтобы избежать трибунала» или «уголовно-правовая сделка». Она была исследована Л. В. Головки [1]. В Бельгии аналогичная процедура предусмотрена законом *Penal Transaction Law* [8, с. 223], который позволяет суду прекратить публичное преследование в обмен на выплату денежной суммы.

В Дании эта модель носит название “*minnelijke schikking in strafzaken*”.

Во Франции этот институт регулировался ст. 41-1, 41-1-1 УПК Франции [3].

Уголовно-правовая сделка – это процедура, альтернативная уголовному преследованию, которая представляет собой один из способов прекращения публичного иска. Предмет этой сделки в основном относится к денежной сумме, которую преступник должен заплатить. Однако это также могут быть обязательства, возлагаемые на него; такие как прекращение нарушения, недопущение его возобновления, прохождение специально психолого-медицинского курса или устранение ущерба. Последнее превалирует в системе посткриминальных позитивных действий, требуемых от подозреваемого.

УПК Франции в 2021 году пополнился целым рядом статей, расширивших круг оснований и порядок применения альтернативных уголовному наказанию мер. Речь идет о статьях 41-1-2, 41-1-3, 41-2 и 41-3 УПК Франции. Статья 41-1 УПК Франции действует теперь в ред. Закона 2021-401 от 8 апреля 2021 года.

Фактически, отныне уголовно-правовая сделка применяется ко всем малозначительным преступлениям, таким, например, как простая кража, употребление наркотиков и самовольный захват холлов или крыш многоквартирных домов. Новым законодательством даже предусматривается возможность для сотрудников судебной полиции предлагать (с согласия прокурора) уголовно-правовую сделку виновнику уголовного правонарушения или преступления, предусматривающего максимальное наказание в виде тюремного заключения сроком на один год.

В Италии сходная модель называется *oblazione* (*l'oblazione*), т. е. буквально «пожертвование», и определяется, как добровольная уплата штрафа как основание для прекращения уголовного дела. Она предусмотрена ст. 162 и 162 бис УК Италии, а также ст. 141 УПК Италии.

Как и французская итальянская модель имеет две разновидности: обязательную и необязательную (дискреционную). При этом и та, и другая является процессуальным, договорным способом декриминализации-аннулирования преступления (утраты им общественной опасности) путем «добровольной» выплаты денежной суммы правонарушителем [7].

В уголовном процессе Австрии есть своя альтернативная уголовному преследованию модель – *Diversio* (Диверсия). Этим понятием охватываются

все формы окончания уголовного судопроизводства, при которых отказ от уголовного преследования поставлен в зависимость от исполнения подозреваемым тех или иных обязательств [4, с. 65–69]. При диверсии не предъявляется обвинение, не выносится приговор и не наступает судимость. Вместо этого прокурор делает подозреваемому предложение о диверсии, которое тот принимает, отказываясь тем самым от формального уголовного судопроизводства, либо отклоняет, рискуя быть осужденным [4, с. 65–69]. Как самостоятельная мера в рамках института Diversion рассматривается в Австрии и медиация (примирение) обвиняемого с потерпевшим (§ 204 УПК Австрии) [2, с. 180].

Таким образом, понятия «сделка», «мировое соглашение», «компенсация» становятся самыми востребованными понятиями для характеристики современного государственно-правового механизма противодействия преступности. Суть его состоит в принуждении государством преступника к миру через совершение последним позитивных посткриминальных действий, позволяющих заключить об утрате общественной опасности им самим и его деяния. Это договорной способ разрешения уголовно-правового конфликта. На первом месте прагматизм, утилитаризм. Одновременно надо констатировать утрату значения раскаяния и даже профилактики преступлений.

Как представляется, подобный уголовно-процессуальный способ применим для разрешения ситуаций, в которых вред или даже смерть человеку причиняется автоматизированными системами [5, с. 264–270], когда отсутствует традиционный субъект преступления. Вместо него – робот, дрон, автоматизированная система. Аналогично подходит под такую модель и ситуация, где субъектом уголовной ответственности будет юридическое лицо.

В российском уголовном процессе новые две модели досудебного разрешения уголовных дел наиболее ярко представлены в статье 25 УПК РФ (медиация) и в статье 28.1 УПК РФ – трансакция. Близка к ним и модель, предусмотренная ст. 25.1, главой 51.1 УПК РФ.

Пока на практике преобладает карательный уклон. В силу сложившейся у нас традиции органы предварительного расследования предпочитают направлять уголовные дела в общем порядке, предполагающем разрешение дела судом приговором (обвинительным).

Однако в целом за «альтернативной» моделью привлечения к уголовной ответственности за совершенное лицом преступление будущее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. – М. : Юридический центр Пресс, 2002. – 542 с.
2. Ильюченко Н. В. Оптимизация уголовного процесса: опыт Австрии // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12(61). – С. 178–182.
3. Статья 41-1-1 была введена статьей 35 Закона № 2014-896 от 15 августа 2014 г. LAW n 2014-896 of August 15, 2014 «Об индивидуализации наказаний и усилении эффективности уголовных наказаний» и Декретом 2015-1272 от 13 октября 2015 года, который был принят для применения ст. 41-1-1 Уголовно-

процессуального кодекса и ст. 132-10-1 Кодекса внутренней безопасности. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000031313097/> (дата обращения: 10.04.2022)

4. Терехов Е. В. Полномочия прокурора по разрешению уголовного дела в Австрийской Республике // Законность. – 2011. – № 3. – С. 65–69.

5. Тыдыкова Н. В. Об уголовной ответственности за вред, причиненный в ходе эксплуатации высокоавтоматизированных и беспилотных транспортных средств // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 471. – С. 264–270.

6. Шерстнев В.Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации : дис. ... канд. юрид наук. – Н. Новгород : НА МВД РФ, 2021. – 313 с.

7. Borasi I. Oblazione. – URL: <https://www.altalex.com/documents/altalexpedia/2013/08/30/oblazione> (дата обращения: 10.04.2022).

8. Franchimont M., Jacobs A., Masset A. Manuel de procédure pénale. – Bruxelles : Éditions Larcier, 2012. – 1603 p.

УДК 343.1

Костерин Владимир Владимирович,
ведущий специалист, Департамент правового
обеспечения внешнеэкономической деятельности
«Управляющая компания „Группа ГАЗ“»,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
vvkosterin@yandex.ru

Субсидиарное частное обвинение потерпевшего по уголовным делам частно-публичного обвинения о преступлениях в сфере экономической деятельности

Современный уголовно-процессуальный механизм выдвижения обвинения и его доказывания по уголовным делам частного-публичного обвинения об экономических преступлениях является следственным. Обвинение и доказывание имеют следственную форму, которая находится во власти следственного органа. Этот следственный уголовно-процессуальный механизм не обеспечивает должного баланса частного и публичного интересов. Поддерживается концепция частичной приватизации обвинения и доказывания. Потерпевший должен быть наделен правом на выдвижение частного обвинения по всем делам о преступлениях, указанных в части третьей статьи 20 УПК РФ. Ему должно быть предоставлено право самостоятельно доказывать частный уголовный иск, что подразумевает деформализацию доказывания.

Ключевые слова: обвинение, следственная форма, доказывание, иск, уголовный процесс, экономические преступления.

Kosterin Vladimir Vladimirovich,
Leading Specialist, Department of Legal
Support of Foreign Economic Activity
“GAZ Group Management Company”
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Subsidiary private prosecution of the victim in criminal cases of private-public prosecution of crimes in the field of economic activity

The modern criminal procedural mechanism for bringing charges and proving them in criminal cases of private-public prosecution of economic crimes is an investigative one. Accusation and proof have an investigative form, which is in the power of the investigating body. This investigative criminal procedure mechanism does not provide a proper balance of private and public interests. The concept of partial privatization of accusation and proof is supported. The victim must be entitled to file a private prosecution in all cases of crimes specified in the third part of Article 20 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. He should be given the right to independently prove a private criminal claim, which implies the deformalization of proof.

Keywords: *accusation, investigative form, proof, lawsuit, criminal process, economic crimes.*

В данной статье мы продолжим развитие темы о взаимосвязи институтов обвинения и доказывания, имеющие системообразующее значение для уголовно-процессуальной системы. В данном случае речь пойдет об особом уголовно-процессуальном механизме, предусмотренном частью третьей ст. 20 УПК РФ.

Законодатель создал специальную разновидность частно-публичного обвинения для привлечения к уголовной ответственности субъектов преступлений, которые перечислены в части 3 статьи 20 УПК РФ для того, чтобы оградить субъектов предпринимательской деятельности от чрезмерного публично-правового вмешательства правоохранительных органов в экономические отношения хозяйствующих субъектов.

Полагаем, что в результате сложился не только особый порядок возбуждения уголовных дел по данной категории преступлений, но и технология формирования доказательств. К такому выводу пришел целый ряд исследователей [2, с. 80–93; 1, с. 43–48].

Механизм частно-публичного уголовного преследования приводится в действие заявлением потерпевшего. Без заявления потерпевшего государство в лице органа предварительного расследования не вмешивается в отношения сторон и даже не рассматривает вопрос о событии преступления. Заявление потерпевшего является первичным, изначальным правопритязанием на привлечение к уголовной ответственности лица, предположительно совершившего преступление. Можно даже сказать, что в данном случае от воли частного лица – потерпевшего зависит криминализация деяния.

Однако, подача потерпевшим заявления открывает только стадию возбуждения уголовного дела, в которой окончательное решение принимается органом предварительного расследования.

В виду следственной организации досудебного производства по уголовным делам, включая входящую в него стадию возбуждения уголовного дела, исключительно от следователя зависит решение вопроса о выдвижении обвинения и обоснование его доказательствами, сформированными опять же следственным путем.

При этом роль потерпевшего сводится фактически только к созданию повода к возбуждению уголовного дела. И хотя существует судебный механизм защиты его права на привлечение к уголовному преследованию лица, совершившего в отношении него преступления, это не меняет подчиненного, зависимого положения потерпевшего от органа предварительного расследования, который определяет исход стадии, а вместе с ней и судьбу заявления потерпевшего: преобразоваться ему в обвинение или нет.

Даже самый процессуальный статус потерпевшего официально определяется решением органа предварительного расследования после возбуждения уголовного дела. Только после этого фактическая жертва преступления вступает в права субъекта частного уголовного преследования, каковым является согласно статьям 20, 41, 42 УПК РФ потерпевший.

Таким образом, потерпевший от экономического преступления полностью находится в следственной власти и зависит от решений ее органов, которые определяют продвижение дела в следующую стадию, где происходит выдвижение обвинения и формирование доказательств. Официальная доктрина объясняет действие данного уголовно-процессуального механизма принципом официальности (публичности) и законности. Однако нельзя не признать, что воля частного лица, субъекта частной собственности, интересы которого здесь ставятся во главу угла, обеспечена недостаточно [4, с. 43–48].

Судебный контроль, прокурорский надзор, разумеется, ограничивают следственную власть и дают определенные гарантии прав потерпевшего, но сама следственная форма несет в себе абсолютное доминирование публичного начала над частным и потому позиция потерпевшего и его требование о защите своих интересов находится в распоряжении органа предварительного расследования.

Известно, что там, где происходит абсолютизация власти, недалеко от произвола. Вся новейшая история создания особого порядка ведения уголовных дел в отношении предпринимателей является иллюстрацией к этой истине. Какие бы все новые изъятия из общего – следственного порядка привлечения к уголовному преследованию не вводил законодатель, сущность предварительного следствия они не меняют, а потому и отсутствует самое важное для правовой судебной самозащиты личности: 1) непосредственное обращение к суду за защитой своего нарушенного права (собственности), 2) возможность самостоятельно обосновывать свое правопритязание – иск.

Из исковой теории защиты субъектом своих прав в суде вытекает исковой взгляд на обвинение. Сторонники исковой трактовки обвинения [4, с. 35–47] полагают, что субъектами права на уголовный иск должны обладать, с одной стороны, представители обвинительной власти государства – обвинители по

должности, т. е. прокуроры, и, с другой стороны, иные лица – потерпевшие, граждане и юридические лица.

Существует концепция субсидиарного обвинения, которая имеет позитивно-правовое закрепление в законодательстве некоторых государств [5, с. 75–83].

В силу принципа диспозитивности субъекта иска (обвинения) обладает свободой распоряжения и правом на доказывание иска (обвинения). Из презумпции невиновности вытекает обязанность обвинителя доказывать обвинение. Если мы признаем потерпевшего самостоятельным субъектом права на частное обвинение, независимым от публичного обвинения, то на него будет возложена обязанность его доказывать и право распоряжаться своими доказательствами.

Модель субсидиарного обвинения представляется нам более перспективной, чем модель частно-публичного обвинения, поскольку она в большей степени обеспечивает самостоятельность, свободу частного обвинителя.

Мы разделяем позицию, согласно которой надо наделить субъектов предпринимательской деятельности правом на выдвижение частного обвинения в отношении таких же как они предпринимателей, в случаях когда в деянии усматриваются признаки преступлений, перечисленных в части третьей статьи 20 УПК РФ. При этом потерпевший вправе обратиться за помощью к прокуратуре, которая, усмотрев публичный интерес, может присоединиться к частному обвинению, оказав содействие в собирании доказательств и выдвижении обвинения. При выдвижении прокурором публичного обвинения оно станет субсидиарным по отношению к первичному частному обвинению потерпевшего. Если же изначально обвинение будет выдвинуто прокурором, то потерпевший может присоединиться к нему в качестве субсидиарного обвинителя, сохраняя при этом относительную процессуальную самостоятельность, как в определении предмета обвинения, так и доказательств в его обоснование.

Мы разделяем позицию тех ученых, которые выступают за реформу института обвинения и реформу досудебного производства [3, с. 199–207]. Полагаем, что только через доступ к обвинению частных лиц и деформализацию доказывания возможно в будущем найти оптимальную уголовно-процессуальную форму взаимодействия потерпевшего и публичной обвинительной власти. Это будет совершенно, новый уголовно-процессуальный механизм защиты интересов бизнеса в экономической сфере, основанный на состязательности, равенстве сторон и целесообразности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горюнов В. Ю. Частно-публичное обвинение как уголовно-процессуальная основа применения уголовного закона в сфере экономической деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – № 1. – С. 43–48.

2. Александров А. С., Александрова И. А. Особый (частно-публичный) организационно-правовой механизм применения уголовного закона в сфере

предпринимательской и иной экономической деятельности // Журнал российского права. – 2018. – № 2(254). – С. 80–93.

3. Александров А. С., Андреева О. И., Зайцев О. А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 448. – С. 199–207.

4. Александров А. С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 35–48.

5. Александров А. С. Субсидиарное обвинение // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 75–83.

УДК 343.1

Лучинкин Федор Михайлович,
аспирант, Уральский государственный
юридический университет
г. Екатеринбург, Российская Федерация
fedor-luchinkin@mail.ru

Использование в судебном следствии по уголовному делу вещественных доказательств, содержащих результаты оперативно-розыскной деятельности

При использовании в судебном следствии по уголовному делу вещественные доказательства, сформированные из результатов оперативно-розыскной деятельности, имеют самостоятельное доказательственное значение. В качестве самостоятельных средств доказывания выступают сами предметы, документы, изъятые при проведении оперативно-розыскных мероприятий, и признанные вещественными доказательствами. Кроме того, самостоятельное доказательственное значение имеют служебные документы, составленные сотрудниками оперативных аппаратов, при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Предметы, признанные вещественными доказательствами, предъявляются и осматриваются, а оперативно-розыскные документы оглашаются.

Ключевые слова: вещественные доказательства, результаты оперативно-розыскной деятельности, уголовное дело, судебное следствие.

Luchinkin Fedor Mikhailovich,
postgraduate student of the Ural State Law University
Yekaterinburg, Russian Federation

Use in a judicial investigation in a criminal case of material evidence containing the results of operational-search activities

When used in a judicial investigation in a criminal case, material evidence formed from the results of operational-search activities have an independent evidentiary value. The objects themselves, documents seized during operational-search activities and recognized as material

evidence act as independent means of proof. In addition, official documents drawn up by employees of the operational apparatus during the conduct of operational-search activities have an independent evidentiary value. Items recognized as material evidence are presented and examined, and operational-search documents are announced.

Keywords: *physical evidence, results of operational-investigative activities, criminal case, judicial investigation.*

Предметом обсуждения в настоящей статье станут вопросы представления и исследования в судебном следствии вещественных доказательств, в виде предметов, документов, электронных носителей информации, которые были получены в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Разумеется, их использование в судебном следствии предполагает необходимость представления и исследования, как результатов документирования соответствующих оперативно-розыскных мероприятий (документов, составляемых сотрудниками оперативных аппаратов), так и результатов «процессуализации», в ходе которой они получили уголовно-процессуальную форму (протоколов следственных действий и иных процессуальных документов). Это происходит в форме оглашения и последующее исследования указанных материалов уголовного дела.

Мы разделяем мнение о том, что на вещественные результаты оперативно-розыскной деятельности распространяется определение вещественного доказательства, даваемое в уголовной процессуалистике и криминалистике [2, с. 85–87; 1, с. 23–25]: след преступления, отразившийся на материальном объекте.

След преступления объективно имеется на «предмете» – «материальном объекте» с момента совершения преступления. И его *снятие (раскодирование) в виде информации* осуществляется субъектом, который выявляет, расследует, раскрывает преступление, т. е. оперуполномоченным, следователем. В данном случае имеет место проявление общей закономерности получения информации.

Обнаружение и сбор (изъятие) такого предмета как потенциального «средства доказывания суду» *уже состоялось* в ходе ОРД при проведении соответствующего – *предметного ОРМ*.

Отличительная особенность вещественных доказательств состоит в том, что доказательственная информация воспринимается не в готовом виде, ее нужно «читать» с материального объекта субъекту, который воспринимает объект и распознает на нем след преступления [3, с. 17–21]. Субъектом, который первоначально считывает информацию с материального объекта, является оперуполномоченный, проводящий ОРМ, который обнаруживает, изымает объект, фиксирует, копирует информацию в служебных документах. Тем самым мы ходим сказать, что «вещественное доказательство», как предмет имеет место быть независимо от субъекта и формы, в которой субъект воспринимает этот объект и использует в своей деятельности.

Соответственно, это двуединство объекта и следа преступления на нем, есть и на этапе *представления результатов ОРД* – в виде соответствующего источника, носителя информации и сопровождающих его служебных документов ОРД, содержащих сведения о его появлении, органу предварительного расследования.

На стадии предварительного расследования происходит вторичное восприятие информации с данного объекта, но уже другим субъектом – следователем и окончательная фиксация – процессуальным, следственным путем доказательственного факта: в виде материального объекта и сведений о нем, отраженных в протоколе (приложениях к протоколу), а также постановлении о приобщении к делу. Аналогичное, уже *третье* по хронологии восприятие этого вещественного доказательства субъектами уголовно-процессуального доказывания может иметь место в судебном следствии.

Поэтому, с нашей точки зрения, все отличие между вещественным доказательством в форме результата ОРМ и в виде результата следственного действия состоит в субъекте, который «считывает» информацию с материального объекта: это или оперуполномоченный, или следователь. Сам же материальный объект с информационным следом преступления остается одним и тем же. Меняется, разумеется, и форма фиксации информации, полученной субъектом при распознавании на объекте-предмете следа преступления.

По мнению одних авторов, вещественным доказательством является не предмет, взятый сам по себе, а часть его относимых к делу свойств, состояний, выраженных в определенной форме [4, с. 109]. По мнению других ученых, это тройственная правовая система: 1) предмет, 2) субъект доказывания, 3) правовая, процессуальная формы; все вместе образующая доказательственный факт [5, с. 209]. Таким образом, при ОРД имеет место только одна – предметно-вещественная составляющая вещественного доказательства. Но зато самая важная. Без предмета нет и вещественного доказательства¹. Поэтому самое главное предмет найти, изъять – собрать, что и происходит в результате ОРД. А последующих стадиях уголовного процесса имеет место работа уже с этим предметом.

В судебном следствии вещественное доказательство получает новую судебно-процессуальную форму представления и исследования, становится предметом следственных судебных действий, в ходе которых происходит снятие информации и ее интерпретация различными субъектами доказывания, которая приводит к его оценке судьей (присяжными заседателями).

Так сказать «вещественная-материальная компонента» *вещественного доказательства* постоянна и неизменна, поскольку создается событием преступления. Изменчива форма фиксации и представления этой вещественно-

¹ Конечно, и при утрате предмета в материалах дела остается информация, которая была снята с него субъектом познания и зафиксирована в документах, прежде всего в протоколах. Однако это только часть комплекса «вещественное доказательство».

предметной компоненты. Документы, которыми оформляется их первоначальное собирание – изъятие при проведении ОРМ имеют отдельное доказательственное значение. Уголовно-процессуальные документы, составляемые следователем, при проверке материальных результатов ОРД и составленной при их проведении оперативно-розыскной документации составляют второй блок доказательств – подтверждающих допустимость их использования в качестве уголовно-процессуальных доказательств. Однако, все документы, составляемые как оперуполномоченными, так и следователем, при обращении с материальными объектами, являются отдельными доказательствами, не заменяющими сами предметы. Именно они находятся в центре доказывания, на них строится весь доказательственный комплекс. И соответственно с их утратой рушится вся система доказательств, связанных с ними, включая заключения судебных экспертиз, специалистов.

Технология использования в судебном следствии вещественных доказательств в наибольшей мере воплощена в таких следственно-судебных действиях как предъявление и осмотр вещественных доказательств. Это справедливо и к той разновидности вещественных доказательств, о которой мы пишем.

Предметы, документы, электронные носители информации, полученные в ходе ОРД и приобщенные к делу в виде вещественных доказательств, предъявляются государственным обвинителем и далее осматриваются участниками судебного следствия.

Эти объекты могут быть предъявлены гособвинителем подсудимому, другому участнику судебного следствия и задавать ему вопросы. В отношении подсудимого это будет перекрестный допрос. В отношении иных участников в зависимости от его позиционирования по делу и направленности вопросов допрос может быть как прямым (потерпевшего), так и перекрестным (гражданского ответчика).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александров А. С., Стуликов А. Н. Судебные доказательства и доказывание по уголовным делам : лекции. – Н. Новгород : Волго-вятская академия государственного управления, 2002. – 188 с.
2. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1964. – 179 с.
3. Боруленков Ю. П. К вопросу о понятии «вещественные доказательства» // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 4. – С. 17–21.
4. Дорохов В.Я. Природа вещественных доказательств // Советское государство и право. – 1971. – № 10. – С. 109–114.
5. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н. В. Жогина. – 2-е изд. – М., 1973. – 736 с.

УДК 343.1

Ряполова Ярослава Петровна,
кандидат юридических наук, доцент,
Юго-Западный государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
yaroslava@mail.ru

Обеспечение эффективности законодательного регулирования уголовно-процессуальной деятельности на этапе рассмотрения сообщений о преступлении: общетеоретические и прикладные аспекты*

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 19-78-00088)

В статье исследуется категория эффективности законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела сквозь призму целеполагания и конкретизации задач первоначального этапа уголовного судопроизводства, сформулирован перечень условий, которые способны влиять на те или иные показатели такой эффективности при ее оценке. Эти условия определяются как качеством уголовно-процессуальных норм, так и социальным механизмом их действия. Соблюдение таких условий способствует оптимальному подбору правовых инструментов, адекватных задачам стадии, с учетом их регулятивного потенциала, приемлемости, возможных рисков и издержек, параметров внешней среды.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность, стадия возбуждения уголовного дела, эффективность законодательного регулирования.

Ryapolova Yaroslava Petrovna
candidate of legal sciences, associate
professor, Southwestern State University
Kursk, Russian Federation

Efficiency of legislative regulation of the institute of criminal proceedings: theoretical and legal framework

The article examines the category of the effectiveness of legislative regulation of the stage of initiating a criminal case through the prism of goal-setting and specification of the tasks of the initial stage of criminal proceedings, formulates a list of conditions that can influence certain indicators of such effectiveness when assessing it. These conditions are determined both by the quality of criminal procedural norms and by the social mechanism of their action. Compliance with such conditions contributes to the optimal selection of legal instruments that are adequate to the tasks of the stage, taking into account their regulatory potential, acceptability, possible risks and costs, and environmental parameters.

Keywords: criminal procedural activity, the stage of initiating a criminal case, the effectiveness of legislative regulation.

Постановка вопроса об обеспечении эффективности правовой регламентации уголовно-процессуальной деятельности на досудебном этапе уголовного

судопроизводства на сегодняшний день обуславливает острую полемику в научных кругах. Особую актуальность данный вопрос приобретает в пору обсуждаемых и ожидаемых вскорости перемен, связанных с модернизацией и рационализацией досудебного производства, обеспечением его технологичности, что по праву признается приоритетным направлением уголовно-процессуальной стратегии на государственном уровне.

Категория эффективности правовых предписаний традиционно находится в фокусе особо пристального внимания ученых – представителей теоретических школ права, вместе с тем интерес к изучению данной категории переживает эпоху ренессанса в уголовно-процессуальной науке [10, с. 13; 2, с. 12; 3, с. 19; 7, с. 105], в том числе в связи с введением данного термина в ст.6.1 УПК РФ [4, с. 12], и в междисциплинарных исследованиях, особенно если учесть современные достижения в области правовой рискологии, законодательного прогнозирования, появление новых технологий и видов правового мониторинга в нормотворческом процессе и т. д. [1, с. 127; 12, с. 70; 6, с. 181; 11, с. 20].

Можно заключить, такой интерес предопределен не столько поиском решения теоретической проблемы, сколько тем, что в России заметно снизился уровень эффективности воздействия правовых норм и правового регулирования в целом [10, с. 15].

Как показало проведение исследование, разрабатываемые (обновляемые) учеными-теоретиками права подходы и модели в области эффективности законодательства позволяют осветить методологические и прикладные аспекты понятия эффективности применительно к оценке законодательного регулирования уголовно-процессуальной деятельности на различных этапах.

В частности, опираясь на формально-целевой подход к описанию рассматриваемой дефиниции, нами сформулировано понятие эффективности законодательного регулирования института возбуждения уголовного дела как качественной характеристики процесса конструирования и включения в систему уголовно-процессуального законодательства таких правовых норм, а также заложенных в них правовых средств, которые способны в сложившихся социальных обстоятельствах оптимально и целенаправленно (в рамках решения специфических задач стадии) воздействовать на правовые отношения, возникающие на этапе приема, регистрации и рассмотрения первичной информации о преступлении, при минимуме ограничения прав и интересов участников таких отношений.

Взяв в качестве операционального это определение, мы также сформулировали условия, влияющие на показатели такой эффективности при ее оценке:

а) совершенство уголовно-процессуального закона в технико-юридическом и содержательном смыслах, включая адекватное формулирование целевых установок уголовного судопроизводства [9, с. 161];

б) условие целесообразности, т. е. правовая возможность выбора способа разрешения уголовно-правового конфликта на этапе рассмотрения сообщения о преступлении, свобода правоусмотрения органа обвинительной власти принять процессуальное решение, основываясь на соображениях эффективности,

экономии, выгоды для достижения защищаемого им публичного интереса [8, с. 673];

в) условие экономичности – закрепление достаточного необходимого набора процессуальных средств для наибольшей производительности процессуального труда, правильного и быстрого рассмотрения сообщений (заявлений) о преступлении при наименьшей затрате сил, средств и времени лиц, вовлекаемых на этапе доследственной проверке и при минимуме законного уголовно-процессуального принуждения;

г) рациональность приемов и способов правового воздействия, заложенных в уголовно-процессуальных нормах (правовая возможность прореагировать на большинство поводов для возбуждения уголовного дела [5, с. 20]; оптимальность сроков, последовательности действий и пр.); использование разнообразных источников информации, технологий, соблюдение правил управления;

д) реалистичность, адаптированность (приемлемость) правовых средств, исполнимость обязывающих и управомочивающих норм УПК РФ.

Представляется, дальнейшая разработка теоретико-правовых вопросов, связанных с текущей и прогнозной оценкой эффективности законодательного регулирования уголовно-процессуальной деятельности является перспективным направлением в исследованиях, позволит с большей степенью научной объективности прогнозировать тренды уголовно-процессуального законодательства в русле предстоящей модернизации досудебного производства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арзамасов Ю. Г. Эффективность законодательства: постановка проблемы, основные пути решения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2018. – № 4(44). – С. 125–135.

2. Астафьев А. Ю. Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2013 – С. 12–13.

3. Гаврилов Б. Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 2. – С. 19–26.

4. Даровских С. М., Даровских О. И. Своевременность – как критерий эффективности уголовно-процессуальной деятельности // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2018. – №. 3. – С. 11–12.

5. Зникин В. К. Некоторые проблемы эффективности и качества досудебного производства // Уголовная юстиция. – 2014. – № 1(3). – С. 20–24.

6. Ковалева В. В. Риск в контексте эффективности правового регулирования // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 180–182.

7. Наумов К. А. Эффективность уголовного досудебного производства: понятие, содержание, критерии // Публичное и частное право. – 2019. – С. 210–216.

8. Никифоренко Ю. Л. Оппозиция принципов законности и целесообразности как проявление коллизионности в правовом регулировании публич-

ного уголовного преследования // Юридическая техника. – 2017. – № 11. – С. 672–675.

9. Смирнова И. Г. Эффективность уголовного судопроизводства как одно из обязательных условий формирования уголовно-процессуальной стратегии: в развитие идей И. В. Смольковой // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2014. – № 2(6). – С. 158–168.

10. Черненко А. К., Нечаева Ж. В. Политика и право: проблемы эффективности. – Новосибирск : Изд-во СГУПС, 2008. – С. 15.

11. Эффективность правового регулирования : монография / под общ. ред. А. В. Полякова, В. В. Денисенко, М. А. Беляева. – М. : Проспект, 2017. – С. 11–25.

12. Юридическое прогнозирование : науч.-практ. пособие / Ю. А. Тихомиров ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М., 2018. – С. 67–75.

УДК 343.13

Сергеева Светлана Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия производства и управления
г. Москва, Российская Федерация
sergeeva_sn@amp1996.ru

Олейник Наталья Андреевна,
кандидат юридических наук, доцент, Луганская
академия внутренних дел имени Э. А. Дидоренко
г. Луганск, Луганская Народная Республика
zaporoshenko.nata@mail.ru

Медведчук Анна Александровна,
преподаватель, Луганская академия
внутренних дел имени Э.А. Дидоренко
г. Луганск, Луганская Народная Республика
medved1313@inbox.ru

Международный опыт применения мер пресечения правоохранительными органами внутренних дел

Целью данной статьи является анализ международного опыта применения мер пресечения и их система. Обобщение научных взглядов, а также изучение судебно-следственной практики позволяет авторам утверждать о необходимости отслеживания состояния применения мер пресечения, с целью определения проблемных вопросов, которые возникают при их применении. Авторами акцентируется внимание на необходимости определения направлений усовершенствования существующей практики их применения.

Ключевые слова: меры пресечения, расследование уголовных правонарушений, правоохранительные органы, правовые отношения.

Sergeeva Svetlana Nikolaevna,

candidate of legal sciences, associate professor,
head of the department of the Academy
of Production and Management
Moscow, Russian Federation

Oleinik Natalia Andreevna,

candidate of legal sciences, associate
professor, Luhansk Academy of Internal
Affairs named after E.A. Didorenko
Lugansk, Lugansk People's Republic

Medvedchuk Anna Aleksandrovna,

lecturer, Lugansk Academy of Internal
Affairs named after E.A. Didorenko
Lugansk, Lugansk People's Republic

**International experience in the application of measures suppression
by law enforcement agencies of internal affairs**

The purpose of this article is to analyze the international experience of the use of preventive measures and their system. Generalization of scientific views, as well as the study of judicial and investigative practice allows the authors to assert the need to monitor the state of the application of preventive measures in order to identify problematic issues that arise when they are applied. The authors focus on the need to identify areas for improving the existing practice of their application.

Keywords: preventive measures, investigation of criminal offenses, law enforcement agencies, legal relations.

Меры пресечения можно рассматривать как один из показателей уровня совершенствования существующей модели взаимоотношений органов исполнительной власти с гражданами. Процесс нормативного реформирования этой важной сферы деятельности правоохранительных органов не только неоправданно растянулся во времени, но и характеризуется не взвешенностью принимаемых решений, откровенными намерениями обеспечить превалирование интересов государственных органов над потребностями отдельного человека, а иногда и элементарным непрофессионализмом.

Как известно, выполнение задач уголовного процесса, как правило, невозможно без применения мер уголовного процессуального принуждения, в частности особой их разновидности – мер пресечения. В связи с этим к ним приковано внимание многих правозащитных организаций и исследователей.

Впервые, в 1868 году, через четыре года после принятия Устава уголовного судопроизводства, выдающимся отечественным ученым-юристом А. Ф. Кистяковским была защищена докторская диссертация, посвященная ме-

рам пресечения. Позже меры пресечения исследовали такие известные ученые, как Ю. П. Аленин, Е. Г. Васильева, С. И. Вершинина, В. Г. Гончаренко, Т. В. Данченко, Е. Г. Коваленко, Ю. Д. Лившиц, Р. И. Мельник, М. М. Михеенко, В. В. Рожнова, Л. Д. Удалова и др.

В трудах ученых исследовались лишь общие для всех мер пресечения правовые категории (понятия мер пресечения, их специфические правовые свойства, основания применения и тому подобное) или исключительно отдельные виды предупредительных мероприятий. Однако недостаточно исследованным остается международный опыт применения мер и их система. Вместе с тем проведенный нами анализ международного опыта применения предупредительных мер представляет собой необходимый фундамент для комплексного исследования существующей системы мер пресечения.

Рассмотрим опыт применения мер пресечения правоохранительными органами Российской Федерации, Республики Беларусь, Англии, ФРГ, Франции и США.

Меры пресечения в УПК Российской Федерации. Уголовный процессуальный кодекс РФ [5] (далее – УПК РФ) предусматривает всего восемь мер пресечения (ст. 98 УПК РФ): 1) подписка о невыезде (ст. 102); 2) личное поручительство (ст. 103); 3) наблюдение командования воинской части (ст. 104); 4) присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ст. 105); 4.1) запрет определенных действий (ст. 105.1); 5) залог (ст. 106); 6) домашний арест (ст. 107); 7) заключение под стражу (ст. 108). Такой их перечень в современных условиях, по нашему мнению, недостаточен для обеспечения баланса эффективности уголовного судопроизводства, а также прав и свобод подозреваемых и обвиняемых.

Существующая в РФ система мер пресечения основана на достаточно четком разделении их по виду применяемого принуждения на две группы: физически – принудительные (заключение под стражу и домашний арест) и психологически – принудительные (все остальные меры пресечения). Первая группа мер связана с принудительным пребыванием подозреваемого (обвиняемого) в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением исполнения служебных или других трудовых обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц, т. е. данные меры физически против воли и желания заинтересованных лиц, непосредственно ограничивающих право на свободу и личную неприкосновенность, гарантированное ст. 22 Конституции РФ [1]. По этой причине они избираются и применяются только судом в определенной процедуре и на конкретный, специально установленный срок.

Вторая группа мер пресечения ограничивает свободу обвиняемого, подозреваемого психическим воздействием. Эти меры не предполагают изоляцию от общества, не посягают на само ядро прав, гарантированных статьей 22 Конституции РФ, и обычно связаны с некоторыми условиями их осуществления, а также связаны с ограничением права, предусмотренного статьей 27 Конституции РФ (ч. 1), свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жи-

тельства на территории Российской Федерации. Психологически – принудительные меры избираются и применяются в пределах сроков предварительного расследования и судебного разбирательства и при согласии заинтересованных лиц, а иногда только при их ходатайстве. «Добровольный» характер исполнения данных мер позволяет применять их в розыскной процедуре – органам уголовного преследования без предварительного судебного разрешения (за исключением залога, который после вступления в силу Федерального закона от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [3] также избирается по судебному решению), поскольку дача согласия (или отказ в этом) в определенной степени уравнивает стороны.

Избрание и применение психологически – принудительных мер пресечения регулируется минимальными стандартными правилами Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятым резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. №45/110 [2]. Согласно пункту 3.4 правовых гарантий «не связанные с тюремным заключением меры, которые накладывают какое-либо обязательство на правонарушителя и которые применяются до формального разбирательства или суда или вместо них, требуют согласия правонарушителя».

Меры пресечения в Республике Беларусь. Реформированный Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) Республики Беларусь [4] предусматривает применение в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения только при наличии достаточных оснований считать, что лицо будет скрываться от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжить заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелю или другим участникам процесса, а также уничтожить доказательства или другим путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Кроме того, мера пресечения избирается для обеспечения исполнения приговора. В законе сделано соответствующее примечание, что дознаватель, следователь, прокурор, а также суд избирают одно из предусмотренных мер при наличии достаточных оснований считать, что подозреваемый, обвиняемый может совершить указанные выше действия.

В статье 116 УПК Республики Беларусь содержится достаточно широкий перечень мер, к которому включено: 1) подписка о невыезде и надлежащем поведении (п. 1, ч. 2, ст. 116); 2) личное поручительство (п. 2, ч. 2, ст. 116); 3) передача лица, на которое распространяется статус военнослужащего, под наблюдение командования воинской части (п. 3, ч. 2, ст. 116); 4) отдача несовершеннолетнего под присмотр (п. 4, ч. 2, ст. 116); 4.1) запрет определенных действий (п. 4.1, ч. 2, ст. 116); 5) залог (п. 5, ч. 2, ст. 116); 6) домашний арест (п. 6, ч. 2, ст. 116); 7) заключение под стражу (п. 7, ч. 2, ст. 116).

В новом УПК Республики Беларусь, подобно предыдущему УПК, не говорится о перечне мер пресечения как о системе. То, что меры пресечения названы в законе в определенной, описанной выше последовательности, еще не

свидетельствует о большей строгости одних мер по отношению к другим. Однако следует отметить, что значительная психологическая нагрузка несет предупреждение подозреваемого (обвиняемого) о том, что при нарушении условий данной меры пресечения будет избрана более строгая мера.

Меры пресечения в уголовном процессе Англии. Стадия применения судом мер процессуального принуждения в уголовном процессе начинается с момента представления полицией в суд процессуального документа, известного под названием «информация». Этот документ содержит обоснование необходимости привлечения конкретного лица к уголовной ответственности. Если судья соглашается с информацией, то он выдает так называемый *вариант* – судебный приказ, содержащий предписание произвести арест, обыск и другие меры процессуального принуждения. В английском уголовном процессе известны два вида warrants: специальный и общий. В специальном warrante точно указывается лицо, подлежащее аресту, помещение, в котором необходимо провести обыск. Общий warrant носит по сути безадресный характер, поскольку им подтверждается предоставление санкции к применению мер процессуального принуждения к любым лицам в связи с расследованием преступления.

Меры пресечения в уголовном процессе Германии. Уголовный процесс Федеративной Республики Германии (далее – ФРГ) относится к смешанному типу процесса. Нормы уголовно – процессуального права содержатся не только в УПК, но и в Законе о судеустройстве (в ред. от 9 мая 1975 г.), в Уголовном кодексе, Законе о суде по делам несовершеннолетних и других законах.

В УПК ФРГ [6] прямо указано, что сначала расследования до вынесения приговора осуществляется производство в первой инстанции (кн. 2, § 151–295). В нем обычно выделяются три стадии: 1) предварительное расследование; 2) предварительное слушание; 3) судебное разбирательство.

В законе предусмотрены также стадии обжалования в кассационном и ревизионном порядке, возобновление дела по вновь открывшимся обстоятельствам и исполнение приговора. Органы и должностные лица полиции могут по доверенности прокурора проводить расследование дела в полном объеме. Они имеют право собирать все допустимые доказательства, допрашивать обвиняемого, свидетелей, привлекать экспертов и т. п. Полиция сама определяет способы и объемы расследования, если об этом нет конкретных указаний прокуратуры.

Для предотвращения утаивания преступления полиция ФРГ обязана применять все неотложные меры сразу же, как только ей стало известно о преступлении, не дожидаясь при этом указаний прокурора. Полученные в ходе расследования документы органы полиции должны без промедления пересылать в прокуратуру. Однако менее тяжкие и незначительные преступления расследуются полицией фактически самостоятельно. На полицию в ФРГ возлагается также непосредственное выполнение принудительных мер. После окончания расследования дело направляется прокурору.

Судья в ФРГ имеет исключительно важные полномочия при применении в ходе предварительного расследования принудительных мер, затрагивающих

свободу личности. Только по приказу судьи об аресте обвиняемый может быть заключен под стражу. Прокурор может только ходатайствовать перед судом об издании приказа об аресте. Арестованный должен быть немедленно доставлен к компетентному судье, который не позднее следующего дня должен его допросить в связи с предполагаемым обвинением. В случае задержания лицо также должно быть немедленно, не позднее следующего дня, доставлено к судье, который его допрашивает и решает вопрос об издании приказа об аресте или освобождает задержанного. Применение других мер процессуального принуждения в ФРГ также относится к компетенции судьи. Только в случаях, не терпящих отлагательства, прокурор и полиция могут без предписания судьи получить образцы крови, провести отдельные виды выемки, осмотр, обыск.

Меры пресечения в уголовном процессе Франции. По нормам УПК Франции [7] предварительное следствие проводится должностным лицом судебного ранга, так называемым следственным судьей. Его процессуальное положение двуедино. Так, находясь в организационном подчинении судебных органов, при выполнении своих функций он зависит от прокуратуры, в пределах указаний в которых он действует. Следственный судья получает от прокурора требование и приступает к следствию на основе «вступительного» заключения прокуратуры. Следственный судья не связан доказательствами, предоставленными полицией. Он может дополнить представленный ему письменный протокол или свидетельские показания доказательствами, которые вправе собирать самостоятельно путем обыска и наложения ареста на имущество, либо осмотра места преступления, либо проведя допросы и очные ставки, назначив экспертизу, либо предоставляя следственное поручение о проведении действий другому следственному судье или офицеру судебной полиции. Он также имеет право в случае необходимости обеспечить явку обвиняемого, пригласив его или применив к нему различные меры принуждения. Средством этого служит предписание о явке и постановление о приводе, а также постановление о задержании и ордере на арест.

Меры пресечения в уголовном процессе США. На полицию США возлагают обязанность раскрытия преступления, для чего она наделена широкими полномочиями по осуществлению различных процессуальных действий принудительного характера: обысков, арестов и т. д. Указанные следственные действия производятся полицией с предупредительной или, в исключительных случаях, с дальнейшей санкцией суда. Формально эта деятельность не рассматривается как процессуальная, но фактически органы полиции могут проводить полное расследование: производить осмотры, допросы свидетелей и потерпевших, другие следственные действия.

На стадии предварительного производства в суде уголовное дело рассматривается единолично судьей в закрытом судебном заседании с участием обвинителя (атторнея), защитника (адвоката) и обвиняемого. Основное содержание их действий состоит в последовательном предъявлении доказательств и аргументировании своих доводов перед судом. Выясняется позиция обвиняемого. Судья на основе предварительного слушания решает вопрос о привлече-

нии лица, которому атторнеем было предъявлено обвинение, к уголовной ответственности. Одновременно рассматривается вопрос о возможности применения мер уголовно-процессуального принуждения и некоторые другие вопросы, имеющие важное значение для подготовки к рассмотрению уголовного дела по существу.

Проведя анализ международного опыта применения мер пресечения и их системы, можно сделать вывод, что меры пресечения составляют довольно значительную часть мер уголовно-процессуального принуждения. Их применение всегда связано со значительным ограничением прав и свобод определенных категорий лиц, вовлеченных в сферу уголовной процессуальной деятельности. Именно поэтому, преобразования и новшества, в уголовно-процессуальном законодательстве, в том числе и в вопросах применения мер, в особенности применения в отношении подозреваемого (обвиняемого) заключения под стражу, направленные на обеспечение прав человека, переориентацию правового государства в отношениях с личностью на мировые стандарты, а также либерализацию уголовной политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – М., 2022.

2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/110 «Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила)». – URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/12123833> (дата обращения: 01.04.2022).

3. Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). Ст. 2830. – URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=ZXsz43TGsA4g09MJ2&cacheid=2E10D521664A42055E504B33E4978FFF&mode=splus&rnd=IZT5kQ&base=LAW&n=203357#d4u153TUt9ftJjWk> (дата обращения: 01.04.2022).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года №295-З (ред. от 05.04.2022). – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2002 (дата обращения: 01.04.2022).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022). – URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=ZXsz43TGsA4g09MJ2&cacheid=F391AC571FE3980D430126F62F2BA940&mode=splus&rnd=IZT5kQ&base=LAW&n=412700#w6N453TCaDyfy5BO> (дата обращения: 01.04.2022).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии / перевод Б. А. Филимонова. – М. : Правлит, 1994. – 365 с.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Франции / под ред. В. И. Каминского. – М. : Прогресс, 1967.

УДК 343.13

Степушов Михаил Юрьевич,
адъюнкт, Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
Stepuchsov92@isloid.com

К вопросу об особенностях расследования и раскрытия преступлений, связанных с незаконной банковской деятельностью

Особенности расследования преступлений, связанных с незаконной банковской деятельности, проявляются в предмете доказывания, включая размер преступного дохода. Другая отличительная особенность расследования этих преступлений состоит в специфике формирования уголовно-процессуальных доказательств из результатов оперативно-розыскной деятельности. В число неотложных следственных действий по этим уголовным делам входят обыски и выемки, а также допросы подозреваемых. Судебные экспертизы имеют важное значение для окончательного установления размера дохода участников незаконной банковской деятельности.

Ключевые слова: *незаконная банковская деятельность, оперативно-розыскная деятельность, предварительное следствие, уголовно-процессуальное доказывание, доказательства.*

Stepushov Mikhail Yurievich,
adjunct Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

On the issue of the features of the investigation and disclosure of crimes related to illegal banking

Features of the investigation of crimes related to illegal banking activities are manifested in the subject of proof, including the amount of criminal income. Another distinctive feature of the investigation of these crimes is the specificity of the formation of criminal procedural evidence from the results of operational-search activities. The number of urgent investigative actions in these criminal cases includes searches and seizures, as well as interrogations of suspects. Forensic examinations are important for the final determination of the amount of income of participants in illegal banking activities.

Keywords: *illegal banking activity, operational-search activity, preliminary investigation, criminal procedural proof, evidence.*

Проблематике расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью посвящены многочисленные исследо-

вания в уголовно-процессуальной науке и криминалистике [3, с. 46–49; 7, с. 277–285].

Наш личный опыт участия в выявлении, раскрытии и расследовании этих преступлений позволяет нам высказать несколько соображений на этот счет

Ввиду сложности доказывания по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью предварительное следствие по ним ведется наиболее квалифицированными следователями из числа сотрудников следственного аппарата на уровне Субъекта Федерации.

Так, в Нижегородской области сложилась практика, при которой следствие по данной категории уголовных дел ведется только следователями следственной части ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области.

Особенности предварительного следствия по уголовным делам данной категории обусловлены предметом доказывания, который, в свою очередь, имеет в своей материально-правовой основе юридические составы преступлений, предусмотренные статьей 172 УК РФ. Важным для привлечения к уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность является такой элемент объективной стороны юридического состава, предусмотренного статьей 172 УК РФ, как «получение дохода в крупном размере»: два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей. Этот признак состава преступления, предусмотренного частью первой статьи 172 УК РФ, подлежит установлению в ходе доследственной проверки. В дальнейшем, если будет установлен «особо крупный размер», другие квалифицирующие признаки незаконной банковской деятельности, обвинение будет изменено на основании части второй статьи 172 УК РФ.

Однако, в отсутствие размера дохода, установленного в части 1 статьи 172 и примечании к статье 170.2. УК РФ, уголовное дело не может быть возбуждено, даже если выяснены признаки незаконной банковской деятельности. Более того, на практике сложился стандарт устанавливать наличие, предусмотренного уголовным законом дохода в крупном размере еще на этапе «реализации» результатов оперативно-розыскной деятельности путем регистрации в КУСП соответствующего рапорта оперуполномоченного. Это вопрос решается с участием следователя и с привлечением специалистов ЭКО ГУ МВД.

Расследование уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью, предполагает тесное взаимодействие следственного и оперативного аппаратов. Эти преступления раскрываются оперативным путем. Результаты таких негласных оперативно-розыскных мероприятий, как прослушивание телефонных и иных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, скрытое наблюдение позволяют получить информацию, которая становится основой для формирования следователем уголовно-процессуальных доказательств. Многочисленные примеры из следственной практики подтверждают эту закономерность. Так, например, по уголовному делу № 552009, были получены и представлены затем в качестве доказательств обвинения результаты скрытого наблюдения, проведенного в офисе организации, служившей «обнальной площадкой» [6].

После возбуждения уголовного дела проводится комплекс неотложных

следственных действий, направленных на реализацию результатов ОРД и фиксацию следов преступной деятельности. Эти следственные действия, включая обыски, выемки, допросы подозреваемых, проводятся при оперативном сопровождении сотрудников ЭБиПК. Так, в ходе обыска по уголовному делу № 11701220089000250 удается зафиксировать ведение преступной деятельности, обнаружить и изъять предметы и документы, скопировать информацию с электронных носителей, имеющую доказательственное значение [4].

Важные доказательства удается получить допросами. Подлежащих немедленному допросу лиц можно разделить на такие виды: 1) подозреваемые в совершении преступлений, 2) лица, имеющие косвенное отношение к совершению преступлений, в том числе, осуществлявших регистрацию фиктивных организаций, изготовлению факсимиле подписей директоров этих организаций, специалистов, обеспечивающих техническую эксплуатацию офисного оборудования и пр., 3) сотрудники ИФНС, 4) лица, являющиеся клиентами незаконного обналичивания или транзитирования денежных средств [1, с. 5–9].

Характерным моментом расследования этих дел является задержание подозреваемых в порядке статьи 91 УПК РФ, сроком на 48 часов. В этот срок требуется провести максимальный объем следственных действий с подозреваемыми: допросы, следственные осмотры изъятых, очные ставки, а также осмотр (прослушивание) с участием лиц, подозреваемых в незаконной банковской деятельности, результатов ОРМ «прослушивание телефонных переговоров». В этот период под воздействием доказательств и всей обстановки подозреваемые склонны к даче признательных доказательств, что позволяет далее закрепить их следственным путем. Так, по уголовному делу № 11801220089000289 в ходе первоначальных допросов подозреваемых с участием их защитников были получены их признательные показания, которые в последующем легли в основу обвинения, несмотря на то, что некоторые из обвиняемых в ходе следствия пытались менять свою позицию [5].

Следственные действия, проводимые после первоначального (в порядке статьи 100 УПК РФ) предъявления обвинения, призваны закрепить, проверить ранее полученные доказательства. В их число входит осмотр электронных документов, электронных носителей информации с целью обнаружения доказательств того, что субъектами велась незаконная банковская деятельность.

Проведение судебно-бухгалтерской экспертизы по этим делам обязательно [8, с. 87]. Этим подводится научное, экспертное обоснование выводов следствия. Назначение судебно-бухгалтерской экспертизы и проведение – силами экспертов ЭКЦ ГУ МВД. Круг вопросов, который ставится экспертам главным образом касается суммы доходов, полученных участниками незаконной банковской деятельности. В судебно-следственной практике Нижегородской области устоялся такой стандарт заключения этой экспертизы, в котором преобладает упор на цифровую составляющую и избегание экспертом любых выводов, которые можно трактовать как правовую оценку.

В заключение нельзя не добавить, что опыт выявления, раскрытия и расследования анализируемых преступлений подтверждает актуальность вопроса

о реформе досудебного производства по уголовным делам по теоретической модели, разработанной нижегородской школой процессуалистов [2].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александров А. С. Уголовно-процессуальные, криминалистические и оперативно-розыскные проблемы борьбы с преступностью на современном – цифровом этапе развития российского общества // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2018. – № 2(29). – С. 1–9.

2. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней / А. С. Александров [и др.]. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 304 с.

3. Рудов Д. Н. К вопросу о расследовании незаконной банковской деятельности (по материалам расследования незаконной деятельности пунктом приема платежа) // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2017. – № 2. – С. 46–49.

4. Уголовное дело № 11701220089000250 по обвинению Шурашова Д. П., Вершининой В. Ю., Чибрикиной И. С., Шульгиной О. А., Воробьевой Т. В., Хуторной К. Ю., Ермаковой Е. В., Плескова О. Б., Баданиной Я. В., Землянкиной Е. С., Толстиковой И. П., Дерябиной С. А., Гуськова О. Н., Однолеткова Е. И. в совершении преступления, предусмотренного п.п. «а, б» ч. 2 ст. 172 УК РФ // СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области.

5. Уголовное дело № 11801220089000289 по обвинению Храмова Е. Е., Платонова Д. Д., Кирина А. А., Блохина А. В., Ворониной А. В., Аверьяновой Л. И., Блохиной О. А., Чередниченко И. Н. в совершении преступления, предусмотренного п.п. «а, б» ч. 2 ст. 172 УК РФ // СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области.

6. Уголовное дело № 552009 по обвинению Яшунина Д. А., Муштакова В. В., Митина В. А., Зелева И. Б., Волковича М. О., Юрьева В. С., Бушуева А. Ю., Киселевой Ю. В., Пятерикова Д. О., Павловой Г. А., Барышева А. Д., Дружкова А. А., Ковшарева С. А., Гордеева А. В. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ // СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области.

7. Царева Ю. В., Летелкин Н. В. Схема осуществления незаконной банковской деятельности и особенности ее расследования // Дискуссионные аспекты развития уголовно-процессуального законодательства и его применения: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции (Н. Новгород, 12 ноября 2020 года) / под ред. М. П. Полякова, Н. В. Летелкина, Ю. В. Царевой. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2021. – С. 277–285.

8. Яргутова В. Ю. Участие специалиста в формировании доказательств по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной аспекты : монография. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 152 с.

Ярошенко Ольга Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
судья Нижегородского областного суда
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
olga.yaroshenko.74@bk.ru

Проблемы информационной безопасности в судебной деятельности на современном этапе

В статье рассмотрены проблемные вопросы обеспечения информационной безопасности в судебной деятельности. Автором рассматриваются основополагающие демократические основы правосудия и их значение для функционирования данного института в современном обществе. Раскрывается понятие информационной безопасности и его значение для судебной деятельности. В предлагаемой статье дается правовой анализ правосудия на современном этапе его развития. При этом установлено, что именно правосудие исходит из главенства прав и свобод человека и основываются только на праве. Сформулированы выводы относительно роли и содержания информационной безопасности.

Ключевые слова: судебная деятельность, отправление правосудия, информационная безопасность.

Yaroshenko Olga Nikolaevna,
candidate of legal sciences, associate professor, udge,
Nizhny Novgorod regional court
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Problems of information security in judicial activity at the present stage

The article deals with the problematic issues of ensuring information security in judicial activities. The author examines the fundamental democratic foundations of justice and their importance for the functioning of this institution in modern society. The concept of information security and its significance for judicial activities are revealed. The proposed article provides a legal analysis of justice at the present stage of its development. At the same time, it was established that it is justice that proceeds from the primacy of human rights and freedoms and is based only on law. Conclusions are formulated regarding the role and content of information security.

Keywords: judicial activity, administration of justice, information security.

Определяющим принципом в современном мире является то, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

Правосудие – это урегулированная законом деятельность суда по рассмотрению уголовных или гражданских дел в первой, апелляционной, кассационной инстанциях, а также в порядке надзора, ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, завершившаяся установлением виновности подсудимого,

назначением ему наказания либо оправданием невиновного, а по гражданским делам разрешением дела по существу.

По уголовным делам правосудие обязательно предполагает деятельность, направленную не только на установление виновности подсудимых, но и на применение к ним мер наказания. Правосудие не осуществляется, когда осужденный освобождается от дальнейшего отбывания наказания, это и в случае истечения сроков давности, поскольку наказание лицу не назначается. Это относится к разрешению судом в судебном заседании вопросов связанных с исполнением приговора.

К первой особой форме правосудия относится деятельность суда по рассмотрению дел об административных правонарушениях, результатом которой явилось установление виновности лица в совершении правонарушения, наложение на него административного взыскания либо прекращение дела производством в связи с его невиновностью.

Второй особой формой правосудия является осуществляемая в пределах предоставленных полномочий деятельность Конституционного Суда РФ, конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, заключающаяся в разрешении по существу подсудных им дел.

Третьей особой формой правосудия выступает рассмотрение и разрешение по существу в порядке ст. 125 УПК судом жалоб на действия решения, бездействие следователя, дознавателя и других лиц.

Правовые принципы правосудия закреплены в законе и отражают сущность правосудия. Несоблюдение требований одного принципа правосудия может привести к нарушению какого-либо другого принципа той же отрасли права.

Применительно к судебной деятельности актуальное значение приобретает информационная безопасность, которая имеет место в любой деятельности.

Следует отметить, что под информационной безопасностью любой профессиональной деятельности обычно понимается состояние ее защищенности в информационной сфере, определяющееся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства [1].

Говоря о судебной деятельности, то информационная безопасность – это состояние защищенности судьбы, а также прав и законных интересов граждан, обращающихся в суд в информационном пространстве.

Необходимо сказать, что в своей профессиональной деятельности судья значительную часть времени исследует множество информации и нормативно-правовой базы в целях обеспечения правовых гарантии судебной защиты прав и свобод граждан. Важными критериями информационной безопасности судебной деятельности выступают обеспечение конфиденциальности, целостности и доступности информации [2].

На современном этапе актуальным является системная теоретическая разработка вопросов информационной безопасности судебной деятельности, формирование общепринятой научной терминологии и выработка научно обос-

нованных рекомендаций по совершенствованию законодательства и иных нормативных актов в данной сфере.

Для достижения указанных целей должны быть решены такие задачи, как обеспечение открытости и доступности правосудия, создание необходимых условий для осуществления правосудия, обеспечение независимости судебной власти, модернизация судебно-экспертной деятельности, осуществляемой государственными судебно-экспертными учреждениями Министерства юстиции Российской Федерации.

Информатизация судебной системы и внедрение современных информационных технологий в деятельность судебной системы обеспечит повышение эффективности деятельности всей судебной системы Российской Федерации.

Внедрение автоматизированных систем в деятельность органов судебной власти приведет к значительному сокращению нарушений процессуальных сроков рассмотрения дел и споров, сокращению количества незавершенных дел, обеспечит удобный и быстрый доступ к информации и повысит качество и эффективность работы аппаратов судов.

В целях реализации мероприятий по информатизации судебной системы необходимо обеспечить:

- открытость и доступность для граждан информации о деятельности судов Российской Федерации;

- предоставить возможность гражданам использовать информационные технологии как при получении информации о деятельности судов Российской Федерации, так и на каждом этапе судебного процесса, начиная с даты обращения в суд до окончания судебного процесса;

- снизить нагрузку на судей и работников аппаратов судов посредством оптимизации деятельности судебного делопроизводства и деятельности судов Российской Федерации по отправлению правосудия.

Важным аспектом на современном этапе выступает создание современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры единого информационного пространства Верховного Суда Российской Федерации и федеральных судов общей юрисдикции, мировых судей, органов судейского сообщества.

Так, именно единое информационное пространство судебной деятельности позволит создать комплекс сканирования и хранения электронных образов судебных документов, возможность перевода судебных архивов в электронный вид.

Необходимо отметить, что электронное судопроизводство предусматривает упрощение процедур подачи в суд исковых заявлений, жалоб в электронном виде, получения копий документов и ознакомления с материалами дела.

Создание технических условий позволяет обеспечить взаимодействия судов общей юрисдикции с информационными системами Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы судебных приставов, Федеральной службы исполнения наказаний и других ведомств в электронном виде.

Благодаря хорошему оснащению судов программным обеспечением и ключевыми носителями для ведения электронного документооборота с применением электронной подписи позволяет широко применять электронную подпись.

Так, информатизация судебной системы позволит оснастить федеральные суды общей юрисдикции комплектами оборудования для допроса потерпевших и свидетелей без возможности их визуального наблюдения.

Все указанные мероприятия приведут к повышению качества работы судов, открытости, доступности и прозрачности деятельности судов, судебных органов и органов судейского сообщества на основе информационно-коммуникационных технологий за счет применения систем видео - и аудиопотоколирования хода судебных заседаний, программно-технических средств оцифровки документов и оборудования видеоконференц-связи.

Также, эти меры способствуют более высокому уровню защиты информации от несанкционированного ее изменения или утраты и обеспечивают информационную безопасность телекоммуникационной инфраструктуры судебной деятельности.

В целом, вышеуказанный комплекс мер направлен на создание электронного архива для хранения электронных документов, вычислительной инфраструктуры банка данных регионального уровня, объединенной общей средой мониторинга и репликации данных, систем телефонии и видеоконференц-связи.

Такие понятия как «судебная деятельность» и «правосудие» взаимосвязаны между собой, где осуществление правосудия является основным видом судебной деятельности, поскольку именно это и является предназначением суда как органа судебной власти.

Считаем, что одной из проблем обеспечения информационной безопасности судебной деятельности является отсутствие сложившегося понятийного аппарата и комплексных теоретических исследований в этой сфере.

В данном случае, проблемой обеспечения информационной безопасности является сложность прогнозирования, выявления, анализа и оценки угроз информационной безопасности судебной деятельности в современном мире.

В целом угроза информационной безопасности - это совокупность условий и факторов, создающих потенциальную или реально существующую опасность нарушения конфиденциальности, доступности или целостности информации.

Необходимо сказать, что в большинстве проблемы обеспечения информационной безопасности тесно связаны с информатизацией современного общества, т. е. процессом распространения компьютеров и современных компьютерных технологий для обработки информации [3].

По мнению Д. А. Попова, современное общество становится «информационным обществом», но это не совсем верно, так как обработка и передача информации производилась в обществе во все времена, информация играла важную роль на всех этапах его развития, поэтому более правильно все же говорить об информатизации общества [4].

Однако именно благодаря распространению компьютерных технологий становятся с каждым днем все шире, а скорость передачи информации постоянно увеличивается. При этом постоянно появляются новые технические средства и способы обмена информацией.

В современном мире невозможно без использования телекоммуникационных сетей и баз данных, правовых справочных систем, которые позволяют быстро найти и эффективно использовать всю необходимую правовую информацию.

Также огромное значение имеет цифровизация, которая в настоящее время оказывает положительное влияние на организацию судебной деятельности.

Документооборот между органами судейского сообщества судами и системой Судебного департамента осуществляется в электронном виде. В большинстве федеральных судов общей юрисдикции функционирует сервис, позволяющий гражданам подавать в суд иски и другие процессуальные документы в электронном виде и получать из суда юридически значимые документы через официальный сайт суда в режиме ограниченного доступа.

В заключение следует обратить внимание на то, что судебная защита прав и свобод человека может быть обеспечена только компетентным и независимым правосудием, осуществляемым на началах справедливости и беспристрастности. Именно такое правосудие предполагает соблюдение каждым судьей правил профессиональной этики, честное и добросовестное исполнение своих обязанностей, проявление должной заботы о сохранении как своих личных чести и достоинства, так и достоинства и авторитета судебной власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воронов А. А. Проблемы профессиональной деформации и информационной безопасности в адвокатской деятельности // Современное право. – 2005. – № 4. – С. 58–63.
2. Гусятников П. П., Гусятникова П. П. Информационная безопасность адвоката: основные понятия // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 1. – С. 1–15.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М. : Русский язык, 2000.
5. Попов Д. А. Государственная информатизация: анализ правоприменительной практики // Информационное право. – 2014. – № 3. – С. 16–20.

СЕКЦИЯ 5

ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

УДК 34

Мельников Иван Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
Melnikk44@gmail.com

Морозов Александр Сергеевич,

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
Morozow_98_a@mail.ru

Длющиеся правоотношения в сфере охотничьего хозяйства и проблемы их законодательного регулирования

В статье рассмотрены отдельные вопросы регулирования длющихся правоотношений в отношении прав на охотничьи угодья. Проанализирован порядок предоставления земельных участков и лесных участков из земель, находящихся в государственной собственности, для осуществления видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства. Определены пробелы в сфере правового регулирования организации деятельности закрепленных охотничьих угодий. Основное внимание уделено проблемам законодательного регулирования порядка предоставления земельных участков с правом на добычу охотничьих ресурсов в границах этих охотничьих угодий, а также предложены конкретные рекомендации по совершенствованию законодательства в сфере охотничьего хозяйства.

***Ключевые слова:** Охота, охотничье хозяйство, охотничьи ресурсы, охотничьи угодья, охотхозяйственные соглашения, правовые нормы, правовой аспект.*

Melnikov Ivan Nikolaevich,

candidate of legal sciences, associate professor,
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Morozov Alexander Sergeevich

student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Long-term legal relations in the field of hunting and problems of their legislative regulation

The article deals with certain issues of regulation of ongoing legal relations in relation to hunting grounds. The procedure for granting land plots and forest plots from state-owned lands for

the implementation of activities in the field of hunting has been analyzed. Gaps in the field of legal regulation of assigned hunting grounds are identified and noted. The main attention is paid to the problems of legislative regulation of the procedure for granting land plots with the right to extract hunting resources within the boundaries of these hunting grounds, as well as specific recommendations for improving legislation in the field of hunting.

Keywords: *Hunting, hunting economy, hunting resources, hunting grounds, hunting agreements, legal norms, legal aspect.*

Охота – один из древнейших способов пользования объектами животного мира. Появившись еще на заре человечества, она стала, чуть ли не основным источником для добычи пищи. Сегодня, спустя тысячи лет, у людей уже нет потребности в добыче пищи путем охоты, но тяга к охоте по-прежнему неизменна. По состоянию на апрель 2022 года в России находится свыше 5 млн охотников.

Правовой основой регулирования охотничьего хозяйства являются Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире», Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об охоте), а также ряд постановлений Правительства, нормативных актов Минприроды России, Минсельхоза России, нормативные акты субъектов РФ и органов местного самоуправления [1].

Многие ученые часто критикуют данный Закон об охоте, считают его «сырым» и нуждающимся в принятии новой редакции. Недовольство в отношении данного закона довольно легко понять. Прошло почти 13 лет, с момента его принятия, но он и по сей день является довольно спорным в некоторых аспектах.

В соответствии со ст. 27 и 28 Закона об охоте индивидуальный предприниматель или юридическое лицо праве путем аукциона на платной основе приобрести в аренду «земельные участки и лесные участки и право на добычу охотничьих ресурсов в границах охотничьих угодий» [1]. Такая процедура является обязательной для исполнения, и касается всех лиц, желающих осуществлять деятельность в сфере охотничьего хозяйства.

Применяться это правило должно к отношениям, возникающим после даты вступления в силу Закона об охоте. В то же время ч. 3 ст. 71 названного Закона устанавливает случай, при котором применяется исключение из общего правила. Этот случай распространяется на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при наличии следующих обстоятельств, возникших до вступления в силу Закона об охоте:

- право пользования животным миром у правообладателей возникло на основании лицензий, выданных в ранее действовавшем порядке;
- с правообладателями лицензий ранее был заключен договор о предоставлении им в пользование соответствующих угодий в целях ведения охотничьего хозяйства.

Эти обстоятельства должны рассматриваться в совокупности.

В теории права, когда не действующий порядок сохраняется, для определенного круга лиц называется «переживанием закона» [2, с. 94]. Законодатель, таким образом, установил исключение, которое касается только субъектов, у которых правоотношения возникли до вступления в силу Закона об охоте. Действовавший на тот момент закон об охоте не устанавливал конкретного срока охотхозяйственных соглашений, однако после вступления в силу нового закона была сделана отсылка на ч. 1 ст. 27 Закона об охоте, где этот срок растянулся в неопределенном промежутке между 20 и 49 годами.

В настоящий момент большая часть земель принадлежит именно юридическим лицам и предпринимателям [4, с. 2]. Они сами решают кто, когда и по какой стоимости будет охотиться в их угодьях. Некоторые из них держат охотничьи угодья лишь для себя или закрытого круга лиц. На фоне этого у охотников возникают трудности с получением лицензий на охоту из-за цен, которые могут быть на порядок выше, нежели в угодьях общего пользования [5, с. 267–268].

Перед охотником стоит выбор, либо платить большую сумму денег за охоту частному лицу, во владениях которого поголовье животных гораздо лучше регулируется и охраняется, либо купить лицензию на охоту в землях общего пользования за меньшую сумму, но количество дичи в этих землях не регулируется и постоянно уменьшается из-за большого наплыва браконьеров [4].

Еще до принятия этого Закона об охоте большая часть земель уже принадлежала частным лицам, но принятие закона об охоте только усилило их влияние и продлило сроки аренды.

Это так называемое усовершенствование закона направлено только на пользу юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которым принадлежат охотничьи угодья. В результате нарушается ч. 1 ст. 10 Закона об охоте, которая устанавливает, что «монопольная деятельность и недобросовестная конкуренция в сфере охоты и охраны и сохранении охотничьих ресурсов не допускаются» [1].

Хотя государство по-прежнему будет являться собственником этих земель, фактически они будут принадлежать другим лицам, так как по истечению и так довольно длительного срока владения этими землями они автоматически продляются на срок до 49 лет, что подразумевает почти пожизненное владение.

Для решения возникших проблем необходимо дополнить ст. 71 Закона об охоте новым пунктом, содержащим, что срок действия охотничьих договоров не должен превышать срок действия ранее выданных лицензий.

Также необходимо законодательно закрепить, что владелец арендованных земель не вправе запрещать охоту гражданам при наличии у них охотничьего билета и путевки приобретаемой у охотпользователя.

Не менее важным дополнением в охотничьем законодательстве будет установление качественного контроля со стороны субъекта Российской Федерации за ведением закрепленных охотничьих угодий.

Подводя итоги так называемого «улучшения» закона в области закрепленных охотничьих угодий, можно сказать, что данное изменение было направлено лишь на улучшение положения юридических лиц и предпринимателей.

Без изменений срока действия охотхозяйственных соглашений этим субъектам правоотношений будут принадлежать значительные площади охотничьих угодий на довольно продолжительный промежуток времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 24.07.2009) // Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

2. Горохов Д. Б. Длющиеся правоотношения в сфере охотничьего хозяйства: проблемы совершенствования Федерального законодательного регулирования // Журнал российского права. – 2017. – № 10 – С. 91–103.

3. Охотничье хозяйство России: проблемы и пути их решения. – URL: <https://www.ohotniki.ru/hunting/societys/societys/article/2016/01/06/173208-ohotniche-hozyaystvo-rossii-problemyi-i-puti-ih-resheniya.html> (дата обращения: 10.04.2022).

4. Смирнов С. И. Современное состояние и проблемы в управлении региональными охотничьими ресурсами // Актуальные проблемы лесного комплекса. – 2008. – С. 2–7.

5. Фарукшин, А. В., Гребнев И. А. Некоторые проблемы правового регулирования предоставления права на любительскую и спортивную охоту физическим лицам в закрепленных охотничьих угодьях // Вестник КГУ. – 2017. – № 1. – С. 267–269.

УДК 347.961

Мельников Иван Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
Melnic44@gmail.com

Ширина Татьяна Вячеславовна,

магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
Zalogina06@mail.ru

Правовое регулирование нотариальной деятельности в условиях цифровой трансформации: проблемы и перспективы

Статья посвящена исследованию актуальных вопросов правового регулирования нотариальной деятельности в период цифровой трансформации нотариата в Российской Фе-

дерации. Особое внимание уделено рассмотрению изменений действующего российского законодательства в связи с внедрением электронных форм нотариальной деятельности, обобщению существующих наработок и перспективному анализу законодательных новелл в сфере цифровизации нотариата. Основной целью работы является выявление существующих проблем и правовых пробелов в правовом регулировании электронного нотариата в период адаптации, а также определению дальнейших перспектив приведения в соответствие действующего нормативно-правового регулирования.

Ключевые слова: нотариат, нотариус, электронная подпись, электронный документ, цифровые технологии, электронный нотариат.

Melnikov Ivan Nikolaevich,

candidate of legal sciences, associate professor,

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Shirina Tatyana Vyacheslavovna,

master's student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Legal regulation of notarial activity in the context of digital transformation: problems and prospects

The article is devoted to the study of topical issues of legal regulation of notarial activities during the period of digital transformation of notaries in the Russian Federation. Particular attention is paid to the consideration of changes in the current Russian legislation in connection with the introduction of electronic forms of notarial activities, a generalization of existing developments and a perspective analysis of legislative novelties in the field of digitalization of notaries. The main purpose of the work is to identify existing problems and legal gaps in the legal regulation of electronic notaries during the period of adaptation, as well as to determine further prospects for bringing the current legal regulation into line.

Keywords: notary, notary, electronic signature, electronic document, digital technologies, electronic notary.

Делегирование государством нотариату полномочий по обеспечению и защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц в период трансформации гражданского оборота в цифровую реальность требует создания новых механизмов правового регулирования и заставляет искать разумный компромисс между сочетанием традиционных нотариальных процедур с совершенствованием информационных технологий и адаптацией гражданско-правовых инноваций в нотариальной деятельности.

Нотариат, который уже называют цифровым, постепенно становится гарантом защиты прав участников имущественных отношений в новой, цифровой реальности.

Правовым фундаментом института нотариата в Российской Федерации являются: Конституция [4] и Основы законодательства о нотариате (далее – Основы) [2] – это центральный акт, в котором определены все вопросы деятельности и правила совершения нотариальных действий. Кроме того, источни-

ками, регулирующими нотариальную деятельность, также являются: Гражданский кодекс РФ, Семейный кодекс РФ и другие федеральные законы, законодательство субъектов РФ и ведомственные нормативные акты. Статьей 1 Основ предусмотрено, что нотариат призван обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц в соответствии с Конституцией путем совершения нотариальных действий, предусмотренных законодательными актами.

Электронный нотариат представляет собой совокупность организационно-правовых и информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих возможность ведения нотариусами документооборота в новой цифровой среде, а именно: совершения нотариальных действий и фиксирования носителей соответствующей информации в электронном виде [8, с. 9]

Начало развития цифровых форм нотариальных действий в России получило свое распространение с начала 2000-х годов и в настоящее время окончательно не завершено.

Существенным шагом в трансформации нотариата в цифровую реальность стал Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 21.12.2013 № 379-ФЗ, в соответствии с которым была создана Единая информационная система нотариата (далее – ЕИСН). ЕИСН позволила создавать нотариусам документы в электронном формате, хранить сведения и вести реестры нотариальных действий, принимать и использовать электронные документы, вести оперативное взаимодействие в электронном виде с рядом государственных органов: УФНС, МВД, органами ЗАГС, а также с некоторыми банками по получению и проверке достоверности информации, что упростило гражданам процедуру сбора документов для обращения к нотариусу по ряду вопросов и ускорило документооборот [10, с. 39]

С 2018 года все нотариальные действия обязательно подлежат электронной регистрации. А с 01 февраля 2019 г. на нотариусов возложена обязанность по электронной регистрации всех выданных свидетельств о праве на наследство в Росреестре, а сделки, подлежащие обязательному нотариальному удостоверению, могут быть заверены нотариусом электронной цифровой подписью и отправлены на государственную регистрацию. Это совершенствовало гражданский оборот и упростило процедуру государственной регистрации для лиц, обратившихся к нотариусу [1, с. 40].

Благодаря цифровизации нотариальной деятельности значительно увеличилось количество нотариальных услуг по удостоверению равнозначности документов, что представляет собой подтверждение тождественности и равной юридической силы содержания изготовленного нотариусом электронного документа содержанию представленного документа на бумажном носителе, и оборот [3, с. 45].

Следующим значительным шагом в эволюции цифрового нотариата России в части, обеспечивающей совершение нотариальных действий в дистанционном формате, стало принятие Федерального закона «О внесении изменений в основы законодательства о нотариате и отдельные законодательные акты Рос-

сийской Федерации» от 27.12.2019 № 480-ФЗ. Новеллы данного закона предоставили возможность гражданам обращаться за совершением удаленных нотариальных действий и выдачей документов после совершения нотариального действия, определили порядок хранения электронных документов путем создания единого нотариального цифрового архива, что позволило решить проблемы утраты и подделки документов, решили проблему неактуальных документов путем создания реестров отмененных доверенностей и завещаний [5, с. 304–305].

Особенно стоит отметить законодательные изменения в Основы с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 11 мая 2020 года, которые внесли ряд важных новелл в электронную форму нотариальной деятельности:

- впервые определили возможность осуществления удаленных сделок, удостоверяемых двумя и более нотариусами, а также предусмотрели порядок привлечения нотариуса к гражданско-правовой ответственности вследствие признания таких сделок недействительными;

- расширили сферу использования ЕИСН в процессе оказания нотариальных услуг и ввели обязанность ведения реестра совершенных удаленных сделок;

- ввели обязательное нанесение на ряд документов, выдаваемых нотариусом новых реквизитов – QR-кодов – машиночитаемых маркировок, позволяющих защитить их от подделок;

- наделили нотариусов правом беспрепятственно передавать и получать информацию из единого государственного реестра юридических лиц, единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей, налоговой службы, в связи с ведением наследственного дела;

- предусмотрели в правилах идентификации личности освидетельствование личности посредством биометрических данных;

- определили порядок удостоверения электронных сделок, а также совершения иных нотариальных действий удаленно и сроки внесения сведений в ЕИСН, дополнили порядок удостоверения равнозначности документов в электронной форме [9, с. 106–107].

Одним из последних этапов цифровой трансформации российского нотариата определенно стал 2021 год, когда нотариус для обеспечения стабильности цифровой экономики стал участником отношений нового масштаба. При этом развитие электронного нотариата помогает не только при работе нотариата с гражданами, что вносит элементы быстроты, доступности и гарантированности, упрощает и ускоряет процедуру совершения нотариальных действий, но в значительной мере регулирует эффективность работы при межведомственном взаимодействии.

Развитие электронного нотариата направлено на оптимизацию нотариальной деятельности. Нотариат в цифровой среде предполагает не только работу с электронными сервисами, обеспечивающими доступ к информации и ускоряющими сам процесс документооборота, но и предоставляет нотариату возможность обеспечить дополнительную защиту и гарантию сохранности информации, а также обеспечить потребности общества в нотариальных услугах, оказываемых удаленным способом, что значительно сокращает временные из-

держки и очень актуально в свете ограничительных мер, вводимых в связи с пандемией, вызванной COVID-19 [6, с. 53].

Таким образом, действующее законодательство в сфере электронного нотариата России предоставляет гражданам и юридическим лицам широкие возможности в использовании информационных технологий и сервисов для совершения нотариальных действий. Тем не менее осуществление деятельности нотариуса в новой цифровой реальности также имеет свои риски.

В первую очередь, хочется отметить, что нотариат в условиях нарастающей цифровой среды имеет риск утраты исторически сложившейся, классической формы защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, когда нотариус выступает в качестве «свидетеля», подтверждающего факты и законность юридически значимых действий. И все хакерские достижения могут дискредитировать нотариальную деятельность.

Проблемы мошеннических действий при использовании усиленной электронно-цифровой подписи при совершении сделок, с которыми уже столкнулся гражданский оборот, могут появиться и в системе электронного нотариата. Существует риск того, что владелец электронной подписи нарушит условия хранения и она может стать доступной третьим лицам, либо он может быть получена не владельцем. В нотариате эти риски минимизируются за счет централизации нотариальных данных, исключающих дублирование идентификаторов с подложными данными. Кроме того, остается вероятность того, что в ходе дальнейшего расширения и усложнения нотариальных услуг в цифровой среде, нотариат неизбежно столкнется с рисками наращивания информационных погрешностей, системных ошибок [7, с. 38].

Особо необходимо отметить существующие на данный момент неразрешенные проблемные поля цифровой трансформации российского нотариата, которые нуждаются в дальнейшем правовом регулировании:

– большинство лиц, обращающихся к нотариусу еще сами не готовы перейти на цифровой формат, кроме того, ценность бумажного документа сохраняется, поэтому переход к полной цифровизации нотариальных услуг – это постепенного и планомерного внедрения информационных технологий;

– многие нотариусы не имеют специального программного обеспечения и технически не подготовлены, в том числе для осуществления дистанционных сделок с участием двух и более нотариусов;

– технические проблемы с выявлением порока воли заявителей мешает переводу на полное дистанционное обслуживание нотариата, что со временем найдет свое решение в специальном программном обеспечении;

– недоработана проблема международного признания электронных форм российских документов, связанных с проставлением электронного апостиля;

– несмотря на ответственность нотариусов за нарушение сокращенных сроков оказания нотариальных услуг в электронной форме, что, как правило, вызвано техническими причинами, проблема их соблюдения по-прежнему остается. Пути решения этой проблемы, по которым идет Минюст России сводится к классическому перечислению объективных причин неоказания нотариальных услуг, хотя электронная форма позволяет в этом случае организовать заме-

ну нотариуса. Поэтому этот порядок требует специальной правовой регламентации [9, с. 110].

Проведенный правовой анализ существующих законодательных изменений в сфере электронного нотариата позволяет сделать вывод о том, что необходимо разрабатывать правовые решения для устранения существующих проблем и правовых пробелов в применении правовых конструкций, обеспечивающих деятельность нотариата в новой цифровой среде. Дальнейшими направлениями развития правового регулирования электронного нотариата в России, на наш взгляд, связано с минимизацией рисков цифровизации нотариата, решением обозначенных проблем и созданием реестра недееспособных лиц, защите усиленной электронной подписи нотариусов, использовании и проверке биометрических данных.

По нашему мнению, необходимо решить вопрос нормативно-правового регулирования межведомственного взаимодействия Федеральной нотариальной палаты с органами государственной власти и местного самоуправления для разработки и утверждения единых стандартов совместной работы. В связи с недавним внедрением возможности совершать нотариальные действия удаленно необходимо устанавливать связь между ЕИСН и сервисом «Госуслуги». Для этого потребуются принятие подзаконного акта, который бы в рамках функционирования ЕИСН вводил возможность электронной записи на прием к нотариусу и передачи электронных документов гражданами, а также устанавливал обязанность нотариусов учитывать электронную запись.

Таким образом, на текущий момент отечественный нотариат имеет качественную нормативно-правовую базу, гибкую для обновлений и способную к дальнейшему развитию в условиях цифровой трансформации. Нотариальная деятельность активно вовлечена в процессы цифровой трансформации, которая должна оптимизировать деятельность нотариусов, ускорить процессы документооборота, получения и проверки необходимой информации, сократить случаи мошеннических действий и, как следствие, совершенствовать и повысить степень защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота. При дальнейшей трансформации нормативно-правового регулирования электронного нотариата, необходимо помнить о рисках и проблемах осуществления нотариальных действий в новой цифровой реальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Долгов С. Г. Предоставление нотариальных услуг с использованием электронных технологий (цифровой нотариат) // Нотариус. – 2019. – № 3. – С. 38–41.

2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 : по состоянию на 02.07.2021 // Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

3. Кириллова Е. А. Тенденции развития электронного нотариата в России // Нотариус. – 2019. – № 8. – С. 44–46.

4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : по состоянию на 03.07.2020 // Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

5. Корман В. К. Информационные технологии в деятельности нотариата в Российской Федерации // Образование и наука в России и за рубежом. – 2018. – № 13(48). – С. 303–308.

6. Михайлова Е. В. Новеллизация законодательства в сфере нотариальной охраны и защиты гражданских прав и законных интересов: тенденции и перспективы // Нотариальный вестник. – 2021. – № 12. – С. 49–60.

7. Москаленко И. В. О рисках осуществления нотариальной деятельности в условиях цифровизации // Нотариальный вестник. – 2021. – № 9. – С. 35–40.

8. Углицких Д. В. К вопросу «электронного нотариата»: правовые аспекты регулирования и проблемы практики // Нотариус. – 2020. – № 3. – С. 40–44.

9. Холкина М. Г., Кравченко А. Г. Правовое регулирование нотариальных действий в условиях становления цифровой экономики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. – 2021. – № 1. – С. 104–114.

10. Ярошенко Т. В. Применение информационных (электронных) технологий в нотариальной деятельности // Нотариус. – 2020. – № 1. – С. 38–41.

УДК 347.91

Хвалыгина Наталия Лазаревна,
старший преподаватель Костромской
государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
natalikos2011@yandex.ru

Гарбер Элеонора Андреевна,
студент, Костромской государственного университета
г. Кострома, Российская Федерация
Garber.Elya@yandex.ru

Груздев Денис Владиславович,
студент, Костромской государственного университета
г. Кострома, Российская Федерация
auf.2012@mail.ru

Ненадлежащее извещение лиц, участвующих в деле

В статье анализируется законодательство Российской Федерации, регулирующее извещение участников гражданского судопроизводства, приводится классификация способов извещения. Проанализирована судебная практика по данному вопросу. Выявлена проблематика каждого из способов уведомления лиц, участвующих в деле, и предложены способы ее

решения, а также даны рекомендации по уточнению сроков извещения лиц, участвующих в деле.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, извещение лиц, участвующих в деле, основополагающие принципы, способы уведомления, срок извещения.

Khvalygina Natalia Lazarevna,
senior lecturer, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Garber Eleonora Andreevna
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Gruzdev Denis Vladislavovich
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Improper notification of persons participating in the case

Article analyzes the legislation of the Russian Federation regulating the notification of participants in civil proceedings, provides a classification of notification methods. The judicial practice on this issue is analyzed. The problems of each of the ways of notifying the persons involved in the case are identified and ways of solving it are proposed.

Keywords: civil proceedings, notification of persons participating in the case, fundamental principles, methods of notification.

Актуальность данного научного исследования обуславливается тем, что вопрос извещения лиц, участвующих в деле, является основополагающим, так как именно с его помощью, в частности, реализуются такие задачи гражданского судопроизводства, как правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел.

В сегодняшних реалиях институт извещения в гражданском процессе вызывает особый интерес, связанный с новыми вызовами, стоящими перед современным обществом. Только одна цифровизация открыла перед гражданским судопроизводством новые способы извещения лиц, участвующих в деле (СМС-извещения и e-mail-извещения), которые по своей сути являются наиболее удобными, но менее надежными, чем традиционные способы извещения.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации одним из основных принципов гражданского судопроизводства является принцип равноправия и состязательности сторон. Эти исходные положения являются наиболее важными для судебного процесса и могут реализовываться, в том числе благодаря надлежащему извещению, так как надлежащее уведомление субъектов гражданского судопроизводства несет процессуальные последствия, такие как:

– отмена решения суда первой инстанции или изменение решения суда в апелляционном порядке;

– лишение участников процесса основной части возможностей, предусмотренных законодательством;

– вынесение судебного решения не в пользу этого участника и другие [3].

Так, например, в извещении ООО «Фуд-Сервис» была допущена опечатка, вследствие которой ответчик не смог явиться на судебное заседание, что привело к вынесению судебного решения не в пользу этого участника. ООО «Фуд-Сервис» подал жалобу в Федеральный арбитражный суд Восточно-Сибирского округа, который признал уведомление лица ненадлежащим и указал, что при новом рассмотрении дела суду следует известить ООО «Фуд-Сервис» о времени и месте рассмотрения дела надлежащим образом с соблюдением и правильным применением требований главы 12 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. В итоге суд постановил следующее: решение Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) отменить и дело направить на новое рассмотрение в тот же суд [5].

Согласно статье 155 ГПК РФ разбирательство гражданского дела в суде должно проходить с обязательным извещением о времени и месте заседания всех, кто участвует в процессе [2].

Надлежащее извещение лиц, участвующих в деле, и других участников процесса – действие, имеющее исключительное значение для реализации принципа законности, которое влечет за собой важнейшие процессуальные последствия. Например, только надлежащее извещение ответчика дает суду право на рассмотрение дела в порядке заочного производства (гл. 22 ГПК РФ)

В соответствии со ст. 113 ГПК РФ «Лица, участвующие в деле, а также свидетели, эксперты, специалисты и переводчики извещаются или вызываются в суд заказным письмом с уведомлением о вручении, судебной повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату».

На наш взгляд, следует классифицировать способы извещения лиц, участвующих в деле, следующим образом:

1) информационный способ – это способ извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве, посредством использования информационных технологий;

2) традиционный способ – это способ извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве, посредством очного информирования.

У каждого способа извещения присутствуют определенные проблемы, а именно: действительно ли участник судопроизводства был не уведомлен по объективным причинам или же намерено уклоняется от получения извещения.

Так, извещение участников процесса может происходить в следующих формах:

1. СМС-извещение с использованием телефона – автоматически формирующееся СМС-сообщение, сведения которых импортируется в базу данных суда. Главной проблемой данного способа является то, что номер может быть

изменен, совершена ошибка при написании расписки или намеренно указан неверный номер для затягивания процесса [1, с. 258–260];

2. e-mail-извещения с использованием электронной почты – это автоматически формирующееся электронное почтовое сообщение, сведения которых импортируются в базу данных суда. Недостатки данного способа обуславливаются разными обстоятельствами. Например, участники процесса могут не увидеть извещение из-за большого потока рассылки, отправляемой на его электронную почту или же письмо попало в папку «Спам», лицо может потерять логин и пароль от своей электронной почты и так далее;

3. Отсылка почтовой повестки – это обладающая особыми условиями и статусом судебное почтовое отправление. Проблема данного способа состоит в том, что он рассчитан на добросовестное поведение сторон процесса. Зачастую лица, которые не заинтересованы в своевременном разрешении дела, могут уклоняться от получения повестки, что существенно затрудняет судебное разбирательство;

4. Извещение телеграммой за счет истца – это обладающее особыми условиями и статусом краткое текстовое сообщение, которое передается сотруднику почтового отделения, после чего он диктует его по телефону в отделение почты адресата. У данного способа существует проблема аналогичная отсылке почтовой повестки и в этом случае также существует вероятность уклонения ответчика от телеграммы;

5. Извещение через истца – это выдача судом повестки истцу для уведомления ответчика и других субъектов судопроизводства. Недостатки данного способа обуславливаются тем, что субъекты могут не подписать данную повестку в случае конфликта, уклониться от получения извещения и так далее;

6. Извещение лица по месту работы – это способ извещения, который предполагает, что суд звонит на место работы ответчика или третьего лица, где предупреждает руководителя о том, что работник вызывается в суд. Проблема данного способа состоит в том, что существуют разные обстоятельства, в связи с которыми могут возникнуть сложности. Например, лицо может не иметь постоянного места работы;

7. Извещение субъектов через курьера – это судебная повестка, обладающая особым статусом, которая передается курьером ответчику по поручению суда. Данный способ также имеет ряд проблем: неисполнение курьером своих обязательств, уклонение ответчика от повестки и т. д. [4, с. 423–428].

Также на практике существует проблема, когда судебное извещение стороне приходит слишком поздно. Например, когда сторона получает судебное извещение в день заседания или за день до судебного заседания и соответственно не имеет возможности ознакомиться с материалами дела и подготовить свою позицию по делу и обосновать свою точку зрения.

Для решения данной проблемы считаем необходимым установить в ГПК РФ сроки отправки судебных извещений по аналогии, как это сделано в АПК РФ и изложить ч. 1 ст. 113 ГПК РФ в следующей редакции:

Лица, участвующие в деле, а также свидетели, эксперты, специалисты и переводчики извещаются или вызываются в суд заказным письмом с уведомлением о вручении, судебной повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату, не позднее чем за десять дней до начала судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом.

Также, на наш взгляд, следует обозначить сроки получения адресатом извещений и вызовов, и определить срок, достаточный для подготовки к судебному заседанию. В связи с чем считаем, необходимым внести изменения в ч. 3 ст. 113 ГПК РФ и изложить ее в следующей редакции:

Лицам, участвующим в деле, судебные извещения и вызовы должны быть вручены с таким расчетом, чтобы указанные лица имели достаточный срок для подготовки к делу и своевременной явки в суд, но не позднее, чем за сутки до судебного разбирательства.

Следует указать не только проблемы, которые стоят за вышеуказанными методами, но и выяснить их положительные стороны. Информационный метод не требует больших материальных затрат, а традиционные способы являются более эффективными.

Таким образом, каждый из способов извещения имеет как ряд недостатков, так и ряд положительных черт, но использование только одного из видов уведомления дает высокую вероятность ответчику и другим субъектам затянуть судебное заседание или уклониться от него.

Для решения данной проблемы, на наш взгляд, следует совместить традиционный и информационный способы извещения и использовать в обязательном порядке оба вида уведомления. Это позволит существенно увеличить количество надлежащего извещения субъектов гражданского судопроизводства и благодаря данному решению будут в большей мере соблюдены основополагающие принципы гражданского процессуального права Российской Федерации.

Стоит указать и на отрицательные черты совмещения традиционного и информационного способов извещения лиц, участвующих в деле, а именно: увеличение финансовых затрат и нагрузки на суд. Учитывая вышеуказанные недостатки, следует сказать, что соблюдение основополагающих начал судопроизводства, предусмотренные Конституцией РФ, является более важным, так как все государственное регулирование обществом строится на правовых нормах, которые, в свою очередь, руководствуются принципами права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беланова Г. О., Ярошенко А. Ф. Проблемы извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве, посредством использования информационных технологий // Молодой ученый. – 2020. – № 21(311). – С. 258–260. – URL: <https://moluch.ru/archive/311/70552/> (дата обращения: 28.03.2022).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2002 г. – № 46. – Ст. 115 с изм. и допол. в ред. от 30.12.2021. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 21.03.2022).

3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.03.2022).

4. Котоян М. А., Страхов С. Е. Проблема извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве // Молодежный научный форум: Общественные и экономические науки : сб. ст. по материалам XXXIX Междунар. студ. науч.-практ. конф. – № 10(39). – URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/10\(39\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/10(39).pdf) (дата обращения: 04.04.2022).

5. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27 .04.2011 № А58-3466/10 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVS&n=64542#FQzr92Tl0pirh9UJ> (дата обращения: 22.03.2022).

СЕКЦИЯ 6

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

О ПРОБЛЕМАХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343

Байтурин Марк Шамилевич,
магистрант, Костромской
государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
markoff1983@icloud.com

Проблема правоприменения ст. 165 УК РФ на примере уголовного дела о причинении имущественного ущерба Департаменту агропромышленного комплекса Костромской области

В статье рассматривается проблема разграничения смежных составов ст. 159, 160, 165 УК РФ, поднимается вопрос применения ст. 165 УК РФ, которую органы предварительного следствия и суда трактуют по-разному. Существует проблема ошибочной квалификации по ст. 165 УК РФ в то время, как обстоятельства совершенного преступления указывают на признаки состава, образующего хищение. Проанализированная практика применения ст. 165 УК РФ указывает на отсутствие единообразной практики применения закона. Предложены меры по совершенствованию уголовно-правового законодательства.

***Ключевые слова.** Смежные составы, проблема разграничения, хищение, причинение имущественного ущерба, обман, злоупотребление доверием.*

Baiturin Mark Shamilevich
vaster's student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The problem of law enforcement of Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation on the example of a criminal case on causing property damage to the Department of agro-industrial complex of the Kostroma region.

The article deals with the problem of differentiation of adjacent compositions of Articles 159, 160, 165 of the Criminal Code of the Russian Federation, raises the question of the application of Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation, which the bodies of preliminary investigation and the court interpret differently. There is a problem of erroneous qualification under Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation, while the circumstances of the crime indicate signs of the composition forming the theft. The analyzed practice of applying Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation indicates the lack of uniform practice of applying the law. Measures to improve the criminal law legislation are proposed.

***Keywords.** Related compositions, the problem of differentiation, embezzlement, causing property damage, deception, abuse of trust.*

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» говорит нам о том, что «от мошенничества следует отличать причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения», т. е. преступление, образующее состав ст. 165 УК РФ [4]. При этом в Постановлении Пленума № 48 прямо говорится, что «при решении вопроса о том, имеется ли в действиях лица состав преступления, ответственность за которое предусмотрена статьей 165 УК РФ, суду необходимо установить, причинен ли собственнику или иному владельцу имущества реальный материальный ущерб либо ущерб в виде упущенной выгоды, т. е. неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено путем обмана или злоупотребления доверием, и превышает ли сумма ущерба двести пятьдесят тысяч рублей» [5].

Как верно отмечает В. И. Гладких, по ст. 165 УК РФ чаще всего квалифицируется получение путем обмана услуг телефонной связи, доступа к сети «Интернет» с использованием чужого логина и пароля, транспортных и иных услуг, уклонение от оплаты электроэнергии и т. д. Типичной схемой причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления является незаконное подключение к источникам энергоснабжения с дальнейшим использованием электроэнергии как для своих нужд, так и для реализации ее на возмездной основе третьим лицам (сейчас это актуально в сфере извлечения прибыли путем майнинга, когда осуществляется несанкционированное подключение к электросетям). При этом известны случаи, когда по ст. 165 УК РФ квалифицировались «финансовые пирамиды» и дела об «обманутых дольщиках» [3, с. 39–44]. Так мы видим, насколько широка может быть трактовка рассматриваемой нормы, что, безусловно, не может не вызвать вопроса о том, почему следственные органы и суд не квалифицируют данные деяния как мошенничество?

Главным отличием смежных составов ст. 159 и 165 УК РФ является отсутствие признаков хищения. И здесь, как показывает практика, положения статьи 165 УК РФ всеми участниками правоотношений трактуются по-разному.

Анализируя судебную практику за последние два года (на сайте sudact.ru), можно заключить, что большую часть приговоров, вынесенных по ст. 165 УК РФ составляют уголовные дела, касающиеся неисполнения управляющими компаниями обязательств по оплате услуг (по тепло/водо/электроснабжению), оказанных контрагентами. Казалось бы, такой способ причинения имущественного ущерба, не связанный с хищением как раз является дидактическим примером того, в каких случаях следует применять ст. 165 УК РФ.

Однако 3 сентября 2020 г. Алтайский краевой суд в ходе апелляционного производства рассмотрел дело № 22-3687-2020 в отношении Евграфова И. Э., осужденного судом первой инстанции. Евграфов, являясь директором УК и получив от собственников квартир денежные средства за потребленное горячее водо- и теплоснабжение в размере 2 037 218 рублей 19 копеек, не перечислил

данные денежные средства на счет ресурсоснабжающей организации, а потратил их на иные цели, причинив тем самым поставщику услуг имущественный ущерб в особо крупном размере. Алтайский краевой суд выносит приговор об оправдании Евграфова И. Э., так как приходит к выводу об отсутствии в его действиях состава преступления, предусмотренного п. б ч. 2 ст. 165 УК РФ. Указывает, что выводы суда первой инстанции о наличии обязательных признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ не подтверждены, также суд счел не доказанной субъективную сторону преступления, характеризующуюся прямым умыслом на извлечение материальной выгоды за чужой счет, что должно охватываться сознанием виновного и определять характер его действий.

Также в приговоре суд поясняет, что если лицо, уполномочено получать платежи от граждан или организаций, то присвоение полученных денежных средств образует хищение и указывает: следует признать, что действия, инкриминируемые Евграфову И. Э. и установленные в приговоре, не образуют признаков состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ.

При этом Кировский областной суд Апелляционным постановлением № 22-501/2020 от 13 апреля 2020 г. при рассмотрении аналогичного дела о причинении генеральным директором ООО УК «МОДО КОМФОРТ» имущественного ущерба АО «Кировской теплоснабжающей компании» в особо крупном размере на сумму 2805 102 рубля, установил, что ущерб причинен путем злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения собственнику имущества и оставил обвинительный приговор суда первой инстанции по п. б ч. 2 ст. 165 УК РФ без изменений. [1]

Как мы видим, один и тот же способ причинения имущественного ущерба разными судами трактуется по-разному. Что говорить о спорах юристов и правоведов, проводящих уголовно-правовой анализ ст. 165 УК РФ?

Тем временем, хотим напомнить, что максимальное наказание, предусмотренное ст. 159 УК РФ предполагает до 10 лет лишения свободы, а максимальное наказание, установленное ст. 165 УК РФ не превышает 5 лет лишения свободы, что в порядке ст. 15 УК РФ относит данную категорию к преступлениям средней тяжести, которые, как мы знаем, в соответствии со ст. 25 УК РФ могут быть прекращены в связи с примирением сторон. Что, на наш взгляд, учитывая, что ст. 165 УК РФ относится к преступлениям против собственности и имеет смежные составы со ст. 159 УК РФ, нарушает важнейший принцип неотвратимости уголовного наказания.

Отсюда мы закономерно задаемся вопросом: не является ли ст. 165 УК РФ легальной «лазейкой» для лиц, совершивших хищение, получить более мягкое наказание, сославшись на отсутствие умысла на совершение хищения?

Причина разграничения законодателем этих составов связана с разной степенью общественной опасности преступлений, которая в данном случае основывается на анализе характеристик субъективной стороны совершения преступления, т. е. в наличии умысла в форме вины.

Так, мы согласны с А. Г. Безверховым, который утверждает, что в правоприменении установление признаков мошенничества, совершенного под видом заключения договора, вызывает трудности. Квалификация содеянного в этих случаях прямо зависит от установления в действиях виновного прямого умысла, волевой элемент которого включает желание обратить чужое имущество в свою пользу и тем самым причинить имущественный ущерб другой стороне мнимого обязательства. Между тем, мошенническое завладение чужим имуществом, совершаемое «под прикрытием» сделки, утверждает А. Г. Безверхов, внешне напоминает собой правомерные действия, которые будто бы направлены на установление гражданских прав и обязанностей и при этом явно не свидетельствуют о том, что одна из сторон, «вступая» в такую сделку, не намерена выполнять принятые на себя обязательства [2, с. 75–80].

Таким примером из следственной практики в Костромской области является уголовное дело, возбужденное 11.06.2020 года в отношении К., являющегося индивидуальным предпринимателем.

01.08.2017 индивидуальный предприниматель К. предоставил в департамент агропромышленного комплекса Костромской области (далее – департамент АПК) заявку на участие в конкурсном отборе на предоставление грантов на строительство, реконструкцию комплексов (ферм) и объектов для молочного скотоводства. К. среди прочих участников конкурса предоставил пакет документов, подтверждающих его деятельность в сельском хозяйстве, а также бизнес-план, согласно которого индивидуальный предприниматель приведены исчерпывающие аргументы в необходимости получения средств гранта для реконструкции комплексов (ферм) и объектов для молочного скотоводства.

В результате К. выиграл данный грант и 02.10.2017 получил денежные средства от департамента АПК из бюджета Костромской области в размере 5025 050 рублей на строительство, реконструкцию комплексов (ферм) и объектов для молочного скотоводства, которые он должен был освоить до 20.04.2019. Однако по состоянию на 20.04.2019 индивидуальный предприниматель К. работы по реконструкции телятника не выполнил.

При решении вопроса о возбуждении уголовного дела по ч. 4 ст. 159 УК РФ или ч. 4 ст. 160, следователем совместно с надзирающим прокурором был тщательно изучен материал проверки, рассмотрены все доводы, указывающие на наличие состава преступления, после чего прокурор согласился с позицией следствия о квалификации данного деяния по ч. 4 ст. 160 УК РФ.

При решении вопроса о возбуждении уголовного дела рассматривался вариант, что в действиях индивидуальной предпринимателя К. могут усматриваться признаки преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, однако данный факт не нашел своего юридического подтверждения, в связи с тем, что доказать умысел лица по данной статье было проблематично при наличии таких обстоятельств, как участие в конкурсе, предоставление документации, подтверждающей ведение сельскохозяйственного бизнеса, составление и предоставление бизнес-плана - все это говорило о том, что у К. изначально отсутствовал умысел на хищение денежных средств гранта путем обмана или злоупот-

ребления доверием. Однако все действия по процедуре получения гранта и дальнейшее его присвоение, которые выполнил К. указывали на присвоение и растрату вверенных ему денежных средств в особо крупном размере. Более того, за месяц до отчета о проделанной работе в ходе проведения департаментской проверки, К. инициировал активную деятельность по созданию видимости проведения работ по реконструкции и строительству телятника, на которые и были выделены денежные средства. На это указывают многочисленные показания свидетелей: сотрудников департамента АПК, сотрудников районной администрации, где происходило строительство телятника, специалистов и экспертов, проводивших строительно-техническую, торгово-экономическую и оценочную судебные экспертизы, которые указывали на то, что фактически строительство и реконструкция телятника не велись.

Таким образом, формально в действиях индивидуального предпринимателя К. усматривался состав преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, но, как мы говорили ранее, данная квалификация означает установление вины в форме прямого умысла, направленного на хищение денежных средств, а индивидуальный предприниматель К. в своих показаниях настаивал на том, что денежные средства хоть и не были потрачены на цели гранта, но были использованы для расширения производства, что позволило бы за счет увеличения прибыли выполнить взятые на себя по соглашению с департаментом обязательства, поэтому обвинение, проект которого также был согласован с надзирающим прокурором, было предъявлено по п. б ч. 2 ст. 165 УК РФ.

Получается, грамотно выстроенная позиция защиты может изменить квалификацию преступления на более мягкую, несмотря на то что недобросовестным предпринимателем не по назначению были потрачены бюджетные средства.

Полагаем, что существующий пробел в правоприменении ст. 165 УК РФ необходимо устранить с помощью ряда сформулированных нами мер:

- внесение изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48, где следует дать подробные разъяснения о порядке применения статьи 165 УК РФ, исключая ее различное толкование. Как показывает практика, существующие рекомендации недостаточны и позволяют трактовать закон «в угоду» тем или иным субъектам правоотношений, а виновным избегать более сурового наказания за совершенное преступление;

- внести изменения в Уголовный кодекс РФ, касающиеся разграничения пунктов «а» и «б» ст. 165 УК РФ с ужесточением наказания, охватывающие действия, совершенные организованной группой, так как в уголовном праве такая организация представляет собой более опасную разновидность соучастия с предварительным сговором.

- создать рабочие группы с участием сотрудников следственных подразделений и работников прокуратуры, призванных преодолеть разногласия в толковании нормы, проанализировать и обобщить существующую практику и правильно квалифицировать деяние в каждом конкретном случае.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное постановление Кировского областного суда № 22-501/2020 от 13 апреля 2020 г. по делу № 22-501.
2. Безверхов А. Г. Имущественные преступления : монография. – Самара : Самарский университет, 2002. – 359 с.
3. Гладких В. И. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: уголовно-правовой анализ статьи 165 УК РФ // Евразийский союз ученых. – 2021. – № 3(84). – С. 39–44.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 20.04.2022)
5. Приговор № 22-3687/2020 от 3 сентября 2020 г. по делу № 22-3687-2020.

УДК 347.1

Белякова Екатерина Сергеевна,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
k-b-2000@mail.ru

Яснева Елена Васильевна
старший преподаватель,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
yasneva.e.v@yandex.ru

Некоторые проблемные вопросы при регулировании охраны средств индивидуализации юридических лиц

Статья посвящена исследованию проблем регулирования охраны средств индивидуализации юридических лиц с точки зрения гражданского права. В статье раскрываются проблемы правового регулирования фирменного наименования и предлагаются пути их разрешения.

Ключевые слова: средства индивидуализации, фирменное наименование, товарный знак, некоммерческие организации, защита средств индивидуализации.

Belyakova Ekaterina Sergeevna,
student, Kostroma State University
Russian Federation

Yasneva Elena Vasilievna,
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Some problematic issues in regulation protection of funds for the individualization of legal persons

The article is devoted to a study of the problems of regulating the protection of the means of the individualization of legal persons from the point of view of civil law. Problems of legal regulation of the trade name are revealed and suggests ways to resolve them.

Keywords: means of individualization, company name, trademark, non-profit organizations, protection of means of individualization.

Понятие «средства индивидуализации» можно понимать в двух значениях. В широком смысле средства индивидуализации – это способы использования различных символов, слов, фраз и других отличительных знаков для персонализации конкретного субъекта, его деятельности, произведенных и/или проданных товаров, выполненных работ, оказанных услуг. В этом смысле меры индивидуализации следует рассматривать как систему действий, направленных на выявление, обособление, выделения субъекта, его деятельности, произведенных или проданных товаров, оказанных услуг, выполненных работ. В узком смысле средства индивидуализации – это оригинальные символы, используемые в публичном обращении, слова, фразы и все другие признаки, которые индивидуализируют юридическое или физическое лицо, их деятельность, произведенную продукцию, проданные товары, выполненные работы, оказанные услуги. В этом смысле меры индивидуализации являются предметом исключительных прав.

В Гражданском кодексе Российской Федерации не дается определения средствам индивидуализации. Представляется, что индивидуализацию следует определять «как обособление, отличие по характеристикам, индивидуальным признакам особый для каждого лица случай», а средство как прием, способ действия для достижения чего-либо; орудие, предмет, приспособление или их совокупность, необходимые для какой-либо деятельности» [8].

Таким образом, исходя из вышеуказанных определений, можно вывести следующее понятие средств индивидуализации. Средства индивидуализации – способ действия для выделения субъекта (объекта) из всеобщей массы, путем выделения у него или придания ему индивидуальных, присущих только ему признаков. По моему мнению, данное понятие следует закрепить в Гражданском кодексе Российской Федерации. Законодатель относит к средствам индивидуализации: фирменное наименование, товарный знак и знак обслуживания, наименование мест происхождения товара, коммерческое обозначение. Однако согласно выведенному понятию к средствам индивидуализации можно отнести не только объекты, определенные статьей 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации [2], но и ОГРН (основной государственный регистрационный номер), адрес места нахождения, почтовый адрес, наименование организации и доменное имя.

В научных работах ведется активное обсуждение вопроса относимости к средствам индивидуализации фирменного наименования. Данная тема актуальна тем, что обладателю исключительных прав на фирменное наименование

Гражданский кодекс запрещает распоряжаться, а в том числе и отчуждать данное средство индивидуализации. Это связано с тем, что фирменное наименование служит средством индивидуализации коммерческих организаций и юридических лиц.

Так, Е. А. Кондратьева говорит о том, что можно обнаружить достаточно много общих черт при сравнении норм, касающихся фирменного наименования и имени гражданина, например исключительное право на имя и фирменное наименование являются неотчуждаемыми [3, с. 97–98]. С позицией автора нельзя не согласиться. В связи с этим, ряд авторов предлагают распространить на фирменное наименование неимущественное право, так как индивидуализация субъекта права – сфера деятельности неимущественных личных прав, как и имя гражданина [4, с. 82].

Статья 4 Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ указывает на то, что некоммерческая организация имеет наименование, в котором содержится указание на ее организационно правовую форму и характер ее деятельности. Также в пункте 1.1 статьи 4 данного закона указано, что некоммерческая организация, наименование которой зарегистрировано в установленном порядке, имеет исключительное право его использования [9]. Однако ни цитируемым законом, ни Гражданским кодексом РФ, ни иными законами не раскрывается содержание исключительного права на наименование некоммерческих организаций. Практика показывает, что часто возникают ситуации, когда некоммерческие организации обращаются в суд с иском о запрете использования их наименования иным лицом (в том числе и использовании его как средство индивидуализации). Суды не встают на сторону истца, ссылаясь на то, что Федеральный закон «О некоммерческих организациях» не определяет способ защиты исключительного права некоммерческой организации на использование своего фирменного наименования.

Так, в Арбитражный суд Иркутской области обратилось ФГУ «Байкальский Государственный природный биосферный заповедник» с иском к ООО «Байкал-Инком» о запрете использования наименования «Байкальский заповедник» для индивидуализации товаров, работ или услуг, а также запрете размещения этого наименования на товарах, в документации, рекламе и в сети Интернет. Судом первой и второй инстанции исковое заявление было удовлетворено. Но арбитражный суд кассационной инстанции Восточно-сибирского округа вынес постановление об отмене решения суда первой и апелляционной инстанции и полностью отказал в удовлетворении исковых требований истца. В мотивировочной части суд кассационной инстанции указал, что наименование некоммерческих организаций не является средством индивидуализации юридических лиц в смысле положений части 4 ГК РФ, на них не распространяется правовая охрана, установленная параграфом 1 главы 76 Гражданского кодекса Российской Федерации [7].

Суд по интеллектуальным правам также придерживается похожей позиции. Одно из интересных дел было рассмотрено в 2016 году, когда известное Федеральное автономное учреждение Министерства обороны РФ «Централь-

ный спортивный клуб армии», сокращенно клуб «ЦСКА» подало исковое заявление к некоммерческой организации союз «Центральная специализированная коллегия адвокатов» о запрете использования аббревиатуры «ЦСКА» и о том, что они обязаны внести в учредительные документы соответствующие изменения [6]. Суд первой, апелляционной, а также кассационной инстанции не удовлетворили исковые требования. Судами было установлено, что на момент создания Спортивного клуба действовало Постановление Совета народных комиссаров СССР от 22 июня 1927 г. «О введении в действие Положения о фирме». Постановление содержало норму о том, что право исключительного использования фирменного наименования принадлежало как коммерческим, так и некоммерческим организациям. Однако со вступления в законную силу части четвертой ГК РФ (1 января 2008 года), указанный документ утратил силу [5].

Пунктом 4 статьи 50 Гражданского кодекса РФ закреплено, что некоммерческие организации могут вести коммерческую деятельность, если это закреплено в их уставе и лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых создана некоммерческая организация, и, если это соответствует таким целям [2]. Основываясь на этом, можно сделать вывод, что действующий подход законодателя к охране наименований некоммерческих организаций не способствует защите некоммерческих организаций своих наименований от посягательств третьих лиц (конкурентов).

М. Е. Бобров считает действующее положение некоммерческих организаций несоответствующим логике. Так, некоммерческие организации имеют право в соответствии со статьей 1478 Гражданского кодекса Российской Федерации регистрировать товарные знаки, на основании статьи 1538 Гражданского кодекса Российской Федерации могут иметь исключительное право на коммерческое обозначение при осуществлении предпринимательской деятельности, однако нормы о правовой охране и защите фирменных наименований на наименование некоммерческих организаций не распространяются. М. Е. Бобров предлагает позволить некоммерческим организациям иметь исключительное право на фирменное наименование наравне с коммерческими организациями. По мнению автора, это позволит распространить действие норм по защите фирменного наименования коммерческих организаций на некоммерческие в том числе [1, с. 4]. Позиция автора близка мне, однако стоит помнить, что далеко не все некоммерческие организации имеют право вести коммерческую деятельность, а также, что некоторые статьи Гражданского кодекса сложно применить к наименованию некоммерческих организаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бобров М. Е. Товарный знак и наименование юридического лица: коллизия прав // Адвокат – 2013. – № 12. – С. 57–62.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ : ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.02.2022).

3. Кондратьева Е. А. Объекты интеллектуальных прав: особенности правовой охраны. – М. : Статут, 2014. – С. 97–98.

4. Кривин Д. В. «Доменное имя как средство индивидуализации юридического лица» // Российское право: Образование. Практика. Наука. – 2017. – № 1(97). – С. 60–61.

5. Постановление Совета народных комиссаров СССР от 22 июня 1927 г. «О введении в действие Положения о фирме» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 24.11.2021).

6. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20 октября 2016 года по делу № А60-47048/2015 // Официальный интернет-портал правовой информации. Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://www.zakonrf.info/> (дата обращения: 24.11.2021).

7. Постановление Федерального Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 6 июня 2012 года по делу № А19-15965/2011 // Официальный интернет-портал правовой информации. Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://www.zakonrf.info/> (дата обращения: 24.11.2021).

8. Современный толковый словарь русского языка. – М. : Дом Ридерз Дайджест, 2017.

9. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. Судебные и нормативные акты РФ : [база судебных актов]. – URL: <https://www.zakonrf.info/> (дата обращения: 25.11.2021).

УДК 347.1

Безрукавая Полина Павловна,

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

pollibz@mail.ru

Страхование предпринимательских рисков

В представленной статье объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе страхования предпринимательского риска. Предметом исследования является совокупность норм российского общего гражданского, а также специального законодательства о страховании в целом, страховании предпринимательских рисков, судебная практика, теоретические и научные разработки в сфере регулирования института страхования. В статье рассмотрены актуальные проблемы в сфере страхования предпринимательских рисков, возникающие при признании события страховым случаем, как в общей системе страхования предпринимательских рисков, так и при возникновении отношений между кругом организаций, ведущих определенную хозяйственную деятельность, а также касающиеся возможности признания соучастия неосторожным деянием.

Ключевые слова: гражданское право, предпринимательство, предпринимательский риск, договор, кредитная организация.

Bezrukavaya Polina Pavlovna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Insurance of business risks

In the presented article, the object of research is the social relations arising in the process of business risk insurance. The subject of the study is a set of norms of the Russian general civil, as well as special legislation on insurance in general, insurance of business risks, judicial practice, theoretical and scientific developments in the field of regulation of the insurance institute. The article deals with current problems in the field of business risk insurance that arise when an event is recognized as an insured event both in the general system of business risk insurance and when relations arise between a circle of organizations conducting certain economic activities, as well as concerning the possibility of recognizing complicity as a careless act.

Keywords: civil law, entrepreneurship, entrepreneurial risk, contract, credit institution.

В ходе развития предпринимательской деятельности предприниматель сталкивается с рядом сложно прогнозируемых, а не редко и неконтролируемых ситуаций, влекущих за собой несение потерь различного характера.

В таких ситуациях гарантом возмещения понесенных потерь выступает договор страхования предпринимательских рисков.

Договор страхования предпринимательских рисков является сложной системой взаимосвязанных элементов, относящихся к различным сферам жизни общества в целом. Сам риск несения убытков является экономическим аспектом, но при этом регулируется с помощью норм права. В данной сфере происходит тесное взаимодействие аспектов, которое приводит к реализации целостного механизма.

Нормальным явлением стало страхование имущества, авто ответственности, вместе с тем страхование предпринимательских рисков распространено меньше.

Любая предпринимательская деятельность подвержена рискам. Это суждение вытекает из определения предпринимательской деятельности, даваемого законодателем. Гражданский кодекс Российской Федерации под предпринимательской деятельностью понимает «самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли» [3]. Таким образом, исходя из легального определения, можем говорить о том, что риски являются неотъемлемой частью предпринимательской деятельности.

Под риском принято понимать потенциальную опасность несения потерь, связанных с совокупностью множества как внешних, так и внутренних факторов, возникающих из специфики правоотношений, неподконтрольных, сложно прогнозируемых явлений, влияющих на динамику процессов внутри организации, а также конечный результат осуществляемой ею деятельности.

В науке право дают следующее более сжатое определение риска: опасность потенциальной потери ресурсов, или же потери доходов в сравнении с возможными, рассчитанными на рациональное использование ресурсами, в данном виде предпринимательской деятельности [1. с. 296–310].

Предпринимательские риски могут заключаться в угрозе потери вложенных ресурсов, снижению уровня дохода от осуществляемой, направленной на систематическое получение прибыли, деятельности, возникновении непредвиденных расходов, недобросовестность контрагентов и т. д.

В ходе анализа договора страхования предпринимательских рисков, его законодательной регламентации, особенностей можем выделить как теоретические, так и практические проблемы.

Данные проблемы связаны с неточными формулировками общего и специального законодательства, расхождением правоприменительной практики.

Безусловно, в ходе изучения того или иного нового аспекта, необходимо прибегнуть не только к анализу его законодательного регулирования, комментариям, но и к научной литературе.

В частности, в ходе изучения договора страхования предпринимательской деятельности можно выявить теоретическую, по своей природе, проблему разграничения объекта страхования данного вида договоров.

В юридической литературе высказывается мнение о том, что объектом страхования рисков предпринимательской деятельности выступает исключительно имущество предпринимателя [2]. В ходе размышления над данной проблемой автор утверждает, что именно имущество является целью защиты при осуществлении предпринимательской деятельности. В качестве примера в обоснование позиции приводится страхование урожая, при этом, отмечается факт того, что производится страхование еще несуществующего урожая, а посевов, которые в случае наступления неблагоприятных последствий могут принести недостаточного количество плодов.

Согласиться со столь категоричной точной зрения не представляется возможным, но при этом нельзя и в полной мере ее опровергнуть.

Имущество, действительно, может являться объектом страхования предпринимательских рисков, но при этом нельзя упускать и имущественный интерес.

Гражданский кодекс РФ в ст. 929 отождествляет имущественные интересы с конкретным имуществом, касаясь предпринимательской деятельности.

Имущественный интерес связан как с вещными, так и с обязательственными правами, при этом направлен на сохранение общего активного, выгодного функционирования деятельности. Следовательно, именно имущественный интерес по своей сути будет являться объектом страхования предпринимательской деятельности. В качестве примера в обоснование позиции можем привести страхование недобросовестных действий контрагентов: невыплата кредитной денежной суммы. В данном случае имущественный интерес направлен непосредственно на обеспечение интереса предпринимателя в получении денежных

средств, оставшихся у должника и процентов за пользование этими денежными средствами.

Также необходимо отметить, что в предпринимательской деятельности интерес чаще всего связан с несением убытков при использовании того или иного комплекса имущества. На наш взгляд в данном случае прослеживается взаимозависимость имущества и имущественного интереса в договора страхования предпринимательской деятельности.

Также при системном анализе положений ГК РФ, касающихся непосредственно договора страхования предпринимательской деятельности, можно заметить возможность ухода от некоторого рода ограничений.

В качестве примера можем привести положение ст. 933 ГК РФ, закрепляющее возможность страхования риска только предпринимателя и только в его пользу. Данное положение вступает в противоречие со ст. 932 ГК РФ, в которой законодатель установил ограничение страхования риска ответственности за нарушение договора.

Разберем частный случай. Предприниматель является кредитной организацией, осуществляющей финансовую деятельность по выдаче займов физическим или юридическим лицам. Данный предприниматель вправе застраховать предпринимательский риск в виде недобросовестных действий контрагента. Иными словами, в случае невыплаты третьим лицом взятой им в кредит денежной суммы, страховщик возместит данный ущерб страхователю.

Таким образом, кредитор в данной ситуации страхует риск ответственности неисполнения договора третьим лицом – должником, что прямо запрещено ст. 932 ГК РФ.

Можем предположить, что законодатель таким образом всесторонне способствует безопасному развитию предпринимательства в определенной сфере, закрепляя в законе такого рода формулировки.

В данном вопросе реальная практика работы данных предпринимателей неоднозначна. Большинство кредитных организаций не допускают нарушений ст. 932 ГК РФ, несмотря на возможность обойти данное ограничение путем заключения договора страхования предпринимательского риска. Но существует достаточно неоднозначная судебная практика. Суды общей юрисдикции, ссылаясь на ст. 933 ГК РФ остаются на стороне предпринимателя, либо же, напротив, на основании ст. 932 ГК РФ встают на сторону должника.

В качестве конкретного примера можем привести апелляционное постановление суда общей юрисдикции. В данном случае суд первой инстанции удовлетворил требования страхователя по взысканию в порядке регресса с должника ущерба. В требованиях при рассмотрении дела в апелляционной инстанции должник указал признание заключения договора страхования ничтожным на основании запрета, установленного ст. 932 ГК РФ.

В итоге рассмотрения данного дела суд признал незаконность взыскания с должника денежных средств [1 с. 64].

Таким образом, можем говорить о наличии проблемы, вытекающей из противоречия положений законодательства друг другу.

В качестве решения данной ситуации можем предложить внесение изменений в действующую редакцию ГК РФ.

Таким образом, необходимо дополнить п. 2 ст. 933 ГК РФ словами: «за исключением кредитного договора».

В ходе анализа судебной практики можем выделить проблему признания страхового случая.

В ряде решений суды признают случай страховым, при котором договор страхования заключен после договора между страхователем и контрагентом.

В частности, организация X сначала заключает договор, к примеру, поставки, на длительный срок, а затем договор страхования предпринимательских рисков в связи с возникновением убытков из-за нарушения его контрагентами обязательства. В рамках действия договора поставки контрагент Y неоднократно нарушает условия данного договора, заключенного с X. Страховщик не признает данный случай страховым по причине заключения договора поставки, т. е. договора, породившего обязательство, явившееся источником предпринимательского риска, до заключения договора страхования предпринимательского риска.

Организация X обращается в суд и иском о защите своего нарушенного права. Ответчик – Y не признает исковые требования, аргументируя свою позицию несопадением сроков заключения договоров поставки и страхования.

Суд первой инстанции не удовлетворяет исковые требования, поскольку предпринимательский риск, в данном случае возник в рамках договора, заключенного раньше договора страхования.

С данной позицией сложно согласиться.

Страхование предпринимательских рисков осуществляется для возмещения убытков, ставших результатом деятельности, связанной с рисками.

На момент заключения договора страхования страховщик был осведомлен о виде деятельности X, его контрагентах, наличии договоров для осуществления предпринимательства.

Имущественные интересы страхователя нарушены неправомерными действиями контрагента после заключения договора страхования, следовательно, в период его действия. Таким образом, можем говорить о возможности оспаривания решения суда.

В качестве решения данной проблемы необходимо уточнение действующего законодательства в сфере страхования, а именно положений статьи 9 Закона «О организации страхового дела» следующим образом: «Страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, в период действия договора страхования вне зависимости от даты заключения договора, обязательства по которому нарушены, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам [4]».

Таким образом, на основании анализа научной литературы, положений действующего законодательства, судебной практики приходим к выводу о том,

что в сфере страхования предпринимательских рисков имеют место пробелы, приводящие к разночтению нормативно-правовых актов.

Теоретические различия подходов к пониманию того или иного вопроса влекут за собой нарастание непонимания в ходе изучения данной темы, что способствует формированию некомпетентности как уже действующих, так и будущих кадров.

Уточнение общего и специального законодательства в определенной сфере на основе судебной практики становится ключом к становлению развитой, унифицированной, стабильной системы нормативно-правовых актов, а также российской законодательной базы в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белых В. С. Страхование: спорные вопросы теории и практики. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2018. – 351 с.

2. Бондаренко О. Г. Управление коммерческим риском : учеб. пособие. – М. : Норма, 2019. – URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=353607> (дата обращения: 10.04.2021).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 №14-ФЗ (ред. от 9.03.2021). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8d8cd335130f04a7036c1eb50fff606c93fc643/ (дата обращения: 07.03.2021).

4. Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 (в ред. от 30.12.2020) «Об организации страхового дела в Российской Федерации». Часть 2 статья 9. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/9446fe3d61daf193e7cc8c8f4ab465fe482a156/ (дата обращения: 11.04.2021).

УДК 344.963

Васильева Оксана Родионовна,
студент, Волго-Вятский институт (филиал)
Университета имени О. Е. Кутафина
г. Киров, Российская Федерация
vasilevaoksr@gmail.com

Выход Генеральной Прокуратуры РФ из МАП: причины и последствия

В статье рассматриваются проблемные аспекты взаимодействия Генеральной Прокуратуры Российской Федерации с Международной ассоциацией прокуроров в связи с прекращением членства РФ в данной организации из-за нарушения МАП устава, применения по отношению к России двойных стандартов, а также бездействия в связи с жестокими преступлениями в отношении русскоговорящего населения на Украине и культивированием в Европейских странах ненависти к русскоговорящим. Также в статье

представлены возможные последствия данного решения для МАП и Генеральной Прокуратуры РФ.

Ключевые слова: Генеральная Прокуратура Российской Федерации, Генпрокуратура РФ, Международная ассоциация прокуроров, МАП, прокуратура, выход Генпрокуратуры РФ из МАП.

Vasileva Oksana Rodionovna,
student, Volgo-Vyatka Institute (Branch)
O.E. Kutafin University (MSAL)
Kirov, Russian Federation

Exit of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation from the IAP: causes and consequences

The article discusses problematic aspects of cooperation between the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the International Association of Prosecutors in connection with the termination of the membership of the Russian Federation in this organization due to violations of the IAP charter, the application of double standards towards Russia, as well as inaction in connection with violent crimes against the Russian-speaking population in Ukraine and the cultivation of hatred in European countries to Russian speakers. The article also presents the possible consequences of this decision for the IAP and the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.

Keywords: Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Prosecutor General's Office of the Russian Federation, International Association of Prosecutors, IAP, Prosecutor's Office, exit of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation from the IAP.

23 марта 2022 года пресс-служба Генеральной Прокуратуры (далее – Генпрокуратура) Российской Федерации объявила о решении ведомства выйти из Международной ассоциации прокуроров. Генеральный Прокурор отправил письмо генеральному секретарю Международной ассоциации прокуроров (далее – МАП) Хану Мораалу о выходе из МАП [6].

Данное решение мотивировано применением двойных стандартов в оценке юридических фактов со стороны МАП по отношению к России, несоблюдением принципов беспристрастности и неполитизированности [2].

Также МАП игнорировала представленные российской прокуратурой объективные доказательства о массовых преступлениях против человечности, совершаемых в течение восьми лет, со стороны Украины в отношении мирного русскоговорящего населения на территории Донецкой и Луганской областей властями Украины. К числу таких преступлений относятся многочисленные артобстрелы жилых кварталов, сбрасывание кассетных бомб на объекты городской инфраструктуры, пытки и массовые убийства.

Кроме того, в настоящее время МАП не оказывает никакого влияния на культивирование ненависти к русскоговорящему населению в связи с проведением Россией специальной операции. В подавляющем большинстве Европейских стран активно пропагандируются преследование русскоговорящего населения, призывы к убийству, варварскому причинению физического вреда, открытой травле.

В связи со всеми этими обстоятельствами Генпрокуратура РФ выразила свою невозможность участия в МАП.

Обратимся к истории взаимодействия Генпрокуратуры России и МАП. МАП была основана 6 июня 1995 г., а официальное открытие состоялось 19 сентября 1996 г. в Будапеште. Уже в январе 1997 г. в соответствии с совместной программой Комиссии ЕС и СЕ по укреплению федеральных структур была проведена международная конференция в г. Москве [1, с. 37]. В ее работе приняли участие прокуроры многих стран.

Согласно уставу МАП основными задачами данной организации являются содействие эффективному, справедливому и беспристрастному расследованию преступлений; обеспечение применения высоких стандартов при отправлении правосудия по уголовным делам; укрепление признанных международных принципов, обеспечивающих осуществление надлежащего и независимого рассмотрения уголовных дел; обеспечение защиты прав человека; оказание помощи прокурорам в международном сотрудничестве в борьбе с преступностью [3].

Россия всегда активно сотрудничала с МАП. Совместно регулярно проводились международные семинары с участием экспертов Совета Европы и РФ по различным актуальным проблемам данного взаимодействия. Например, в 2004 г. был проведен анализ разнообразия функций прокуратуры европейских стран, в том числе и России. А в 2013 году в России была проведена ежегодная конференция МАП, которая объединила около 500 тысяч прокуроров более чем из 170 стран мира [1, с. 39].

Генеральная прокуратура сотрудничала со структурами ЕС по различным направлениям, например, по созданию современной правовой базы функционирования ЕС. Представители Генпрокуратуры РФ участвовали в консультациях по подготовке проекта документа «Дорожная карта общего пространства, свободы, безопасности и правосудия». При сотрудничестве с ОБСЕ Генеральная прокуратура давала заключения по проекту решения Совета министров государств – участников ОБСЕ, касающегося антитеррористической деятельности. Генпрокуратура РФ участвовала в выработке условий посещения представителями Международной контрольной комиссии лиц, содержащихся под стражей на территории России [1, с. 40].

Также важным этапом взаимодействия МАП и Генпрокуратуры РФ было открытие в ноябре 2017 года в Санкт-Петербурге первого регионального офиса МАП для сотрудничества прокуроров стран СНГ и Восточной Европы. А 20 октября 2021 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве по обеспечению деятельности регионального представительства МАП в Санкт-Петербурге, которое также было расторгнуто в связи с антироссийской деятельностью МАП [5].

Прекращение Генпрокуратурой членства в МАП, по мнению экспертов, окажет негативное влияние на работу МАП и незначительно скажется на работе прокуратуры России.

Так, вице-президент Союза адвокатов России Павел Герасимов считает, что Генпрокуратуре будет сложнее привлекать зарубежных экспертов, а также не будут подлежать применению нормы международного права в сфере оборо-

та международных финансовых потоков, киберпреступлений и отмывания денег [4].

Адвокат Павел Астахов, бывший уполномоченный по правам ребенка, считает, что членство в МАП имеет идеологическое значение, а не процессуальное. [4].

По нашему мнению, прекращение Россией членства в МАП является закономерным следствием предвзятого отношения данной организации к РФ, неисполнением своих уставных обязательств, а также бездействием в отношении угнетения и истребления русскоговорящего населения на территории Украины и Европейских государств.

Мы считаем, что выход России из Международной ассоциации прокуроров, не окажет негативного влияния на работу прокуратуры РФ в целом. Мы предполагаем возможные сложности в работе с иностранными коллегами, привлечением зарубежных специалистов и экспертов. Тем не менее основные функции прокуратуры: защита прав и свобод граждан, обеспечение законности при проведении разнообразных процессуальных мероприятий – не претерпят никакого негативного изменения. Прокуратура РФ как защищала права граждан, так и будет продолжать это делать.

Своими непродуманными действиями МАП лишилась одного из наиболее важных членов, чьи заслуги организации в деятельности и помощь в осуществлении основных задач трудно переоценить. С выходом России из МАП ставится вопрос о существовании данной организации в целом.

В заключение нам бы хотелось выразить надежду на изменение отношений Прокуратуры РФ и МАП в лучшую сторону. Основной задачей Международной ассоциации прокуроров должно быть обеспечение защиты прав и свобод людей вне зависимости от языка, на котором они говорят, или страны, в которой они проживают. В реализации данной цели вклад российской прокуратуры незаменим.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Координирующая роль международной Ассоциации прокуроров в борьбе с преступностью / Л. М. Бабкин, С. В. Булатецкий, Н. Н. Лыткин, А. Е. Родин // Юристъ-Правоведъ. – 2017. – № 2(81). – С. 37–43.

2. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=72532303> (дата обращения: 01.04.2022).

3. Официальный сайт Международной ассоциации прокуроров. – URL: <https://www.iap-association.org/> (дата обращения: 03.04.2022).

4. Эксперты объяснили, чем грозит выход Генпрокуратуры РФ из Международной ассоциации прокуроров. – URL: <https://dailystorm.ru/detali/eksperty-obyasnili-chem-grozit-vygod-genprokuratury-rf-iz-mezhdunarodnoy-associacii-prokurorov> (дата обращения: 05.04.2022).

5. Генпрокуратура России решила выйти из Международной ассоциации прокуроров. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/830753> (дата обращения: 03.04.2022).

6. Генпрокуратура России выходит из Международной ассоциации прокуроров. – URL: https://tass.ru/politika/14153423?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 03.04.2022).

УДК 351

Войцеховская Анастасия Максимовна,
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
vojcehovskaya99@mail.ru

Понятие конфликта интересов на государственной службе в международном праве и отечественном законодательстве

Конфликт интересов является одной из существенных проблем в системе государственной службы. Эффективность его предотвращения и урегулирования в значительной степени зависит от действующего законодательства. В статье проведен анализ положений международных актов, отечественного законодательства и научной литературы. Также в теме исследования выявлены некоторые проблемы и предложены пути их решения. Выявлено отсутствие законодательного разъяснения требований объективности, беспристрастности и надлежащего исполнения обязанностей государственными служащими. Обоснована необходимость дополнения законодательного определения личной заинтересованности указанием на ее неимущественный характер.

Ключевые слова: конфликт интересов, государственная служба, личная заинтересованность, имущественная выгода, надлежащее исполнение обязанностей, объективность, беспристрастность.

Voitsekhovskaya Anastasia Maksimovna,
master's student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The concept of a conflict of interest in public service in international law and domestic legislation

Conflict of interest is one of the significant problems in the public service system. The effectiveness of its prevention and settlement largely depends on the current legislation. The article analyzes the provisions of international acts, domestic legislation and scientific literature. Also, the research topic identifies some problems and suggests ways to solve them. The absence of a legislative explanation of the requirements of objectivity, impartiality and proper performance of duties by civil servants has been revealed. The necessity of supplementing the legislative definition of personal interest with an indication of its non-property nature is substantiated.

Keywords: conflict of interests, public service, personal interest, property benefit, proper performance of duties, objectivity, impartiality.

Конфликт интересов на государственной службе в настоящее время представляет собой одну из форм коррупционного проявления и оказывает негативное воздействие не только на функционирование самой системы государственной службы, но и на общество в целом. Его предотвращение и урегулирование является важным и ответственным шагом на пути к противодействию коррупции, ведь, как совершенно справедливо отмечают А. В. Ткаченко и О. А. Владимирова, «коррупция» и «конфликт интересов» – понятия взаимосвязанные» [8].

Понятие конфликта интересов в настоящее время является крайне неоднозначным. Кроме того, в международных актах он может именоваться несколько иначе.

В Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» от 31 октября 2003 года (далее – Конвенция) используется формулировка «коллизия интересов. В тексте Конвенции нет прямого определения указанного понятия, однако исходя из ст. 8 можно сделать вывод, что под коллизией интересов понимается ситуация, при которой личные интересы публичных должностных лиц, обязанных в соответствии с кодексами и стандартами поведения сообщать о коррупционных деяниях, ставших им известными при выполнении публичных функций, могут влиять на правильное, добросовестное и надлежащее выполнение ими своих функций [4].

К превентивным мерам, направленным на предотвращение коллизии интересов, Конвенция относит предоставление деклараций, которые содержат сведения не только о служебной деятельности публичных должностных лиц, полученных ими выгодах или иных материальных ценностях, но и о деятельности, не связанной с выполнением ими публичных функций, если таковая способна привести к коллизии интересов.

То же понятие используется и в Международном кодексе поведения государственных должностных лиц от 12 декабря 1996 года (далее – Кодекс) Глава II Кодекса более детально раскрывает содержание коллизии интересов, к которой относятся участие в сделках, занятие положения, выполнение функций, наличие финансовых и прочих интересов, несовместимых с занимаемой должностью, а также с выполняемыми государственным должностным лицом функциями и обязанностями [5].

Недопустимым считается использование таким лицом своего положения с целью извлечь выгоду не только для себя, но и для своей семьи. Дополнительной гарантией, способствующей предотвращению возникновения коллизии интересов, является установление мер, направленных на недопущение государственных должностными лицами злоупотреблений прежним служебным положением после ухода с занимаемой ими должности. Этот подход воспринят и отечественным законодательством.

Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 11.05.2000 № R (2000) 10 о кодексах поведения для государственных служащих (далее –

Рекомендация) в качестве приложения содержит Модельный кодекс поведения для государственных служащих, в котором рассматриваемая нами ситуация именуется столкновением интересов. В ст. 13 дается уже сформулированное понятие такого столкновения, обозначающее «ситуацию, когда государственный служащий имеет личную заинтересованность, которая влияет или может повлиять на объективное и беспристрастное исполнение им своих служебных обязанностей» [6].

Под личной заинтересованностью здесь понимается извлечение государственным служащим какой-либо выгоды для себя, своей семьи, родственников, а также друзей и близких. Помимо указанных лиц, приобретателями выгод могут являться организации, связанные с государственным служащим деловые или политические отношения.

Законодательство Российской Федерации о государственной службе и о противодействии коррупции в своей основе имеет схожие с международными правовыми актами положения о правовом регулировании конфликта интересов.

Так, ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (далее – ФЗ № 273) содержит понятие конфликта интересов, определяя его как «ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)» [9].

Как мы видим, в сравнении с определением Рекомендаций здесь имеется дополнительное требование к исполнению должностных обязанностей – их надлежащий характер, помимо объективности и беспристрастности. Особенностью российского определения конфликта интересов является также и выделение двух различных форм личной заинтересованности – прямой и косвенной, чего не наблюдается в международных актах. Вместе с тем, данные уточнения видятся довольно абстрактными.

Для выяснения смысла прямой и косвенной заинтересованности мы можем обратиться к теории уголовного права, где раскрываются два аналогичных вида умысла как формы вины. И сделать это мы можем в ходе анализа непосредственно ряда составов преступлений коррупционной направленности. Но определить таким же образом сущность и содержание объективности, беспристрастности и надлежащего исполнения должностных обязанностей не представляется возможным, что затрудняет само исполнение должностных обязанностей в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Эту позицию поддерживают А. Б. Бельянская, Н. И. Воробьев, В. А. Галкин, М. М. Мокеев и И. Н. Осипова. В «Комментарии к Федеральному закону от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (к ст. 19) авторы утверждают, что проблема отсутствия критериев

оценки указанных требований к исполнению должностных обязанностей приведет и к субъективной оценке исполнения полномочий [2].

Разделяет наше мнение и Е. В. Безвиконная, соглашаясь с оценочным характером требования объективности. Автор полагает, что в таком случае государственный служащий и представитель нанимателя вынуждены также оценивать отдельно каждую ситуацию, которая может привести к возникновению определенных противоречий [1, с. 96].

Мы считаем необходимым проведение более глубоких теоретических исследований для выяснения истинного смысла и содержания предусмотренных законом требований объективности, беспристрастности и надлежащего исполнения обязанностей государственными служащими. Это разрешит имеющиеся в настоящее время сомнения в правильности применения указанных требований на практике и поспособствует устранению их оценочного характера как одного из коррупциогенных факторов.

Другой проблемой является неполнота содержания понятия личной заинтересованности, отраженного в российском законодательстве. Согласно ч. 2 ст. 10 ФЗ № 273, личная заинтересованность заключается в возможности «получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ)...» [9]. Следовательно, с точки зрения законодателя, получаемая выгода носит исключительно материальный характер, что создает объективные предпосылки для извлечения государственными служащими нематериальных выгод из различных ситуаций, позволяя при этом избежать ответственности, предусмотренной за непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов.

Еще в 2007 году В. Седов поднимал проблему отсутствия законодательного закрепления нематериального характера личной заинтересованности государственного служащего, полагая, что «под личной заинтересованностью можно понимать и обмен услугами», не имеющий материального эквивалента внешне [7].

А. Ф. Ноздрачев также придерживается позиции несправедливости установления законодательной конструкцией только лишь имущественной выгоды, упускающей факторы заинтересованности «в семейном, политическом, профессиональном, конфессиональном или других планах» [3, с. 48].

Следует отметить, что и в вышеуказанном Кодексе понятие выгоды четко подразделяется на финансовую (*материальную*) и непосредственно личную (*нематериальную*).

Мы убеждены в том, что не только имущественный характер личной заинтересованности государственных служащих порождает возникновение или возможность возникновения ситуации конфликта интересов. В связи с этим считаем также необходимым дополнить законодательное определение личной заинтересованности указанием на ее нематериальный (нематериальный) характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Безвиконная Е. В. Конфликт интересов на государственной гражданской службе: содержание и коллизионная практика // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему : материалы I Всерос. междисциплинар. науч. конф., Омск, 5 декабря 2019 г. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41430205> (дата обращения: 12.05.2022).
2. Бельянская А. Б., Воробьев Н. И., Галкин В. А., Мокеев М. М., Осипова И. Н. Комментарий к Федеральному закону от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/57205016/> (дата обращения: 12.05.2022).
3. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование : науч.-практ. пособие / Т. С. Глазырин, Т. Л. Козлов, Н. М. Колосова [и др.] ; отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2016. – 224 с. – URL : www.dx.doi.org/10.12737/18874 (дата обращения: 12.05.2022).
4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/2563049/> (дата обращения: 12.05.2022).
5. Международный кодекс поведения государственных должностных лиц : принят 12.12.1996 Резолюцией 51/59 на 82-м пленарном заседании 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/2565430/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 12.05.2022).
6. Рекомендация № R (2000) 10 о кодексах поведения для государственных служащих : принята на 106-й сессии Комитета министров Совета Европы 11.05.2000 (вместе с приложением «Модельный кодекс поведения для государственных служащих») // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/2561375/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 12.05.2022).
7. Седов В. Правовые основы разрешения конфликта интересов на государственной гражданской службе в РФ // Кадровик. Трудовое право для кадровика. – 2007. – № 10. – URL: <https://base.garant.ru/5410530/> (дата обращения: 12.05.2022).
8. Ткаченко А. В., Владимирова О. А. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе: проблемы его урегулирования // Модернизация российского законодательства в условиях конституционной реформы : сб. тр. XVII Всерос. декабрьских юрид. чтений в Костроме. Всерос. науч.-практ. конф., Кострома, 9–10 декабря 2020 г. – URL: https://ksu.edu.ru/files/NAUKA/Public_D/Arhiv%20period%20izdanij/Yuridicheskie_chteniya_2020.pdf (дата обращения: 12.05.2022).
9. Федеральный закон «О противодействии коррупции» : от 25.12.2008 № 273-ФЗ : принят Государственной Думой 19 декабря 2008 года: одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 года (в ред. от 01.04.2022) (по состоянию на

11.05.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации «Законодательство России». – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126657> (дата обращения: 12.05.2022).

УДК 343.3

Гатаева Алина Зурабовна,
курсант, Ростовский юридический
институт МВД России
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
esteshich@mail.ru

Особенности расследования киберпреступлений

Киберпреступления в России и мире имеют быструю динамику развития, их количество и число пострадавших увеличивается. Только за последние четыре года число преступлений, совершенных с использованием телекоммуникационных технологий увеличилось в 4 раза и составило 517 тыс., что показывает необходимость выработки новых методов борьбы. Авторакцентирует внимание на основных аспектах расследования исследуемых преступлений.

Ключевые слова: телекоммуникационные технологии, киберпреступления, экспертизы, криминалистическое исследование, кибератаки, потерпевший, раскрытие и расследование преступлений.

Gataeva Alina Zurabovna,
cadet, Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Rostov-on-Don, Russian Federation

Features of cybercrime investigation

Cybercrimes in Russia and the world have a rapid dynamics of development, their number and the number of victims is increasing. Only in the last four years, the number of crimes committed using telecommunication technologies has increased 4 times and amounted to 517 thousand, which shows the need to develop new methods of struggle. Focuses on the main aspects of the investigation of the crimes under investigation.

Keywords: telecommunication technologies, cybercrime, expertise, forensic research, cyber attacks, victim, disclosure and investigation of crimes.

Наступил новый этап существования человека в обществе. Научно-техническая революция принесла свои плоды, которые теперь проявляются во всевозможных благах, без которых большая часть людей представить себя уже не могут. К таким достижениям относится и компьютерная техника, а также связанные с ней программные комплексы и сети. Однако параллельно с тем, как масса ученых и специалистов со всего мира занимаются вопросом даль-

нейшего развития и усовершенствования технологий, применяя их в новых направлениях, существует и другая группа людей, использующих данные технологии в корыстных целях.

Важное значение для характеристики преступлений, совершенных с помощью сети «Интернет» имеет личность потерпевшего. Наиболее часто потерпевшими от компьютерных преступлений являются юридические лица. Объясняется это компьютеризацией организаций, предприятий и учреждений, чья документация преимущественно ведется в электронном виде. Низкая ликвидность преступлений в отношении физических лиц по сравнению с крупными организациями ставит их на второй план для профессиональных компьютерных преступников.

Вторая группа потерпевших является клиентами юридических лиц, либо лицами, информация о которых хранится в базах данных компаний, подвергшихся кибератаке со стороны компьютерных преступников.

В третью группу потерпевших включены лица, финансовые интересы которых страдают от деятельности «компьютерных пиратов». «Компьютерные пираты» – осуществляют хищение лицензированной компьютерной продукции путем ее копирования, тиражирования и перепродажи. Помимо хищения лицензированной компьютерной продукции, широкое распространение имеют действия пиратов по нейтрализации защитных мер лицензионной продукции для последующего бесплатного доступа к ней. Изучение личности потерпевшего от компьютерных преступлений позволяет эффективнее решать вопросы безопасности компьютерных систем, чем изучение личности преступника. На основе статистических данных, относящихся к группе развитых стран, среди потерпевших собственниками системы были 79 %; клиенты – 13 %; третьи лица – 8 % [1, с. 30].

Учреждения и компании, ставшие жертвами компьютерных преступлений, зачастую не сообщают о случившемся в правоохранительные органы, в связи с чем растет латентность данного вида преступлений. Обычно, сотрудники, виновные в случившемся увольняются или переводятся в другие организации. А иногда с ответственного за произошедшее преступление взыскивают ущерб в порядке гражданского судопроизводства.

Действия пострадавшего от компьютерных преступлений зависят от его отношения к следующим факторам:

- киберпреступник зачастую не рассматривается как типичный уголовный преступник, в силу незнания норм закона;
- расследование компьютерных преступлений приостанавливает штатное функционирование учреждения, нарушает его работу и приостанавливает на неопределенный срок деятельность;
- расследование преступления, производство экспертиз и последующие судебные процессы являются дорогостоящими и не гарантируют компенсацию причиненного ущерба;

– потерпевший опасается проведения независимого расследования, так как при его проведении могут обнаружиться незаконные способы ведения документации и иные нарушения законности со стороны организации;

– имеется вероятность того, что при расследовании могут вскрыться неэффективность средств безопасности и профессиональная непригодность лиц несущих за нее ответственность;

– при регулярном совершении компьютерных преступлений в отношении организации есть риск увеличения размеров страховых взносов;

– судебное разбирательство может сделать общеизвестными служебные, коммерческие и финансовые тайны организации [2, с. 54].

Среди различных видов экспертиз, используемых в судебном делопроизводстве, можно выделить те, которые касаются правонарушений в сфере высоких технологий.

Аппаратно-компьютерная экспертиза. При проведении данной судебной экспертизы, необходимо применять:

– технические, либо так называемые аппаратные исследования ПК, а также компьютерных систем [3, с. 20];

– исследование периферийных устройств, компьютерных сетей и сопутствующих устройств, используемых при коммутации (серверы, сетевые кабели, свитчи, коммутаторы и т. д.);

– исследования электронных систем интеграции (органайзеры, пейджеры, мобильные устройства);

– исследование внутренних комплектующих электронных устройств (аппаратные блоки, платы, микросхемы);

– исследования компьютерных программ и встроенных систем. Данные исследования позволяют определить и классифицировать электронное изделие, выявить характеристики его состояния до начала использования и фактические, провести полную диагностику, в соответствии с которой аппарат был изготовлен, изменение режимов эксплуатации в процессе использования, а также провести с применением аппаратных средств дознание обстоятельств, при которых устройство было применено [4].

Программно-компьютерная экспертиза. Целью назначения данной экспертизы является проверка софта персонального компьютера. В данном случае объектом исследования служит системное программное обеспечение. При этом необходимо провести исследование: программ графических и видеоредакторов, электронных таблиц, текстовых редакторов, программного обеспечения разработчика и т. д.

Указанное экспертное исследование проводится для решения следующих задач: в целях дознания и классификации компьютерных ресурсов, используемых при системном программировании и для работы операционной системы; для установления рабочих свойств ПО на исследуемом аппарате, а также оценки его состояния на момент проверки; исследование специальных свойств программ, их возможностей и совместимости с аналогичными компьютерными платформами; выявления целей, причин и сопутствующих условий изменения

ПО; исследование софта в целях установления его принадлежности к той или иной группе; установление индивидуальных признаков ПО, с целью последующего выявления разработчика и подтверждения его авторства и взаимосвязи с информационным обеспечением исследуемой компьютерной системы.

Информационно-компьютерная экспертиза. Указанная экспертиза проводится с целью обнаружения, анализа и оценки исследуемой информации. При этом она может быть, как получена от пользователя, так и смоделирована самими программами в ходе организации информационных вопросов в компьютерной системе.

Компьютерно-сетевая экспертиза. Используется при исследовании функционального предназначения компьютерных средств для подключения к всемирной сети Интернет, используя кабельную или Wi-Fi-сеть. Она используется для решения тех же задач, как и остальные виды судебных экспертиз приведенные выше. Так как исследуемые объекты интегрированы из уже перечисленных систем. Отличием служит то, что в компьютерно-сетевой экспертизе объекты функционируют благодаря специальной технологии передачи информации (сетевой).

Кратко рассмотрим иные судебные экспертизы, которые могут быть назначены при рассмотрении дел данной категории: судебно-трасологические (с целью выявления следов пальцев рук на ПК и комплектующих, а также установления факта срыва специальных клейм устройства); судебно-экономические (установление факта махинаций в финансовой сфере, при преступлениях мошеннической направленности); судебно-техническая проверка документов (если устройство либо ПО использовалось для изготовления поддельных документов, фальшивых денежных купюр и проч.); судебно-фоноскопические (при проведении спецмероприятий) [5, с. 10; 6, с. 18].

Подведя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что при расследовании преступлений, совершенных с использованием телекоммуникационных технологий следует тщательно исследовать виртуальные следы преступной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Букин Д. А. Underground киберпространства // Рынок ценных бумаг. – 2018. – № 8. – С. 104–108.
2. Ахтырская Н. Организованная преступность в сфере информационных технологий // Компьютерная преступность и кибертерроризм. Исследования, аналитика. Вып. 1. – Запорожье, 2016. – С. 30–35.
3. Букин Д. А. Хакеры. О тех, кто делает это // Рынок ценных бумаг. – 2017. – № 23. – С. 54–57.
4. Быков В. Совершенствование уголовной ответственности за преступления, сопряженные с компьютерными технологиями // Уголовное право. – 2019. – № 3. – С. 18–21.
5. Вехов В. Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия / под ред. акад. Б. П. Смагоринского. – М. : Право и закон, 2017.

б. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 1 / [А. В. Аносов и др.]. – М. : Академия управления МВД России, 2019.

УДК 343.2

Глотов Никита Владимирович,
студент, Приволжский филиал Российского
государственного университета правосудия
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
glotovnik@yandex.ru

**«Девальвация» прав человека:
особенности внесударственной защиты прав в уголовном процессе
в условиях внешнеполитической напряженности**

В рамках данной статьи автор попытался проанализировать проблемы обеспечения прав человека во время уголовного преследования в современный период в России. Была рассмотрена практика Европейского Суда по правам человека по заявлению лиц, подвергшимся уголовному преследованию органами внутренних дел России, и ее влияние на законодательную и правоприменительную деятельность. Выработаны предложения по совершенствованию деятельности по обеспечению прав человека участников уголовного процесса внутри страны, а также рассмотрены внесударственные методы защиты прав.

Ключевые слова: уголовный процесс, права и свободы личности, права человека, уголовная ответственность, Совет Европы, Европейский Суд по правам человека.

Glotov Nikita Vladimirovich,
student, Volga Branch of the Russian
State University of Justice
Nizhny Novgorod, Russian Federation

**“Devaluation” of human rights: features of extra-state protection of rights
in criminal proceedings in conditions of foreign political voltage**

Within the framework of this article, the author has tried to analyze the problems of ensuring human rights during criminal prosecution in the modern period in Russia. The practice of the European Court of Human Rights on the application of persons subjected to criminal prosecution by the internal affairs bodies of Russia, and its impact on legislation and law enforcement, was considered. Proposals have been developed to ensure the human rights of participants in the criminal process and their extra-state methods of protection.

Keywords: criminal procedure, individual rights and freedoms, human rights, criminal liability, Council of Europe, European Court of Human Rights.

Россия состоит в Совете Европы с 1996, а в 1998 была ратифицирована Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция). За время членства в организации были достигнуты плодотворные результаты сотрудничества стран-участниц. Так, положения Конвенции были инкорпорированы в федеральное законодательство. Они в своем содержании отражают вторую главу Конституции РФ [5]. Практика Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) широко используется в решениях Конституционного Суда РФ. Решения ЕСПЧ в отношении России были исполнены не только в части выплаты компенсаций, но и изменения законодательства государства. Начавшийся процесс выхода из России Совета Европы должен повлечь за собой денонсацию Конвенции, что лишит российских граждан права защищать свои права в ЕСПЧ. Данное решение негативно сказывается на обеих сторонах, однако, по нашему мнению, такое развитие событий является абсолютно закономерным. Яркими примерами, подтверждающими готовность России вне юрисдикции ЕСПЧ, выступает наделение Конституционного суда РФ полномочиями не приводить в исполнение в частности постановления ЕСПЧ, в части противоречащие Конституции [8, п. 3.2, ст. 3], и закрепление в ней же положений о превалирующем положении Основного закона перед решениями международных органов [5].

Практика ЕСПЧ сыграла огромную роль в защите прав, свобод и законных интересов российских граждан, подвергавшихся уголовному преследованию. Дело «Михеев против России» [7] явилось основой для Постановления Пленума ВС РФ «О судебном приговоре». Фабула дела, содержащая в себе попытки избежать уголовного наказания лицами подвергавшим обвиняемого пыткам, выступила неопровержимым аргументом за выработку презумпции виновности сотрудников органов внутренних дел, как более «сильной» стороны при наличии доводов заявителя о незаконных методах следствия. В России и по сей день очень распространена практика применения пыток. Одним из действенных мер борьбы с пытками является установление полноценной уголовной ответственности за пытки. Следует отметить, что с момента ратификации Конвенции российский законодатель не установил самостоятельной уголовной ответственности за применение пыток, что явилось бы существенным шагом навстречу решению этой проблемы.

Еще одним громким делом, рассмотренным ЕСПЧ «Бурдов против России» [9], были определены новеллы законодательства касаясь разумных сроков судопроизводства. Выявленная проблема оказалась настолько глобальной, что законодатель признал необходимым включение срока на разумное судопроизводство в систему принципов уголовного судопроизводства. Кроме того, решения ЕСПЧ стали поводом изменить законодательство в части этапирования осужденных: благодаря поправкам заключенные получили возможность отбывать наказание в регионах проживания близких родственников.

Также ЕСПЧ осветил вопросы обоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и необоснованное продление его сроков. Так, дела «Королева против России» [10] и «Пелевин против России» [2] дока-

зали несамостоятельность доводов российских судов и органов предварительного расследования лишь о тяжести преступления и «обоснованных подозрений» для избрания описанной выше меры пресечения. Эффективным методом обеспечения прав человека в данном случае явилось введение в УПК РФ меры уголовно-процессуального принуждения в виде запрета определенных действий [1, ст. 105.1], решив проблему обоснованности применения заключения под стражу.

Дело «Ананьев и другие против России» [3] заложило базу для изменения Министерством юстиции РФ Правил внутреннего распорядка органов ФСИН (приказ Минюста России от 14.10.2005 № 189 (ред. от 02.09.2021) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы») [6]. Заявителем были затронуты нечеловеческие бытовые условия в учреждениях системы исполнения наказаний. В данном отношении разрабатываемые правила разрешают лежать осужденным на кроватях днем и не просыпаться в четко установленные ранее 6 утра для осуществления утреннего досмотра. Кроме того, будет предписана необходимость изолирования санузлов – проблемы рассматриваемой ЕСПЧ уже 20 лет. Вопрос с реализацией положений новых Правил на практике пока остается открытым.

Однако огромное количество решений ЕСПЧ ожидают своего исполнения на территории России. В этом отношении государство является лидирующим среди всех стран-участниц Совета Европы. По состоянию на октябрь 2021 года на рассмотрении Государственной Думы Федерального собрания РФ находилось еще семь законопроектов, разработанных с учетом выводов ЕСПЧ [4].

Другим методом решения проблемы защиты прав лиц, подвергшихся уголовному преследованию, является замена функций ЕСПЧ Конституционным Судом РФ. Конституционный Суд РФ по своей природе как судебный орган конституционного контроля призван обеспечивать права, свободы и законные интересы граждан, установленные Конституцией РФ, однако существенной проблемой в будущем может явиться самостоятельность актов этого органа. Анализируя сегодняшние постановления и определения Конституционного суда можно прийти к выводу, что редкое из них не содержит в себе ссылку на решение ЕСПЧ по тому или иному вопросу, и, кроме того, Конституционный Суд РФ является государственным методом защиты прав и не может полностью заменить его. Альтернативой ЕСПЧ в данном отношении, по мнению Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ В. И. Матвиенко и по мнению Уполномоченного по правам человека в РФ, может стать создание Суда СНГ [7]. Идея о его появлении зародилась еще в 2014 году и особо актуальна сейчас. Среди основных преимуществ выделяют ведение судопроизводства на русском языке и «неполитизированность и объективность». На данный момент ведется работа над согласованием соответствующего положения. Кроме того, стоит упомянуть профильные комитеты ООН, в которые с заявлением о нарушении свои прав могут обращаться лица даже после выхода России из Совета Европы, поскольку комитеты обладают другой юрисдикцией. Но эффектив-

ность их решений остается противоречивой в силу их исключительно рекомендательного характера и возможной политизированности решений.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что, существенное влияние решений ЕСПЧ на национальное законодательство нельзя отрицать и, возможно, когда-нибудь Россия вернется в Совет Европы и вновь ратифицирует Конвенцию. А пока поддержание национального законодательства на имеющемся уровне соответствия конвенционным положениям и поиск новых средств внесударственной защиты прав человека, улучшат положение тех, кто большего всего пострадал в сложившейся ситуации, – обычных граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Дело «Пелевин (Pelevin) против Российской Федерации» от 10.02.2011. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=236676#R3UT32TG8PU2A61Q> (дата обращения: 03.04. 2022).

3. Дело «Ананьев и другие (Ananyev and others) против Российской Федерации» от 10.01.2012 г. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=291685#7gvT32TR7nqbHKTI> (дата обращения: 03.04. 2022).

4. Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2020 год. – URL: <http://static.government.ru/media/files/d5MdmQmilVOpC3S6bvW6bi8oe8FcfXkg.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

5. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 31.03.2022).

6. Приказ Минюста России от 14.10.2005 г. № 189 (ред. от 02.09.2021) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы» – URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=126198> (дата обращения: 01.04.2022).

7. Право.ru. Матвиенко рассказала о новом суде по правам человека. 29 марта 2022 года. – URL: <https://pravo.ru/news/240073/> (дата обращения: 01.04.2022).

8. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Дело «Бурдов (Burdov) против России» : Постановление Европейского Суда по правам человека от 15.01.2009 г. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12027283/> (дата обращения: 03.04.2022).

10. Дело «Королева (Koroleva) против Российской Федерации» от 13.11.2012 г. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=419304#hs1T32ТОКYPdEtNr> (дата обращения: 03.04.2022).

УДК 34

Готин Артем Андреевич,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
gotin_888@mail.ru

Кузьмина Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой, Костромской
государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
kuzmina.nat@yandex.ru

К вопросу о продаже алкоголесодержащей продукции несовершеннолетним дистанционным способом

В работе проанализированы теоретические аспекты уголовной ответственности за розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним дистанционным способом. Автором указывается, что количество сайтов, предлагающих свои услуги по продаже алкогольной продукции несовершеннолетним, растет. Данный факт показывает актуальность и значимость проблемы. Сделаны выводы о целесообразности введения квалифицирующего признака.

***Ключевые слова:** уголовная ответственность, розничная продажа алкоголя, несовершеннолетние, дистанционный способ.*

Gotin Artem Andreevich,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Kuzmina Natalia Vladimirovna,
candidate of legal sciences,
associate professor, head of the department
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

On the issue of the sale of alcohol-containing products to minors remotely

The paper analyzes the theoretical aspects of criminal liability for the retail sale of alcoholic products to minors remotely. The author points out that the number of sites offering their ser-

vices for the sale of alcoholic beverages to minors is growing. This fact shows the relevance and significance of the problem. Conclusions are drawn about the advisability of introducing a qualifying feature.

Keywords: *criminal liability, retail sale of alcohol, minors, remote method.*

Конституция Российской Федерации декларирует положения о том, что личность превалирует над интересами общества и государства [1]. Согласно международным документам и Основному закону России защита материнства и детства, семьи провозглашается как приоритетная задача государства. У каждого ребенка есть право на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка.

В Федеральном законе «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» законодатель закрепляет цели государственной политики в интересах детей, одна из которых – защита детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие [2]. В современном мире очень много таких негативных факторов, например, это низкая правовая грамотность, культивирование насилия, жестокости в компьютерных играх и средствах массовой информации, доступность для несовершеннолетних табака и алкогольной продукции. Последняя проблема стоит особенно остро.

Ежегодно Всемирная организация здравоохранения собирает и обрабатывает информацию о потреблении алкоголя на основе количества спиртного, выпиваемого в различных государствах мира [8]. Исходя из этих данных, Россия входит в двадцатку стран мира по количеству потребления алкоголя, а Костромская область в десятке самых пьющих регионов Российской Федерации. Среднедушевое потребление спиртного в России из года в год показывает превышение допустимого уровня на несколько литров: в 2018 г. – 16,2 л, в 2019 г. – 11,1 л, в 2020 г. – 11,5 л.

В условиях пандемии COVID-19, актуальность вопросов потребления и продажи алкоголесодержащей продукции возросла. По данным Министерства здравоохранения России, в период самоизоляции объем продаж спиртных напитков увеличился, потребление алкогольной продукции россиянами возросло на 2–3 %, и, в итоге начала расти смертность от алкоголя [9]. Необходимо отметить, что в период карантина проблема потребления алкоголя несовершеннолетними, в том числе как один из способов разнообразия досуга, стала более значимой, что требует принятия дополнительных мер, направленных на сокращение потребления алкоголя среди несовершеннолетних.

К. В. Дядюн отмечает, что алкоголизация населения, особенно молодежи, в том числе и через интернет, достигла критической точки, и проблема борьбы с алкоголем на современном этапе является одной из приоритетных [6, с. 84].

Как подчеркивает Ж. И. Дзаурова, увеличение количества интернет-сайтов, предлагающих свои услуги по продаже алкоголесодержащей продукции несовершеннолетним, является острой проблемой в настоящее время [5, с. 152]. Она привлекает внимание органов прокуратуры, особым направлением дея-

тельности которой является работа по признанию запрещенной информации, размещенной в сети Интернет.

Позиция Ч. Ш. Купировой сводится к тому, что вопросы о привлечении к уголовной ответственности за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним, например, на дому и (или) через сеть Интернет остаются без внимания и требуют дополнительного рассмотрения [7, с. 122]. Согласно п. 14 ч. 2 ст. 16 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», розничная продажа дистанционным способом запрещена [3]. Мы полагаем, что позиция автора в то время еще не была достаточно актуальна, поскольку продажа алкоголя была запрещена несовершеннолетним, в том числе не был распространен дистанционный способ продажи. Поэтому не было никакой необходимости дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от конкретной формы договора розничной купли-продажи.

Однако, дистанционный способ продажи алкоголесодержащей продукции становится популярнее и законопроектом № 202180-7 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», разработанным Минфином РФ в 2017 году, предлагался проект о введении в Уголовный кодекс РФ статьи 200.4 «О розничной продаже алкогольной продукции дистанционным способом», что показывает актуальность и значимость проблемы [4]. В пояснительной записке к данному законопроекту было указано, что спрос на алкоголь в Сети по-прежнему остается стабильно высоким. Покупателей привлекает низкая цена, возможность приобретения алкоголя в ночное время, отсутствие проверки продавцом возраста клиента. В России, по некоторым данным, существует более 10 тысяч сайтов, под тем или иным предлогом осуществляющих продажу алкогольной продукции дистанционно. Одни компании позиционируют свои сайты не как интернет-магазины, а как каталоги, на которых можно ознакомиться с товарами. При таком способе чеки выдаются курьерам, которые включают стоимость алкоголя в договор на курьерские услуги. Другие магазины предлагают купить зажигалки или другую сувенирную продукцию, к которой в качестве бонуса прилагается алкоголь.

С каждым годом количество сайтов, предлагающих свои услуги по продаже алкоголя дистанционным способом, растет [10]. Так, согласно официальной статистике Роскомнадзора в 2016 году было заблокировано 420 сайтов, продающих алкоголь, в 2018 году число таких сайтов составило 768, в 2019 году – 1106, а уже в 2020 году количество заблокированных сайтов, на которых предлагались услуги по продаже алкоголя, увеличилось до 2712 .

Таким образом, в современных условиях возникает объективная необходимость дополнения статьи 151.1 УК РФ таким квалифицирующим признаком как «использование средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституции Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.04.2022).

2. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.1998 N 124-ФЗ (ред. от 11.06.2021) : принят Государственной Думой 3 июля 1998 года : одобрен Советом Федерации 9 июля 1998 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.04.2022).

3. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции : Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 30.12.2021) : принят Государственной Думой 19 июля 1995 года : одобрен Советом Федерации 15 ноября 1995 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.04.2022).

4. Законопроект № 202180-7 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 19.06.2017 г. // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/202180-7> (дата обращения: 20.12.2021).

5. Дзаурова, Ж. И. Роль прокуратуры в сфере защиты прав несовершеннолетних посредством признания информации, размещенной в сети Интернет, запрещенной: основные аспекты и проблемы практики // Молодой ученый. – 2020. – № 42(332). – С. 151–154. – URL: <https://moluch.ru/archive/332/74246/> (дата обращения: 28.04.2022).

6. Дядюн К. В. Установление уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции: анализ целесообразности // Lex Russica. – 2020. – № 10(167). – С. 81–85. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-ugolov>. (дата обращения: 30.04.2022).

7. Купирова Ч. Ш. Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции: закон и проблемы его применения // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 2(28). – С. 120–125. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roznichnaya-prodazha-nesovershennoletnim-alkogolnoy-produktsii-zakon-i-problemy-ego-primeneniya> (дата обращения: 12.12.2021).

8. Статистические данные Всемирной организации здравоохранения за 2020 год // Всемирная организация здравоохранения : офиц. сайт. – URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/disease-prevention/alcohol-use> (дата обращения: 16.04.2022).

9. Данные о росте смертности от алкоголя во время карантина в России // Министерство здравоохранения Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://minzdrav.gov.ru/ru> (дата обращения: 18.04.2022).

10. Результаты деятельности Роскомнадзора за 2016, 2018, 2019 и 2020 годы // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций : офиц. сайт. Раздел «Отчеты о деятельности». – URL: <https://rkn.gov.ru/> (дата обращения: 17.04.2022).

УДК 349.2

Грибова Светлана Леонидовна,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
gribova_svetlanka_98@mail.ru

Научные подходы к понятию дискриминации в трудовом праве России

В данной статье рассматривается явление дискриминации, анализируются понятия «дискриминации», существующие в науке и международном праве. В настоящее время встречаются трудности при толковании данного явления. Порой достаточно сложно соотносить действия работодателя с перечисленными в ст. 3 Трудового кодекса Российской Федерации дискриминационными критериями. Выявлена теоретическая проблема – отсутствие единого понимания явления, термина «дискриминация», закрепленного в трудовом праве России, что оказывает негативное влияние на разработку антидискриминационного законодательства, осуществление защиты и восстановления нарушенных прав работника. В связи с недостаточной разработанностью норм, закрепляющих запрет дискриминации, имеется малочисленная судебная практика. Автором высказаны предположения по изменению трудового законодательства в сфере борьбы с дискриминацией, с учетом международных норм и доктрины.

Ключевые слова: трудовое право, «дискриминация», «прямая дискриминация», «косвенная дискриминация», ограничение прав, защита прав работника.

Gribova Svetlana Leonidovna,
Student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Scientific approaches to the concept of discrimination in labor law in Russia

This article discusses the phenomenon of discrimination, analyzes the concepts of “discrimination” that exist in science and international law. At present, there are difficulties in interpreting this phenomenon. Sometimes it is quite difficult to correlate the employer's actions with the discriminatory criteria listed in Article 3 of the Labor Code of the Russian Federation. A theoretical problem has been identified – the lack of a common understanding of the phenomenon, the term “discrimination”, enshrined in the labor law of Russia, which has a negative

impact on the development of anti-discrimination legislation, the protection and restoration of violated employee rights. Due to the insufficient development of the norms enshrining the prohibition of discrimination, there is a small judicial practice. The author makes assumptions about changing labor legislation in the field of combating discrimination, taking into account international norms and doctrine.

Keywords: labor law, “discrimination”, “direct discrimination”, “indirect discrimination”, restriction of rights, protection of employee's rights.

Явление «дискриминация» известно человечеству продолжительное время. Дискриминация проявляется не только в межличностных отношениях, но и в трудовых отношениях.

Что же следует понимать под дискриминацией? Большая советская энциклопедия дает следующее понятие дискриминация (от лат. *discriminatio* – различие) 1) ограничение или лишение прав определенной категории граждан по признаку расовой или национальной принадлежности, по признаку пола и т. д.; 2) Дискриминация в международных отношениях – установление для представителей, организаций или граждан одного государства меньших прав, чем для представителей, организаций или граждан другого государства [5].

Согласно толковому словарю Т. Ф. Ефремовой под дискриминацией понимается намеренное ограничение или лишение прав, преимуществ каких-либо лиц, организаций или государств по признакам расы, национальности, государственной принадлежности, имущественного положения, политических или религиозных убеждений и т. п. [7].

В настоящее время понятие «дискриминация» закреплено в международных нормах. Так, 25.06.1958 в Женеве на 42-й сессии Генеральной конференции МОТ была принята Конвенция № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий». Данный международно-правовой акт в ч. 1 ст. 1 содержит термин «дискриминация», под которой понимается:

а) всякое различие, исключение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национальной принадлежности или социального происхождения и имеющие своим результатом ликвидацию или нарушение равенства возможностей или обращения в области труда и занятий;

б) всякое другое различие, исключение или предпочтение, имеющие своим результатом ликвидацию или нарушение равенства возможностей или обращения в области труда и занятий, как они могут быть определены заинтересованным членом Организации по консультации с представительными организациями предпринимателей и трудящихся, где таковые существуют, и с другими соответствующими органами [1].

Несмотря на наличие понятия в международно-правовом акте, ратифицированном еще Союзом Советских Социалистических Республик, в настоящее время национальное законодательство не содержит конкретного термина, законодатель ограничивается лишь перечислением ряда случаев, действий, которые могут быть квалифицированы как дискриминация.

В современном трудовом праве Российской Федерации особый интерес вызывает проблема отсутствия правового закрепления понятия «дискриминация», что влечет за собой пробел в праве и нехватку правоприменительной практики. Лица, подвергшиеся данному негативному явлению, редко обращаются за защитой в суд, и так и остаются с нарушенным правом.

Согласно сведениям департамента при Верховном Суде Российской Федерации, споры, за первый квартал 2020 года судами общей юрисдикции РФ было рассмотрено 65 дел о признании недействительным решения работодателя об отказе в приеме на работу, заключении трудового договора, из которых 16 удовлетворено, 13 удовлетворено частично, 36 отказано в удовлетворении исковых требований [3].

В сравнении с первым полугодием 2021 года судами общей юрисдикции было рассмотрено 72 дела, о признании недействительным решения работодателя об отказе в приеме на работу, заключении трудового договора, из которых исковые требования по 10 делам удовлетворены, по 8 делам удовлетворены частично, по 62 делам в удовлетворении исковых требований отказано [4].

Таким образом, данные статистики подтверждают, что судами рассматривается небольшое количество дел, физические лица не обращаются за судебной защитой, поскольку факт дискриминации сложно доказуем, значительное число исковых заявлений остаются без удовлетворения.

Данная проблема является актуальной, поскольку само явление «дискриминация» мало изучено в юридической литературе. Явлению «дискриминация» посвящены работы следующих ученых: С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова, А. М. Лушниковой, М. В. Лушниковой, Н. М. Митиной, М. В. Невежиной, Д. В. Солдаткина и др.

Вопрос о необходимости введения в законодательство Российской Федерации термина «дискриминация в сфере труда» является спорным, поскольку ученые правоведы придерживаются на данный вопрос различных точек зрения.

Так позиция С. Ю. Головиной, А. Л. Мазина, М. В. Невежиной заключается в целесообразности внесения изменений в российское трудовое законодательство и включение понятие «дискриминация».

М. В. Невежина полагает необходимым внести дополнительное толкование дискриминации в законодательство, в связи с тем, перечисленные в ст. 3 ТК РФ возможные действия работодателей, выступающие актами дискриминации, могут привести к возникновению новых форм дискриминации [10].

Автор статьи в качестве примера приводит определение дискриминации, изложенное в постановлении Пленума ВС РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних». «Под дискриминацией в сфере труда следует понимать различие, исключение или предпочтение, имеющее своим результатом ликвидацию или нарушение равенства возможностей в осуществлении трудовых прав и свобод или получение каких-либо преимуществ в зависимости от любых обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника (в том числе не перечисленных в указанной ст. 3 Трудового

кодекса Российской Федерации), помимо определяемых свойственными данному виду труда требованиями, установленными федеральным законом, либо обусловленных особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите» [2].

Вышеуказанное постановление Пленума ВС РФ сужает понятие дискриминация, в связи с чем данное понятие не является общеприменимым, а может использоваться только по определенным делам.

А. Л. Мазин дискриминацию в сфере труда определяет, как неравные возможности работников, обладающих равной продуктивностью, или как неодинаковое к ним отношение со стороны работодателей, менеджеров, общества, государства [9].

С. Ю. Головина понимает под дискриминацией «любое прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых или косвенных преимуществ или различий в области труда и занятости, основанных на признаках пола, возраста, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного или должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника» [6].

В приведенных примерах толкования термина «дискриминация» в юридической науке Российской Федерации присутствуют одинаковые черты данного явления, а именно: неравенство, разное отношение к лицам из группы людей с равными способностями (возможностями) на основании определенных признаков.

По мнению Н. Л. Лютова, составить идеальную формулировку понятия «дискриминация», которую можно было бы сформулировать и закрепить на законодательном уровне не представляется возможным [8].

Мы придерживаемся точки зрения ученых правоведов С. Ю. Головиной, А. Л. Мазина, М. В. Нежежиной. Предлагаем дополнить ст. 3 ТК РФ ч. 2.1 и изложить ее в следующей редакции: «Под дискриминацией следует понимать неравное отношение к работникам или кандидатам на занимаемую должность заключающееся в предоставлении преференций одним или ограничении трудовых прав и свобод других по изложенным в настоящей статье критериям, а также по перечню оснований, не связанных с деловыми качествами, количественными и качественными характеристиками труда».

Внесение в Трудовой Кодекс Российской Федерации общего понятия дискриминация необходимо для единого понимания и применения судами. Введение и закрепление данного понятия будет способствовать принятию решения, которое восстановит нарушенные трудовые права лица, подвергнутого дискриминации, также закрепление понятия дискриминация сможет предотвратить появление новых форм данного явления.

Хотелось бы отметить, что в трудовом законодательстве России отсутствует разграничение дискриминации по степени открытости действий работодателя на прямую и косвенную.

В связи с чем, мы предлагаем для точного толкования основных видов дискриминации включить в постановление Пленума ВС РФ от 28 января 2014 №1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» понятие прямой и косвенной дискриминации» в ч. 3.1. и изложить ее в следующей редакции: «Прямая дискриминация – деяние, заключающееся в различном отношении к работникам или кандидатам на занимаемую должность в одинаковых условиях, влекущее нарушение прав и законных интересов данных лиц. Косвенная дискриминация – деяние, предполагающее создание неблагоприятных условий группе работников или кандидатам на занимаемую должность при одинаковом отношении в различных ситуациях, влекущее нарушение прав и законных интересов данных лиц».

Изложенное предложение сможет защитить работников от действий работодателя, способных привести к негативным последствиям – ущемлениям трудовых прав.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конвенция № 111 Международной организации труда: «Относительно дискриминации в области труда и занятий» : принята 25.06.1958 года в г. Женеве, на 42-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Официальный интернет портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.11.2021).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // Официальный интернет портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.12.2021).

3. Основные статистические показатели деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за первое полугодие 2020 года // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения 12.04.2022).

4. Основные статистические показатели деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за первое полугодие 2021 года // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения 12.04.2022).

5. Большая Советская энциклопедия. – URL <https://bse.slovaronline.com/11839-DISKRIMINATSIYA> (дата обращения 04.04.2022).

6. Головина С. Ю. Конвенции МОТ и понятийный аппарат трудового права // Правоведение. – 1997. – № 2(217). – С. 69–73.

7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 04.04.2022).

8. Лютов Н. Л. Дискриминация в области труда и занятий: проблемы определения // Трудовое право в России и за рубежом. – 2011. – № 4. – С. 12–28.

9. Мазин А. Л. Трудовая дискриминация и управление персоналом // Трудовое право. – 2003. – № 1. – С. 80–83.

10. Неvejeина М. В. Запрет дискриминации в сфере трудовых отношений // Журнал Российского права. – 2017. – № 4(244). – С. 83–90.

УДК 34

Гуляев Матвей Ильич,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
gulyaev.m@mail.ru

Правовое регулирование принципа недопустимости отчуждения территорий Российской Федерации

Целью статьи является анализ ч. 2.1 ст. 67 Конституции Российской Федерации (Недопустимость отчуждения территорий Российской Федерации) и рассмотрение механизмов реализации положений данной статьи, проведение анализа исторических фактов, мнения научного сообщества и нормативно-правовой базы. Выдвинуто предположение о предпосылках, причинах и сроках принятия поправки в 67 ст. Конституции Российской Федерации, а также возможных последствиях внесенных изменений.

Ключевые слова: Российская Федерация, Конституция, Поправка в Конституцию, отчуждаемость, суверенитет.

Gulyaev Matvey Ilyich,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Legal regulation of the principle of inadmissibility of alienation of territories of the Russian Federation

The purpose of the article is to analyze Part 2.1 of Article 67 of the Constitution of the Russian Federation (Inadmissibility of alienation of territories of the Russian Federation) and to consider mechanisms for implementing the provisions of this article, to analyze historical facts, opinions of the scientific community and the regulatory framework. An assumption is made about the prerequisites, reasons and timing of the adoption of the amendment to Article 67. The Constitution of the Russian Federation, as well as the possible consequences of the amendments.

Keywords: Russian Federation, Constitution, Amendment to the Constitution, alienability, sovereignty.

Вопрос о недопустимости отчуждения территорий Российской Федерации был и является одним из важнейших в сфере сохранения и укрепления суверенитета государства.

Согласно ч. 1 ст. 4 Конституции Российской Федерации суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию [1]. Часть 2.1 ст. 67 Конституции Российской Федерации (которая была дополнена в соот-

ветствии с Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) прямо говорит о том, что Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призыв к таким действиям не допускаются. [2]

Таким образом, целостность территории Российской Федерации не только закрепляется, но и защищается государством на высшем уровне.

На сегодняшний день проблема заключается не в юридическом закреплении статуса территорий, не в мере ответственности за действия, которые могут повлечь или уже повлекли нарушение территориальной целостности, а в реальной угрозе отчуждения части территории Российской Федерации

Если проводить анализ нормативной базы прошлых лет, невольно становится вопрос: почему решение о закреплении положения о защите суверенитета в основном законе было принято только в 2020 году, хотя сам закон существует с 1993 года?

И причиной этого являются два фактора:

- в момент принятия Конституции Россия только формировала свою государственность после распада СССР и все усилия были направлены на реорганизацию органов управления, а не на проработку юридических аспектов;
- неграмотность кадров, занимающихся реализацией предписаний на местах, отсутствие анализа положений внешней и внутренней политики;

Важно понимать, что Россия никогда не питала иллюзий в отношении соседствующих стран и Европы в целом. Внешняя политика была направлена на стабилизацию и установление дипломатических отношений в условиях крайне неблагоприятных для благосостояния страны. В связи с этим закрепление суверенитета и территориальной целостности было вопросом времени.

Стоит отметить, что сама идея внесения поправок в ст. 67 Конституции Российской Федерации была вызвана непрекращающимися претензиями со стороны Японии в отношении принадлежности территории Курильских островов [4].

Закрепление принципа суверенности государства и, как следствие, не отчуждаемости территории носило ультимативный характер.

На данный момент, история современной России насчитывает минимум два военных конфликта, которые чуть не привели к нарушению территориальной целостности: конфликт в Чеченской республике и конфликт на территории Украины. Имеется в виду непосредственно специальная военная операция (далее – СВО), которая проводится Россией с февраля 2022 года.

СВО несет за собой не только внешнеполитические изменения, но и внутренние. Сохранение суверенитета и недопущение отчуждаемости территорий Российской Федерации стали не просто положением в законе, а национальной идеей.

На фоне этого стоит создавать механизмы, которые в полной мере помогли бы реализовать положение 67 ст. Конституции Российской Федерации [3].

Таким образом, вопрос о недопустимости отчуждения территорий Российской Федерации остаются актуальным и открытым на сегодняшний день. Открытым также остается вопрос о механизмах, которые приведут к недопущению и гарантии не отчуждения территорий Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – М., 2022. – 98 с.

2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 12.05.2022).

3. Пономарев С. А. Неотчуждаемость территории России – от принципа к конкретике. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2891761.html> (дата обращения: 12.05.2022).

4. Пономарев С. А. «О несокрушимости границ» как поправке к Конституции. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2884074.html> (дата обращения: 12.05.2022).

УДК 343.3

Гурко Алексей Константинович,
студент, Иркутский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации
г. Иркутск, Российская Федерация
gurkoak@mail.ru

К вопросу о квалификации «самовознаграждения» посредника

В теории наличествуют споры, а практике возникают случаи, при которой лицо, начавшее выполнять состав физического посредничества, предусмотренный ст. 291.1 УК РФ, часть полученных денежных средств (которые предназначены для передачи будущему взяточполучателю) оставляет себе, расценивая такие действия как акт вознаграждения за оказанные им посреднические услуги. При этом имеется большой спектр вариантов (как в теории, так и на практике) действий посредника, например, оставление части взятки себе, оставление всей суммы взятки себе, и, соответственно, квалификация действий такого посредника.

Ключевые слова: взяточничество, физическое посредничество, посредник, «самовознаграждение», предмет взятки, мошенничество, посреднические услуги.

Gurko Alexey Konstantinovich,
student, Irkutsk Law Institute (Branch)
University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
Irkutsk, Russian Federation

Intermediary “self-remuneration” qualification

In theory, there are disputes, but in practice there are cases in which a person who has begun to perform the composition of physical mediation, provided for in Art. 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, part of the funds received (which are intended to be transferred to the future bribe taker) retains for himself, regarding such actions as an act of remuneration for the intermediary services rendered to him. At the same time, there is a wide range of options (both in theory and in practice) for the actions of an intermediary, for example, leaving part of the bribe to himself, leaving the entire amount of the bribe to himself, and, accordingly, the qualification of the actions of such an intermediary.

Keywords: bribery, physical mediation, intermediary, “self-reward”, subject of a bribe, fraud, intermediary services.

Определенные трудности уголовно-правовой квалификации возникают в случае, если посредник «присваивает» часть переданного ему предмета взятки. Стоит сразу оговориться, что «присвоение» написано в кавычках, поскольку деяние посредника в таком случае не может быть квалифицировано по ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), хотя в литературе встречаются такие точки зрения.

В первую очередь при «присвоении» посредником себе части предмета взятки необходимо решить вопрос уголовно-правовой квалификации действий по «присвоению» части, как правило, денежных средств.

В литературе высказывается мнение в пользу квалификации через ст. 160 УК РФ. В частности, А. В. Грошев пишет: «Поскольку в этом случае [«присвоение» посредником части предмета взятки] умысел на завладение предназначенными для передачи в качестве взятки ценностями возник после их получения, лицо виновно в хищении чужого имущества путем присвоения... С гражданско-правовой точки зрения имущество «вверяется» собственником мнимому посреднику для подкупа должностного лица, т. е. совершения действий с целью, заведомо противоправной основам правопорядка и нравственности (ничтожная сделка). Согласно ст. 169 ГК РФ все полученное по сделке взыскивается в доход государства. Такое взыскание налагается судом на имущество, находящееся в собственности взяткодателя, а не какого-либо другого лица, в частности посредника. Поэтому незаконное завладение таким имуществом лицом, которому оно вверено собственником, образует состав присвоения (ст. 160 УК РФ)» [1, с. 36–37].

В постановлении Пленума Верховного Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в п. 23 говорится о квалификации по ст. 160 УК РФ при

условии нахождения похищенного имущества в правомерном владении виновного.

Если обратиться к тексту гражданского законодательства, к которому отсылает А. В. Грошев, то ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) гласит о том, что сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (а именно такая цель имеется у взяткодателя, который передает денежные средства посреднику для их последующей передачи взяткополучателю за оказание им определенных действий (бездействия)), ничтожна. Ничтожной сделкой, согласно ст. 166 ГК РФ, признается сделка, недействительная по установленным в законе основаниям (в частности, по ст. 169 ГК РФ) независимо от признания ее таковой судом.

Следовательно, вне зависимости от того признал суд ничтожную сделку таковой или нет – правовых последствий, а именно возникновение прав и обязанностей, перенос права собственности (в частности, правомочия владения), по ней не возникает.

Исходя из этого ни о каком правомерном владении виновного речи быть не может, а значит и квалификация по ст. 160 УК РФ действий посредника не является верной.

Если действия посредника неверно квалифицировать по ст. 160 УК РФ, то возможно ли квалифицировать по ст. 159 УК РФ? Как правило, нет.

В абз. 3 п. 13.5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях» (далее – ПП ВСР Ф № 24) описывается в каких случаях действия посредника будут квалифицироваться как мошенничество: если виновный обратил в свою пользу переданные ему ценности, получив их, при том – заведомо не намеревалось передавать ценности должностному лицу. Исходя из данного толкования можно прийти к выводу, что в большинстве случаев посредник изначально имеет намерение передать ценности предполагаемому взяткополучателю.

Ситуацию, где возможна квалификация части «присвоенных» посредником ценностей приводит проф. П. С. Яни: «Если владелец ценностей в результате переговоров лицом, согласившимся выступить в роли физического посредника, или ввиду других обстоятельств (например, *когда размер вознаграждения посредника известен на «рынке» коррупционных услуг*) полагает, что все ценности либо их часть будут затем посредником переданы чиновнику либо следующему посреднику, то посредник, оставляя себе большую, часть принятых им ценностей, что запланировал посредник еще до их получения, в части превышения оговоренного вознаграждения выполняет состав мошенничества, а в части переданной части ценностей (при достижении значительного размера) – состав посредничества (выделено мной. – А. Г.)» [3, с. 24–25]. Об этом говорит и В. В. Хилюта [2, с. 86].

Стоит отметить, что и состава кражи, а, следовательно, и грабежа (а тем более разбоя) в действиях посредника сложно обнаружить.

При таких действиях посредника возможны случаи, когда признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, могут быть утрачены – а именно в части значительного размера, который, в соответствии с примечанием к ст. 290 УК РФ, составляет более двадцати пяти тысяч рублей. Такое имеет место в случае, если лицо, выполняющее состав физического посредничества, «присваивает» ценности, переданные ему для дачи взятки, так, что впоследствии стоимость (сумма) переданных ценностей не превышает двадцати пяти тысяч рублей. В таком случае квалификация действий лица, выполняющего состав физического посредничества, по ч. 1 ст. 291.1 УК РФ невозможна. Такое же решение можно обнаружить в судебных решениях, в частности, в приговоре Партизанского городского суда Приморского края от 23 июля 2020 года по делу № 1-183/2020 [8].

Исходя из вышеизложенного, можно вывести еще один вопрос, возникающий при изучении исследуемой проблемы – как квалифицировать действия взяткодателя, если посредником до взяткополучателя доведена лишь часть денежных средств?

В судебной практике, касающейся исследуемой проблемы, ответы даются далеко не на все вопросы.

Так, в приговоре Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 5 декабря 2019 года по делу № 1-493/2019 описывается следующее: посредник, получив денежные средства в размере 50 тыс. руб. для их перечисления в качестве взятки, оставил себе «в качестве вознаграждения за посреднические услуги» 5 тыс. руб. По второму эпизоду из 50 тыс. руб., полученных им, он перечислил только 40 тыс. руб., оставив себе 10 тыс. руб.

Как отметил суд далее: «Кроме того, в периоды с *** по ***, а также с *** по *** **Варисов И. И. передавал взятку** должностному лицу через **посредника** каждый раз **в сумме 50000 рублей**, что является значительным размером (выделено мной. – А. Г.)» [7].

Как видно из приговора – несмотря на то, что посредник оставлял часть предмета взятки себе, суд пришел к выводу о том, что раз Варисовым И. И. передавалась несколько взяток в размере 50 тыс. руб., то и для квалификации необходимо исходить из первоначально переданного взяткодателем размера взятки.

Согласно п. 10 ПП ВС РФ № 24 дача взятки считается оконченным с момента принятия должностным лицом хотя бы части передаваемых ему ценностей. Это правило действует и для дачи взятки через посредника. Продолжая рассуждение, можно сказать, что в случае, если взяткополучатель получил от посредника сумму меньшую, нежели переданной посреднику, то и квалификацию действий взяткодателя необходимо ставить в зависимость от предмета и размера взятки, полученного взяткополучателем (т. е. на момент окончания преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ).

Однако это вступает в противоречие с п. 11.1 ПП ВС РФ № 24, согласно которому, если взяткодатель намеревался передать взятку в значительном или крупном либо особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не составило указанного размера, соде-

янное надлежит квалифицировать как оконченную дачу взятки соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере.

Пример, приводимый в ПП ВС РФ № 24, гласит: когда взятку в крупном размере предполагалось передать в несколько приемов, а взяткополучатель был задержан после передачи ему первой части взятки, не образующей такой размер, содеянное должно квалифицироваться по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ. То есть, даже в случае, когда взяткодатель не довел преступный умысел до конца, в том числе по независящим от него обстоятельствам (задержание на первом приеме передачи взятки), но была передана лишь часть суммы, то квалифицировать действия взяткодателя необходимо как оконченные действия в той сумме, в которой он изначально намеревался передать. Следует также отметить, что взяткодатель, передавая посреднику предмет взятки, в большинстве случаев (когда не оговаривается вознаграждение посредника) имеет умысел на передачу через посредника полной суммы денежных средств взяткополучателю.

«Присвоение» посредником части денежных средств, переданных ему взяткодателем для последующей передачи взяткополучателю, можно расценивать как обстоятельство, независящее от взяткодателя – между тем при квалификации безусловно будет применяться п. 11.1 ПП ВС РФ № 24.

В приговоре Александровского городского суда Владимирской области от 4 июня 2018 года по делу № 1-26/2018 описывается следующее:

«Для указанной цели он [взяткодатель] подыскал своего знакомого Багрова И. А., выступившего в качестве посредника при передаче денег сотрудникам полиции. Багров И. А., в свою очередь, обратился с аналогичным вопросом к своему знакомому Кузьмину А. В., обладающему в силу служебного положения, связями в правоохранительных органах. С целью возвращения игровых аппаратов ФИО2 [взяткодатель] *передал* принадлежащие ему денежные средства в сумме **100000 рублей Багрову И. А.** для дальнейшей их передачи сотрудникам полиции. **Багров И. А.**, в свою очередь, *передал* денежные средства в сумме **90000 рублей Кузьмину А. В.** с вышеуказанной целью, оставив *себе в качестве вознаграждения за услуги посредника денежные средства в сумме 1000 рублей.* 25 сентября 2017 года **Кузьмин А. В. передал** полученные от Багрова И.А. **денежные средства** в сумме 90000 рублей, принадлежащие ФИО2, **начальнику ОЭБ и ПК ОМВД России по Александровскому району ФИО3...**

Совокупность доказательств, представленных стороной обвинения и проверенных судом в судебном заседании, **подтверждает вину Кузьмина А. В. и Багрова И. А. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ** (выделено мной. – А. Г.)» [4].

В приговоре Ленинского районного суда г. Тюмени Тюменской области от 3 мая 2018 года по делу № 1-437/2018 говорится:

«В свою очередь **Пихотский, получив** от [студентов] **взятку** в виде денег **в сумме 91000 рублей**, предназначенную для ассистента кафедры транспорта углеводородных ресурсов Института транспорта ФГБОУ ВО «ТИУ» за незаконные действия, в виде проставления положительных оценок в зачетную книжку и в зачетно-экзаменационную ведомость при сдаче экзамена по дисци-

плине ... *передал взятку в виде денег в сумме 58 500 рублей и перечислил со счета принадлежащей ему банковской карты взятку в виде денег в сумме 25 500 рублей* вместе со списком студентов, которые передали указанные денежные средства, *при этом денежные средств в сумме 7000 рублей*, полученные от данных студентов, *оставил себе в качестве вознаграждения за посредничество во взятке.*

Пихотского признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 291.1 УК РФ... (выделено мной. – А. Г.)» [6].

Также среди похожего содержания приговоров можно выделить и приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 16 июля 2020 года по делу № 1-353/2020:

«При этом Косолапова Т. Н., при согласии Н. С. А. с ее предложением планировала 100000 рублей передать за решение указанного вопроса Ж. А. В. [взяткополучатель], а 30000 рублей оставить себе за посреднические услуги во взяточничестве. Н. С. А. отказалась от предложения Косолаповой Т. Н., сославшись на отсутствие необходимой суммы денежных средств...

В ходе встречи Косолапова Т. Н., *действуя как посредник во взяточничестве, лично передала Ж. А. В., являющемуся должностным лицом, взятку в виде денег в сумме 100000 рублей*, т. е. в значительном размере, за совершение заведомо незаконных действий в пользу призывника Н. М. Д., связанных с его освобождением от призыва на военную службу и выдачу ему военного билета с отметкой об освобождении от призыва на военную службу по состоянию здоровья, а также лист бумаги с анкетными данными Н. М. Д. *Оставшиеся денежные средства в сумме 30000 рублей* Косолапова Т. Н. *оставила себе в качестве вознаграждения за посреднические услуги и распорядилась ими в последующем по своему усмотрению.*

Признать Косолапову Тамару Николаевну виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, ч. 2 ст. 291.1 УК РФ (выделено мной. – А. Г.)» [5].

В заключение стоит отметить, что затронуты далеко не все вопросы, которые возникают при исследовании вопросов квалификации действий «самовознаграждения» посредника во взяточничестве. Из анализа вышеуказанных приговоров и теоретических положений можно сделать вывод: несмотря на то, что суммы, «присвоенные» посредниками могут быть совсем немалыми, факт их «присвоения» посредником судами не квалифицируется – подлежит квалификации лишь факт посредничества во взяточничестве. При этом следует указать – зачастую взяткодатель не знает о факте «присвоения» части денежных средств посредником, хотя, по-видимому, предполагается, что умысел взяткодатель имеет на передачу полной суммы денежных средств взяткополучателю, как и говорилось ранее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грошев А. В. Мнимое посредничество во взяточничестве: вопросы квалификации // Российский следователь. – 2012. – № 23. – С. 36–37.

2. Хилюта В. В. Самовознаграждение посредника: от мнимого посредничества к злоупотреблению доверием // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 80–89.

3. Яни П. С. Квалификация «самовознаграждения» посредника во взяточничестве // Законность. – 2015. – № 1. – С. 20–25.

4. Приговор Александровского городского суда Владимирской области от 4 июня 2018 года по делу № 1-26/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : официальный сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Kt3wtLT5I3Ne/> (дата обращения: 11.04.2022).

5. Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 16 июля 2020 года по делу № 1-353/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : офиц. сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qzwVwa4BR7Qr/> (дата обращения: 11.04.2022).

6. Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени и Тюменской области от 3 мая 2018 года по делу № 1-437/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : офиц. сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sM64h5UaLLN0/> (дата обращения: 11.04.2022).

7. Приговор Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 5 декабря 2019 года по делу № 1-493/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : офиц. сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zVRWXoaGDQxv/> (дата обращения: 11.04.2022).

8. Приговор Партизанского городского суда Приморского края от 23 июля 2020 года по делу № 1-183/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : офиц. сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uBfDIE1OR6Ju/> (дата обращения: 11.04.2022).

УДК 342.9

Гусева Ольга Сергеевна,

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

guseva.o@yahoo.com

Административная ответственность за нарушение ограничений, направленных на предупреждение распространения COVID-19

В настоящей статье в целях комплексного изучения административной ответственности за нарушение ограничений, в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, направленных на предупреждение распространения COVID-19, определена роль административного принуждения в борьбе с правонарушениями в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в период возникновения угрозы распространения COVID-19. В статье дано понятие административной ответственности за нарушения ограничений, направленных на предупреждение распространения COVID-19, проанализирована судебная практика, связанная с применением новых составов административных правонарушений, предусмотренных ч. 2–3 ст. 6.3 КоАП РФ.

Ключевые слова: административная ответственность, административное принуждение, коронавирусная инфекция, санитарно-эпидемиологическое благополучие.

Guseva Olga Sergeevna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Administrative responsibility for violation of restrictions aimed at preventing the spread of COVID-19

The article, aiming at comprehensive study of administrative responsibility for violation of restrictions in the field of ensuring the sanitary and epidemiological welfare of the population in order to prevent the spread of COVID-19, defines the role of administrative coercion in the fight against offenses in the field of ensuring the sanitary and epidemiological welfare of the population during the period the emergence of a threat of the spread of COVID-19. The article also contains the concept of administrative responsibility for violations of restrictions aimed at preventing the spread of COVID-19 and gives an analysis of judicial practice related to the application of new administrative offenses under parts 2 and 3 of art. 6.3 of the Code of administrative offenses of the Russian Federation.

Keywords: administrative responsibility, administrative coercion, coronavirus infection, sanitary and epidemiological well-being.

Одной из серьезных угроз, с которой столкнулось человечество, на данный момент является угроза распространения коронавирусной инфекции (COVID-19).

Стремительные темпы распространения коронавирусной инфекции, вспышка которой, исходя из тревожных показателей распространения инфекции и тяжести ее последствий, была охарактеризована Всемирной организацией здравоохранения как пандемия [4], потребовали от Российской Федерации решительных действий, направленных на стабилизацию санитарно-эпидемиологической ситуации в стране.

Для борьбы с правонарушениями в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения государство располагает обширным спектром методов управленческого воздействия на поведение людей. В теории права принято разделять данные методы на два универсальных: убеждение и принуждение [1, с. 220].

Исходя из того что Российская Федерация согласно Конституции является демократическим государством, в котором права и свободы каждого человека, являясь высшей ценностью, определяют смысл, содержание и применение законов [6], основным методом достижения целей, реализаций задач и осуществления функций государства, применяемым, в том числе в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, должно быть именно убеждение.

Примером может служить позиция, которой в вопросе ужесточения ответственности за нежелание вакцинироваться, придерживается Президент России. Россия, по словам В. В. Путина, идет по пути убеждения, а не принужде-

ния: «Если мы будем принципиально, последовательно, доходчиво и с уважением к людям разьяснять необходимость вакцинирования, я думаю, мы добьемся нужного результата. Другие способы контрпродуктивны» [3].

В области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в период возникновения угрозы распространения COVID-19 метод убеждения состоит в использовании таких средств, как: гигиеническое воспитание населения, стимулирование положительного поведения путем предоставления определенных льгот, возможностей и прав и др.

Убеждение напрямую не связано с ограничением прав граждан со стороны государства и основывается на разьяснении необходимости соблюдения нормативных предписаний, а также на побуждении исполнять эти предписания, прежде всего в добровольном порядке.

В отличие от убеждения, принуждение – это подчинение поведения людей воле государства. В рамках реализации метода принуждения активно применяются предусмотренные административным законодательством меры административной ответственности.

Исходя из общего определения юридической ответственности, административная ответственность за нарушения ограничений, направленных на предупреждение распространения COVID-19, в целом, является реализацией санкций, законодательно предусмотренных за совершение административного принуждения в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Административную ответственность за нарушения ограничений, направленных на предупреждение распространения COVID-19 можно определить как реализацию административно-правовой санкции, применение должностным лицом предусмотренного Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [7] (далее – КоАП РФ) административного наказания, в соответствии с определенной законом процедурой, к физическим и юридическим лицам, совершившим административное правонарушение в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Законодательство об административных правонарушениях ставит своими задачами защиту личности, охрану прав и свобод человека и гражданина, охрану здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения [7]. Поэтому неурегулированные общественные отношения, возникающие в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в связи с распространения COVID-19, обусловили необходимость введения новых составов административных правонарушений, предусмотренных ч. 2–3 ст. 6.3 КоАП РФ. Рассмотрев данные составы правонарушений, можно прийти к следующим выводам:

– ответственности за правонарушения, посягающие на здоровье и санитарно-эпидемиологическое благополучие населения в период возникновения угрозы распространения COVID-19, которая предусмотрена ч. 2–3 ст. 6.3 КоАП РФ, могут подлежать физические и юридические лица;

- для квалификации деяния по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ не требуется наступления каких-либо последствий, в свою очередь ч. 3 ст. 6.3 КоАП РФ предполагает наличие материальных последствий;
- привлечь к административной ответственности по ч. 2–3 ст. 6.3 КоАП РФ можно только в судебном порядке.

Согласно судебной статистике в 2020 году судами Российской Федерации рассмотрено 60 941 дело по ст. 6.3–6.6 КоАП РФ, 36 992 правонарушителей подвергнуто административному наказанию; в 2019 году по данным статьям рассмотрено 11 711 дел, 9 735 правонарушителей подвергнуто наказанию; в 2018 году рассмотрено 13 374 дел, 11 238 правонарушителей подвергнуто наказанию [2]. Как следует из данных статистики, начиная с 2020 года, наблюдается устойчивый рост количества дел, связанных с нарушением законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия – в 2020 году по отношению к 2019 году количество таких дел возросло более чем в пять раз. По нашему мнению, рост количества дел связан непосредственно с правонарушениями, обусловленными несоблюдением ограничений, в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, направленных на предупреждение распространения COVID-19.

Массовое пренебрежение к рекомендациям санитарных врачей; игнорирование предписаний «ковид-диссидентами», убежденными в том, что опасность вируса преувеличивается властями; вспыхнувшие в ответ на жесткие ограничительные меры властей в связи с пандемией COVID-19 протесты против «антиковидных» ограничений. Именно это в ситуации пандемии привело к вынужденной мере направленной на защиту здоровья населения – применению института административной ответственности.

Так, 06 апреля 2020 года административное дело по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ было рассмотрено Агрызским районным судом Республики Татарстан. Суд признал нарушителем гражданку РФ, которая прибыла из-за границы, но в нарушение предписания об изоляции находилась вне места своего проживания (на улице, в общественном месте) и подверг ее административному наказанию в виде административного штрафа в размере 15 000 рублей [8].

Рассмотрим другой пример. 15 июня 2021 года Починковский районный суд Нижегородской области признал виновной по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ гражданку, контактировавшую с больным коронавирусом, и нарушившую режим самоизоляции (покинувшую место своего проживания на автомобиле), будучи осведомленной, что она является контактным лицом, подвергшимся риску заражения, привлекли к ответственности по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ и назначил ей административное наказание в виде административного штрафа в размере 15 000 рублей [9].

Необходимость применения административной ответственности в борьбе с распространением коронавирусной инфекции подтверждается и деяниями, совершаемыми юридическими лицами.

Так, 12 января 2021 года административное дело по ч. 3 ст. 6.3 КоАП РФ было рассмотрено Дорогомиловским районным судом г. Москвы. Организация признана виновной в том, что не обеспечила незамедлительную изоляцию работников с первыми признаками ОРВИ, что повлекло за собой причинение вреда здоровью граждан, выразившееся в заболевании коронавирусной инфекцией 110 работников и назначил организации административное наказание в виде штрафа административному наказанию в виде административного штрафа в размере 500 000 рублей. Второй кассационный суд общей юрисдикции постановление оставил без изменения [10].

Рассмотрим другой пример. 28 июля 2021 постановлением судьи Чаплыгинского районного суда Липецкой области организация признана виновной по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ. Организации вменено неисполнение нормативных требований о предельном количестве лиц, которые могут одновременно находиться в одном помещении, о нанесении сигнальной разметки в местах, где возможно скопление людей, о выполнении мероприятий по обеззараживанию воздуха, а также назначено наказание в виде административного штрафа в размере 100 000 рублей [11].

Анализ материалов правоприменительной практики и статистических данных позволяют сказать, что введенные в ст. 6.3 КоАП РФ новые составы административных правонарушений в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, действительно помогают бороться с распространением коронавирусной инфекции в стране. Значительное число лиц, игнорируют строгие правила поведения.

Таким образом, установление юридической ответственности в сложившейся ситуации – необходимая мера государства. Административная ответственность служит как жестким сдерживающим фактором совершения правонарушений, так и способом воздействия на лиц со стороны государства для профилактики повторных правонарушений, чем помогает поддерживать стабильную эпидемиологическую ситуацию в стране.

С учетом, что правовой нигилизм – разновидность социального нигилизма и того, что он наиболее характерен для административно-деликтных отношений [5, с. 43], возникает вполне закономерный вопрос об эффективности административной ответственности.

На основании проведенного исследования, можно сделать вывод, что внесение в КоАП изменений, направленных на усиление мер административной ответственности, должно исходить из анализа статистических данных и основываться на материалах правоприменительной практики, свидетельствующих о неэффективности действующих мер административной ответственности.

Автор считает, что увеличение санкций не может служить единственной эффективной мерой сдерживания роста распространения COVID-19. В связи с этим основными средствами повышения эффективности противодействия совершению противоправных действий представляются меры государственного убеждения и воспитание в обществе социальной ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Административное право / под ред. Л. Л. Попова, М. С. Студеникиной. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2021. – 736 с.
2. Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям // Агентство правовой информации. – URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 31.03.2022).
3. Большая пресс-конференция Владимира Путина // Официальный сайт Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/67438/ (дата обращения: 31.03.2022).
4. Вступительное слово Генерального директора на пресс-брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. – URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020/> (дата обращения: 31.03.2022).
5. Дугенец А. С. Административная ответственность в российском праве : сравнительно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид.х наук : 12.00.14. – М., 2005. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002882628/ (дата обращения: 31.03.2022).
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 09.11.2021) // Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.03.2022).
7. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.03.2022).
8. Постановление Агрызского районного суда Республики Татарстан от 06.04.2020 по делу № 05-28/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.03.2022).
9. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.09.2021 по делу № 16-6414/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.03.2022).
10. Постановление Починковского районного суда Нижегородской области от 15.06.2021 по делу № 5-221/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.03.2022).
11. Постановление Чаплыгинского районного суда Липецкой области от 17.07.2020 по делу № 5-216/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/M7Uti8u3WN/> (дата обращения: 31.03.2022).

УДК 347.963

Джафарова Гюллю Шакир кызы,
студент, Костромской государственной университет
Кострома, Российская Федерация
gyullyudz@gmail.com

Ганжа Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет
Кострома, Российская Федерация
nat_ganzha@mail.ru

Яснева Елена Васильевна,
старший преподаватель,
Костромской государственной университет
Кострома, Российская Федерация
yasneva.e.v.@yandex.ru

Прокурорский надзор за соблюдением жилищных прав несовершеннолетних

В статье рассматриваются нормативные правовые акты, касающиеся прав несовершеннолетних, поднимается проблема соблюдения жилищных прав детей сирот и предлагаются возможные пути ее решения.

***Ключевые слова:** прокуратура, надзор, несовершеннолетние, сироты, жилищные права.*

Dzhafarova Gyullyu Sakir kizi,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna,
candidate of legal sciences, associate professor,
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Yasneva Elena Vasilyevna,
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Prosecutor's supervision over the observance of housing rights minors

The article examines normative legal acts concerning the rights of minors, raises the problem of compliance with the housing rights of orphans and suggests possible ways to solve it.

***Keywords:** prosecutor's office, supervision, minors, orphans, housing rights.*

Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики Российской Федерации. Конституция Российской Федерации [2] закрепила данное положение в ч. 4 статьи 67.1. Тем самым государство признает приоритет семейного воспитания, и должно создавать условия, способствующие всестороннему развитию детей. Но что делать детям, которые остались без попечения родителей, сиротам? Детям, права которых некому защищать? В таком случае обязанности родителей берет на себя государство.

Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [6] является основным законом, который регулирует отношения, возникающие в связи с предоставлением и обеспечением органами государственной власти дополнительных гарантий по социальной защите прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. К началу 2021 года в нашей стране численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, составила 406 128 человек [1].

Поскольку данная категория граждан не всегда может самостоятельно отстаивать свои права и обращаться в суд, данным полномочиями государство наделило органы прокуратуры. В Приказе Генеральной прокуратуры РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» [3] определены конкретные направления деятельности органов прокуратуры по защите прав несовершеннолетних.

Ежегодно органами прокуратуры выявляется более 600 тысяч нарушений законов в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. На протяжении длительного времени остается крайне напряженной ситуация со своевременным обеспечением детей-сирот жильем.

На 1 января 2020 года более 279 тысяч детей-сирот состоят на жилищном учете. При этом за 2019 год очередь детей-сирот, у которых право на получение жилья возникло, но не реализовано, увеличилась более чем на 9 %. Если на 1 января 2019 года таких было около 175 тысяч человек, то на начало 2020 года – уже 191 тысяч, или 68 % от всех детей-сирот, которые состоят на учете [5].

Региональные власти не всегда спешат обеспечить сирот жильем. Прокуроры, в свою очередь, реализуя свою основную функцию – надзора, проводят проверки, выявляют нарушения. Но, статистические данные показывают недостаточную эффективность принимаемых мер. Например, некоторым сиротам выдают жилье, не соответствующее нормативным требованиям: это и нарушение площади жилого помещения, и наличие у жилого помещения статуса аварийного, что делает его непригодным для жизни. Практике известны случаи, когда детям, вместо положенных квартир, выдавали деньги, или же вовсе, требовали писать отказы. Во многих регионах не соблюдается и порядок финансирования расходов на покупку жилья сиротам за счет бюджетных средств. Деньги могут расходоваться неэффективно или же на другие нужды. Квартиры выдаются сиротам в порядке очереди, а не по достижению 18 лет. В большинстве своем, долгожданные жилые помещения дети получают только после обращения прокурора с исковым заявлением в суд.

В качестве примера можно привести дело № 2-1747/2020 [4], которое было рассмотрено Свердловским районным судом города Костромы. Прокурор г. Костромы обратился в суд с исковым заявлением в интересах Волкова Н. С. к администрации г. Костромы о предоставлении Волкову Н. С., на основании договора найма специализированного жилищного фонда жилое помещение. С сентября 2017 года Волков проживает в жилом помещении, но на праве собственности оно ему не принадлежит, т. е. собственного жилья ему так и не предоставили. Позиция ответчика – администрации городского округа город Кострома, в данном случае заключалась в отсутствии финансирования из бюджета Костромской области и недостаточности предусмотренных субвенций для исполнения переданных полномочий. Суд исковые требования прокурора удовлетворил и обязал муниципальное образование городского округ город Кострома Костромской области предоставить Волкову Н. С. жилое помещение.

Решение выявленных проблем видится в следующем.

В первую очередь, в осуществлении на постоянной основе пристального надзора за соблюдением прав несовершеннолетних, пребывающих в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как наиболее уязвимой социальной категории. Целесообразно проведение совместных с органами опеки уроков, для повышения уровня правосознания детей, чтобы они знали, какие ситуации могут возникнуть в дальнейшем, во «взрослой жизни» и куда они могут обратиться, чтобы не ждать столько лет жилья. Ведь зачастую дети сироты не знают этой информации не потому, что не хотят, а потому что никто им ее не предоставляет. Они должны знать, что прокуратура может и берет на себя обязательства по защите их прав и свобод.

Прокуроры должны владеть информацией о том, какое жилье будет выделено детям сиротам, что поможет им вовремя среагировать, если оно окажется непригодным для жизни.

Также представляется правильным контроль над региональным бюджетом в части расходов, выделенных на покупку жилья для детей данной категории. Нужно проводить систематические проверки в части соответствия выделенной суммы для данных нужд и потраченной, таким образом удастся минимизировать возможность приобретения жилья менее качественного, но дешевого.

Стоит внести изменения в организационно-распорядительные документы Генерального прокурора, в целях улучшения эффективности прокурорского надзора в сфере соблюдения жилищных прав несовершеннолетних и способствования повышению результативности правозащитной деятельности органов прокуратуры.

Мы предлагаем дополнить пункт 2.1.11. Приказа Генпрокуратуры РФ от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов», изложив его в следующей редакции: «Осуществлять контроль над своевременным предоставлением жилых помещений детям сиротам, и детям, оставшимся без попечения родителей, запрашивать информацию о состоянии жилых помещений, которые будут предоставлены данной категории граждан».

Полагаем, что предложенные нами меры смогут повысить эффективность работы прокуратуры в данной области и помогут обеспечить детям сиротам своевременное получение жилья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Информационное агентство России ТАСС. Статистика. – URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 27.11.2021).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.11.2021).
3. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.11.2021).
4. Решение Свердловского районного суда города Костромы № 2-1747/2020 2-1747/2020~М-1006/2020 М-1006/2020 от 13 мая 2020 г. по делу № 2-1747/2020. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 02.12.2021).
5. Счетная палата Российской Федерации. – URL: <https://ach.gov.ru/> (дата обращения: 29.11.2021).
6. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 17.02.2021) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 30.11.2021).

УДК 343.9

Жибарева Алена Михайловна,
магистрант, Костромской
государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
alenam20.15@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

О соотношении преступлений, запрещенных статьями 264 и 264.1 УК РФ

Статья посвящена анализу общественных отношений, возникающих при совершении дорожно-транспортного преступления водителем, нарушающим правила дорожного дви-

жения или эксплуатации транспортных средств, а также не выполняющим законного требования уполномоченного должного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. В статье авторы приводят анализ уголовно-правовых норм уголовного законодательства, устанавливающего уголовную ответственность таких водителей, а также практики их применения. Посредством комплексного изучения деяний, запрещенных исследуемыми статьями, авторы предлагают внести изменения в действующее уголовное законодательство.

Ключевые слова: преступление, объект, субъект, объективная сторона, субъективная сторона, транспортное средство, вина, умысел, неосторожность, прямой и косвенный умысел.

Zhibareva Alena Mikhailovna,
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Aleksey Sergeevich,
candidate of legal sciences, associate professor,
head of the department of Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

On the ratio of crimes prohibited by articles 264 and 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

The article is devoted to the analysis of public relations arising from the commission of a traffic crime by a driver who violates the rules of the road or the operation of vehicles, as well as who does not fulfill the legal requirement of an authorized official to undergo a medical examination for intoxication. In the article, the authors provide an analysis of the criminal law norms of the Russian criminal legislation establishing the criminal liability of such drivers, as well as the practice of their application. Through a comprehensive study of the acts prohibited by the articles under study, the authors propose to amend the current criminal legislation.

Keywords: crime, object, subject, objective side, subjective side, vehicle, guilt, intent, negligence, direct and indirect intent.

Согласно судебной статистике в Российской Федерации, в 2020 году за совершение исследуемых нами преступлений осуждено 530965 человек, в числе которых 3299 человек осуждено по ч. 1 ст. 264 УК РФ, 1218 человек осуждено по ч. 2 данной статьи. Если же посмотрим на статистические показатели осужденных за особо квалифицированные деяния, запрещенные этой статьей, то увидим, что по ч. 3 осуждено 1924 человека, по ч. 4 – 869 человек, по ч. 5 – 305 человек и по ч. 6 – 83 человека таким образом, за совершение преступлений, запрещенных ст. 264 УК РФ осуждено 7698 человек.

Из числа лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности, судом оправдано 1163 человека. В то же время, из числа лиц, в отношении которых уголовные дела возбуждались по признакам преступления, запрещенного ч. 1 ст. 264 УК РФ, оправдано 4 человека, по ч. 2 данной статьи, оправданных нет, по ч. 3 оправдано 6 человек, по частям 4 и 5 оправдано по 1 человеку, по ч. 6, как и по ч. 2 – оправданных нет. Всего же оправдано 12 человек.

Что же касается привлечения виновных к уголовной ответственности за совершение деяния, запрещенного ст. 264.1 УК РФ, то здесь осуждено 57 731 человек, что более чем в 7 раз превышает число осужденных за преступления, запрещенные ст. 264 УК РФ, в то время как оправданных всего лишь 9 человек [3].

При непосредственном анализе составов исследуемых преступлений, можно констатировать, что в составах анализируемых преступлений имеются существенные отличия.

Безусловно, у исследуемых нами преступлений едины общий объект, – все охраняемые уголовным законом общественные отношения, родовый объект – совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность и общественный порядок в процессе дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также видовой объект, являющийся частью родового объекта и включающий в себя совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасность движения и эксплуатации транспорта в отношении неограниченного круга лиц. Что же касается непосредственных объектов, то они определены диспозициями этих статей. В частности, непосредственными объектами деяний, запрещенных статьями 264 и 264.1 УК РФ, является совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасность жизни и здоровья конкретных, людей, оказавшихся участниками дорожно-транспортного происшествия, явившегося следствием нарушения конкретного пункта Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств [2].

Объективная сторона преступления, запрещенного ст. 264 УК РФ проявляется в действии, связанном с нарушением лицом конкретного пункта (или конкретных пунктов) правил дорожного движения и/или эксплуатации транспортных средств, и в причинении тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшему. При этом, к числу квалифицирующих отнесены те же действия, только совершенные в состоянии опьянения. В то же время объективная сторона преступления, запрещенного ст. 264.1 УК РФ, выражается в нарушении п. 2.7 Правил, а именно в управлении транспортным средством в состоянии опьянения либо в невыполнении законного требования уполномоченного должного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, будучи привлеченным к административной ответственности, либо в управлении транспортным средством, будучи судимым за совершение в состоянии опьянения преступления, запрещенного частями 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ.

Безусловно, между деянием и наступившими общественно опасными последствиями, указанными в ст. 264 УК РФ, должна быть причинная связь, которая указывает на то, что именно данное деяние, а не иные действия, привело к наступлению именно этих последствий, которыми явились тяжкий вред здоровью или смерть потерпевшего, либо смерть двух и более лиц. Поэтому, для вынесения справедливого приговора согласно положению, п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 декабря 2008 г. № 25 «...при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьей 264

УК РФ, судам следует указывать в приговоре, нарушение каких конкретно пунктов Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства повлекло наступление последствий, указанных в статье 264 УК РФ, и в чем конкретно выразилось это нарушение» [1].

Преступление, запрещенное ст. 264 УК РФ, сконструировано как преступление с материальным составом, и считается оконченным в момент наступления указанных в диспозиции последствий: причинение тяжкого вреда здоровью человека или наступление смерти человека, либо наступление смерти двух и более лиц. Преступление, запрещенное ст. 264.1 УК РФ, сконструировано как преступление с формальным составом, которое считается оконченным в момент начала управления транспортным средством лицом, будучи привлеченным к административной ответственности, либо имеющему судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой статьи 264 Уголовного кодекса либо статьей 264.1 УК РФ.

Если же указанные в ст. 264.1 УК РФ действия повлекли смерть потерпевшего или причинили тяжкий вред здоровью, то такие случаи квалифицируются по совокупности ст. ст. 264 и 264.1 УК РФ.

По общим признакам характеристика субъекта анализируемых преступлений одинакова – вменяемое физическое лицо, совершившее преступление и способное нести за это уголовную ответственность. Вместе с тем, для того, чтобы подвергнуть виновное лицо уголовному наказанию – оно должно обладать следующими признаками: это, прежде всего, вменяемое, физическое лицо, достигшее, к моменту совершения преступления, возраста 16 лет, управлять автомобилем, трамваем или другим механическим транспортным средством в состоянии опьянения. При этом этим лицом может быть и человек, по различным причинам не имеющий права на управление транспортным средством. Кроме того, к таким лицам относят обучающихся вождению, и их инструктора. Однако, для привлечения лица, виновного в совершении преступления, запрещенного ст. 264.1 УК РФ, оно должно обладать специальными признаками, а именно быть подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, либо иметь судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного частями 2, 4, 6 ст. 264 или ст. 264.1 УК РФ.

В случае совершения преступления, запрещенного ст. 264.1 УК РФ, субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает общественную опасность своего поведения, т. е. того, что собирается управлять транспортным средством в состоянии опьянения, будучи подвергнутым к административному наказанию или судимым за указанные выше преступления, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий, а именно то, что представляет угрозу безопасности жизни и здоровью неограниченного количества людей, желает управлять транспортным средством

или эксплуатировать его в таком положении и делает это, осознавая то, что ранее наказано за аналогичное правонарушение в порядке административного или уголовного судопроизводства. При анализе субъективной стороны деяния, запрещенного ст. 264 УК РФ, как нам представляется, все указывает на смешанную форму вины, а именно умышленное (с прямым умыслом) нарушение конкретного пункта Правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств и причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью, либо смерти, или двум и более лицам. В данном случае мы не в полной мере согласны с законодателем. Так как любому здравомыслящему человеку понятно, что автомобиль – источник повышенной опасности, и, при любом виде его эксплуатации, необходимо вести себя предельно внимательно, осознано, аккуратно с необходимой долей осмотрительности. В то же время он не может не осознавать того факта, что опьянение притупляет внимание, делает человека рассеянным, значительно снижает уровень механической памяти и реакцию. Однако, оно умышленно приводит себя в состояние опьянения и, возможно не желая наступления каких-либо общественно опасных последствий, но, управляя транспортным средством в таком состоянии, готово принять наступление любых последствий, т. е. проявляет безразличие к их наступлению. В таких действиях, как мы считаем, усматривается косвенный умысел на возможное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти человеку. То есть лицо, приводя автомобиль в движение в состоянии опьянения, осознает общественную опасность своего поведения и возможность причинения вреда здоровью или смерти какому-либо человеку, предвидит возможность наступления таких общественно опасных последствий, возможно и не желает их наступления, но сознательно допускает возможность их наступления, либо относится к возможности их наступления безразлично.

Полагаем, что следует исключить из текстов соответствующих частей ст. 264 УК РФ указание на неосторожную форму вины, и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 264. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств

1. Нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью человека,

наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью человека, если оно:

а) совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения;

б) сопряжено с оставлением места его совершения, –

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок от трех до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее смерть человека,

наказывается принудительными работами на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

4. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее смерть человека, если оно:

а) совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения;

б) сопряжено с оставлением места его совершения, –

наказывается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

5. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее смерть двух или более лиц,

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

6. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее смерть двух или более лиц, если оно:

а) совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения;

б) сопряжено с оставлением места его совершения, –

наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Примечание. Утратило силу с 1 июля 2015 года. – Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ.

Примечания. 1. Под другими механическими транспортными средствами в настоящей статье и статье 264.1 настоящего Кодекса понимаются трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, а также транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право.

2. Для целей настоящей статьи и статей 263 и 264.1 настоящего Кодекса лицом, находящимся в состоянии опьянения, признается лицо, управляющее транспортным средством, в случае установления факта употребления этим лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, или в случае наличия в организме этого лица наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также лицо, управляющее транспортным средством, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/ (дата обращения: 01.04.2022).

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 31.12.2020) «О Правилах дорожного движения» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – № 47. – Ст. 4531; Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 2 (ч. 2). – Ст. 465.

3. Судебная статистика Российской Федерации. – URL: <http://stat.апипресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 17.04.2022).

УДК 342.565

Жижина Анастасия Романовна,
студент, Костромской государственный университет
Кострома, Российская Федерация
anastasiyazhizhina@ya.ru

Актуальные проблемы финансирования деятельности мировых судей в Российской Федерации

Мировые судьи в современном правовом государстве играют наиболее значимую роль в сфере судебной защиты нарушенных прав и законных интересов. Мировая юстиция способствует восстановлению нарушенных прав и восстановлению справедливости в обществе. Для качественного осуществления мировыми судьями полномочий необходимо грамотное и качественное финансирование, которое будет позволять судьям реализовывать свои полномочия.

Ключевые слова: Мировые судьи, мировая юстиция, финансирование, защита прав, правовое государство, российское законодательство.

Zhizhina Anastasia Romanovna,
Student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Actual problems of financing the activities of magistrates in the Russian Federation

Justices of the peace in a modern state governed by the rule of law play the most significant role in the field of judicial protection of violated rights and legitimate interests. World justice promotes the restoration of violated rights and the restoration of justice in society. Competent and high-quality financing is necessary for the high-quality exercise of powers by justices of the peace, which will allow judges to exercise their powers.

Keyword: *Justices of the peace, world justice, financing, protection of rights, the rule of law, Russian legislation.*

В настоящее время институт мировых судей в Российской Федерации является способом защиты нарушенных прав и законных интересов субъектов в различных видах правоотношений. Институт мировых судей, являясь частью российской судебной системы, позволяет субъектам правоотношений обращаться за защитой нарушенных противоправными действиями иных участников правоотношений прав. Мировые судьи более приближены к гражданам, так как мировая юстиция осуществляется в пределах судебных участков, которые законодательно определены и урегулированы.

В современном российском законодательстве понятие мирового судьи содержится в ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» [4] (далее – Закон о мировых судьях). В соответствии с этим, мировой судья – это судья общей юрисдикции субъектов Российской Федерации, который входит в единую судебную систему Российской Федерации. В данном определении отражается двойственная природа института мировых судей, которая сложилась в настоящее время в российском законодательстве.

Исходя из этого определения, мировой судья является частью судов субъекта Российской Федерации наравне с конституционными (уставными) судами, как указано в Федеральном конституционном законе (далее – ФКЗ) «О судебной системе Российской Федерации» [5]. В ходе анализа данного определения можно сделать вывод о том, что мировые судьи также являются частью единой судебной системы России.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 Конституции РФ Россия является правовым государством, высшей ценностью в котором признаются права и свободы человека. Соответственно, институт судебной защиты неотделим от общества и является необходимым для осуществления защиты нарушенных прав и законных интересов граждан.

Первоначально целями создания института мировых судей являлись необходимость уменьшения нагрузки районных судов и приближение правосудия

к гражданам. Путем территориального деления были созданы судебные участки, в рамках которых мировые судьи осуществляют рассмотрение дел, находящихся в их компетенции. В настоящее время мировая юстиция представляет собой наибольшую часть судебной системы с точки зрения количественной составляющей, что позволяет сделать вывод о важности и необходимости подобного института в настоящее время. Существование такой обширной части судебной системы требует детального законодательного регулирования и контроля над профессиональной деятельностью мировых судей.

В связи с тем, что мировые судьи рассматривают около 80 % всех споров, рассмотрение которых производится в судах Российской Федерации [1], можно говорить о значимости данного института для обеспечения права на судебную защиту нарушенных прав и законных интересов граждан. Вследствие того, что мировые судьи рассматривают такое большое количество дел, можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев именно мировые судьи формируют представление граждан о состоянии судебной системы в Российской Федерации. Кроме того, именно от качества деятельности мировых судей зависит отношение граждан к правосудию и признание авторитета судебной власти в России.

Несмотря на достаточно длительный период формирования мировой юстиции в Российской Федерации, в научных работах современных правоведов можно обнаружить указания на различные пробелы в регулировании деятельности мировых судей или вопросов, связанных с обеспечением мировой юстиции. Отдельные вопросы деятельности мировых судей в настоящее время являются дискуссионными и порождают правовые разногласия в отношении способа их решения.

В настоящее время одной из актуальных проблем осуществления мировыми судьями своих профессиональных полномочий является также материально-техническое обеспечение мировых судей. Данный вопрос является дискуссионным в работах современных правоведов. В вопросе материально-технического обеспечения деятельности мировых судей в Российской Федерации действительно существует несколько спорных моментов, которые отражаются на эффективности и продуктивности мировой юстиции.

Так, в соответствии со ст. 124 Конституции РФ финансирование судов в Российской Федерации осуществляется только за счет средств федерального бюджета, что позволяет поддерживать деятельность судов на достаточно высоком уровне для качественного осуществления судебных полномочий. В данной статье отсутствует упоминание о разделении на федеральные суды и суды субъектов РФ. Таким образом, можно говорить о том, что финансирование и федеральных судов, и судов субъектов РФ осуществляется за счет средств федерального бюджета.

В данной статье имеется указание на Федеральный закон от 10 февраля 1999 г. № 30-ФЗ «О финансировании судов Российской Федерации» [3], в котором регламентированы основные вопросы финансирования судебной системы в России. Так, согласно ч. 1 ст. 1 данного закона подтверждается положение

ст. 124 Конституции РФ о том, что финансирование судов осуществляется только за счет федерального бюджета. Также в ч. 2 ст. 1 закона указывается на то, что в федеральном бюджете предусматриваются денежные средства на содержание системы судов общей юрисдикции, в систему которых входят и мировые судьи. В ст. 3 данного закона также регламентируется то, что финансирование федеральных судов, мировых судей, а также Судебного департамента при Верховном Суде РФ осуществляется ежемесячно в равных долях из федерального бюджета.

При дальнейшем изучении нормативных правовых актов, регулирующих материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей необходимо обратить внимание на ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». В ч. 1 ст. 6 данного закона говорится о том, что финансовое обеспечение деятельности мировых судей осуществляется за счет средств бюджетов субъектов РФ. В ч. 4 ст. 6 данного ФКЗ финансовое обеспечение деятельности мировых судей осуществляется органами исполнительной власти соответствующего субъекта России. Также согласно данной норме из средств федерального бюджета производится финансирование оплаты труда мировых судей, социальных выплат и улучшения жилищных условий. Таким образом, в данном федеральном конституционном законе производится разделение финансирования деятельности мировых судей между федеральным и региональным бюджетами, что значительно отличается от положения ст. 124 Конституции Российской Федерации.

В ст. 10 Закона о мировых судьях также содержится положение об обеспечении деятельности мировых судей на территории России. Так, согласно ч. 1 ст. 10 данного закона подтверждается положение ч. 4 ст. 6 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» о том, что организационное обеспечение деятельности мировых судей осуществляется органами исполнительной власти субъектов РФ. В ч. 2 ст. 10 Закона о мировых судьях подтверждается положение о том, что оплата труда мировых судей и социальные выплаты являются обязательством Российской Федерации. Согласно же ч. 3 ст. 10 данного закона материально-техническое обеспечение и оплата труда сотрудников аппарата мирового судьи производится за счет средств бюджета субъекта РФ.

Исходя из анализа приведенных выше нормативных правовых актов, можно сделать вывод о том, что двойственный характер мировой юстиции в Российской Федерации проявляется также в финансировании деятельности мировых судей. Данный факт можно рассматривать с нескольких точек зрения. С точки зрения ст. 124 Конституции РФ финансирование всех судов должно осуществляться только за счет средств федерального бюджета. Такая же точка зрения отражена в федеральном законе «О финансировании судов Российской Федерации». Данная точка зрения позволяет рассматривать федеральное финансирование деятельности всех судов в России как следование принципам единства правового статуса и независимости судей в соответствии со ст. 2 и ч. 3 ст. 16 Закона о статусе судей. И в соответствии с данными положениями можно говорить, что положения ст. 6 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»

Федерации» и ст. 10 Закона о мировых судьях в данной части противоречат положениям других нормативных правовых актов, в том числе Конституции РФ.

При рассмотрении другой точки зрения можно обратить внимание на то, что в ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» и Законе о мировых судьях говорится о том, что финансирование оплаты деятельности мировых судей, социальные выплаты, установленные законодательством России, а также улучшение жилищных условий осуществляется за счет средств федерального бюджета, организационное обеспечение деятельности мировых судей осуществляется за счет средств бюджета соответствующих субъектов РФ. Кроме того, материально-техническое обеспечение и оплата труда сотрудников аппарата мирового судьи также являются расходными обязательствами субъектов Российской Федерации.

В научной литературе проблема недостатка финансирования деятельности мировых судей в определенных субъектах России поднимается достаточно часто. Так, например, в научной статье С. В. Локтева «Проблемные вопросы финансирования мировых судей» [2] рассматривается проблема противоречия нормативных правовых актов Конституции РФ. Также о проблеме финансирования деятельности мировых судей в России в своем докладе сообщает председатель Совета судей РФ В. В. Момотов [1]. С проблемой недостаточного финансирования мировой юстиции председатель Совета судей также связывает проблему нестабильности кадров в аппаратах мировых судей в связи с недостаточным уровнем заработной платы. Нестабильность кадрового состава аппаратов мировых судей также является следствием стабильно растущей нагрузки на мировых судей. Данная проблема является достаточно значимой, так как нестабильность кадрового состава аппаратов мировых судей отражается на качестве правосудия. Для того чтобы устранить данную проблему необходимо осуществление комплексного совершенствования законодательства о мировых судьях.

Устранение проблемы финансирования профессиональной деятельности мировых судей возможно путем устранения противоречия нормативных правовых актов Конституции РФ в части положений о финансировании деятельности мировых судей. Для того чтобы деятельность мировых судей соответствовала принципам единства правового статуса и независимости необходимо, чтобы финансирование судебной деятельности осуществлялось в одном порядке, действующей для всей судебной системы в РФ.

Исходя из этого, видится необходимым внести изменения в ч. 1 ст. 6 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» и изложить ее в следующей редакции:

«1. Финансовое обеспечение деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей осуществляется за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета в порядке, установленном настоящим Федеральным конституционным законом, другими федеральными конституционными законами, федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации».

Также необходимо внести изменения в ч. 4 ст. 6 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» и изложить ее в следующей редакции:

«4. Финансовое обеспечение оплаты труда мировых судей и социальных выплат, предусмотренных для судей федеральными законами, и обеспечение нуждающихся в улучшении жилищных условий мировых судей жилыми помещениями осуществляются через органы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации».

В соответствии с подобным предложением также необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 10 Закона о мировых судьях и изложить ее в следующей редакции:

«1. Организационное обеспечение деятельности мировых судей осуществляется за счет средств федерального бюджета Российской Федерации. Под организационным обеспечением деятельности мировых судей понимаются мероприятия кадрового, финансового, материально-технического, информационного и иного характера, направленные на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия».

Также необходимо внести изменения в ч. 3 ст. 10 Закона о мировых судьях и изложить ее в следующей редакции:

«3. Материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей и оплата труда работников аппарата мировых судей в процессе исполнения федерального бюджета Российской Федерации производятся в полном объеме по соответствующим статьям расходов бюджетной классификации в соответствии с федеральным законом Российской Федерации о федеральном бюджете Российской Федерации на текущий финансовый год и плановый период».

Таким образом, при установлении финансирования деятельности мировых судей из федерального бюджета позволит поднять уровень качества правосудия, осуществляемого мировыми судьями. Кроме того, данные изменения позволят институту мировых судей наиболее полно соответствовать принципу единства правового статуса и независимости судей в Российской Федерации. Установление единого источника финансирования будет являться одной из комплексных мер по повышению качества мировой юстиции в настоящее время.

В сфере деятельности мировых судей в Российской Федерации в настоящее время существует обширный перечень дискуссионных вопросов, которые надлежит разрешить для того, чтобы можно было говорить об успешном совершенствовании современной мировой юстиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В. В. Момотова на пленарном заседании Совета судей РФ 2 декабря 2021 года // Сайт Совета судей Российской Федерации. – URL: <http://www.ssrj.ru/> (дата обращения: 01.04.2022).

2. Локтев С. В. Проблемные вопросы финансирования мировых судей // Сайт научной электронной библиотеки – URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 01.04.2022).

3. Федеральный закон от 10 февраля 1999 г. № 30-ФЗ «О финансировании судов Российской Федерации» // Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2022).

4. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О мировых судьях в Российской Федерации» (по состоянию на 29.07.2018) // Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2022).

5. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» (по состоянию на 29.07.2018) // Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2022).

УДК 368.01

Иванчей Вячеслав Витальевич,
студент, Иркутский юридический институт (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Российская Федерация
ivacnheyslaven@mail.ru

Актуальные проблемы несоблюдения добросовестности страховщиком на первой стадии страхового правоотношения

Статья посвящена вопросу несоблюдения страховщиком как более сильной стороной в страховом правоотношении добросовестности в объективном и субъективном смысле. Представлен анализ судебной практики по указанной проблематике. Предложены некоторые способы противодействия проявлениям недобросовестности страховщика на первой стадии страхового правоотношения.

Ключевые слова: страхование, договор страхования, принцип добросовестности, недобросовестные условия договора, защита слабой стороны.

Ivanchey Vyacheslav Vitalievich,
student, Irkutsk Law Institute University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russian Federation

Actual problems of non-compliance with good faith by the insurer at the first stage of the insurance legal relationship

The article is devoted to the issue of non-compliance by the insurer, as a stronger party in the insurance legal relationship, with good faith in the objective and subjective sense. The analysis of judicial practice on this issue is presented. Some ways of counteracting manifestations of bad faith of the insurer at the first stage of the insurance legal relationship are proposed.

Keywords: insurance, insurance contract, the principle of good faith, unfair terms of the contract, protection of the weak side.

Добросовестность, являясь одной из важнейших категорий в сфере цивилистики и получившая легальное закрепление в качестве основного начала гражданского права, распространяет свое действие, в том числе, на обязательственное право (п. 3 ст. 307 ГК РФ), в предмет регулирования которого входят рассматриваемые нами страховые правоотношения. Кроме того, анализ ГК РФ позволяет говорить о том, что законодатель, указывая на добросовестность в отдельных положениях закона, использует данную категорию не только в ее объективном смысле в качестве основного начала гражданского права или требования к участникам гражданского оборота [8, с. 323], но и в субъективном смысле, т. е. в качестве «извинительного заблуждения» («не знал», «не должен был знать» и подобные формулы) о тех или иных юридических фактах.

Вместе с тем, анализ современной судебной практики позволяет констатировать, что нередки случаи несоблюдения добросовестности как в объективном, так и в субъективном смыслах страховщиком как более сильной стороной страхового правоотношения на первой его стадии, т. е. до наступления страхового случая. Поставленный вопрос видится актуальным, поскольку именно на первой стадии происходит согласование и юридическое оформление воле контрагентов.

Итак, анализ судебной практики предоставляет возможность очевидно выделить основное направления несоблюдения страховщиком добросовестности в объективном смысле на первой стадии страхового правоотношения – определение условий договора страхования страховщиком фактически в одностороннем порядке.

Важно отметить, что законодатель предоставляет страховщику право при заключении договора страхования использовать стандартные формы договора страхования, разработанные им (п. 3 ст. 940 ГК РФ), а также определять условия договора страхования в правилах страхования (п. 1 ст. 943 ГК РФ). Указанное в определенной степени дает страховщику возможность диктовать свои условия договора и допускать некие «незаметные» для «средних» субъектов гражданского оборота оговорки в его условиях, которые, будучи правомерными (т. е. не нарушающими субъективное право контрагента), являются проявлением недобросовестности и ставят страховщика в более удачное положение по сравнению со слабой стороной – страхователем.

Нередки случаи, когда страховщик прописывает некоторые положения договора мелким шрифтом, трудно воспринимаемым «обычными» участниками гражданского оборота. Однако позиция судов по данному вопросу не является однозначной.

Так, Верховный суд Республики Башкортостан отказал в удовлетворении требований гражданина К., в соответствии с которой он просил отменить решение нижестоящего суда (и осуществить страховую выплату), сославшегося в своем решении на пункт правил комбинированного страхования, значительно ограничивающий круг событий, являющихся страховым случаем, прописанного страховщиком мелким трудно заметным шрифтом. Суд не усмотрел нарушений прав страхователя и мотивировал свое решение тем, что гражданин К. понимал все условия до-

говора, что подтверждается его подписью. Доводы о незаметности текста суд посчитал неубедительными, так как договор был подписан без каких-либо оговорок. Кроме того, претензий относительно этого не было ни при заключении договора, ни при его исполнении [1]. Схожей позиции придерживаются и иные суды [3].

По нашему мнению, вышеуказанная позиция является достаточно спорной. Дело в том, что суды, разрешая соответствующие вопросы, руководствовались исключительно формальными требованиями. Действительно, указание отдельных условий договора страхования в стандартных бланках страховых полисов мелким шрифтом (в то время как другие условия записываются «обычным» шрифтом) может не противоречить никаким положениям позитивного права (за исключением п. 3 ст. 1 ГК РФ), в том числе законодательства о защите прав потребителей, и, более того, не нарушать субъективных прав страхователей. Однако описание отдельных условий договора мелким шрифтом является частным проявлением недобросовестности и, как показывает практика, направлено на то, чтобы установить более «выгодное» положение страховщика в правоотношении, что, безусловно, противоречит сущности страхования как меры «защиты» и обеспечения спокойствия страхователей. Думается, следует считать недопустимой ситуацию, при которой сильная сторона в страховании, действуя недобросовестно в объективном смысле, улучшает свое положение за счет ожидаемой невнимательности «среднего» контрагента, проявляющего правомерную ограниченную рациональность [10, с. 264].

Другим возможным проявлением недобросовестности в объективном смысле в рамках рассматриваемого направления является определение в качестве условия договора страхования оговорки в виде безусловной запретительной (т. е. размер которой составляет не менее 95 % от страховой суммы [7, с. 20]) франшизы.

Так, в соответствии с договором страхования, заключенным между гражданином и акционерным обществом «Страховое общество «Талисман» устанавливалась безусловная запретительная франшиза в размере 95 % от страховой суммы, если страховой случай по риску «ущерб, гибель от ДТП» произошел вследствие действий лица, проехавшего на запрещающий сигнал светофора (причем не было указано, что проезд на запрещающий сигнал должен был произойти исключительно вследствие действий страхователя). Страховой случай при обстоятельствах проезда на запрещающий сигнал светофора лица иного, чем страхователь. Страхователь не получил никакого страхового возмещения в связи с установленной безусловной франшизой. Судом данное условие осталось незамеченным [4]. Аналогичные примеры установления страховщиком несправедливой безусловной запретительной франшизы можно встретить и в иных судебных решениях [6].

Указанные оговорки, по нашему мнению, будучи правомерным (не нарушающими как объективное, так и субъективное право) являются проявлением недобросовестности более сильной стороны страхового правоотношения. Страховщики, допускающие установление таких условий, пользуются неурегулированными законом способами, позволяющими им правомерно отказывать в страховой

выплате (не связывая это с основаниями освобождения, указанными в том числе в ст. 964 ГК РФ), обосновывая это тем, что размер последней при применении безусловной запретительной франшизы фактически будет сводиться к 0 рублей 0 копеек (либо будет существенно меньшим, чем размер убытков в результате страхового случая). Страховщики в данном случае злоупотребляют имеющимся у них правом на определение условий договора страхования в правилах страхования, пользуясь ограниченной рациональностью страхователей и ставя себя в существенно более выгодное положение по сравнению с ними, что, безусловно, противоречит сущности страхования (в том числе таким его основным характеристикам как эквивалентность и компенсаторность).

Следующим возможным нарушением добросовестности в объективном смысле является значительное ограничение страхового покрытия в правилах страхования (т. е. недобросовестное снижение вероятности наступления страхового случая посредством исключения обстоятельств, не являющихся таковым), которое, к слову, не является установлением не предусмотренных главой 48 ГК РФ оснований освобождения от выплаты страхового возмещения, так как обязанности платить по наступившему страховому случаю не наступает.

Так, в соответствии с правилами страхования автотранспортных средств, утвержденными приказом генерального директора страхового публичного акционерного общества «Ингосстрах» от 06.10.2020 г. № 374 (далее – правила страхования «Ингосстрах») (п. 8 ст. 21.1), страховым случаем не является ущерб в результате повреждения транспортного средства, если на момент повреждения окна или двери автотранспортного средства (за исключением случаев, если страхователь, выгодоприобретатель или водитель находились в салоне автотранспортного средства) были открыты [9]. Очевидно, что в данном условии не указана степень «открытости» окон или дверей автотранспортного средства. Следовательно, можно справедливо предположить, что если после наступления обстоятельства, схожего со страховым случаем, будет установлена (на основании, например, автоэкспертного заключения) хотя бы малейшая степень «открытости» указанных элементов автотранспортного средства, то у страховщика будет обоснованная и правомерная возможность отказать в выплате страхового возмещения, так как страховой случай не наступил (не возникло, соответственно, обязанности платить по наступившему страховому случаю). Опять-таки, допущение данного условия недобросовестно ставит страховщика в наиболее выгодное положение по сравнению со страхователем (поскольку оно позволяет при обычных условиях оборота свести до минимума возможность выплаты страхового возмещения, так как вероятность наступления страхового случая значительно уменьшается в связи с таким ограничением страхового покрытия), который, как правило, действуя с ограниченной рациональностью «среднего» участника гражданского оборота, не заметит его. Кроме того, совершенно не ясны иные цели указанного страховщика в установлении данного условия, нежели те, которые связаны с получением преимуществ за счет злоупотребления правом.

Встречаются и иные случаи проявления недобросовестности в объективном смысле страховщиком при определении условий договора страхования

в правилах страхования, как-то: 1) при определении крайне малой территории, на которую распространяется страхование, непосредственно не уведомляя об этом страхователя [5]; 2) при определении возможности калькуляции ущерба от страхового случая только страховщиком; 3) при определении недобросовестных сроков уведомления страховщика страхователем о наступлении страхового случая (в течение 2 часов с момента, когда страхователь узнал о его наступлении), не беря при этом во внимание случайность и вероятность страхового риска (как потенциального страхового случая), что означает возможность его происшествия абсолютно в любое время (в том числе ночное или иное другое, включая временные периоды, когда страховщик не осуществляет обслуживание) [2]; 4) при определении документов, необходимых для представления страхователем для получения страховой выплаты (например, ст. 72 правил страхования «Ингосстрах») [9], которые фактически никогда не смогут быть представлены «средним» страхователем, как участником гражданского оборота и др.

Говоря о субъективной добросовестности на первой стадии страхового правоотношения, важно отметить то, что ее нарушение (равно как и соблюдение) возможно лишь в случаях, предусмотренных законом с помощью формул «знал или должен был знать» и подобных. Таковым случаем является п. 1 ст. 944 ГК РФ. «Неизвинительное заблуждение» будет иметь место, тогда, когда страховщик обладал фактическим знанием об обстоятельствах, имеющих существенное значение для определения вероятности страхового риска (и такое знание относится к категории «долженствования» в силу возможностей страховщика, т. е. его имел бы любой страховщик, проявляющий требуемую степень внимательности и предусмотрительности), либо, тогда, когда страховщик фактически не был осведомлен о каких-либо обстоятельствах, но, проявив требуемую от него как от более сильной стороны в страховом правоотношении степень внимательности и предусмотрительности должен был знать о данных обстоятельствах (т. е. на его месте любой «средний» страховщик, как профессиональный субъект, знал бы это, если бы уточнил соответствующие обстоятельства в стандартных бланках заявлений на выдачу страховых полисов, в письменных запросах и т. д.). Последствием несоблюдения субъективной добросовестности будет являться невозможность требовать признания сделки недействительной в соответствии с п. 3 ст. 944 ГК РФ.

Таким образом, на сегодняшний день нередки случаи нарушения страховщиком на первой стадии страхового правоотношения добросовестности в обоих вышеуказанных смыслах. Наибольшую актуальность на сегодняшний день представляет проблема недобросовестного включения в одностороннем порядке неких оговорок (а также спекуляция иными недобросовестными в объективном смысле «способами» установления дисбаланса в отношениях в пользу страховщика – мелкий шрифт и др.) в условия договора страхования, которые несправедливо предоставляют страховщику наиболее выгодное положение в соответствующем правоотношении.

Соответственно, недобросовестность в данном случае заключается в том, что страховщики, используя имеющуюся договорную (в части возможности определения условий договора в фактически одностороннем порядке в правилах

страхования) и информационную (знание этих условий) диспропорцию, а также дозволенную ограниченную рациональность страхователя (закрывающуюся в незнании некоторых страховых терминов; в неполном и несистемном прочтении условий договора; в руководстве при заключении договора исключительно разъяснениями страхователя без дополнительного ознакомления с условиями договора и др.) и не соблюдая его разумные ожидания от заключения договора, посредством указанных оговорок устанавливает очевидный дисбаланс в выгодах страхового правоотношения, сводя свои риски практически к минимуму. Следовательно, страховщик будет добросовестным только тогда, когда разъясняет страхователю все необходимые термины и условия договора, заботясь не только о своей выгоде, но и стремясь, чтобы другая сторона получила то, к чему стремиться (так называемое «страховое спокойствие»). Вместе с тем проведенный анализ практики позволяет утверждать, что на данный период времени действенный механизм защиты более слабой стороны в страховом правоотношении от проявлений недобросовестности страховщика отсутствует.

Для противодействия упомянутым нарушениям добросовестности мы предлагаем дополнить п. 3 ст. 428 ГК РФ, а также Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» положениями, закрепляющими полномочие суда проверять соответствующие условия договора страхования в целом (т. е. включая правила страхования при соблюдении требований п. 2 ст. 943 ГК РФ) на предмет добросовестности. Если суд признает соответствующие условия недобросовестными (хотя и правомерными), то он должен отказывать страховщику в их применении к данному конкретному случаю в отношениях с данным конкретным страхователем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 23 декабря 2020 года по делу № 33-18368/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2021 года № 305-ЭС21-3981 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 9 июня 2020 года по делу № 2-1192/2019 // «КонсультантПлюс».
4. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 3 июля 2014 года по делу № 33-8996/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 августа 2014 года по делу № А56-44820/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 1 августа 2021 года по делу № А40-133187/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Архипова А. Г. Судебное вмешательство в договор страхования // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 9. – С. 138–162.
8. Нам К. В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины // Вестник гражданского права. – 2017. – № 6. – С. 74–90.

9. Правила страхования автотранспортных средств. – М., 2020 // Ингосстрах : офиц. сайт. – URL: https://www.ingos.ru/company/disclosure_info/insurance-rules/ (дата обращения: 11.04.2022).

10. Фогельсон Ю. Б. Страхование право: теоретические основы и практика применения : монография. – М. : ИНФРА-М, 2012. – 576 с.

УДК 349.6

Калинина Екатерина Алексеевна,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
Kalinina.kalin@icloud.com

Орловская Ирина Викторовна,
старший преподаватель,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
irinorlovskaya@yandex.ru

Экоцид в контексте зарубежного и российского уголовного права: сравнительно-правовой анализ

В статье рассматриваются нормы уголовного права российского законодательства в области экологических преступлений, проводится сравнительный анализ с правовым регулированием данных отношений в зарубежных странах. Исследования научной литературы и действующих нормативно-правовых актов позволяют произвести сравнительный анализ преступления, охватывающего все страны мира.

Ключевые слова: экоцид, экологические преступления, форма вины, закрепление понятия на международном уровне, Конвенция о предупреждении преступлений.

Kalinina Ekaterina Alekseevna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Orlovskaya Irina Viktorovna,
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ecocide in the context of foreign and russian criminal law: comparative legal analysis

The article examines the norms of criminal law of the Russian legislation in the field of environmental crimes, a comparative analysis is carried out with the legal regulation of these relations in foreign countries. Research of scientific literature and current regulatory legal acts allow for a comparative analysis of the crime covering all countries of the world.

Keywords: *ecocide, ecological crimes, form of guilt, concept at the international level, the Convention on the Prevention of Crime.*

Экологическая безопасность является одним из направлений национальной безопасности Российской Федерации, а в условиях современных тенденций ухудшения экологической ситуации в мировом масштабе вопросы экологической безопасности приобретают особую актуальность.

Анализируя современные научные источники, мы пришли к выводу о том, что из множества экологических преступлений, следует выделить проблемы, связанные с «экоцидом»:

1. Отсутствие четкой унифицированной дефиниции «Экоцид» на международном уровне.

2. Отсутствие понятия формы вины за преступление, предусмотренное ст. 358 УК РФ «Экоцид».

Экоцид является одним из тягчайших преступлений против экологии. Впервые такое понятие преступления как «экоцид» законодательно был закреплен в мае 1977 г. В то время 33 государства, в том числе и СССР, подписали в Женеве международную Конвенцию «О запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду». Рассматриваемая статья является юридической гарантией выполнения данного соглашения РФ как правопреемницей СССР [3, с. 856].

На данный момент согласно статистическим данным в Российской Федерации экоцид был зафиксирован лишь однажды. На территории Российской Федерации в 2001 году было совершено одно преступление, предусмотренное ст. 358 «Экоцид» УК РФ. При этом с 1997 по 2000 годы и с 2002 по 2020 годы и за первое полугодие 2021 года преступлений по вышеуказанной статье не зарегистрировано [4]. Статья 358 УК РФ определяет его как массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу [6].

В январе 2002 года было раскрыто одно из самых громких преступлений, совершенных на Камчатке за последние годы, – отравка мальков лосося на рыбобоводном заводе «Озерки». Стало известно, что 6 февраля 2001 года неизвестные отравили хлоркой рыб, засыпав хлорку в водозаборный колодец. Погибло несколько миллионов мальков лосося. Ущерб составил 12 миллиардов рублей, а по факту отравы было впервые возбуждено первое в России уголовное дело по статье «Экоцид» [1, с. 114].

Первая проблема. Во многих уголовных кодексах зарубежных стран не закреплен термин «экоцид». В таких странах, как: Франция, Испания, Черногория понятие «экоцид» не устанавливается Уголовным кодексом. Однако если преступление было совершено против окружающей среды и были нарушены права человека и причинен вред экологической среде, то в таких случаях совершивший преступление будет привлечен к уголовной ответственности [7].

Стоит отметить, что отдельно выделенного понятия «экоцид» в правовых нормативных актах Германии не существует. В Уголовном кодексе отсутствует

статья по данному виду экологического преступления. Однако ответственность за совершение преступлений против окружающей среды, предусмотрена. Уголовное законодательство Германии состава преступления, подобного ст. 358 УК РФ «Экоцид», не содержит. Уголовный кодекс Германии предусматривает ответственность за преступления против окружающей среды в разделе 29, учитывая формулировку ст. 358 УК РФ, можно говорить о том, что наиболее близкими к ней являются составы, предусмотренные разделом 23 УК ФРГ «Преступления против окружающей среды». Самое строгое наказание за такое преступление как «экоцид» согласно разделу 29 УК Германии максимально составляет 10 лет лишения свободы [5].

В настоящее время подход международного законодателя к решению вопроса о понятии «экоцид» отличается неполным содержанием. На данный период времени на официальном мировом уровне не используется сам термин «экоцид», отсутствует его четкая и унифицированная дефиниция. Не определен статус экоцида в системе международных преступлений. Не устранены коллизии при его отграничении от смежных международных преступлений. Каждая страна под данным видом преступления понимает определенные действия, касающиеся своей страны и региона. «Экоцид» нельзя рассматривать в индивидуальном порядке. Он должен быть зафиксирован на международном законодательном уровне таким образом, чтобы все страны могли приложить усилия к устранению проблем, к недопущению экологических катастроф на мировом уровне.

Решением данной проблемы является закрепление единого для всех стран понятия такого преступления как «Экоцид» в соответствии с международными декларациями.

Преступления, входящие в категорию международных преступлений, имеют отдельные нормативно-правовые акты, подтверждающие их статус и значимость на территории земного шара. Так, например, существует отдельная Конвенция, раскрывающая понятие «геноцид», а также включающая наказания за совершение данного вида преступления: «Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» (Нью-Йорк, 9 декабря 1948 г.) [2].

Мы предлагаем создать отдельную Конвенцию, посвященную «экоциду». Таким образом, мы сможем предотвратить глобальные катастрофы, а также призвать все страны пресекать экологические правонарушения и оберегать природу. В данном документе понятие «экоцид» должно быть закреплено официально.

Изложить в следующей редакции в Конвенции: «Экоцид – это массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу, а также приводящих к массовому поражению человечества, способные вызвать особые генетические заболевания, – наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет».

Исходя из неполного определения понятия данного вида преступления, уголовное законодательство Российской Федерации затрагивает вторую не ме-

нее важную проблему, влекущую за собой несправедливое вынесение наказания за преступление, предусмотренное ст. 358 «Экоцид».

В ст. 358 «Экоцид» УК РФ – отсутствует понятие формы вины. В содержании статьи нет указания на умысел и (или) неосторожность. Законодатель определяет наказание в виде лишения свободы на срок от двенадцати до двадцати лет. Но указанный срок наказания нарушает принцип справедливости. Таким образом, законодатель приравнивает умышленные и неосторожные действия лица, повлекшие за собой глобальные экологические потери, к одному сроку исполнения наказания. УК РФ в соответствии с формой вины определяет вид наказания и определенный срок его исполнения.

В случае если законодатель относит «экоцид» только к умышленным действиям, он должен закрепить это в ст. 358 УК РФ. Тогда возникает проблема ответственности лиц, совершивших противоправные действия по своей халатности, повлекшие экологическую катастрофу. Такие ситуации не являются редкими. Например, Чернобыльская катастрофа. Никто из виновных лиц не был привлечен к ответственности, затрагивающей причинение вреда экологической сфере. Все действия рассматривались по ст. 220 УК УССР (нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях и во взрывоопасных цехах), ст. 165 УК УССР (злоупотребление властью, служебным положением), ст. 167 УК УССР (халатность) [8, с. 134]. На сегодняшний день, в Чернобыле экологическая ситуация не улучшилась до оптимального уровня проживания на этой территории.

Отсутствие в данной статье формы вины не дает правильно квалифицировать действия виновного. В зависимости от формы вины зависит справедливое вынесение наказания в соответствии с социальной справедливостью норм российского законодательства.

Для устранения данной проблемы законодатель должен четко указать в статье форму вины: умысел, неосторожность. И если подразумевается наличие двух форм, то следует указать соответствующий вид наказания и срок его исполнения в обоих случаях.

Принимая во внимание сказанное, стоит отметить, что уголовное законодательство не раскрывает глубину понятия «экоцид» как на международном уровне, так и на уровне отечественного уголовного права. Закрепление приведенных предложений о внесении изменений и дополнений в нормативные правовые акты позволит избежать неопределенности в понимании такого преступления как «экоцид», а также в определенной мере предотвращать экологические катастрофы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кибальник А. Г., Соломоненко Н. Г. Преступления против мира и безопасности / под науч. ред. А. В. Наумова. – СПб., 2004. – 383 с.
2. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря

1948 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 20.02.2022).

3. Международное право в документах : учеб. пособие / сост. Н. Т. Блатова. – М. : Юрид. лит., 1982. – 856 с.

4. Статистические данные // Федеральное казенное учреждение «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ФКУ «ГИАЦ МВД России»).

5. Уголовный кодекс Германии // *Volkerstrafgesetzbuch* – URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/vstqb> (дата обращения: 20.02.2022).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ : ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022 : с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.02.2022).

7. Уголовный кодекс Франции. – URL: https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/_doc-5-.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

8. Украинская ССР. Законы и постановления. Уголовный кодекс Украинской ССР : [утв. 28/XII 1960 г.] / М-во юстиции УССР. – Киев : Госполитиздат УССР, 1961. – 134 с. – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/0100627_5105 (дата обращения: 10.03.2022).

УДК 343.85

Липская Елена Юрьевна,
старший оперуполномоченный
по особо важным делам отдела
уголовного розыска Управления
внутренних дел по Северо-восточному
административному округу Главного
управления МВД России по г. Москве
г. Москва, Российская Федерация
elipskaia2@mvd.ru

Ищук Ярослав Григорьевич,
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
г. Москва, Российская Федерация
yar-vyatka@yandex.ru

Современные тенденции мер борьбы с преступлениями экстремистской направленности

В статье излагаются концептуальные идеи государства в области противодействия экстремизму и их практическое воплощение в деятельность правоохранительных органов в настоящее время.

Ключевые слова: экстремизм, современные тенденции экстремизма, меры борьбы с экстремизмом.

Lipskaya Elena Yuryevna

senior operative commissioner for especially important cases of the criminal investigation department of the Department of internal Affairs for the North-Eastern administrative district of the Main Directorate of the Ministry of internal affairs of Russia for Moscow, Moscow, Russian Federation

Ischuk Yaroslav Grigorievich,

candidate of legal sciences, associate professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Current trends in anti-crim measures extremist

The article outlines the conceptual ideas of the state in the field of countering extremism and their practical implementation at the present time.

Keywords: *extremism, current trends in extremism, measures to combat extremism.*

Реалии современного мирового сообщества показали нам, что наряду с чрезвычайными ситуациями военного, природного и техногенного характера, экстремизм и терроризм стали главной угрозой человечества. Экстремизм проявляется во всех сферах общественной жизни Российской Федерации: экономических, межнациональных, политических, религиозных отношений и т. п.

Экстремизм распространяется не только на территории Российской Федерации, но и за пределы отдельных государств и представляет глобальную угрозу безопасности всего мирового сообщества, рядом государств экстремизм используется в качестве средства достижения геополитических целей, таких как развязывание гражданских войн, организация «цветных революций» и государственных переворотов.

В настоящее время, очевидно, не только ученым-экспертам, но и простым обывателям, что экстремизм «молодеет», а организации экстремисткой направленности привлекают несовершеннолетних к своей преступной деятельности, при этом используют целенаправленное эволюционное формирование специфического группового социального поведения – социальную инженерию, а также информационно-телекоммуникационные технологии, в частности популярные среди молодежи интернет-площадки и мессенджеры, такие как «Инстаграм¹», «Тик-ток», «Ютуб», «Телеграм» и т. п.

¹ Запрещена в России.

Прослеживается тенденция к развитию и распространению радикализма в молодежной и студенческой среде. Молодое поколение россиян является самым социально незащищенным слоем населения, являются наиболее активными участниками конфликтов и различного рода деструктивных организаций, в том числе и экстремистского толка. Умелые СММ-менеджеры, в том числе и сторонники экстремизма, используют различные инструменты, с учетом социально-психологических факторов развития личности, для формирования у подростков искаженного восприятия представлений о духовных, общечеловеческих ценностях, побуждая подростков к агрессивно-экстремистским действиям.

Ярким примером подобных действий является деятельность таких организаций, как Фонд борьбы с коррупцией¹ Алексея Навального, а также Фонд защиты прав граждан² и штабы оппозиционера, которые в июне 2021 году Мосгорсудом признаны экстремистскими организациями и запрещены.

Распространение экстремизма, а также формирование антитеррористического сознания является общероссийской проблемой, длящегося уже не первое десятилетие.

Впервые, актуальность рассмотрения распространения экстремизма возникла в СССР в начале 1980 годов, но на законодательном уровне понятие «экстремизм» появляется в начале 1990 года, в эпоху крупнейшей трансформации в российской истории. В начале 90-х годов упоминание понятие «экстремизм» является реакцией на проявление социально-политических явлений того периода, так, в заявлении Верховного Совета СССР от 20 февраля 1990 г. № 1195-1 «О проведении демонстраций и митингов 25 февраля» отмечено, что в массовых митингах и шествиях могут участвовать экстремисты и даже преступные элементы, при этом законодатель не дает какие-либо концептуальные разъяснения: «Экстремистски настроенные группировки организуют массовые беспорядки, провоцируют забастовки, разжигают национальную рознь и вражду. Ими осуществляются дерзкие преступные акции, минируются дороги и мосты, проводятся обстрелы населенных пунктов, захват заложников» [5].

Основополагающим моментом, на наш взгляд, является Указ Президента РФ от 23 марта 1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации», где законодатель сформировал обобщенное понятие «экстремизм».

Происходящие в конце XX века события в стране привели к тому, что радикальные религиозно-политические движения системно организовывались на территории России [2]. Возникло четкое понимание, что деятельность данных организаций представляет угрозы государственной целостности и строю. В 2002 году было разработано и законодательно закреплено концептуальное представление о феномене экстремизма, отражение которого нашло в Феде-

¹ ФБК признан иноагентом, деятельность прекращена по решению суда.

² ФЗПГ, юридическое лицо ФБК, признан иноагентом, деятельность прекращена по решению суда.

ральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, в дальнейшем законодатель на постоянной основе продолжил уделять особое внимание проблеме борьбы с экстремизма. И на протяжении последних двадцати лет в России законодатель постоянно расширял и дополнял нормативно-правовые акты затрагивающие данную область.

События, происходящие в стране в настоящий период показали, что экстремистские последователи активно в своей противоправной деятельности используют информационную-телекоммуникационную сеть «Интернет» и несовершеннолетних, и необходимо активизировать не только борьбу с экстремистскими проявлениями, но и уделять особое внимание профилактике экстремизма и формированию антитеррористического сознания у детей и молодежи.

29 мая 2020 года В. Путин своим Указом № 344 утвердил новую редакцию Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [2]. Стратегия разработана в целях обеспечения дальнейшей реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации, и направлена на искоренение источников угроз национальной безопасности Российской Федерации, к которым мы можем отнести экстремистскую деятельность, осуществляемую националистическими, радикальными общественными объединениями, этническими и иными организациями и объединениями, направленная на нарушение единства и территориальной целостности России, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной обстановки в стране.

Несмотря на принимаемые меры в 2021 году на территории России зарегистрирован рост числа преступлений экстремисткой направленности.

Так, согласно данным ГИАЦ МВД России за 12 месяцев 2021 года на территории Российской Федерации зарегистрировано на 26,9 % преступлений экстремистской направленности, рост составил с 833 до 1057 преступлений [1].

Негативная тенденция и новые реалии, вынуждают законодателей России, активно реагировать на происходящие события и следовать утвержденной национальной политике.

Президентом Российской Федерации 4 марта 2022 года подписаны федеральные законы, направленные на защиту интересов и безопасности Российской Федерации, прав и свобод граждан Российской Федерации. Федеральными законами от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ и № 32-ФЗ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КРФобАП РФ) дополнен статьями 20.3.3 и 20.3.4, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) – статьями 207.3, 280.3 и 284.2.

Установлено, что за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, предусмотрена ответственность по статье 20.3.3 КоАП РФ, а при повторном совершении данного правонарушения лицом, подвергнутым административному наказанию, наступает ответственность по части первой статьи 280.3 УК РФ.

По части второй данной статьи предусмотрена ответственность за те же действия, повлекшие смерть по неосторожности и (или) причинение вреда здоровью граждан, имуществу, массовые нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо создавшие помехи функционированию или прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, максимальное наказание составляет до пяти лет лишения свободы. За призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лица предусмотрена ответственность по статье 20.3.4 КоАП РФ. Повторное совершение данного правонарушения лицом, подвергнутым административному наказанию, влечет ответственность по статье 284.2 УК РФ.

За публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации предусмотрена ответственность по статье 207.3 УК РФ, максимальное наказание – до пятнадцати лет лишения свободы [4].

Под влиянием цифровых технологий происходит переформатирование личности человека, при этом стремительно ускорил этот процесс всемирная пандемия (всемирная введенная самоизоляция, спровоцировала активное проявление нарушений навыков социального общения, в том числе и отмечались ярковырожденное отторжение принципов общежития). И общение молодых людей, вне зависимости от местонахождения, в том телефонов вошло в норму и никого не удивляет. Под воздействием цифровых технологий семейная жизнь также переходит отчасти в дистанционный формат. Так, Интернет дает возможность не только для позитивного самовыражения, обучения, но и позволяет лицу высказывать любые собственные на его взгляд мнение и мысли, так как, находясь за экраном гаджета, под уверенностью анонимности ощущает себя в какой-то «защищенности», так как оппонента не наблюдает лично. В обиходе появилось понятие воин «Диванных войск» и в различных социальных сетях развязываются кибервойны, при попустительстве компаний, владельцев данных интернет ресурсов.

10 марта 2022 года появилась информация о том, что пресс-секретарь компании Мета¹, которая является материнской компанией Фейсбук и Инстаграм (заблокированы, по решению суда), Энди Стоун заявил, что Мета позволила пользователям этих социальных сетей в некоторых странах распространять информационные материалы, содержащие призывы к совершению насильственных действий в отношении россиян, в том числе военнослужащих, таким образом компания изменила политику против разжигания ненависти. Также компания разрешила публиковать посты, призывающие к смерти президента России В. Путина и президента Беларуси А. Лукашенко.

¹ Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

В связи с наличием признаков преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205.2 УК РФ (пропаганда терроризма) и п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ (возбуждении ненависти и вражды с угрозой применения насилия Генпрокуратура России направила в суд заявление о признании компании Meta Platforms Inc. экстремистской организацией и запрете ее деятельности на территории Российской Федерации, а также направлены материалы в Следственный комитет России (далее – СКР) для принятия решения в соответствии с действующим законодательством. СКР возбудило уголовное дело, в связи с незаконными призывами к насилию в отношении граждан Российской Федерации со стороны сотрудников американской компании Meta¹.

Также по данному факту генеральная прокуратура также обратилась в Роскомнадзор с требованием ограничить доступ к «Инстаграм», который в свою очередь перестал работать с 14 марта 2022 года на территории Российской Федерации.

Подводя итоги, отметим, что события окружающей действительности позволяют действительно иначе взглянуть на понятие «экстремизма» и оценить его применительно к текущей социальной ситуации. Борьба с проявлениями данного негативного социального и политического явления – одна из ключевых задач государства и органов внутренних дел, в частности, которая должна быть реализована в полной мере путем выработки эффективных методов анализа различного рода информации на предмет ее экстремистской природы и применения соответствующих методов противодействия ее распространению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753. – URL: <https://legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistvija-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do/> (дата обращения: 01.06.2022).

2. Бодров Н. Ф. Проблемы правового противодействия экстремизму в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 12 (127). – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36826736> (дата обращения: 01.06.2022).

3. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года. Официальный сайт ГУ МВД по Московской области. – URL: <https://50.mvd.rf> (дата обращения: 25.04.2022).

4. Федеральный закон от 04.03.2022 № 31-ФЗ (ред. от 16.04.2022) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410886/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 01.06.22).

5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1990 г. № 1060-1 «Об объявлении чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других районах» // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1990. – № 3. – Ст. 40.

¹ Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

УДК 343.35

Макаров Эдуард Дмитриевич,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
edward-makarov@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Анализ отдельных положений смертной казни как вида уголовного наказания в Российской Федерации

В статье приведен подробный анализ такого вида наказания, как смертная казнь. Авторы попытались раскрыть проблему достижения целей данного вида наказания и его влияния на профилактику совершения особо тяжких преступлений против жизни. Обосновывают свой вывод о нецелесообразности такого вида наказания как смертная казнь.

***Ключевые слова:** наказание, исправление, превенция, смертная казнь, мера наказания, осужденный, исполнение наказания, помилование.*

Makarov Eduard Dmitrievich,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich,
candidate of legal sciences, associate professor,
head of the department
of Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Analysis of certain provisions of the death penalty as a type of criminal punishment in the Russian Federation

The article provides a detailed analysis of such a type of punishment as the death penalty. The authors tried to reveal the problem of achieving the goals of this type of punishment and its impact on the prevention of committing particularly serious crimes against life. They substantiate their conclusion about the inexpediency of such a type of punishment as the death penalty.

***Keywords:** punishment, correction, prevention, death penalty, punishment, convict, execution of punishment, pardon.*

Смертная казнь – это лишение человека жизни по приговору суда – является исключительной мерой уголовного наказания, предусмотренного законом.

В настоящее время, действующий Уголовный кодекс Российской Федерации, в статьях 44 и 59, предусматривает возможность назначения смертной казни лишь за особо тяжкие преступления, связанные с посягательством на жизнь человека.

Исходя из положений действующего законодательства, следует сказать, что смертная казнь обладает следующими характеристиками:

- является исключительной мерой уголовного наказания;
- может быть назначена судом лишь за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь человека, к числу которых относят: умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование; посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов; геноцид;
- обвиняемому в преступлении, за совершение которого предусмотрена возможность назначения смертной казни, предоставляется право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей;
- осужденному к высшей мере наказания предоставляется право на обращение к Президенту Российской Федерации с прошением о помиловании.

Что касается вопросов исполнения наказания в виде смертной казни, то им посвящены нормы главы 23 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, а именно статьи от 184 до 186 УИК РФ [1].

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает запрет на назначение смертной казни женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста.

Стоит также отметить, что смертная казнь не назначается и лицу, выданному Российской Федерации иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности, если в соответствии с законодательством иностранного государства, выдавшего лицо, смертная казнь за совершенное этим лицом преступление не предусмотрена или неприменение смертной казни является условием выдачи либо смертная казнь не может быть ему назначена по иным основаниям.

Смертная казнь не назначается при вердикте присяжных о снисхождении, а также при вынесении приговора за приготовление к преступлению и покушение на преступление.

Неприменение смертной казни за неоконченное преступление основано на принципах гуманизма и справедливости. При этом законодатель исходит из того положения, что смертная казнь может назначаться лишь в случаях причинения смерти другим лицам.

Кроме этого, как следует из положений ч. 3 ст. 59 УК РФ, осужденному к исключительной мере наказания, смертная казнь в порядке помилования может

быть заменена на пожизненное лишение свободы или на лишение свободы сроком на двадцать пять лет. Следовательно, каждый осужденный, в том числе и тот, которому суд назначил наказание в виде смертной казни, вправе обратиться к Президенту Российской Федерации с прошением о помиловании. Так как согласно положениям ч. 3 ст. 85 УК РФ «Помилование осуществляется Президентом Российской Федерации в отношении индивидуально определенного лица».

В Российской Федерации смертная казнь исполняется непублично путем расстрела лица, приговоренного к смертной казни. Из этого следует, что исполнение смертной казни в отношении нескольких осужденных производится отдельно в отношении каждого и в отсутствие остальных. Согласно существующим правилам при исполнении смертной казни присутствуют прокурор, представитель учреждения, в котором исполняется смертная казнь, и врач. После приведения приговора в исполнение факт наступления смерти расстрелянного констатируется врачом. О том, что приговор суда приведен к исполнению составляется протокол, который подписывают лица, присутствовавшие при исполнении приговора суда [1, ст. 186].

В настоящее время данный вид наказания в России не применяется, но не на основании Указа Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» [2], как полагают некоторые граждане. Данным Указом не был установлен запрет на применение смертной казни и такой запрет не мог быть установлен, поскольку Президент не обладает подобными полномочиями. Также не является таким основанием и Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П [3], в котором указывалось на то, что до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, наказание в виде смертной казни назначаться не может независимо от того, рассматривается ли дело судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трех профессиональных судей.

Вместе с тем, проведенный нами анализ действующих законодательных норм и решений Конституционного Суда Российской Федерации [4], касающихся исключительной меры уголовного наказания – смертной казни, а также учитывая то обстоятельство, что 15 марта 2022 года Российская Федерация официально вышла из состава Совета Европы, обосновывает наш вывод о том, что в настоящее время запрета на применение смертной казни нет.

Продолжая рассуждения о смертной казни, как о виде уголовного наказания, следует отметить, что у этого наказания существует ряд проблемных вопросов, которые ставят под сомнение целесообразность применения данного наказания.

К первому проблемному вопросу, на наш взгляд, следует отнести ее общепрофилактическое значение: «Наступит ли снижение уровня преступности, если данное наказание будет и далее применяться в России?». По мнению

М. Ю. Дворецкого и А. И. Анапольской, наказание, реализуемое в таком виде, фактически не устрашает правонарушителей, не удерживает потенциальных убийц от задуманного. Они утверждают, что наиболее существенное превентивное воздействие оказывают иные наказания, такие как штраф, лишение свободы на определенный срок, а также исправительные работы [5]. И такому их выводу есть немало подтверждений. Так, если обратиться к статистике, то можно увидеть следующую картину. В 1998 году уровень умышленных убийств выглядел следующим образом: 22,8 убийства на 100 тысяч человек. В 2021 году ситуация значительно изменилась в сторону уменьшения данного показателя, который составил 9,2 убийства на 100 тысяч человек. Как видно из статистических данных, с момента отказа от применения смертной казни, уровень умышленных убийств заметно снизился, а не возрос. Это, как нам представляется, целиком подтверждает слова М. Ю. Дворецкого и А. И. Анапольской о том, что иные наказания обладают наиболее существенным превентивным воздействием [5]. Таким образом, результаты проводимых исследований, в том числе и проведенного нами, обосновывают вывод о том, что наличие в Уголовном кодексе такого вида наказания как смертная казнь никак не влияет на снижение уровня преступности, следовательно, данное наказание не оказывает особого превентивного воздействия.

Второй проблемный вопрос, по нашему мнению, касается принципа гуманизма – «Является ли данное наказание гуманным?». Данный проблемный вопрос является спорным, поскольку одни ученые считают, что смертная казнь является гуманным наказанием, нежели пожизненное лишение свободы, а другие говорят совершенно обратное. Как нам представляется, смертная казнь не является гуманным наказанием, поскольку приводит к физическому уничтожению осужденного.

К третьей проблеме мы относим неисправимость судебной ошибки при исполнении такого наказания – «Какова целесообразность назначения смертной казни при существовании судебных ошибок?». Многие ученые считают, и мы с ними солидарны, что смертная казнь при наличии судебных ошибок нецелесообразна. И с этим нельзя не согласиться, поскольку в случае судебной ошибки, к смертной казни может быть приговорен невиновный человек или осуждаемый не заслуживающий такого наказания. М. Д. Давитадзе и Г. А. Майстренко в своей работе отмечают, что наличие судебных ошибок делает смертную казнь проблематичным и недопустимым видом наказания [6].

На основании изложенного мы предлагаем исключить из Уголовного кодекса Российской Федерации такой вид наказания как смертная казнь. Следовательно, исключить из всех санкций статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации слова «либо смертной казнью».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г № 1-ФЗ (ред. от 21 декабря 2021 г.). Глава 23 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.04.2022).

2. Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в совет Европы» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.04.2022).

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года „О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР „О судостроительстве РСФСР“», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях“ в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.04.2022).

4. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 N 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года „О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР „О судостроительстве РСФСР“», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях“» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.04.2022).

5. Дворецкий М. Ю., Анапольская А. И. Смертная казнь: за и против // Киберленинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 18.04.2022).

6. Давитадзе М. Д., Майстренко Г. А. Смертная казнь: аргументы «за» и «против» // Киберленинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 18.04.2022).

УДК 343.3

Маянцева Алёна Андреевна,

студент, Костромской государственной академии культуры и искусств

г. Кострома, Российская Федерация

mayantseva2001@mail.ru

Актуальные проблемы административной ответственности за жестокое обращение с животными в России

В данной статье раскрыта проблема отсутствия в КоАП РФ состава за жестокое обращение с животными, а также рассматривается вопрос о необходимости введения новой нормы административной ответственности.

Ключевые слова: Административное правонарушение, административная ответственность, жестокое обращение с животными.

Mayantseva Alyona Andreevna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Actual problems of administrative responsibility for animal cruelty in Russia

This article reveals the problem of the absence of a composition for animal cruelty in the Administrative Code of the Russian Federation, and also considers the need to introduce a new norm of administrative responsibility.

Keywords: Administrative offense, administrative responsibility, animal cruelty.

Преступления, направленные на жестокое обращение с животными, наносят непоправимый вред российскому обществу, разрушают моральные устои, а также негативно сказываются на подрастающем поколении.

Жестокость по отношению к животным способствует формированию у граждан, особенно у несовершеннолетних, чувства равнодушия к страданиям живых существ, нередко закрепляет у субъекта низменные стремления, что порождает агрессивность и насилие по отношению к окружающим. Жестокое обращение с животными ведет к деформации психологических качеств человека и моральной деградации личности, созданию питательной среды для совершения более тяжких преступлений.

В этой связи важно обратить особое внимание на проблемы, которые связаны с данным преступлением, с ответственностью за него и профилактикой жестокого обращения с животными.

В действующем Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту – КоАП РФ) состав за жестокое обращение с животными отсутствует, несмотря на активные дискуссии по внесению изменений в КоАП РФ относительно жестокого обращения с животными.

Представляется, что затронутая проблема является актуальной, поскольку менее губительные нанесения вреда здоровью животным, чем гибель или увечье, также имеют серьезное значение в рамках формирования чувства равнодушия к страданиям живых существ.

Также отсутствие в КоАП РФ состава правонарушения, предусматривающего ответственность за жестокое обращение с животными, крайне актуально и в рамках замедленного формирования общего института ответственности за обращение с животными. На наш взгляд, ситуацию можно сравнить с преступлениями против жизни и здоровья человека.

Если мы рассматриваем именно такие преступления, то видим систему: в ст. 6.1.1 КоАП РФ [2] установлена административная ответственность за побои или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 Уголовного ко-

декса Российской Федерации [3] (далее по тексту – УК РФ), если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Иными словами, преступление наименее легкой тяжести из возможных, но все-таки причиняющее физическую боль лицу.

Далее следуют нормы УК РФ об умышленном причинении легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), убийство (ст. 105 УК РФ).

Безусловно, сложно говорить о классификации вреда здоровья животных. Оценить его гораздо труднее, а последствия нанесения тяжкого вреда здоровью человека и животного сравнивать крайне сложно и вряд ли уместно.

Приведенный пример показывает системность построения юридической ответственности, логичность использования и административной (в КоАП РФ отсутствует состав правонарушения жестокого обращения с животными), и уголовной ответственности. Так, выпадает целое звено института ответственности за ненадлежащее и жестокое обращение с животными, которое, к сожалению, никак не контролируется и не наказывается в виду отсутствия подобного состава правонарушения в КоАП РФ.

На наш взгляд, на практике это может выражаться в следующих процессах. Как мы установили, в КоАП РФ отсутствует административная ответственность и наказание за жестокое обращение с животными, соответственно данные дела не возбуждаются в виду отсутствия состава правонарушения. Следовательно, растет статистика совершения правонарушений в области ненадлежащего обращения с животными и жестокого обращения с ними, не подразумевающего нанесения увечий или гибели животного.

Люди, нанося менее губительный вред здоровью животных и не неся за это ответственности, демонстрируют обществу безнаказанность в обращении с животными, что влечет дальнейшие случаи издевательств над животными, совершая которые, люди теоретически переходят грань предполагаемого административного правонарушения, доставляя животному увечья или вовсе лишая его жизни.

Представляется, что имеет место быть пробел в административно-правовом регулировании, системе административной ответственности в целом, который, несмотря на административно-правовую направленность, пагубно влияет на моральные устои российского общества и влечет учащение совершенных преступлений, направленных против животных.

Е. Р. Абдрахманова в своей работе «Юридическая ответственность за жестокое обращение с животными: проблемы и перспективы» отмечает: «Особо обостряется проблема реформирования законодательства о жестокое обращении с животными в современный период, так как неуклонно пополняются ряды движения кроухантеров и догхантеров – людей, удовлетворяющих свои садистические потребности, издеваясь и убивая птиц и бездомных (а нередко, и домашних) кошек и собак, выкладывая видео со своими подвигами в Интернет» [4].

Известно, что в 2016 в Российской Федерации были предприняты попытки ввести норму об административной ответственности за жестокое обращение с животными в КоАП РФ. Законопроект о «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления ответственности за жестокое обращение с животными» [1] был зарегистрирован в Государственной Думе 15 сентября 2016.

Он предполагал дополнить КоАП РФ статьей 8.35.1 следующего содержания: «8.35.1. Жестокое обращение с животными

Жестокое обращение с животными, если оно не содержит признаков уголовно наказуемого деяния, –

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи пятисот рублей до трех тысяч рублей; на должностных лиц – от десяти до пятнадцати тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот пятидесяти тысяч рублей до пятисот тысяч рублей».

Также предполагалось ввести примечание, которое разграничивало бы уголовную ответственность от административной:

«Примечания. 1. Под жестоким обращением с животными в настоящей статье понимается умышленное причинение животным физических и (или) психических страданий, выразившихся, в том числе в причинении животному боли, лишении его воды и (или) пищи, возможности передвигаться, ненадлежащем содержании, тренировке и дрессировке животных, сопряженных с их мучением, использовании животных в различных сватках (боях)».

Мы полагаем, что отклонение данного законопроекта было ошибкой, хоть и объяснялось отсутствием отраслевого регулирования, внесением изменений в УК РФ, возникновением правовой неопределенности, конкуренцией норм. Однако считаем, что отсутствие административно-правовой нормы приводит к большим проблемам, чем, к примеру, «отсутствие правовой неопределенности», поскольку последняя остро видится именно сейчас, когда законопроект отклонен, и система наказания за жестокое обращение просто отсутствует и ограничена лишь уголовными нормами.

Обобщая изложенное, видится необходимым снова поднять вопрос о введении административной ответственности за жестокое обращение с животными. Для этого следует:

а) создать рабочую группу (комиссию) юристов и правоведов, которая рассмотрела бы на предмет правомерности и юридической грамотности отклоненный Законопроект № 1175091-6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления ответственности за жестокое обращение с животными» с целью доработать его и вернуть на рассмотрение;

б) вернуть на рассмотрение административную норму, которую в 2018 году отклонила Государственная Дума.

Таким образом, это позволит устранить пробел в законодательстве, а также ввести ответственность за жестокое обращение с животными, которое не приводит к тяжелым увечьям и смерти животных, однако все равно ранит их,

равно как демонстрирует бесчеловечность и разрушает устои российского общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Законопроект № 1175091-6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления ответственности за жестокое обращение с животными». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1175091-6> (дата обращения: 11.05.2022)

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022) : с изм. и доп., вступ. в силу с 27.04.2022. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34661/ (дата обращения: 11.05.2022).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 11.05.2022).

4. Абдрахманова Е. Р., Савельев, И. С. Юридическая ответственность за жестокое обращение с животными: проблемы и перспективы // Проблемы экономики и юридической практики. – 2015. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.u/article/n/yuridicheskaya-otvetstvennost-za-zhestokoe-obraschenie-s-zhivotnymi-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 11.05.2022).

УДК 342.9

Медведев Илья Эдуардович,

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

ilyamedvedev221@gmail.com

Хлестакова Любовь Анатольевна,

кандидат психологических наук,

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

lub-kuku@mail.ru

Проблема определения малозначительности административных правонарушений при привлечении к административной ответственности юридических лиц

Статья посвящена проблемам привлечения субъектов предпринимательской деятельности к административной ответственности. Рассмотрена проблема определения малозначительности административных правонарушений при привлечении к административной ответственности юридических лиц. Автор приходит к выводу о необходимости дополнения статьи 2.9 КоАП РФ.

Ключевые слова: административная ответственность, юридическое лицо, вина юридического лица, малозначительность.

Medvedev Ilya Eduardovich,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna,
candidate of Psychological Sciences,
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The problem of determining insignificance in administrative offences in administrative responsibility legal entities

The article is devoted to the problems of bringing business entities to administrative responsibility. The problem of determining the insignificance of administrative offenses when bringing legal entities to administrative responsibility is considered. The author comes to the conclusion that it is necessary to supplement Article 2.9 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Keywords: administrative responsibility, legal entity, guilt of a legal entity, insignificance.

Арбитражные суды Российской Федерации рассматривают две категории дел об административных правонарушениях: о привлечении к административной ответственности и об оспаривании постановлений о привлечении к административной ответственности [1].

Главой 25 АПК РФ регламентирован порядок рассмотрения таких дел. Нормами арбитражного процессуального права определен предмет доказывания и судебного исследования по данной категории дел.

Согласно ч. 6 ст. 205 АПК РФ суд проверяет наличие события административного правонарушения, факт совершения, основания для составления протокола об административном правонарушении, полномочия административного органа на составление протокола, наличие в законе положений об ответственности за содеянное, а также основания для привлечения лица к административной ответственности.

Ч. 6 ст. 210 АПК РФ суд проверяет законность и обоснованность оспариваемого решения, наличие полномочий административного органа принявшего оспариваемое решение, основания к привлечению к административной ответственности, сроки давности, а также другие обстоятельства, имеющие значение для дела.

Последовательность проверки перечисленных обстоятельств обусловлена основаниями для отказа привлечению к административной ответственности в ст. 24.5 КоАП РФ [2].

В первую очередь устанавливают наличие состава правонарушения. В случаях когда в действиях правонарушителя выявлены формальные условия для наступления ответственности, суд должен оценить их. Делается это для то-

го чтобы выявить смягчающие и отягчающие административную ответственность обстоятельства и решить о мере наказания.

При рассмотрении дела арбитражный суд руководствуется п. 3 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ, которая в качестве дополнительного обстоятельства, исключающего привлечение к административной ответственности, ссылается на ст. 2.9 КоАП РФ.

В ней говорится, что при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченное решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение от административной ответственности и ограничиться устным замечанием.

Связано это с отсутствием в законодательстве четких критериев малозначительности. Это заставляет административно-юрисдикционные органы определять малозначительность в каждом случае самостоятельно. Такой подход позволяет учитывать особенности каждого рассматриваемого дела индивидуально, но если взглянуть на обратную сторону – норма о малозначительности в некоторых случаях применяется необоснованно, что позволяет правонарушителям избегать заслуженного наказания.

Неоднократно предпринимались попытки определения критериев малозначительности Высшими судами РФ. Постановление Пленума ВС РФ от 24 марта 2015 года № 5 говорит нам о том, что малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений [4, с. 45].

При квалификации правонарушения в качестве малозначительного суду нужно оценить конкретные обстоятельства его совершения. Малозначительность правонарушения имеет место быть при отсутствии угрозы общественным отношениям. Указание на оценку степени причиненного вреда говорит о том, что для квалификации малозначительности имеют признаки объективной стороны правонарушения.

Существует ограничительное толкование ст. 2.9 КоАП РФ. Согласно ему, малозначительность оценивается применительно к составам административных правонарушений, предполагающим только материальный состав.

С таким подходом к составам, обязательным признаком которых наступление последствий не является, принято считать, что последствия выходят за рамки предмета доказывания по делу. Поэтому при рассмотрении дела вопрос о малозначительности не исследуется [3, с. 567].

Для выявления допустимости ограничительного толкования ст. 2.9 КоАП РФ к материальным составам, требуется выявить правовой и социально-правовой смысл отсутствия последствий в формальных составах, и оценивать практические последствия применения ст. 2.9 РФ только к материальным составам.

Правонарушения с формальным составом чаще всего не предусматривают причинение материального вреда. Речь идет о нарушении порядка государственного управления в определенной сфере.

Исходя из этого, отсутствие последствий как обязательного признака состава правонарушения не означает, что последствий в принципе нет. Следовательно, утвердились два подхода: в первом последствием правонарушения с формальным составом является дезорганизация режима правового регулирования, во втором последствия в виде реального ущерба. Законодатель подразумевает ущерб или угрозу в силу самого совершения деяния.

Правонарушение по социально-правовой природе с формальным составом – это деяние, запрещенное под угрозой наказания, поскольку оно может привести если и не к наступлению реального ущерба, то к угрозе такого ущерба.

При рассмотрении правонарушений с формальным составом юрисдикционные органы должны оценивать как последствия деяния не размер ущерба, а вредоносность противоправного деяния, составляющую объективную сторону. Этому может поспособствовать способ нарушения правовых норм. Но почти все составы указывают на единственно возможный способ. В этом случае нужно ввести дополнительные признаки, которые будут характеризовать малозначительность.

Итак, в связи с отсутствием понятия малозначительности в КоАП РФ, наличие разного его толкования высшими судами и неоднозначность применения в правоприменительной деятельности предлагается дополнить ст. 2.9 КоАП РФ примечанием. Предлагаем изложить эту норму в следующей редакции:

«При малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием [5].

Примечание.

Малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений».

Такие изменения административного законодательства Российской Федерации позволят, на наш взгляд, снизить количество оценочных элементов в правоприменительной практике в сфере предпринимательской деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) : с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022. – URL: <https://base.garant.ru/12127526/> (дата обращения: 01.05.2022).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022) : с изм. и доп., вступ. в силу с 27.04.2022. – URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 01.05.2022).

3. Кононов П. И., Стахов А. И. Административное право России : учебник для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2021. – 685 с.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». – URL: <https://base.garant.ru/12139487/> (дата обращения: 02.05.2022).

5. Проблема определения малозначительности административных правонарушений при привлечении к административной ответственности юридических лиц / В. В. Сильнядин. – URL: <https://www.elibrary.ru/> (дата обращения: 02.05.2022).

УДК 343.3

Мишнева Диана Александровна,
студент, Ростовский филиал государственного
казенного образовательного учреждения высшего
образования «Российская таможенная академия»
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Diana.mishnevaa@mail.ru

Фишинг как новый способ мошенничества в Интернете: проблемы квалификации и методы защиты

В настоящей статье раскрывается понятие фишинга, описываются возможные методы, используемые с целью неправомерного получения доступа к конфиденциальным данным пользователей, приводится определение понятия социальной инженерии. Также в данной статье анализируются положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», а именно пункты 20, 21 вышеупомянутого постановления. Приводится возможный перечень мер, которые могут быть использованы в деле борьбы с фишинговыми атаками.

Ключевые слова: *фишинг, социальная инженерия, интернет, преступление, мошенничество, конфиденциальная информация.*

Mishneva Diana Alexandrovna,
student, Rostov Branch of the State
Educational Institution of Higher
Education “Russian Customs Academy”
Rostov-on-Don, Russian Federation

Ishing as a new way of fraud on the Internet: problems of qualification and methods of protection

This article reveals the concept of phishing, describes possible methods used to illegally gain access to confidential user data, and provides a definition of the concept of social engineering. Also, this article analyzes the provisions of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.11.2017 No. 48 “On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement”, namely paragraphs 20, 21 of the above-mentioned resolution. A possible list of measures that can be used to combat phishing attacks is provided.

Keywords: *phishing, social engineering, internet, crime, fraud, confidential information.*

В России в последнее время увеличилось число преступлений, которые совершаются с использованием информационных технологий. Кроме того, большая часть из них представляет собой преступления, направленные на получение персональных данных пользователей, в том числе банковских реквизитов.

В последние годы в связи со взломом банковских аккаунтов россияне лишились нескольких десятков миллиардов рублей. Всему виной в основном пренебрежение людей к безопасности данных, которые распространяются ими в интернете. Однако, в частности, персональные данные являются целью популярной на сегодняшний день методики обмана – фишинга.

Фишинг – получение с помощью обмана или методов социальной инженерии конфиденциальных данных с целью использования в корыстных, преступных целях [3, с. 135].

При использовании фишинга преступники применяют, к примеру, массовые рассылки на электронные почты. Указанные письма содержат ссылки на вредоносные сайты. Это в основном клоны известных социальных сетей, маркетплейсов, интернет-магазинов и т. д. На данных страницах находятся формы, необходимые для авторизации, оплаты. В случае их заполнения, все введенные данные передаются преступникам с целью получения доступа к денежным средствам пользователя.

Рассказывая о фишинге, невозможно обойти стороной такое понятие, как социальная инженерия.

Социальная инженерия – метод управления поведением человека, совершаемый без использования определенной техники, гаджетов. Метод основан на использовании человеческих слабостей и является очень эффективным [2, с. 20]. В основном социальную инженерию используют в отношении наименее грамотных в сфере информационной безопасности людей, а именно пожилых, малолетних, страдающих различными формами умственной отсталости. Но это не значит, что тем, кто не относится к вышеупомянутым категориям населения, не нужно с трепетом относиться к распространяемой информации. Ведь в связи с качественным совершенствованием приемов мошенников многократно участились случаи потери денежных средств даже среди представителей IT сектора, не говоря уже о простых гражданах.

Данные обстоятельства в разы усложнили деятельность правоохранительных органов. Намного острее встал вопрос о правильной квалификации вышеупомянутых правонарушений. Так как же квалифицировать эти деяния?

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [4] посвятил 2 пункта преступлениям, совершаемым в сфере компьютерной информации.

Согласно п. 20 постановления Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей является целенаправленное воздействие программных средств на серверы, компьютеры, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи информации, что позволяет лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него.

Но здесь необходимо сделать важную оговорку – при использовании фишинга не происходит воздействия на технику потерпевшего. Он добровольно и самостоятельно попадает на вредоносный сайт, вводит данные своей банковской карты или логин и пароль от своего аккаунта. А впоследствии преступники, получив нужную информацию, совершают неправомерное списание денежных средств.

Таким образом, можно сделать вывод, что по смыслу статьи 159^б Уголовного Кодекса Российской Федерации [5] и исходя из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данное преступление не может подлежать квалификации как мошенничество в сфере компьютерной информации.

Согласно п. 21 вышеназванного постановления, а именно первому абзацу, в тех случаях, когда хищение совершается путем использования учетных данных владельца независимо от способа их получения, такие действия необходимо квалифицировать как кража. Следовательно, становится очевидно, что виновный, получивший при помощи фишинга, конфиденциальные данные пользователя, согласно постановлению, понесет наказание в соответствии со статьей 158 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Необходимо обратить внимание на то, что квалификация по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК возможна только при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159^з настоящего Кодекса.

Но, обратив внимание на второй абзац 21 пункта, можно уяснить, что если хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, то такое мошенничество следует квалифицировать по статье 159, а не 159^б УК РФ.

Таким образом, создается некое внутреннее противоречие в толковании Верховным Судом РФ уголовно-правовых запретов, установленных статьями 158, 159, 159^з и 159^б УК РФ.

Стоит отметить еще и то, что практически любой человек может стать жертвой деятельности фишеров, поэтому важнейшей задачей является инфор-

мирование людей о мерах безопасности в интернете и особенностях распространения в сети конфиденциальных данных. Так как же можно уберечь себя от действий преступников?

К сожалению, в настоящее время практически не существует способов предотвратить фишинговые атаки, кроме того, как относиться с особым вниманием к данным, пересылаемым с помощью интернета. Определенной эффективностью в деле борьбы с фишингом будет обладать установка антивирусных программ на смартфон, компьютер и другую технику, если это возможно. Не следует отправлять конфиденциальные данные близким посредством мессенджеров, так как даже самые защищенные приложения подвержены компрометации. Эффективным методом будет установка двухфакторной аутентификации на все аккаунты в соцсетях, почтовые ящики и т. д. [1. с. 58].

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день фишинг представляет собой один из самых опасных способов получения персональной информации пользователей, так как предотвратить его очень сложно. Всею виной является человеческий фактор, так как даже при самом защищенном программном обеспечении человек может самостоятельно передать свои данные в руки преступникам, что активно используется при фишинге. В настоящее время законодательство в сфере киберпреступлений отстает от реально существующего положения вещей. Осведомленность преступников повышается с каждым днем, поэтому существует острая необходимость в соответствующем обеспечении защиты информации, а также конфиденциальных данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волеводз А. Г. Противодействие компьютерным преступлениям. – М., 2019. – 160 с.
2. Касперски К. Секретное оружие социальной инженерии / Компания АйТи. – М., 2016. – С. 15–30;
3. Могунова М. М. Технология осуществления и правовая регламентация незаконного овладения персональными банковскими данными (фишинг) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – №. 4. – С.135–141.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 2.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [в ред. от 28 янв. 2022 г.] // Офиц. интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891&intelsearch=%F3%20%E3%EE%EB%EE%E2%20%ED%FB%E9+%EA%EE%E4%20%E5%20%EA%F1> (дата обращения: 15.03.2022).

УДК 343.2

Панфилова Анастасия Сергеевна,
студент, Костромской государственной университет
Кострома, Российская Федерация
anastasia.sergeevna23@mail.ru

Конардов Сергей Борисович,
старший преподаватель
Костромской государственной университет
Кострома, Российская Федерация
s_konardov@ksu.edu.ru

Актуальные проблемы ресоциализации осужденных

Авторы статьи исследуют вопросы реабилитации, и адаптации в обществе лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы. Ими рассматриваются проблемы рецидивной преступности лиц, освободившихся из заключения и вновь совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления против личности. В данной статье ими рассматривается вопрос о целесообразности дополнения уголовно-исполнительного законодательства таким средством исправления осужденных как ресоциализация.

Ключевые слова: рецидив, ресоциализация, реабилитация, постпенитенциарная преступность, уголовно-исполнительная система, социальная поддержка, осужденные.

Panfilova Anastasia Sergeevna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Konardov Sergey Borisovich,
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Topical issues of resocialization of convicts

The authors of the article explore the issues of rehabilitation, and adaptation in society of persons who have served their sentences in places of deprivation of liberty. They deal with the problems of recidivism of persons released from prison and who have again committed serious and especially serious crimes against the person. In this article, they consider the advisability of supplementing penal enforcement legislation with such a means of reforming convicts as resocialization.

Keywords: recidivism, resocialization, rehabilitation, post-penitentiary crime, penitentiary system, social support, convicts.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 УИК РФ одной из целей уголовного наказания является предупреждение совершения осужденными лицами новых преступлений. Показателем эффективности ресоциализации осужденных является уровень постпенитенциарной преступности. Если после отбывания наказания в ви-

де лишения свободы осужденный снова совершает преступление, значит, деятельность органов уголовно-исполнительной системы по его исправлению и перевоспитанию была недостаточной.

Рецидивная преступность в Российской Федерации составляет значительную долю в общей статистике преступности. Так, например, за первое полугодие 2020 г., согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, из 2068 осужденных за убийство 671 (32,45 %) имели неснятые и непогашенные судимости. При этом 301 (14,56 %) человек из этого количества были судимы два и более раза. Всего же за первое полугодие было совершено 234 227 преступлений, 89 076 осужденных имели неснятую или непогашенную судимости, что составляет 38,03 % от всего числа осужденных [5]. Таким образом, почти каждое третье преступление совершают лица, отбывшие уголовные наказания.

По мнению Е. А. Чигиринец, одной из причин рецидивной преступности является несовершенство государственно-правового механизма оказания освобожденным лицам социальной, правовой и психологической помощи в их ресоциализации и социальной адаптации», без которых и возможен постпенитенциарный рецидив [8, с. 64–69].

Одной из задач уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации является оказание осужденным помощи в социальной адаптации, однако, по мнению И. А. Блинова, «конкретный подход к определению данного понятия и характеристика его сущности не сформированы» [2, с. 2666–2670]. Между тем, ресоциализация лиц, отбывающих наказание и освобожденных из мест лишения свободы, имеет огромное значение как в теоретическом, так и в практическом плане. Она является фактором снижения постпенитенциарного рецидива, показателем эффективности, выступает критерием оценки работы учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Правовую основу деятельности по социальной реабилитации лиц, осужденных к лишению свободы, составляют нормы международного права, гарантированные Конституцией РФ права граждан Российской Федерации (на социальную защиту, образование, страхование). Основу нормативного регулирования социальной адаптации составляет глава 22 УИК РФ, в которой определен правовой механизм организации деятельности учреждений, исполняющих наказания, по содействию в трудовом, бытовом устройстве освобожденных и контролю за ними. Отдельные аспекты данного процесса конкретизируются в федеральных законах, законах субъектов Российской Федерации, указах Президента Российской Федерации, постановлениях и распоряжениях министерств и ведомств, правовых актах органов местного самоуправления. Однако, как справедливо отмечает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова, в настоящее время исправительные учреждения не полностью выполняют функцию ресоциализации, в том числе из-за несовершенства действующего законодательства.

Анализ трудов ученых, исследующих проблемы реабилитации, ресоциализации и социальной адаптации лиц, отбывающих наказание и освободивших-

ся из мест лишения свободы, позволяет говорить о многообразии предложений по устранению проблемных организационных, правовых, правоприменительных и обеспечительных вопросов. Спектр мероприятий, предлагаемых авторитетными учеными, достаточно объемен, так как данная деятельность предполагает широкомасштабную работу по всем направлениям: обновление правовой основы, проведение организационных мероприятий, улучшение взаимодействия с государственными, муниципальными органами государственной власти и управления, правозащитными, международными коммерческими и некоммерческими организациями, институтами гражданского общества, благотворительными фондами и др.

Так, Е. А. Чигиринец считает целесообразным принятие федеральных законов «О социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы» и «О центрах социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы» [8, с. 64–69]. При этом в первом нормативном документе необходимо предусмотреть способы и меры, направленные на социальную реабилитацию указанных лиц, а также определить органы и учреждения, в рамках деятельности которых будет регулироваться данный вопрос. Аналогичное суждение имеет и Л. А. Латышева, которая предлагает «на федеральном уровне принять закон, регламентирующий постпенитенциарную ресоциализацию лиц, освободившихся из исправительных учреждений, в котором предусмотреть следующие основные положения: перечень лиц, которым должна оказываться помощь; основания предоставления помощи; перечень субъектов, оказывающих помощь; порядок, компетенция, формы участия общественных объединений и государственных структур в постпенитенциарной ресоциализации осужденных; открытие реабилитационных центров и служб постпенитенциарной ресоциализации лиц, освободившихся из исправительных учреждений» [4, с. 22].

Данную позицию полностью разделяет П. Н. Гусаров, справедливо утверждая, что «решить проблему социализации и адаптации осужденных с учетом зарубежного и отечественного опыта можно путем принятия Федерального закона «О мерах по социальной поддержке осужденных и лиц, освобожденных из мест лишения свободы» [3, с. 270–273]. И. И. Хван считает актуальным принятие Федерального закона «О постпенитенциарной ресоциализации лиц, освободившихся из исправительных учреждений» [7, с. 300–306], основные положения которого закрепляют перечень лиц, которым должна оказываться помощь; основания ее предоставления; перечень субъектов, оказывающих помощь данной категории граждан; порядок, компетенция, формы участия общественных объединений и государственных структур ресоциализации бывших осужденных; основания для открытия реабилитационных центров.

Кроме законодательных мер решения проблемных вопросов постпенитенциарной ресоциализации и адаптации ученые и практики предлагают следующие меры, которые необходимо провести в организационной, кадровой, структурной, оргштатной, обеспечительной сферах: разработка направлений деятельности уголовно-исполнительной системы, максимально приближенной к международным стандартам, а также развитие международного сотрудниче-

ства для получения и внедрения положительного зарубежного опыта процесса социальной адаптации, создание контролируемой государственной системы осуществления процесса постпенитенциарной ресоциализации лиц, освободившихся из исправительных учреждений; пересмотр организационно-штатной структуры исправительного учреждения и создание социальной службы в исправительном учреждении, в которую бы входили такие подразделения, как отдел социально-педагогической работы с осужденными, психологическая лаборатория и группа социальной защиты осужденных; создание патронажной службы, в функции которой входило бы трудовое, бытовое устройство освободившихся осужденных, обеспечение временного проживания, надзор за ними, координация деятельности иных служб по оказанию помощи в социальной адаптации, разработка на государственном уровне единой Концептуальной программы ресоциализации осужденных и др.

Однако, полностью поддерживая мнение И. В. Апаринной в том, что «функционирование системы профилактики преступности возможно лишь при комплексном нормативно-правовом регулировании» [1, с. 3–13], считаем необходимым согласиться с предложением Р. Н. Халилова [6, с. 10] и внести следующее предложение по устранению правового пробела в действующем УИК РФ: в ст. 9 в качестве одного из основных средств исправления осужденных, предусмотреть меры социальной поддержки и реабилитации. Исходя из этого, мы предлагаем изложить ч. 2 ст. 9 в следующей редакции: «Основными средствами исправления осужденных являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка, общественное воздействие, а также меры по социальной поддержке, ресоциализации и реабилитации осужденных».

Полагаем, что предлагаемое дополнение станет отправной точкой процесса активизации правотворческой деятельности как на федеральном, так и на ведомственном уровнях, позволит провести комплекс структурных и организационно-штатных мер по оптимизации органов и подразделений ФСИН России, будет стимулировать правоприменительную практику органов, исполняющих уголовные наказания, определит вектор развития на координацию деятельности с региональными органами исполнительной власти, общественными, благотворительными, религиозными объединениями и организациями в решении вопросов социальной реабилитации осужденных, скорректирует карательную и исправительную парадигму деятельности уголовно-исполнительной системы в реабилитационную систему, которая будет способствовать ресоциализации и социальной адаптации как осужденных, так и освобожденных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апарина И. В. Административная опека и постпенитенциарный контроль: вопросы правового регулирования // Актуальные вопросы публичного права. – 2013. – № 7(19). – С. 3–13.

2. Блинов И. А. Правовая природа социальной адаптации осужденных // Концепт. – 2017. – Т. 39. – С. 2666–2670.

3. Гусаров П. Н. Ресоциализация и адаптация осужденных: проблемы и перспективы пенитенциарной системы в России // Молодой ученый. – 2018. – № 22(208). – С. 270–273. – URL: <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 25.02.2022).

4. Латышева Л. А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. – Екатеринбург, 2015. – 188 с.

5. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2021 года // Офиц. портал правовой информации. – URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 14.04.2021).

6. Халилов Р. Н. Территориальные органы Федеральной службы исполнения наказаний как субъекты процесса исправления и реабилитации осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2015. – 217 с.

7. Хван И. И. Постпенитенциарный процесс ресоциализации осужденных: проблемы и пути их решения // Бюллетень науки и практики. – 2020. – Т. 6, № 7. – С. 300–306. – URL : <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 25.02.2022).

8. Чигринец Е. А. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: вопросы многоаспектности термина // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2019. – № 4-2. – С. 64–69. – URL: <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 23.02.2022).

УДК 347.91

Петухова Валерия Николаевна,

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

sisi0292@yandex.ru

Проблемы доказывания по гражданским делам о защите прав потребителей при приобретении некачественного товара

В статье сделана попытка исследования проблемы доказывания по гражданским делам о защите прав потребителей при приобретении некачественного товара, обозначены некоторые проблемы действующего законодательства в данном вопросе и предложены возможные пути решения.

Ключевые слова: *потребитель, защита прав, доказывание, гражданское дело, гражданский процесс.*

Petukhova Valeria Nikolaevna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Problems of proof in civil cases of consumer rights protection upon the purchase of low-quality goods

In the article an attempt to research the problems of proving in civil cases of consumer protection when purchasing low-quality goods has been made, some problems of the current legislation in this matter have been marked and possible ways of solving them have been suggested.

Keywords: consumer, protection of rights, proving, civil case, civil proceedings.

Государственная потребительская политика является важным элементом в системе защиты прав граждан. Ключевой задачей государственной политики на данном этапе развития правовой системы является создание максимально действенной системы защиты прав потребителей. Анализируя нормы действующего законодательства в отношении защиты прав потребителей, можно отметить, что они достаточно обширны, но при этом часто нарушаются. Характерной особенностью защиты прав потребителей в России является высокий уровень судебных споров в сравнении с разрешением конфликтов в досудебном порядке. Для зарубежных стран характерна обратная тенденция.

В 2020 году российские суды рассмотрели 290 000 дел в сфере защиты прав потребителей, из них 52 % относились к сфере продажи товаров, оказания бытовых услуг, 32 % – это страховые споры и еще 16 % – споры в финансово-кредитной сфере. По итогам рассмотрения суды удовлетворили 82 % требований потребителей [1].

Право на судебную защиту – одно из основных прав гражданина правового государства. Сложность вопроса доказывания по делам о защите прав потребителей состоит в том, что далеко не все доказательственные презумпции в данном случае закрепляются нормами права. Часть из них выводится путем толкования и относится к категории косвенных. Доказательства, полученные в процессе доказывания по делам о защите прав потребителей с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда [4]. Именно поэтому в процессе доказывания по делам о защите прав потребителей важно знать все особенности доказывания по делам о защите прав потребителей, которое имеет свою специфику в зависимости от категории дел [3].

Доказательствами по гражданскому делу являются сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения должны быть получены в предусмотренном законом порядке. Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда.

Зачастую производитель умышленно допускает нарушения, которые могут расцениваться не только как нарушения гражданско-правового характера, а порой и как проявления уголовно-правовой направленности.

Бремя доказывания причин возникновения недостатков товара, на который продавцом предоставлена гарантия качества, возлагается на продавца. Пока не доказаны причины возникновения недостатков товара, предполагается ответственность за них со стороны продавца, а не покупателя. В связи с этим покупатель не должен нести затраты на ремонт до установления причин возникновения неисправности по его вине [2].

Пути решения указанных проблем видятся в реализации следующих мероприятий:

– необходимо решить проблему затруднительности, а при определенных обстоятельствах и невозможности, проведения экспертизы в установленные статьями 20, 21 и 22 закона РФ «О защите прав потребителей» сроки. На практике часто выявляются случаи задержки проведения экспертизы со стороны продавцов, поэтому рекомендуем увеличить срок проведения экспертизы, закрепленный законодательно, до 45 дней;

– также считаем необходимым решить вопрос об оплате расходов судебной экспертизы продавцом (изготовителем) всегда при уклонении им от проведения процедур, предусмотренных абз. 2–3 п. 5 ст. 18 Закона РФ «О защите прав потребителей».

Предлагаемые изменения будут способствовать изменению тенденции урегулирования споров между потребителем и производителем и смогут улучшить системы доказывания по гражданским делам о защите прав потребителей при приобретении некачественного товара.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вараксин М. Судьи Верховного суда рассказали о потребительских спорах // Интернет-портал Право.ру. – URL: <https://pravo.ru/story/236194/> (дата обращения: 15.04.2022).

2. Коцарь Е. И. Роль экспертизы в делах о защите прав потребителей. Проблемы реализации механизма доказывания // Юридические науки. – URL: <http://novaum.ru/public/p1752> (дата обращения: 15.04.2022).

3. Мочиев Х. И. Некоторые особенности доказывания по делам о защите прав потребителей // Молодой ученый. – 2019. – № 48(286). – URL: <https://moluch.ru/archive/286/64549/> (дата обращения: 15.04.2022).

4. Широбокова А. В. Предмет доказывания в делах о защите прав потребителей // Наука через призму времени. – 2018. – № 10 (19). – С. 114–121.

Подтесова Юлия Александровна,
магистрант, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
Podtesova97@bk.ru

Условия повышения эффективности мировой юстиции в России

Статья посвящена рассмотрению вопросов повышения эффективности мировой юстиции в России. Автор в своей статье пояснил о значимости мировой юстиции и сформулировал предложения по развитию данной системы в Российской Федерации, о том, что важность мировой юстиции в возрастает с каждым годом.

Ключевые слова: мировая юстиция, деятельность судов, суд, судья, система.

Podtesova Yulia Aleksandrovna,
master's student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Conditions for improving the efficiency of justice of the peace in Russia

The article is devoted to the consideration of issues of improving the effectiveness of the justice of the peace in Russia. The author in his article explained the importance of the justice of the peace and formulated proposals for the development of this system in the Russian Federation, that the importance of the justice of the peace is increasing every year.

Keywords: world justice, activity of courts, court, judge, system.

Мировая юстиция является одним из важнейших элементов современной судебной власти, что доказывается множествами исследований и научных статей, таких авторов, как А. Н. Сачков, Т. Н. Михайлова, В. Н. Соклаков, К. Н. Сергунин. Накопившийся опыт теоретического осмысления мировой юстиции, анализ практики в нынешних условиях позволил выйти на более высокий уровень формирования, организации, и развития современной российской мировой юстиции.

На основе анализа научных статей, практических исследований, был сделан вывод о том, что вопросы повышения эффективности мировой юстиции в России находятся в фокусе внимания государства и общественности до сих пор.

Например, К. Н. Сергунин утверждает, что на протяжении последних десяти лет в нашей стране были проведены важнейшие преобразования, связанные с повышением эффективности судебной системы, совершенствованием гарантий независимости судей и оптимизацией структуры судов [3, с. 5].

Стоит отметить, что общество высказывает свою неудовлетворенность в эффективности института судебной власти, поскольку это напрямую позволя-

ет утверждать, что состояние заметно влияет на судебную власть в целом [1, с. 100].

Несомненно, в системе судов общей юрисдикции Российской Федерации особое место занимают мировые судьи. Главный вопрос, по сей день состоит в том, чтобы повысить эффективность работы данных судов. Мировым судам подсудны не менее сложные дела, поскольку порой они затруднительны, так как вытекают из многообразия правовых законов [2, с. 221].

Возможности мировой юстиции используются не полностью, и это позволяет ставить вопрос о дальнейшем развитии мировой юстиции. Некоторые авторы утверждают, что повышение эффективности невозможно без решения проблем материально-технического и ресурсного обеспечения.

С нашей точки зрения, для оптимального развития мировой юстиции необходимо создать условия для работы.

Наши предложения заключаются в том, чтобы расширить совокупность критериев определения количества мировых судей и мировых участков, включающая не только количество населения, но и фактический объем работы мирового судьи, реально выполнимые нормативы нагрузки, а также обеспечить транспортной доступности судебного участка и офиса мирового судьи для населения.

Правовое прогнозирование развития мировой юстиции с социологической точки зрения на право не исключает, а в определенных случаях требует изучения феномена мировой юстиции как объекта управления.

Это позволит снизить риск ошибки при прогнозировании юридической перспективы, связанной с комплексным воздействием организационно-управленческих факторов на причины, вызвавшие возникновение проблем в общественном устройстве мировой юстиции. При этом юридическая форма исследования остается доминантой, определяющей особенности рассмотрения возможных способов и средств разрешения социально-правовых проблем, связанных с мировой юстицией.

Если говорить о повышении эффективности мировой юстиции, нужно говорить о комплексном подходе к решению этой проблемы. Сегодня судебные участки загружены огромным количеством дел, количество дел исчисляется сотнями тысяч. Поэтому для решения вопроса оптимизации необходимы, как законодательные, организационные, так и материально-технические меры.

Таким образом, законодательно можно решить вопрос о выведении некоторых дел из рассматриваемых в судебном порядке. Например, о взыскании неуплаченных налогов.

Также стоит отметить порядок исчисления, уплаты налога. Данные требования определены законом. Расчет налога делает налоговая инспекция. Считаем необходимым предоставить налоговой инспекции право взыскания неуплаченного в срок налога на основании постановления начальника налогового органа. При несогласии с таким решением предоставить гражданину право обжаловать это постановление в судебном порядке. Такая мера существенно снизит количество рассматриваемых дел, расходы на их рассмотрение. Также одной из про-

блем является нагрузка на судью. Для того чтобы снизить нагрузку, то к организационным мерам можно отнести введение должности второго помощника судьи на судебных участках с большей нагрузкой. Таким образом, только весь комплекс мер решит проблему эффективности работы мировых судей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абросимова Е. Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы. – М. : Институт права и публичной политики, 2020. – 160 с.
2. Бурдина Е. В. Судебная власть в системе разделения властей // Актуальные проблемы государственно-правовой науки. Теория и практика административной деятельности органов внутренних дел. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2019. – 248 с.
3. Сергунин К. Н. Развитие кадрового потенциала мировой юстиции в России // Закон и право. – 2021. – № 2. – С. 5–9.

УДК 342.9

Скудаева Анна Александровна,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
annaskudayeva@gmail.com

Административная ответственность за нарушение законодательства, регулирующего деятельность «иностранных агентов» в Российской Федерации

В статье рассматриваются нормы российского административного законодательства, регулирующего деятельность некоммерческих организаций, СМИ и физических лиц, имеющих статус «иностранных агентов». В публикации представлен анализ правового регулирования данных отношений и сложившейся правоприменительной практики, а также предложены рекомендации о корректировке российского законодательства, касающегося деятельности «иностранных агентов».

Ключевые слова: некоммерческие организации, СМИ, иностранный агент, иностранное финансирование, права человека.

Skudayeva Anna Alexandrovna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Administrative liability for violation of the legislation regulating the activities of “foreign agents” in the Russian Federation

The article examines the norms of Russian administrative legislation regulating the activities of non-profit organizations, mass media and individuals with the status of “foreign agents”.

The publication presents an analysis of the legal regulation of these relations and the current law enforcement practice, as well as recommendations for adjusting Russian legislation relating to the activities of “foreign agents”.

Keywords: *nonprofit organizations, mass media, foreign agent, foreign financing, human rights.*

Административная ответственность за нарушение законодательства об «иностранцах» была впервые введена в России в 2012 году – с вступлением в действие Федерального закона от 20.07.2012 № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» [10] (далее – закон об «иностранцах»).

С введением закона «об иноагентах» коррективы коснулись Федерального закона от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», Федерального закона от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – НКО), Кодекса об административных правонарушениях (КоАП) и ряда других нормативно-правовых актов.

Согласно закону об НКО [9], некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, является российская некоммерческая организация, которая получает денежные средства и иное имущество от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, и которая участвует в политической деятельности. При этом занятие политической деятельностью трактуется очень широко.

Первой в стране НКО, получившей статус «иноагента» и связанный с ним крупный денежный штраф, стала костромская организация «Центр поддержки общественных инициатив». Поводом для обвинений стал проведенный НКО «круглый стол» с участием американского дипломата. Организацию этого мероприятия в Костроме власти расценили как пример запрещенной без специальной регистрации «политической деятельности» НКО-«иноагента».

Привлеченные к административной ответственности общественники пытались оспорить присвоенный НКО ограничительный статус и отменить само законодательство об «иноагентах» как посягающее на базовые гражданские права. Однако Конституционный Суд РФ отказал заявителям в удовлетворении жалобы, а саму НКО из-за невозможности выплатить огромный штраф учредителям пришлось закрыть.

В 2017 году законодательство РФ об «иноагентах» было расширено. Наряду с понятиями «НКО-иноагент» в России появились «СМИ-иноагенты», а 2 декабря 2019 года Президент РФ Владимир Путин подписал закон о физических лицах-«иноагентах» [11], который с 16 декабря 2019 года дополнили поправки в КоАП о введении штрафов до 5 млн рублей за нарушение новых норм.

Для СМИ-«иноагентов» законодатели ввели обязанность учреждать юридические лица на территории России и маркировать все материалы предупреждением следующего содержания: «Данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выпол-

няющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента».

Сегодня «физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента, может быть признан гражданин, который осуществляет на территории РФ в интересах другого государства политическую деятельность или целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности РФ, получение которых иностранным источником может быть использовано против безопасности РФ», – сказано в законе [12].

Актуальность исследования проблемы «иноагентов» объясняется тем, что активно расширяемое в РФ законодательство в этой сфере повлекло значительные негативные социальные последствия, сопряженные с появлением дополнительных видов ответственности, в том числе административной, за нарушение новых ограничительных норм.

Под административной ответственностью понимается «ответственность физических и юридических лиц за совершение административного правонарушения; одна из форм юридической ответственности, менее строгая, чем уголовная ответственность» [2].

Согласно части 1 статьи 19.34. КоАП РФ, осуществление деятельности НКО-«иностранного агента», не включенной в реестр подобных НКО, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей; на юридических лиц – от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей. Производство НКО-«иноагентом» медиаконтента без соответствующей маркировки о своем статусе влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения либо без таковой.

С 1 марта 2021 года вступили в силу поправки в КоАП РФ, устанавливающие административную ответственность за нарушение правил маркировки в СМИ информации об «иноагентах». Части 2.1-2.3 статьи 13.15 КоАП РФ предусматривают штрафы от 40 тыс. до 50 тыс. рублей для юридических лиц [8].

Таким образом, в соответствии с нормами, закрепленными в действующем законодательстве, на территории РФ под угрозой наказания недопустимо действие организаций и физлиц-«иноагентов» без соответствующей регистрации в уполномоченных государственных органах, а также распространение любой информационной продукции «иноагентов», в том числе через сеть Интернет, без указания на особый статус источника такой информации.

За нарушение этих требований статьями 19.34. и 19.34.1 КоАП РФ предусмотрены штрафы до пяти миллионов рублей, а при выявлении «злостного» характера нарушений (при повторном нарушении в течение года) возможно привлечение виновных не только к административной, но и к уголовной ответственности. Согласно поправкам к статье 330.1 УК РФ, наиболее строгая санкция за это преступление представляет собой лишение свободы на срок до пяти лет.

Проблема применения законодательства об «иноагентах» в России состоит в том, что введенные административные и уголовные наказания выглядят

крайне суровыми. Практика жестких рестрикций спровоцировала массовое закрытие НКО, разорение СМИ и мощную волну эмиграции из России лиц, не согласных с введением ограничительных норм [1].

Многие граждане РФ, среди которых – журналисты, адвокаты [6], гражданские активисты, – заявляют, что присвоение статуса «иноагентов» оказалось для них не только финансово разорительным, но и ограничило их конституционные права, в том числе гарантированные ст. 29-30 основного закона страны права на свободу слова, выражение мнений и формирование общественных объединений [3].

Сейчас Минюст вносит в список «иноагентов» физических и юридических лиц без предупреждения. Получение такого статуса многие считают дискриминационным, поскольку «иноагентам» запрещено заниматься политической деятельностью, замещать должности государственной и муниципальной службы, номинировать кандидатов в члены общественных наблюдательных комиссий. Под угрозой принудительной ликвидации НКО-«иноагенты» обязаны предварительно согласовывать все свои проекты и мероприятия с Минюстом. «Иноагентам» также предписано ежеквартально сдавать в Минюст отчеты обо всех своих тратах, что вызывает у экспертов серьезные сомнения с точки зрения соответствия ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующей каждому право на неприкосновенность частной жизни. Под неприкосновенностью понимается в том числе «право вести свою жизнь по собственному усмотрению при минимальном постороннем вмешательстве» [5].

Ряд юристов отмечают, что внедрение новых норм закона «об иноагентах» в РФ фактически вводит для граждан запрет на профессию [4].

Присвоение физлицам и организациям статуса «иноагентов» в России носит непрозрачный, а зачастую – произвольный характер, не основанный на законе. Так, якутский правозащитник Степан Петров стал СМИ-«иноагентом» за перевод в 5 тысяч рублей, полученный от гражданки Кыргызстана, которую он, по его словам, даже и не знает.

О высокой опасности произвола также свидетельствует факт включения в реестр СМИ-«иноагентов» в октябре 2021 года издания Republic, которое не имеет иностранного финансирования и существует исключительно за счет читательской подписки. Из разъяснений Минюста следует, что причиной претензий оказалась абсолютно законная деятельность СМИ, а именно – полученные редакцией Republic платежи за подписку от иностранных посольств и корпунктов иностранных изданий. Из заявления редакции следует, что после внесения Republic в реестр СМИ-«иноагентов» организации пришлось полностью отказаться от продаж подписок юридическим лицам, как иностранным, так и российским. После включения в реестр «иноагентов» с катастрофическим осложнением работы и подрывом своей экономической стабильности столкнулось большинство СМИ.

Правозащитники отмечают, что те дела, которые рассматриваются в РФ в отношении «иноагентов», нередко носят полусекретный характер, а при их рассмотрении нарушается основополагающий принцип состязательности сто-

рон. Так, 10 марта 2022 года Замоскворецкий суд Москвы отказался признать незаконным внесение в реестр «иностраннх агентов» бывшего адвоката «Команды 29» Валерии Ветошкиной и «Российской ЛГБТ-Сети». В суде адвокату Ветошкиной Александру Передруку не предоставили письмо прокуратуры с данными Росфинмониторинга о ее «иностраннх» денежных средствах, сославшись на то, что документ носит гриф «для служебного пользования» (ДСП). К материалам дела письмо не приобщили. Справку Росфинмониторинга об «иностранном финансировании» «ЛГБТ-сети» суд также отказался предоставить защите, сославшись на гриф «ДСП».

По данным адвоката Передрука, «иностраннм финансированием» Валерии Ветошкиной Минюст посчитал перевод 16 тысяч рублей от признанного в 2013 году НКО-«иноагентом» Правозащитного центра «Мемориал» в качестве оплаты за оказание услуг проекту «ОВД-Инфо», получившему статус «иноагента» в сентябре 2021 года, а также 5 тысяч рублей возмещения оплаты за поездку на правозащитный семинар в 2021 году. «Политической деятельностью» ведомство назвало посты юриста Ветошкиной в соцсетях и комментарии для признанных «иноагентами» изданий «Радио Свобода», «Север.Реалии», «Крым.Реалии», «Настоящее время», «Медуза», «Голос Америки». «Иностраннм финансированием» «ЛГБТ-Сети» суд признал сбор пожертвований и финансирование от благотворительного фонда «Сфера», объявленного «иноагентом» в 2016 году.

Анализ правоприменительной практики по заявленной проблеме позволяет сделать вывод о том, что массив законодательства об «иностраннх агентах» в РФ нуждается в пересмотре. Он провоцирует нарушение основных прав человека, включая свободу объединений и свободу выражения мнений, право на неприкосновенность частной жизни, право участвовать в управлении делами государства, а также право на защиту от дискриминации.

В ноябре 2021 года с предложением о пересмотре закона об «иноагентах» в Госдуму обратился Совет по правам человека в РФ (СПЧ). Члены СПЧ, в частности, предложили не считать поводом для включения в реестр «иноагентов» международные призы, премии и семинары [7]. Правозащитники также предложили заранее предупреждать физлиц и НКО о том, что их могут внести в реестр «иноагентов», и давать им три месяца для того, чтобы они могли устранить основания для включения в реестр.

С аналогичными предложениями выступили редакции сотен СМИ и более 250 тысяч граждан РФ, подписавших петицию за отмену законодательства об «иноагентах». Таким образом, в стране назрел мощный общественный запрос на существенную либерализацию либо полную отмену действующего законодательства об «иноагентах».

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным пересмотр действующего законодательства об «иноагентах» с целью кратного снижения штрафов для физлиц, СМИ и НКО, а также исключения из законов дискриминационных норм, которые противоречат российскому и международному праву и применяются в данный момент произвольно. Если корректировки указанного

массива репрессивного законодательства не произойдет, можно спрогнозировать дальнейшее расширение негативных последствий в сфере соблюдения прав человека в России и, как следствие, – усиление волны эмиграции журналистов, правозащитников и гражданских активистов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Более 150 журналистов покинули Россию из-за цензуры и блокировок СМИ // Сетевое издание «ОВД-Инфо» от 07.03.2022. – URL: <https://ovd.news/express-news/2022/03/07/bolee-150-zhurnalistov-pokinuli-rossiyu-iz-za-cenzury-i-blokirovok-smi> (дата обращения: 08.03.2022).

2. Большой юридический словарь / А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. – М. : Инфра-М, 2003. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/12800> (дата обращения: 01.04.2022).

3. Конституция Российской Федерации, ст. 29-30 : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (дата обращения: 08.03.2022).

4. Обращение: адвокаты – не иностранные агенты! // Сетевой проект «Инотека» от 01.03.2022. – URL: <https://inoteka.io/ino/articles/2022/03/01/obrashchenie-advokaty-ne-inostrannye-agenty> (дата обращения: 08.03.2022).

5. Постановление ЕСПЧ по делу «Мосли против Соединенного королевства» (жалоба № 48009/08). – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-104712> (дата обращения: 14.03.2022).

6. Признанный иноагентом адвокат Иван Павлов появился в базе розыска полиции // Журнал «Форбс» от 15.11.2021. – URL: <https://www.forbes.ru/society/446053-priznannyj-inoagentom-advokat-ivan-pavlov-roavilsa-v-baze-rozyska-policii> (дата обращения: 08.03.2022).

7. СПЧ предложил Госдуме смягчить закон об иноагентах // «Ведомости» от 16.11. 2021. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/11/16/896105-spch-predlozhit-gosdume-smyagchit-zakon-ob-inoagentah> (дата обращения: 15.03.2022).

8. Статья 13.15 КоАП РФ. Злоупотребление свободой массовой информации. Кодекс об административных правонарушениях РФ. – URL: <https://www.kodap.ru/kommentarii/razdel-2/glava-13/st-13-15-koap-rf> (дата обращения: 11.03.2022).

9. Федеральный закон от 12 января 1996 года N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102039064> (дата обращения: 08.03.2022).

10. Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201207230003> (дата обращения: 01.04.2022).

11. Федеральный закон от 02.12.2019 № 405-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912020045?index=0&rangeSize=1>. (дата обращения: 13.03.2022).

12. Что меняется в законодательстве об иноагентах? // Официальный сайт Государственной Думы РФ, публикация от 23.12.2020. – URL : <http://duma.gov.ru/news/50387/> (дата обращения: 11.03.2022).

УДК 366.5

Солдатова Дарья Андреевна,
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
dariasoldatova10@gmail.com

Проблемы защиты прав потребителей при дистанционной торговле

Интернет-торговля на современном российском рынке остается единственной областью экономики, которая подвержена активным тенденциям изменений даже с учетом осложнений, вызванных периодом пандемии. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с проблемами защиты прав потребителей при дистанционной торговле. Выявляются ключевые проблемы, возникающие при дистанционной покупке потребителями товаров, определяются пути решения выявленных проблем. Автор приходит к выводу о несовершенстве правового регулирования по вопросам темы исследования и указывает на необходимость внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: защита прав, потребитель, дистанционная торговля, Интернет-магазин, электронная сделка, пандемия.

Soldatova Daria Andreevna
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Problems of Consumer Protection in Remote Trading

Online commerce in the modern Russian market remains the only area of the economy that is subject to a trend of change, even taking into account the complications caused by the period of the pandemic. The article is devoted to the consideration of issues related to the problems of consumer protection in remote trading. The problems arising from the remote purchase of goods and services by consumers are identified, and ways to solve the identified problems are determined. The author comes to the conclusion about the imperfection of legal regulation on the issues of the research topic and points out the need to make appropriate changes to the current legislation.

Keywords: protection of rights, consumers, remote trading, online store, electronic transaction, pandemic.

Мировая пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19, распространившая свое действие непосредственно на всех граждан, привела к общему

пересмотру традиционных способов ведения, управления и развития экономических процессов на государственном уровне и в предпринимательских структурах.

Адаптационные антикризисные механизмы оказались неэффективными в условиях неработающих предприятий, когда хозяйственная деятельность предпринимательских структур на государственном уровне была полностью приостановлена сроком на полгода. После снятия ограничительных мер, каждое пятое предприятие малого бизнеса не смогло возобновить работу, а к августу 2020 года в России закрылось более миллиона предприятий [4].

В современных условиях традиционный формат торговли стал замещаться онлайн торговлей. Онлайн торговля или «дистанционная торговля», получила конкурентные преимущества, поскольку физические магазины были закрыты, а онлайн-магазины продолжали функционировать в обычном режиме, еще и с тенденцией нарастающего спроса.

Переход продаж в форму онлайн стали толчком для развития электронной торговли крупных компаний и послужили основой для устойчивой и стабильной торговли малому бизнесу.

В связи с тем, что дистанционная торговля стала иметь приоритетное место в ряду розничной купли-продажи, потребители начали сталкиваться с рядом проблем при осуществлении покупок и продаж. Поэтому с 1 января 2021 года в силу вступили обновленные правила продажи товаров дистанционным способом [2].

Рассмотрим основные проблемы защиты прав потребителей при дистанционной торговле.

Во-первых, это идентификация продавца. При покупке товара в физическом магазине нам точно известны: название магазина, его адрес, по выданному чеку можно определить ИНН, по ИНН найти продавца в ЕГРЮЛ или ЕГРИП. Таким образом, есть возможность идентифицировать продавца и в случае нарушения наших прав предъявить требования в свою защиту в Роспотребнадзор и в суд [8, с. 69].

При дистанционной торговле потребитель только получает товар.

Некоторые магазины, участвующие в торговой системе, не определяют на своем сайте ни юридический адрес, ни ОГРН, ни полное наименование продавца. Ряд магазинов сообщают адрес, однако наименование сайта и продавца, указанного на сайте, и наименование продавца по чеку не совпадают. Продавцом по чеку может являться физическое лицо, не зарегистрированное в установленном законом порядке в качестве индивидуального предпринимателя. Данные обстоятельства вызывают трудности при защите потребителем своих прав. Например, по данным Роспотребнадзора, при продаже парфюмерно-косметических товаров фирм AVON, Mary Kay, ORIFLAME продавцами являлись физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуального предпринимателя, в результате чего при возникновении претензий к качеству товаров потребитель не имел возможности воспользоваться своими правами по законодательству о защите прав потребителей [5, с. 158].

В связи с этим для продавцов, намеревающихся создать свой собственный сайт, предлагается закрепить требование обязательной регистрации и предоставить сведения о юридическом лице, которое будет размещать на сайте свою информацию, а также об информационном посреднике, который регулирует работу самого сайта. Необходимо создать единую официальную открытую базу всех Интернет-магазинов, с указанием их юридических адресов и контактных данных.

Во-вторых, это проблемы, связанные с обработкой и хранением персональных данных.

С 1 сентября 2015 года в России вступило в силу новое положение Федерального закона «О персональных данных», которое обязывает операторов персональных данных обрабатывать и хранить персональные данные россиян с использованием баз данных, размещенных на территории России [1], что вызывает затруднения при покупке товаров у некоторых зарубежных интернет-магазинов.

Отсюда вытекает проблема юрисдикции, т. е. возможности применять национальное законодательство о защите прав потребителей либо отдельные его положения к отношениям, связанным с ведением дистанционной торговли из-за рубежа [3, с. 131].

В качестве решения данной проблемы предлагается систематизировать законодательство в области дистанционной купли-продажи, а именно разработать единые международные правила для всех участников этого процесса.

В-третьих, еще одной проблемой является отсутствие специального закона об электронной торговле (электронной коммерции) (находится на стадии законопроекта). Специфика электронной торговли вызывает необходимость в создании и утверждении основополагающего нормативного правового акта, регулирующего сферу электронных торговых отношений. Закон должен содержать перечень товаров, которые могут реализовываться продавцами в интернет-магазинах и не подлежат возврату, а также должен определять сроки и порядок доставки товаров, с условиями возврата их покупателем в разных случаях.

Ограничение получаемой информации, связанное с ознакомлением покупателя с товаром дистанционно – является существенным фактором нарушения прав покупателя и довольно часто связывается с недобросовестностью продавца.

Путем решения данной проблемы может быть унификация материального законодательства, создание нормативного правового акта, регулирующего дистанционную торговлю с учетом всех федеральных законов Российской Федерации, регулирующих смежные отношения, авторские права и защиту прав потребителей [6, с. 34].

В-четвертых, следует отметить проблему отсутствия типового договора для упрощенного заключения договора купли-продажи дистанционным способом. На данный момент Интернет-магазин вправе сам решать то, какие условия он будет включать в договор, иногда положения такого договора могут прямо противоречить законодательству. На странице Интернет-магазина может отсутствовать такой договор.

В этой связи представляют интерес предложения И. А. Зенина, направленные на совершенствование коммерческих отношений в области дистанционной купли-продажи:

1) обязательное предоставление информации об особенностях электронного договора перед заключением любого электронного договора, в том числе информационными посредниками;

2) законодательное установление минимального перечня сведений, которые должны предоставляться при заключении электронного договора, формы предоставления этих сведений [7, с. 26].

Наконец, предложение о заключении договора купли-продажи дистанционным способом подпадает под действие ст. 437 ГК РФ о публичной оферте, т. е. предложение, которое направляется неопределенному кругу лиц. Публичная оферта, как и договор розничной купли-продажи, обязуют продавца заключать договор с каждым на равных условиях. Проблема заключается в следующем: если покупатель приобретает товар посредством сети Интернет, то его право на равные условия не может быть гарантировано в силу того, что практически невозможно индивидуализировать содержание сайта для каждого отдельно взятого покупателя.

Это выражается в том, что цена товара может изменяться в зависимости от способа входа в сеть Интернет. Например, цена одного и того же товара может быть ниже, если вход на сайт осуществляется через мобильный телефон, а не стационарный компьютер. Данный факт является примером так называемой «ценовой дискриминации».

В связи с тем что договор носит электронный характер к нему сложно применять правила о ничтожности дискриминационных условий договора, так как нет возможности определить, какую цену платят другие покупатели. Следовательно, устранить эту проблему правовыми способами на законодательном уровне не представляется возможным.

Таким образом, на сегодняшний день электронная коммерция является удобным и популярным способом покупки товаров или услуг, но имеет ряд недостатков, которые требуют совершенствования.

Во-первых, необходима систематизация законодательства в сфере дистанционной купли-продажи товаров, это важно для создания единых правил рынка электронной торговли.

Во-вторых, необходимо создать нормативную базу, которая, в свою очередь, расширила бы права потребителей и дала возможность саморегулировать свою деятельность продавцам.

В-третьих, важно закрепить гарантии обычных пользователей социальных сетей, а именно установить ответственность информационных посредников за непредставление подробной информации о товаре, установить минимальный перечень сведений, которые должны предоставляться при заключении электронного договора, закрепить на уровне законодательства требования к созданию коммерческих сайтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Российская газета.– 2006. – № 165.

2. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». – 2021. – № 3. – Ст. 593.

3. Архипов В. В., Килинкарлова Е. В., Мелашенко Н. В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности // Закон. – № 6. – 2014. – С. 120–143.

4. Аудиторско-консалтинговая сеть. Аналитическая служба. – URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2020/zakrylsya-million-predpriyatiy/> (дата обращения: 09.04.2022).

5. Варткинаян О. С. Правовые проблемы заключения и исполнения договоров дистанционной купли-продажи // Молодой ученый. – 2019. – № 12(250). – С. 157–159.

6. Горгодзе Т. Е. Влияние коронавирусной инфекции на развитие электронной торговли // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2020. – № 9(191). С. 34–39.

7. Зенин И. А. Гражданское и торговое право зарубежных стран : учеб. пособие – 2-е изд., перераб. и доп.– М. : Юрайт, 2018. – 247 с.

8. Ордина М. В., Шелепина Е. А. Проблемы защиты прав потребителей при дистанционных способах продажи товаров: Социальные и правовые аспекты // Цивилист. – 2007. – № 2. – С. 68–72.

УДК 343.3

Соловьев Владислав Олегович,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
nexi.vlad@gmail.com

Евстегнеев Алексей Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой,
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

К вопросу о совершенствовании законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за доведение до самоубийства

В статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы, связанные с нормой, предусматривающей ответственность, за доведение до самоубийства, а также проанализиро-

ваны понятия «самоубийство» и «доведение до самоубийства». Авторы предлагают приравнять рассматриваемое деяние по степени и характеру общественной опасности с убийством, в связи с чем, по мнению авторов, эта норма будет иметь большее общепреventивное значение, нежели сейчас.

Ключевые слова: Самоубийство, доведение до самоубийства, ответственность, проблема, убийство, соразмерность, совершенствование.

Solovyov Vladislav Olegovich,
student Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Aleksey Sergeevich,
candidate of legal sciences, associate professor,
head of the department of Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

To the question of improvement of the legislation establishing criminal responsibility for instrument to suicide

The article deals with some problematic issues related to the norm providing for responsibility for bringing to suicide, as well as analyzes the concepts of “suicide” and “bringing to suicide”. The authors propose to equate the act in question in terms of the degree and nature of social danger with murder, and therefore, in the authors' opinion, this norm will have a greater general preventive significance than it does now.

Keywords: Suicide, bringing to suicide, responsibility, problem, murder, proportionality, improvement.

Право человека на жизнь является личным правом и закреплено в Конституции Российской Федерации. Согласно статье 20 Конституции Российской Федерации «Каждый имеет право на жизнь» [1], что говорит о недопустимости произвольного лишения жизни человека.

Согласно конституционным положениям жизнь человека является высшей ценностью, вследствие чего совершенствование правовых основ охраны жизни и здоровья человека всегда имело первоочередный приоритет.

Неотъемлемым элементом в системе мер, направленных на охрану жизни и здоровья человека, являются нормы уголовного права, обеспечивающие такую охрану. В Уголовном кодексе Российской Федерации к числу этих норм относится статья, устанавливающая уголовную ответственность за доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ).

Несмотря на высокую степень общественной опасности и широкий круг проблемных вопросов, связанных с доведением до самоубийства, данная тема изучена недостаточно полно. В частности, отсутствуют какие-либо глобальные исследования по данному вопросу, так же, как и нет разъяснений Пленума Верховного Суда по вопросам применения данной нормы, в связи с чем в практике ее применения нередко возникают определенные сложности.

Анализ законодательной формулировки положений ст. 110 УК РФ позволяет констатировать, в ее диспозиции встречаются такие термины, как «самоубийство» и «доведение до самоубийства», однако отсутствует законодательное данным понятиям. Это обстоятельство, по нашему мнению, обуславливает целесообразность разработки таких определений.

На сегодняшний день существуют различные определения понятию «самоубийство». Например, Всемирная организация здравоохранения, определяет самоубийство, как преднамеренный акт убийства самого себя [2].

Согласно разъяснению, размещенному в энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона «самоубийство – это сознательное или бессознательное прекращение своего существования, совершаемое человеком или посредством действий, направленных на причинение организму смертельных повреждений, или через поставление его в такие физические условия, при которых жизненные отправления организма немедленно или постепенно угасают» [3, с. 233.]. Как нам представляется, данное определение нельзя назвать удачным, так после его прочтения остаются вопросы – что значит «поставление его в такие физические условия, при которых жизненные отправления организма немедленно или постепенно угасают».

М. П. Мелентьева и А. П. Тищенко, рассуждая о самоубийстве дали ему следующее определение: «самоубийство представляет собой противоправный, нравственно порицаемый волевой акт лишения себя жизни» [4, с. 15].

На наш взгляд, ученые не совсем правы относя суицид к противоправному акту, так как самоубийство не запрещено действующим законодательством, следовательно, оно не является противоправным и, естественно, уголовная ответственность за подобное действие не предусмотрена.

Стоит отметить, что почти все авторы схожи во мнении о том, что самоубийство может быть совершено только умышленно, т. е. лицо имеет цель лишить себя жизни. Мы с этим полностью согласны, но стоит отметить, что наличие цели является свидетельством прямого умысла, а потому конструкция косвенного умысла, когда лицо предвидит результат своих действий и относится безразлично к последствиям неприемлема.

Нам представляется сомнительным высказывание Е. К. Волконской о том, что самоубийство совершается только психически здоровым человеком, который осознает характер совершаемых действий и способен при этом руководить своими действиями в полной мере или страдающим психическим расстройством определенного уровня, допускающего не в полной мере осознание фактического характера и общественной значимости своих действий (бездействия), либо руководит ими всегда или только для ухода из жизни [5, с. 127–129].

На наш взгляд, автор не в полной мере права, например, если психически больной человек совершит, действие лишаящие его жизни (например, самоповешение), то это так же будет являться, в определенной мере волевым актом,

и ничем иным, как самоубийством, поскольку именно его «волевые», хотя и не осознанные действия повлекут за собой наступление смерти.

В связи с этим, нам представляется более правильным следующее определение самоубийству: «Самоубийство – это волевое (возможно бессознательное), добровольное действие лица, направленное на лишение себя жизни».

По нашему мнению, данное определение является наиболее точным, поскольку оно включает в себя принадлежность самоубийства к волевым актам и указывает на добровольность действий лица.

В случаях, когда лицо принимает решение о самоубийстве, вопреки своей воле и желанию, под воздействием принуждения с применением различных психических факторов со стороны другого лица, будет иметь место доведение до самоубийства или склонение к совершению самоубийства, в зависимости от факта оказываемого воздействия.

Согласно разъяснениям Большого юридического словаря «Доведение до самоубийства – это преступление против личности, предусмотренное ст. 110 УК РФ, осуществляется путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего» [6].

Несколько иное определение приводят Б. В. Сидоров и В. Г. Михопиркини. По их мнению «доведение до самоубийства – это общественно опасные, виктимогенные, объективно провоцирующие действия виновного, подталкивающие потерпевшего к самоубийству и являющиеся либо умышленным стремлением добиваться того, чтобы потерпевший покончил с собой, либо преступлением, совершенным по неосторожности» [7, с. 94–98].

На наш взгляд, данное определение не совсем верное, поскольку при систематических умышленных действиях, направленных на истязание, унижение человеческого достоинства, побои, а также совершая другие действия, направленные на то, чтобы жертва совершила самоубийство, не может идти и речи о неосторожности.

По нашему мнению, законодательным определением данного понятия можно считать текст диспозиции ч. 1 ст. 110 УК РФ, где указано: «Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего» [8].

Исходя из положений этой нормы, мы полагаем, что доведение до самоубийства – это умышленные действия виновного лица, направленные на доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего.

Одной из проблем, связанных с данной нормой, как нам представляется, является вопрос о соразмерности преступления и наказания.

Несмотря на то, что данное преступление посягает на жизнь человека, а значит обладает повышенной общественной опасностью, наказание за его со-

вершение, по нашему мнению, является достаточно мягким, так как санкция ч. 1 ст. 110 УК РФ предусматривает максимальное наказание – до 2 лет лишения свободы. Исходя из степени и характера общественной опасности рассматриваемого преступления, это наказание нельзя назвать соразмерным, следовательно, и справедливым, поскольку виновный преднамеренно предпринимает все возможное, чтобы другой человек лишил себя жизни.

В связи с этим мы предлагаем приравнять данное деяние, по степени и характеру общественной опасности, к убийству, следовательно, считаем правильным установить наказание соразмерное тому, которое указано в санкции ч. 1 ст. 105 УК РФ, а именно наказывать лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет. Мы полагаем, если законодатель установит такое наказание, то эта норма будет иметь большее общепреventивное значение, нежели она имеет сейчас.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 09.04.2022).

2. Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. – URL: <https://www.who.int/> (дата обращения: 10.04.2022).

3. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. – СПб. 1900. – Т. XXVIII, полутом 56. – С. 233. – URL: <https://runivers.ru/book-reader/book10187/#page/2/mode/1up> (дата обращения: 10.04.2022).

4. Мелентьев М. П., Тищенко А. П. Предупреждение самоубийств среди лиц, осужденных к лишению свободы : учеб.-практ. пособие. – Киев, 1994.

5. Волконская Е. К. К вопросу о личности суицидента // Вестник экономической безопасности. – 2009. – № 3. – С. 127–129.

6. Большой юридический словарь. Ч. 7. – URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/fc/slovar-196-4.htm#zag-1860> (дата обращения: 10.04.2022).

7. Сидоров Б. В., Михопирки В. Г. доведение до самоубийства: социально-правовая оценка, место в системе смежных институтов и уголовно-правовых норм и вопросы совершенствования уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. – 2010. – № 1. – С. 94–98.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (30.12.2021) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс», раздел «Кодексы». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 09.04.2022).

Соловьёва Ангелина Дмитриевна,
студент, Костромской государственной университет
Кострома, Российская Федерация
gelkasol77@mail.ru

Хвалыгина Наталья Лазаревна,
старший преподаватель, Костромской
государственный университет
Кострома, Российская Федерация
natalikos2011@yandex.ru

Проблемы гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации в социальных сетях (Интернет)

В настоящей работе рассматриваются проблемы гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации в социальных сетях (Интернет), которые в последнее время стали очень актуальны, а также пути их решения. Были выделены проблема в трудности применения информации, указанной на интернет страницах без заверения нотариуса, как доказательства; низкие выплаты морального вреда; проблема в том, что часто правонарушающими признаются только те слова и высказывания, которые носят явно оскорбительный смысл, в том числе мат; а также сложности в выявлении ответчика.

***Ключевые слова:** защита чести, достоинства и деловой репутации, социальные сети, интернет, гражданско-правовая защита, возмещение морального вреда, нотариус.*

Solovyova Angelina Dmitrievna,
student Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Khvalygina Natalia Lazarevna,
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Problems of civil protection of honor, dignity and business reputation in social networks (Internet)

This paper examines the problems of civil protection of honor, dignity and business reputation in social networks (Internet), which have recently become very relevant, as well as ways to solve them. The problem was highlighted in the difficulty of using the information indicated on the Internet pages without notarization as evidence, low payments of moral damage, the problem is that often only those words and statements that have a clearly offensive meaning, including a mate, are recognized as offenders, as well as difficulties in identifying the defendant.

Keywords: protection of honor, dignity and business reputation, social networks, Internet, civil protection, compensation for moral damage, notary.

Россия является правовым государством, и ее граждане должны подчиняться действующим в государстве законам, а законы обязаны защищать права и свободу граждан. Данный принцип должен соблюдаться и в цифровом пространстве, в том числе в социальных сетях (Интернет).

Пользователями Интернета в России являются 124 миллиона человек, что составляет 85 % от всего населения страны [11].

Также на 5,1 % с 2020 года стало выше число пользователей социальных сетей, в 2021 году это 99 миллионов человек или 67,8 % населения страны. Также, за последние 5 лет ежедневное время, проводимое в интернете, увеличилось, в среднем, на полчаса: в 2015 году люди ежедневно проводили в сети 6 часов 20 минут, под конец 2020-го эта цифра уже приблизилась к 7 часам.

На основе этих данных можно сделать вывод, что интернет, в частности социальные сети, стали неотъемлемой частью жизни людей, в том числе и в России, а также, что количество пользователей сети Интернет непрерывно растет.

Многие люди пользуются социальными сетями для знакомств, общения, но со временем они стали и средством продвижения, например, бизнеса, своих услуг, личного бренда, а также способом эффективно обзавестись деловыми связями.

Таким образом, социальные сети развиваются и это также может привести к негативным последствиям – интернет становится платформой совершения правонарушений. Кроме таких правонарушений как мошенничество, нарушение авторских прав, которые часто совершаются в интернете, все чаще можно встретить нарушения права на честь, достоинство и деловую репутацию. Оно состоит в распространении порочащих сведений про лицо - утверждения о нарушении действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной деятельности и т. д.

Считаем, что решение проблем защиты чести, достоинства и деловой репутации в социальных сетях является очень важным, так как любой пользователь социальной сети при желании имеет возможность разместить на своей интернет – страничке информацию, которая будет содержать порочащие сведения. И пострадать могут не только известные личности или организации, которые годами выстраивают свою репутацию, но и обычные граждане.

Из-за новизны распространения информации в интернете, отсутствия достаточной судебной практики и некоторых других проблем распространение порочащих сведений остается практически безнаказанной.

На сайте с судебными решениями [10], проанализированы 100 судебных актов по делам о признании сведений порочащими честь, достоинство и деловую репутацию недействительными. В 63 делах сведения были опубликованы

в социальных сетях (в основном в «ВКонтакте») или сети Интернет. Это большая цифра, которая подтверждает актуальность темы.

Проблема гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации в социальных сетях (Интернет) очень обширна и включает в себя несколько других проблем, которые я буду рассматривать:

1) Проблема в трудности применения информации, указанной на интернет-страницах без заверения нотариуса, как доказательства

Согласно обзору практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации [3], «до подачи иска в целях фиксации соответствующей интернет-страницы, как правило, обращаются к нотариусу за удостоверением ее содержания...». Данная информация говорит о том, у истца есть выбор, удостоверить интернет-страницу у нотариуса или нет, но как факт, лица обычно это делают. Но суды расценили удостоверение у нотариуса как обязанность и не принимают не удостоверенные записи, скриншоты интернет-страниц как доказательства нарушения прав истца.

Например, в деле, истец Алиева И. В. утверждает, что ответчик разместил видеоролики с ее изображением, без получения на то ее разрешения, более того данные ролики содержат комментарии порочащего характера. Чтобы подтвердить факт размещения ответчиком таких порочащих сведений, истец предоставила суду скриншоты с интернет-страниц. Однако суд отказал в удовлетворении иска, сославшись на норму обзора, про который уже было сказано, и, заявив, что скриншоты интернет-страниц без указания их адреса не могут иметь доказательственного значения для дела [6].

Решением может быть точное закрепление в нормах обязанности заверения нотариусом скриншотов интернет-страниц, например, в основах законодательства Российской Федерации о нотариате [4], есть глава XIV – удостоверение фактов, в данную главу можно было бы добавить статью – удостоверение факта опубликования информации в сети Интернет.

2) Низкие выплаты морального вреда

По делам о защите чести, достоинства и деловой репутации компенсация морального вреда является низкой – в основном в пределах от 3 до 10 тысяч рублей, даже несмотря на сильные страдания истцов.

Например, истец Болтач Г. Ю. обратилась в суд с иском, в котором указала, что в группе в социальных сетях ответчик Долгова С. Д. выложила фотографию и сведения, порочащие честь и достоинство истца. Из-за переживаний по поводу действий ответчицы у нее обострился артроз коленных суставов, оглохло правое ухо и стало шуметь в левом ухе из-за нарушения мозгового кровообращения. Эти факты не были опровергнуты, но из 500000 (пятьсот тысяч) рублей, которые попросила Болтач Г. Ю., компенсация морального вреда с ответчика была взыскана только в размере 3000 рублей – это примерно в 160 раз меньше первоначальной суммы [7].

Еще несколько примеров.

На сайте «ВКонтакте» канала СМИ были распространены сведения, порочащие честь, достоинство истца – Устиновой Е. А. – было сказано, что она «бандитка», «аферистка», «вымогательница», «обманщица». Данные сведения правдой не являются и из ста тысяч, которые попросила истец, с ответчика взыскали только три (меньше в 30 раз) [9].

Ответчик в сети Интернет распространял об истце сведения не соответствующие действительности – о том, что истец неадекватный, пребывает в состоянии алкогольного опьянения «старый пьющий маразматик», о том, что у истца имеются заболевания и ему необходимо лечиться в наркологии и психиатрии. Данные сведения правдой не являются и порочат честь и достоинство лица. Из ста тысяч, которые попросил истец, с ответчика взыскали только пять (меньше в 20 раз) [8].

Какое-то законодательное решение в данном случае сложно найти, так как каждый случай разный, а размер возмещения морального вреда субъективны процесс. Возможным решением будет изменение судебной практики в данной сфере и, например, установления минимальной суммы – десять тысяч рублей, если будет доказана необходимость возмещения морального вреда.

3) Проблема в том, что часто правонарушающими признаются только те слова и высказывания, которые носят явно оскорбительный смысл, в том числе мат.

Данная проблема относится не ко всем делам, но часто иски оставляют без удовлетворения из-за того, что оценочные суждения, мнения, убеждения не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 ГК РФ [1], если только они не носят оскорбительный характер. Хотя данные оценочные суждения могут выходить за рамки добросовестного пользования правом.

Например, в деле, ответчиком в интернете было выложено большое видеообращение, многие моменты из которого были оспорены. Однако я остановлюсь на двух моментах: в видеообращении используется видеомонтаж и после демонстрации картинки- цитаты из некой неопубликованной статьи, якобы содержащей слова истца – Арбадьева Э. В. о жителях Борского района «В Борском живут странные люди- лживые и халявщики. Все хотят на халяву. И все время что-то требуют» (с) Арбадьев Э. В...», имеется видеовставка со звучащими словами героини известной телевизионной передачи «ну ты и [мат]». Суд признал унижающим честь и достоинство истца только последнюю фразу. Однако, например, присвоение фразы про жителей Борского района тоже распространяет про истца ложные сведения, но ее из видеообращения убирать ответчика не обязали [5].

Решением может также послужить постепенное изменение существующей судебной практики.

4) Сложности в выявлении ответчика

Социальные сети и интернет в целом позволяет создавать аккаунты, где не будет никакой информации о лице, который им пользуется или же информация будет ложной, так называемые «фейковые страницы/аккаунты».

Согласно п. 3 ч. 2 ст.131 ГПК РФ [2] в исковом заявлении необходимо указывать информацию об ответчике, а из-за указанных выше причин сделать это трудно.

В данном случае решение проблемы больше зависит от технических аспектов. Или же можно ввести обязанность использовать при регистрации только свои настоящие данные.

Подведя итоги, можно сказать, что на сегодняшний момент, решить проблемы, связанные с защитой чести, достоинства и деловой репутации в отношении порочащих сведений, распространенных в сети Интернет, сложно. Но это не значит, что это совсем невыполнимо и государство находится на пути к этому.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ред. 25.02.2022) // Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: <http://pravo.gov.ru/>(дата обращения: 01.04.2022).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: <http://pravo.gov.ru/>(дата обращения: 01.04.2022).

3. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 // Сайт Верховного суда Российской Федерации. – URL: <http://www.supscourt.ru/>(дата обращения: 01.04.2022).

4. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» : утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 // Сайт Верховного суда Российской Федерации. – URL: <http://www.supscourt.ru/>(дата обращения: 01.04.2022).

5. Решение Богатовского районного суда Самарской области от 29 июля 2020 г. по делу № В2-2-104/2020.

6. Решение Великолукского городского суда Псковской области от 24 ноября 2020 г. по делу № 2-956/2020.

7. Решение Ефремовского районного суда Тульской области от 27 июля 2020 г. по делу № 2-489/2020.

8. Решение Копейского городского суда Челябинской области от 27 июля 2020 г. по делу № 2-908/2020.

9. Решение Копейского городского суда Челябинской области от 30 июля 2020 г. по делу № 2-948/2020

10. Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/>(дата обращения: 01.04.2022).

11. Digital 2021: главная статистика по России и всему миру. – URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2021-glavnaya-statistika-po-rossii-i-vsemu-miru/> (дата обращения: 01.04.2022).

Тихомиров Артём Валерьевич,
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
artemtihomirov99@mail.ru

Вопросы правового регулирования деятельности общественных советов при органах внутренних дел в Российской Федерации

В данной статье исследуются вопросы нормативно-правового регулирования деятельности общественных советов при органах внутренних дел в Российской Федерации, направленного на обеспечение участия граждан и общественных объединений в целях соблюдения их прав и свобод, осуществление общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел. Рассматриваются цель, задачи и полномочия общественных советов при органах внутренних дел на примере Общественного совета при УМВД России по Костромской области. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования нормативных правовых актов в этой сфере в целях обеспечения соответствия деятельности органов внутренних дел нормам законодательства, соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

Ключевые слова: общественный совет, общественное объединение, общественный контроль, информирование граждан, общественно значимые интересы.

Tikhomirov Artem Valeryevich,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Issues of legal regulation of the activities of public councils under the internal affairs bodies in the Russian Federation

This article examines the issues of regulatory regulation of the activities of public councils under the internal affairs bodies in the Russian Federation, aimed at ensuring the participation of citizens and public associations in order to respect their rights and freedoms, the implementation of public control over the activities of internal affairs bodies. The purpose, tasks and powers of public councils under the internal affairs bodies are considered on the example of the Public Council under the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kostroma region. It is concluded that it is necessary to further improve regulatory legal acts in this area in order to ensure compliance of the activities of internal affairs bodies with the norms of legislation, respect for the rights, freedoms and legitimate interests of citizens and organizations.

Keywords: public council, public association, public control, informing citizens, socially significant interests.

Важным направлением деятельности органов внутренних дел является взаимодействие с институтами гражданского общества по вопросам обеспечения соблюдения норм законодательства, прав и свобод граждан и организаций и в рамках деятельности по принятию нормативных правовых актов.

Так, согласно ч. 7 ст. 9 Федерального закона «О полиции», предусмотрено создание при МВД России и его территориальных органах общественных советов [2]. В ст. 50 закрепляется за гражданами и общественными объединениями осуществление общественного контроля за деятельностью полиции. При этом указывается, что общественными советами, создаваемыми при МВД РФ и его территориальных органах, осуществляется общественный контроль за деятельностью полиции согласно положениям об общественных советах. Цель деятельности Общественного совета в соответствии с ч. 7 ст. 9 данного закона и Положения об Общественном совете при УМВД России по Костромской области состоит в обеспечении согласования общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций, в том числе профессиональных объединений предпринимателей, для решения наиболее важных вопросов деятельности полиции [5]. В качестве путей обеспечения согласования этих интересов законом предусмотрены привлечение граждан и общественных объединений к реализации государственной политики в сфере охраны общественного порядка, обеспечение общественной безопасности и противодействия преступности; участие в разработке и рассмотрении концепций, программ, инициатив общественных объединений и граждан по наиболее актуальным вопросам деятельности полиции; проведение общественной экспертизы проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов по вопросам деятельности полиции; обсуждение вопросов, касающихся деятельности полиции, в средствах массовой информации; осуществление общественного контроля за деятельностью полиции. В основу формирования общественных советов при МВД России и его территориальных органах положен принцип добровольного участия граждан, общественных объединений и организаций в их деятельности. Порядок такого участия установлен Указом Президента Российской Федерации от 23.05.2011 № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах» [4].

В ходе исследования правового регулирования взаимодействия между общественными советами и органами государственной власти была выявлена проблема отсутствия правового регулирования обязанности органов внутренних дел реагировать на рекомендации общественных советов по вопросам взаимодействия с институтами гражданского общества и при принятии нормативных правовых актов. Она заключается, на наш взгляд, в консультативно-совещательном характере функций общественных советов, предусмотренном ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 21.07.2014 №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и в рекомендательном характере их решений в отношении деятельности органов внутренних дел и при принятии ими нормативных правовых актов [3].

Для решения этой проблемы предлагается дополнить статью 13 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» частью 2.1 в следующей редакции:

Органы исполнительной власти Российской Федерации (субъектов Российской Федерации), в том числе правоохранительные органы, дают ответ общественным советам при органах исполнительной власти Российской Федерации (субъекта Российской Федерации) на их решения по вопросам взаимодействия с институтами гражданского общества и при принятии нормативных правовых актов, в котором должны указать, что будут учитывать выводы, изложенные в решении общественных советов при органах исполнительной власти Российской Федерации (субъекта Российской Федерации), а в случае отказа в принятии выводов решения изложить причины непринятия содержащихся в нем замечаний и предложений.

Данное решение проблемы позволит в большей степени учесть мнение общественных советов в отношении деятельности органов внутренних дел, в особенности, при взаимодействии с институтами гражданского общества и при обсуждении и принятии нормативных правовых актов, не даст возможности игнорировать органам внутренних дел по этим вопросам решения общественных советов в целях обеспечения соблюдения норм законодательства, защиты прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, в то же время не позволит оказать излишнего воздействия общественным советам на деятельность органов внутренних дел в нарушение норм законодательства и во вред деятельности по охране общественного порядка и общественной безопасности.

Предлагаемое положение позволит обеспечить более эффективное взаимодействие между общественными советами и органами внутренних дел и контроль за реализацией рекомендаций общественных советов органами органов внутренних дел в целях учета прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. Оно будет способствовать реализации права граждан на участие в управлении делами государства, предусмотренного ст.32 Конституции Российской Федерации [1].

Данная инициатива направлена именно на обеспечение решения вопросов взаимодействия органов внутренних дел и общественных советов, не затрагивая текущую правоохранительную деятельность и непосредственную деятельность по борьбе с преступностью, оставляя свободу действий органам внутренних дел для более эффективного противодействия преступности, и в то же время она способствует защите прав, свобод и законных интересов граждан и организаций и общественных интересов.

Таким образом, на примере нормативных правовых актов, регулирующих деятельность Общественного совета при УМВД России по Костромской области, можно сделать вывод, что существует достаточная нормативно-правовая база для регулирования деятельности общественных советов при органах внутренних дел. При этом есть потенциал для дальнейшего более подробного правового регулирования их деятельности на федеральном и региональном уровне в целях обеспечения соответствия деятельности органов внутренних дел нормам законодательства, соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан

и организаций, и их вовлечения в решение общественно значимых проблем в соответствии с их правами и законными интересами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.04.2022).

2. Федеральный закон от 07.02.2011 №3-ФЗ «О полиции» // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.04.2022).

3. Федеральный закон от 21.07.2014 №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 09.04.2022).

4. Указ Президента Российской Федерации от 23.05.2011 № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах» // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2022).

5. Положение об Общественном совете при Управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Костромской области. – URL: 44.мвд.рф/document/20163281 (дата обращения: 14.04.2022).

УДК 347.962

Тупицына Ольга Владимировна,
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
Tikhomirowa.olenka@yandex.ru

Гарантии осуществления деятельности судей как важнейший элемент правового статуса

Данная статья посвящена исследованию важных гарантий осуществления деятельности судей. Особое внимание уделяется принципам статуса судей.

Ключевые слова: судья, правовой статус судьи, гарантии, принципы.

Tupitsyna Olga Vladimirovna,
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Guarantees of the activity of judges as the most important element of the legal status

This article is devoted to the study of important guarantees of the activity of judges. Special attention is paid to the principles of the status of judges.

Keywords: *judge, judge's legal status, guarantees, principles.*

Судья является центральной фигурой судопроизводства. Именно деятельность судьи олицетворяет деятельность судебной системы в целом. Правовому статусу в законодательстве Российской Федерации уделяется особое внимание. От каждого судьи в отдельности зависит авторитет судебной власти. Так, профессор Т. К. Рябинина в своих трудах пишет, что «вершить правосудие может только тот, кто отвечает т высоким моральным требованиям, предъявляемым к тем, кто наделен правом судить о поступках другого человека» [8, с. 172].

Средствами обеспечения основных принципов статуса судей являются гарантии осуществления деятельности судей, которые регулируются ст. 120–122 Конституции Российской Федерации [1] и Законом «О статусе судей в Российской Федерации» [2]. Анализ данных источников позволит выявить главные особенности гарантий осуществления деятельности судей, которые являются важным элементом правового статуса.

Закрепленные в Конституции Российской Федерации гарантии несменяемости, независимости и неприкосновенности судей стали одним из важных завоеваний в сфере правосудия, без чего невозможно обеспечить осуществление судебных полномочий [4, с. 71]. Гарантиями осуществления деятельности судей является единая, сложная система обеспечения независимости судей, включающая в себя социально-экономические, организационно-технические и другие стороны.

Наиболее важными гарантиями правового статуса судьи являются такие гарантии, как независимость, неприкосновенность, несменяемость, особый порядок назначения на должность, порядок приостановления или прекращения полномочий, гарантии обеспечения социальной защиты судей и другие.

Принцип независимости судебной власти и судей играет огромную роль в наше время, так как только независимый судья может вершить беспристрастное, объективное и справедливое правосудие. Так, профессор А. Д. Попова считает, что «независимость судей необходима в обществе ровно настолько, насколько это требует конституционная компетенция судов и задачи ее эффективной реализации» [6, с. 97]. Данный принцип излагается в статье 120 Конституции Российской Федерации: «Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону».

Независимость судей можно рассмотреть с двух сторон: объективной (внешней) и субъективной (внутренней). Объективная сторона предполагает законодательный запрет на вмешательство в профессиональную деятельность судьи. Также, судьям нельзя занимать должность в государственных и общественных структурах, принадлежать к политическим партиям либо движениям.

Ничто не должно влиять на субъективно независимую внутреннюю позицию судьи.

К субъективной стороне независимости судьи относятся высокие моральные качества, принципиальность, профессиональная компетентность. Данные качества определяют внутреннюю независимость судьи, что помогает ему вершить справедливое и беспристрастное правосудие.

Следующая немаловажная гарантия правового статуса судей – их неприкосновенность. Ученые В. А. Ржевский и Н. М. Чепурнова считают, что принципы независимости и неприкосновенности взаимосвязаны, поскольку, во-первых, составляют единый комплекс нормативных установок, определяющих статус судей; во-вторых, обеспечивают осуществление всего правосудия; в-третьих, вытекают из более общего конституционного положения о самостоятельности судебной власти [7, с. 146].

Актуальность проблемы неприкосновенности судей на сегодняшний день велика, так как судья может использовать неприкосновенность в своих личных целях, что приведет к беспорядку и нарушению прав и свобод граждан. В дискуссии данного вопроса ученые разделились на два лагеря. К сторонникам первого подхода относятся такие ученые, как М. И. Клеандров, И. Л. Петрухин, В. А. Терехин. Они считают, что неприкосновенность предусматривает высокую ответственность судей за выполнение ими своих должностных обязанностей и необходима для осуществления правосудия в демократическом обществе.

Ученые-правоведы Д. Н. Козак, Ю. И. Стецовский, А. Д. Бойков имеют противоположную точку зрения. Они считают, что такая правовая гарантия приводит к безответственности и безнаказанности, что нарушается принцип равенства всех перед законом и судом.

Согласно статье 16 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» неприкосновенность судьи включает в себя неприкосновенность его личности, жилых и служебных помещений, используемых им личных служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, а также тайну переписки и иной корреспонденции.

Судья не может быть привлечен к уголовной ответственности иначе как в порядке, определенном федеральным законом.

Итак, судейская неприкосновенность является не личной привилегией, а средством защиты публичных интересов, и прежде всего – интересов правосудия.

Еще один принцип, обеспечивающий статус судей – принцип несменяемости, который закрепляется статьей 121 Конституции Российской Федерации. За судьей сохраняется занимаемая им должность до достижения им предельного возраста. Но одним возрастным критерием принцип несменяемости не ограничивается. Судью нельзя перевести в другой суд или на другую должность без его согласия.

Отношение ученых к вопросу несменяемости судей было и остается неоднозначным. Сторонники одного подхода считают принцип несменяемости целесообразным, другие же полагают, что он негативно влияет на эффектив-

ность работы всей судебной системы. Так, С. А. Авакьян утверждает: «критерий несменяемости и иммунитета судей в условиях, когда отнюдь не в порядке исключения встречаются такие проявления судейского поведения, как высокомерие, черствость, циничное отношение как к закону, так и к гражданину может играть роль, полярную той, которая предусматривалась» [3, с. 97].

Противники принципа несменяемости считают, что, если на должность судьи будет назначен недостойный кандидат, то данную ошибку невозможно будет исправить. В связи с этим необходимо разработать алгоритм прекращения судейских полномочий из-за явной профессиональной непригодности, а также уделять особое внимание отбору кандидатов на должность судьи.

Система отбора и назначения на должность является важной гарантией осуществления деятельности судей, поэтому требует должного внимания. Данная гарантия позволяет осуществлять правосудие на высоком квалифицированном уровне. На должность судьи необходимо назначать высококвалифицированных юристов с безупречными моральными качествами, имеющими опыт в профессиональной деятельности.

Процедура отбора кандидатов на должность судьи закреплена в статье 5 Закона «О статусе судей в Российской Федерации». Отбор осуществляется на конкурсной основе. Любой гражданин Российской Федерации, достигший возраста 25 лет, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы в области юриспруденции не менее 5 лет, имеет право быть допущенным к сдаче квалификационного экзамена. После успешной сдачи экзамена кандидат в праве обратиться в квалификационную коллегия судей с заявлением о рекомендации его на вакантную должность судьи.

В наше время система отбора кандидатов приобретает все большую актуальность, так как именно от профессионализма, компетенции и квалификации зависит качество правосудия.

По мнению ученого Р. С. Палагина «требуется радикальное изменение самой системы отбора на должность судей, где профессиональная переподготовка должна предшествовать назначению на должность» [5, с. 153].

Мы тоже считаем, что судья должен пройти профессиональную переподготовку с целью получения практического опыта и навыков, углубить свои юридические знания, перед тем как впервые вступить в должность.

Еще одной важной гарантией осуществления деятельности судей является установленный законом порядок приостановления и прекращения полномочий судьи. Он является значимым элементом системы сдержек и противовесов, так как не позволяет никому произвольно влиять на срок полномочий судьи. И с другой стороны, является эффективной мерой превентивного характера, стимулирующей судью соблюдать установленные законом ограничения и запреты.

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что гарантии осуществления деятельности судей являются важнейшим элементом правового статуса. Главной гарантией выступает принцип независимости, который в комплексе с принципами несменяемости и неприкосновенности обеспечивает эффективность, объективность и беспристрастность правосудия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.04.2022).
2. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 05.04.2021) «О статусе судей в Российской Федерации»// Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.
3. Авакьян С. А. Судебная власть: некоторые мысли конституционалиста // Вестник Амурского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. – 2013. – № 60. – С. 96–98.
4. Ильясов Н. Не в судьях суть // Отечественные записки. – 2003. – № 2. – С. 70–74.
5. Палагин Р. С. Система отбора и назначения на должность судей как гарантия их независимости // Вестник Воронежского государственного университета. – 2011. – № 1(10). – С. 149–153.
6. Попова А. Д. Формирование правового статуса: история и современность // Журнал российского права. – 2007. – № 9.
7. Конституционное право : энциклопедический словарь / отв. ред. С. А. Авакьян. – М. : НОРМА, 2001. – 378 с.
8. Ржевский В. А., Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. – М. : Юристъ. 1998. – 214 с.
9. Рябинина Т. К. О содержании и проблемах реализации принципа независимости судей: нравственный аспект // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 4. – С. 172–178.

УДК 34

Ушаков Сергей Дмитриевич,

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

s.usakov01@mail.ru

Разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами

В статье рассматриваются конституционные модели разграничения полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами. Особое внимание уделяется поправкам к Конституции РФ 2020 года с целью дальнейшего прогнозирования данного вопроса. Затрагивается проблема последующего развития отношений между Российской Федерацией и ее субъектами: будет ли движение в сторону централизации власти или же в сторону расширения полномочий субъектов РФ.

Ключевые слова: Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, Конституция РФ, разграничение полномочий, предметы ведения.

Ushakov Sergey Dmitrievich,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Determination of powers and scope between the Russian Federation and its subjects

The article discusses the constitutional models of the division of powers between the Russian Federation and its subjects. Particular attention is paid to the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 in order to further predict this issue. The problem of further development of relations between the Russian Federation and its subjects is touched upon: will there be a movement towards the centralization of power or an expansion of the powers of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: Russian Federation, subjects of the Russian Federation, the Constitution of the Russian Federation, delimitation of powers, subjects of jurisdiction.

Федерализм, как форма территориального устройства государства, уникален. По своей сущности он отражает тип взаимоотношений между различными территориальными уровнями организации всех ветвей власти. Федерациями обычно обозначают государства, имеющие многоуровневое строение территориальной организации политической, экономической, социальной и правовой систем.

Во всех странах сложилось собственное понимание федерализма в связи с определенной правовой федералистской традицией. Практика показывает пластичность федерализма и трудность объединения всех имеющихся разработок федерализма в одну теорию. В итоге федерализм исходит из того, что территориальное распределение власти предпочтительнее ее централизации. В этом контексте различные виды многоуровневого государственного управления могут представлять собой определенную модель федерализма.

Изучение федерализма – это, прежде всего, изучение самой идеи федерализма, которая находит последовательность в процессе его эволюции, а не просто в единой теории или концепции. На каждом этапе развития государства федерализм приспособливается и вынужден адаптироваться к той среде, в которой ему приходится существовать в силу разных причин. Более того, в процессе развития некоторые из его принципов настолько видоизменяются, что превращаются в своего рода дань конституционным преобразованиям, а не сохраняются как базовая ценность федерализма.

Многие могут увидеть здесь угрозу для федерализма, поскольку в результате всех трансформаций он может потерять основной дух. «Однако если главная идея федерализма – уравновесить единство и разнообразие, установить их баланс – сохраняется, то сохраняется и суть федеративной формы государственного устройства» [1].

Основные принципы федеративного устройства Российской Федерации заложены в ст. 5 и главе 3 Конституции РФ [3]. Согласно этим принципам органы власти субъектов РФ на законодательном уровне не соподчиняются друг другу, каждый субъект РФ обладает равными полномочиями, вытекающими из Конституции РФ, в том числе во взаимоотношениях с федеральными органами. При этом все субъекты Российской Федерации находятся на единой правовой платформе, но имеют возможность учитывать свои особенности по отдельным вопросам. К сожалению, последнее поле неуклонно сужается, и в этом, безусловно, видится риск федерализму, так как именно это приводит к нарушению баланса общего и особенного.

Реконструкция устройства федерализма в Российской Федерации осуществляется в разных формах, но, прежде всего, она связана с конституционными изменениями, хотя корректировки в федеративные отношения вносятся и обычными законами. Конституционные поправки 2020 года наиболее широко затронули главу 3 Конституции РФ [3], которая напрямую касается федеративного устройства. Однако многие из конституционных принципов настолько значимы, что существенно расширяют наши представления и о первой главе, затрагивая основы конституционного строя России.

Разграничение предметов ведения и полномочий не может быть полным. Есть предметы ведения и полномочия, которые подлежат разграничению, однако некоторые из них разграничению не поддаются. При определенных обстоятельствах законодатель вправе отказаться от разграничения предметов ведения и полномочий, если посчитает это целесообразным. О существовании «не разграниченной» сферы свидетельствует, в частности, институт совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, который выражен в ст. 72 Конституции РФ.

В рамках поправок к Конституции РФ 2020 года подвергся изменениям целый ряд областей, составляющих предмет конституционно-правового регулирования, включая ст. 71 и 72 [3] устанавливающие критерии разграничения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами. На первый взгляд, их изменения, особенно в сравнении с другими блоками конституционных поправок (например, касающихся статуса и полномочий федеральных органов государственной власти), не столь объемные. «Немногословным был в их оценке и Конституционный Суд РФ, указав лишь на соответствие данных изменений принципу федерализма и критериям разграничения предметов ведения между Федерацией и ее субъектами» [2].

Тем не менее, коррективы, внесенные в ст. 71 и 72 Конституции РФ [3], уже привели к преобразованию конституционных моделей регулирования соответствующих правоотношений, а в ближайшей перспективе, несомненно, окажут влияние на законодательное закрепление и правоприменительную практику. В частности, изложение п. «г» ст. 71 Конституции РФ [3] в новой редакции, включающей норму об организации публичной власти, затронуло и часть избирательного права, централизовав ряд полномочий и урезав их у субъектов Российской Федерации.

Поводя итог вышесказанному, мы можем говорить о том, что после формирования ряда статей Конституции РФ, касающихся федеративного устройства Российской Федерации, первоначальные принципы федерализма, такие как установление баланса между различными уровнями государственной власти и эффективное управление всеми территориальными единицами государства – сохранились, даже не смотря на то, что наблюдаются явные тенденции к централизации аппарата власти. Также необходимо подчеркнуть важность сохранения принципов федерализма, поскольку наиболее эффективную модель управления для страны с таким количеством разно-форматных и исторически неделимых субъектов, как Российская Федерация, сложно представить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арановский К. В. Разделение властей как условие конституционной демократии // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 6. – С 16–22.
2. Астафичев П. А. Муниципальное право России : учеб. пособие. – 2-е изд. – М. : РИОР, 2018.
3. Авакьян С. А. Конституционно-правовые проблемы централизма, демократии и децентрализации в современном государстве // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 8. – С. 2–6.

УДК 343.3

Хамзин Радик Харисович,

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
radik.khamzin@inbox.ru

Ганжа Наталья Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация,
nat_ganzha@mail.ru

Кузьмина Наталья Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
kuzmina.nat@yandex.ru

Особенности назначения наказания несовершеннолетним

В статье рассмотрены проблемные вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних, а именно назначение наказания несовершеннолетних и предлагаются возможные пути решения.

Ключевые слова: назначение наказания, несовершеннолетние, уголовная ответственность, преступление, наказание.

Khamzin Radik Kharisovich,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna,
candidate of legal sciences, associate professor,
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Kuzmina Natalia Vladimirovna,
candidate of legal sciences, associate professor,
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Features of sentencing minors

The article deals with problematic issues of juvenile criminal responsibility, namely the imposition of punishment of minors and suggests possible solutions.

Keywords: sentencing, minors, criminal liability, crime, punishment.

Проблема, связанная с преступностью несовершеннолетних, стоит особенно остро – это связано с недостатками в воспитании, с негативными социальными процессами, а также с несовершенством системы предупреждения преступности.

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, осуждено несовершеннолетних за 2019 год – 11 512 человека, за 2020 год – 10 328 человека, за 6 месяцев 2021 года – 5102 человека [1].

До 18 века в России положение несовершеннолетних в уголовном праве никак не выделялось, они несли наказание наравне со взрослыми, что подразумевало под собой отсутствие специальных правил защиты детей при отправлении правосудия и отбывания ими наказания.

В дальнейшем, с каждым принятым нормативно-правовым актом в отношении несовершеннолетних учитывается все больше нюансов, связанных с особенностью личности несовершеннолетнего правонарушителя, тем самым увеличивая число мер, невозможных для применения их к подросткам [2].

В настоящее время уголовное право стало более гуманным по отношению к несовершеннолетним. В новом УК [3] впервые раскрыто понятие «несовершеннолетний», а уголовная ответственность несовершеннолетних выделена в отдельный раздел. Законодатель закрепил специальные нормы об ответственности несовершеннолетних, так как к указанной категории лиц нельзя предъявлять требования, равные требованиям, предъявляемым к совершеннолетним [4].

Цели наказания определены в части 2 ст. 43 УК РФ которая указывает, что «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений»

Стоит согласиться с мнением некоторых ученых, которые считают, что «исключение цели наказания - перевоспитания осужденных, особенно несовершеннолетних, представляется не совсем правильным» [5].

Несовершеннолетние более восприимчивы к воспитательному воздействию, нежели взрослые. Несовершеннолетний, попав в сферу уголовно-правового и исправительного воздействия, не просто исправляется, а воспитывается в широком понимании этого слова [6].

Таким образом, предлагаем включить в часть 2 статьи 43 УК РФ «Понятие и цели наказания» в качестве цели наказания – перевоспитание несовершеннолетних.

Общие начала наказания регламентированы ст. 60 УК РФ, а ст. 89 УК РФ, определяет общие начала назначения наказания, которые необходимо применять к лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте.

Основным принципам назначения наказания можно назвать – законность назначения наказания, гуманность, принцип дифференциации, принцип индивидуализации наказания.

Несовершеннолетним назначаются только шесть: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок.

Несовершеннолетний возраст как смягчающее обстоятельство, должен учитываться в совокупности с другими обстоятельствами, как со смягчающими, так и с отягчающими.

Ученые неоднократно указывали, что лишение свободы – наиболее суровая форма, и при выборе уголовного наказания несовершеннолетнему она должна носить исключительный характер и применяться только как крайняя мера [7].

Так, Шарьинский районный суд (Костромская область) вынес приговор № 1-40/2015 от 2 июня 2015 г. по делу № 1-40/2015 в отношении несовершеннолетнего Новоселова В.А.

В мотивировочной части суд установил, что «принимая во внимание характер совершенных преступлений против собственности и отрицательную характеристику подсудимого, суд считает, что исправление и перевоспитание подсудимого невозможно без изоляции их от общества, в связи с чем, суд считает необходимым назначить подсудимому за совершенное ими преступление наказание в виде лишения свободы.

Однако, при решении вопроса о реальном отбытии наказания подсудимыми, суд учитывает, возраст, наличие постоянного места жительства, учебы, работы, заверения о недопущении совершения преступлений в будущем.

В связи с чем, суд находит, что исправление и перевоспитание подсудимого возможно без изоляции его от общества, без реального отбывания наказания, с применением правил ст.73 УК РФ, то есть условно» [8].

Перечень видов наказаний, назначаемых несовершеннолетним, имеет недостаточно альтернатив лишению свободы, таким образом, положения УК РФ, касающиеся несовершеннолетних, нуждаются в серьезной доработке.

Также в доработке нуждаются положения об отдельных видах наказания, таких как штраф. Он хоть и используется не часто, так за 6 месяцев 2021 года он применялся в 547 случаях, тогда как осуждено несовершеннолетних – 5102 человека [1], вопрос эффективности данного наказания в отношении несовершеннолетних остается под вопросом.

Согласно статье 88 УК РФ штраф назначается как при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, так и при отсутствии таковых.

На практике возможность взыскания штрафа с родителей несовершеннолетнего осужденного может привести к нарушению принципа личной ответственности за содеянное.

Также присутствие данной нормы позволяет нарушить принцип равенства перед законом. Ведь при других равных условиях несовершеннолетние, из семей, где родители не дали своего согласия на взыскивание штрафа или не имеют возможности, будут приговариваться к более строгому виду наказания.

В связи с этим предлагаем исключить из ст. 88 УК РФ формулировку «может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия».

Таким образом, в российском уголовном законодательстве хоть и закреплены специальные нормы об ответственности несовершеннолетних, в то же время они требуют корректировки, в целях минимизации карательного воздействия на несовершеннолетнего, при отсутствии нарушений принципов уголовного судопроизводства, таких как принцип личной ответственности и равенство перед законом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сводные данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о состоянии судимости в России за 2019, 2020, 6 месяцев 2021 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.04.2022).

2. Нечаева Е. В., Алексеева Т. Г. История развития уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних в России // Вестник РУК. – 2019. – № 4(38). – С. 135. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-ugolovnogogo-zakonodatelstva-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-v-rossii> (дата обращения: 01.04.2022).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.04.2022).

4. Арямов А. А., Басова Т. Б., Благов Е. В. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник. – М. : НИЦ ИНФРА-М, 2017. – 704 с.

5. Петрова О. Н. Назначение уголовного наказания несовершеннолетним : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Краснодар, 2004. – С. 56.

6. Хачатрян Т. В. Цели уголовного наказания несовершеннолетних: проблемы определения и перспективы развития // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 12. – С. 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-ugolovnogo-nakazaniya-nesovershennoletnih-problemy-opredeleniya-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 01.04.2022).

7. Астемиров З. А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. – М. : Изд-во ВШ МВД СССР, 1970. – С. 125.

8. Решение Шарьинского районного суда (Костромская область) № 1-40/2015 от 2 июня 2015 г. по делу № 1-40/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/31vF0u5FlZg9/> (дата обращения: 01.04.2022).

УДК 347

Шигарев Илья Николаевич,

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

SHIGAREV2209@mail.ru

Проблемы защиты прав потребителей при заключении договора розничной купли-продажи, осуществляемой дистанционным способом при использовании сети Интернет

В статье анализируются отдельные нарушения прав потребителей, возникающие при дистанционной купле-продаже посредством использования сети Интернет. Рассматривает вопрос идентификации продавца интернет – магазина, в случае если товар оказался некачественным, также вопрос сложности процесса доказывания связи между сайтом и продавцом товара. Предлагается для решения проблемы расширить перечень обязательных требований для идентификации продавца в сети Интернет.

Ключевые слова: права потребителей, дистанционная купля-продажа, идентификация продавца, обязанности продавца, ненадлежащее исполнение обязательства.

Shigarev Ilya Nikolaevich,

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Problems of consumer rights protection at the conclusion of a retail sale contract carried out remotely when using the Internet

The article analyzes individual violations of consumer rights that occur during remote purchase and sale by means of using the Internet. Considers the issue of identifying the seller of the online store, if the goods turned out to be of poor quality, also the issue of the complexity of the

process of proving the connection between the site and the seller of the goods. It is proposed to expand the list of mandatory requirements for the identification of the seller on the Internet to solve the problem.

Keywords: *consumer rights, remote purchase and sale, identification of the seller, obligations of the seller, improper performance of obligations.*

В современном мире ни для кого уже не в новинку осуществление покупок при использовании сети Интернет. Особым толчком для популяризации этого способа осуществления стал коронавирус. За 2021 год объем рынка e-commerce в РФ по итогам года составил 3,478 трлн рублей по сравнению с 3,121 трлн рублей в 2020 году. Также за последние полтора года количество лиц, которые в течение года совершили хотя бы одну онлайн-покупку, выросло на 20 млн и составило 60 млн на конец 2021 года [6].

Однако в контексте защиты прав потребителей при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства продавцом по данному договору одной из важных проблем являются вопросы идентификации продавца, безопасности сделок и добросовестности контрагента, обеспечения реализации информационных прав потребителей [3].

Проблема идентификации субъектов сделки по средством сети Интернет связана с тем, что совершенно разные лица могут взаимодействовать с субъектами отношений используя одну и ту же учетную запись. Электронный адрес, указанный на сайте продавца, не всегда может решить проблему идентификации в связи с тем что он не привязан к определенному лицу, использование электронной цифровой подписи также не разрешает указанную проблему в полной мере [4].

В силу технических особенностей сети Интернет, осуществить эффективное регулирование дистанционных отношений, направленное на охрану и защиту прав их участников, вызывает определенные затруднения. Одновременно обозначенная проблема идентификации субъектов влечет за собой возможность нарушения прав потребителей со стороны недобросовестных продавцов, которые используют данную техническую особенность сети Интернет, и трудности защиты нарушенных прав. Сложность в данном вопросе появляется в процессе доказывании связи между сайтом и продавцом, при нелегальной деятельности продавца, получении потребителем поддельного чека. В качестве установки личности продавца в суде может быть заявлено ходатайство о направлении судебного запроса в телекоммуникационную компанию, предоставившую продавцу номер телефона, который указан на сайте интернет-магазина. Между тем, даже в этом случае отсутствуют гарантии того, что таким способом будет идентифицирован продавец, и будет осуществлена эффективная судебная защита нарушенных прав в силу отсутствия сведений об ответчике [5].

Особенностью дистанционного способа продажи товаров в сравнении с привычными способами является невозможность личного ознакомления потребителя с товаром до момента его получения, принятие решения о заключении сделки принимается лишь после ознакомления с товаром при помощи коммуникативных средств [8]. Именно поэтому при заключении договора купли-

продажи, осуществляемого дистанционным способом при использовании сети Интернет решающее значение имеют информационные права потребителя, такие как возможность потребителя требовать от продавца предоставления необходимой и достоверной информации о продавце и реализуемых им товарах [2].

При рассмотрении проблемы идентификации продавца для целей защиты нарушенного права в судебном порядке возникнет логический вопрос о лице, который будет выступать надлежащим ответчиком в суде, при условии, если на сайте, через который потребителем осуществлен заказ товара содержатся данные об одном лице, а в момент доставки товара предоставляются документы (один из основных – товарная накладная), из которых следует, что продавец совершенно иное лицо. Возможно ли предъявление имущественных и неимущественных требований в случае обнаружения недостатков товара в том числе к лицу, о котором есть сведения на сайте осуществления заказа. На данный момент законодательного это не урегулировано, но есть позиция Московского городского суда, которая говорит? что в таком случае это лицо будет ненадлежащим ответчиком если имеются определенные условия, доказывающие его непричастность к ведению торговой деятельности в сети Интернет, через который был осуществлен заказ [7], либо же есть сведения об этом лице на сайте интернет-магазина, но нет сведений в товарной накладной.

Данная позиция создает условия для действий недобросовестного продавца, а также в связи с этим появляется правовая неопределенность. Тогда здесь имеет место ситуация, когда представители юридического лица, которое указано в товарной накладной в качестве продавца в заседание суда не являются, а судебное извещение, направленное такому лицу, возвращается за истечением срока хранения можно предположить, что данное лицо, вероятно, не находится по юридическому адресу, и исполнить решение в части удовлетворенных к нему истцом требований будет затруднительно. Представляется, что в подобной ситуации отрицание причастности к договору лица, о котором содержатся сведения на сайте, посредством которого осуществлен заказ товара не в достаточной мере согласовывается с целью защиты прав потребителей, как экономически более слабой стороны: в момент осуществления выбора товара необходимо иметь представление о контрагенте. Кроме того, в судебной практике сформировался подход о том, что из анализа положений п. 18 и п. 20 Правил продажи товаров дистанционным способом, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 27.09.2007 № 612, вытекает, что в случае с договором розничной купли-продажи, осуществляемой дистанционным способом такой договор считается заключенным с того момента, как продавец, направивший оферту получил сообщение от покупателя о намерении приобрести товар, с этим моментом связывается, в частности, возникновение обязанности передать товар и другие.

Из всего выше сказанного, возникает проблема с предоставлением данных продавцу потребителю для защиты его прав в сфере электронной торговли, в том числе в части расширения состава информации о продавце и о товарах, ее размещения на сайтах в сети Интернет, мобильных приложениях продавца.

В настоящее время действующее законодательство прямо не предусматривает такой способ исполнения информационных обязанностей продавца при осуществлении продажи товаров дистанционным способом в сети Интернет, как размещение на своем сайте (мобильном приложении) достоверных сведений о продавце и товаре в качестве обязательного.

В связи с этим, предлагается, законодательно внести изменение в п. 2 ст. 26.1 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [1] следующее уточнение:

«...об адресе (месте нахождения) продавца, закрепить обязательное размещение на сайте продавца (в мобильном приложении) информации о продавце, включающую предоставление сведения из Единого государственного реестра юридических лиц и Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей».

Данное требование в дальнейшем способствовало бы в определенной степени разрешению проблемы идентификации продавца в сети Интернет, укреплению защиты прав потребителей. Целесообразно, чтобы сведения о сайте лица, осуществляющего розничную продажу товаров в сети Интернет (адрес интернет-сайта) представляли собой открытую информацию и содержались в публичных реестрах: ЕГРЮЛ и ЕГРИП, были доступны потребителю путем ознакомления с выпиской из соответствующего реестра.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Сложности осуществления и защиты прав потребителей в отношениях купли-продажи, осуществляемой дистанционным способом в сети Интернет, вытекают из проблем с идентификацией в сети Интернет, нарушения информационных прав потребителей, что в дальнейшем способствует неисполнению или ненадлежащему исполнению обязательства по передаче товара продавцом и вытекающих из этого нарушений. Способствовать повышению гарантий безопасности подобных сделок поможет законодательное закрепление обязанности раскрывать на сайте продавца информацию о данном лице из ЕГРЮЛ и ЕГРИП.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

2. Постановлением Правительства Российской Федерации от 27.09.2007 № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 13.04.2022).

3. Салтыкова И. В. Актуальные проблемы правового регулирования дистанционной торговли // Молодой ученый. – 2021. – № 3(345). – С. 215–218. – URL: <https://moluch.ru/archive/345/77737> (дата обращения: 13.04.2022).

4. Красуля Е. В. Правовой статус интернет-магазин // Наука и современность. – 2017. – № 2(12). – С. 71–82.

5. Здоровина Н. В., Нестерова Т. И. Договор купли-продажи посредством сети Интернет // Право и практика. Научные труды института Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина в Кирове. – 2015. – № 1(14). – С. 73–76.

6. Интернет-ресурс Ассоциаций компаний интернет-торговли (АКИТ). – URL : <https://akit.ru/> (дата обращения: 13.04.2022).

7. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.07.2018 по делу № 33-31790/2018 // Картотека арбитражных дел. – URL: <http://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 13.04.2022).

8. Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 24.04.2018 по делу № 33-3542/2018) // Картотека арбитражных дел. – URL: <http://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 13.04.2022).

Научное издание

**«ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»**

Сборник трудов
Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции

22–23 апреля 2022 года, г. Кострома

С о с т а в и т е л и :

Н. В. Ганжа, Д. Н. Лукоянов, А. С. Евстегнеев,
И. Н. Мельников, О. В. Плюснина, А. В. Сироткин,
Н. В. Кузьмина, И. В. Орловская

О т в е т с т в е н н ы е р е д а к т о р ы :

В. В. Груздев, Г. Г. Бриль

16+

Текстовое электронное издание на компакт-диске

Верстка О. В. Тройченко

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word 2007

Системные требования:

ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб;
Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader;
интегрированная видекарта с памятью не менее 32 Мб;
CD или DVD привод оптических дисков;
экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь

Подписано к использованию 30.08.2022. 4,23 Мб. [П. л. 27,2].
Заказ 142. Электронное издание. Тираж 500

Издательско-полиграфический отдел
Костромского государственного университета
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17.
Тел. 49-80-84, e-mail: ipo@ksu.edu.ru

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание